

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор	Комлева Евгения Владиславовна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Заместитель главного редактора	Туманик Екатерина Николаевна <i>кандидат исторических наук</i> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Ответственный секретарь	Введенский Владимир Викторович Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Редакторы и ответственные секретари выпусков	Аблажей Наталья Николаевна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Потапова Наталья Анатольевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Ананьев Денис Анатольевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Резникова Мария Александровна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Дашинамжилов Одон Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Романов Роман Евгеньевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Журавлёв Вадим Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Савин Андрей Иванович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Кириллов Алексей Константинович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Семёнов Михаил Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Лапердин Вячеслав Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Чернова Ирина Сергеевна Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Петров Станислав Геннадьевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	
	■ Члены редакционной коллегии	Блаховска Катажина <i>профессор</i> Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша
Гагкуев Руслан Григорьевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории РАН, Москва, Россия		Ильинных Владимир Андреевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
Дай Цзяньбин <i>доктор исторических наук, профессор</i> Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай		Исупов Владимир Анатольевич <i>доктор исторических наук</i> Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
Данилович Вячеслав Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь		Кабульдинов Зиябек Ернуханович <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни

профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори

профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте

доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен

кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

доктор исторических наук **В.М. Рынков**
В.В. Введенский
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–8

From the Editor 9–10

■ История, идеология и политика

Е.С. Кравцова. «Имеет не только исторический, но и политический интерес»: россика в СССР в 1929–1941 годах 11–29

А.И. Савин. Вопрос о роли героической личности в истории в нарративе большевиков в 1920–1930-е годы 30–46

А.М. Дубровский. Идеологема «дружба народов» и историческая наука (1930–1950-е годы) 47–58

Л.А. Сидорова. Актуализация исторической памяти в годы Великой Отечественной войны: личностная мотивация советских историков 59–68

А.В. Корневский. А.Дж. Тойнби и «армянский вопрос»: политическая прагматика, нравственные принципы, личные мотивы 69–79

М. Меллина. Итальянские политики и историк Ренцо де Феличе (1929–1996): проблемы исторической памяти, политического и электорального климата (на английском) 80–89

Е.Ю. Калинина. Память и забвение как социальные конструкты в процессе трансформации государственно-правовой системы. На примере переходного периода от авторитарного режима к демократическому в Испании в 1976–1982 годы 90–102

Н.В. Гришина, В.А. Кламм. Узаконенное прошлое: роль историков в процессе выстраивания исторического нарратива (на примере Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России») 103–116

М.К. Чуркин, Н.И. Чуркина. Профессиональное сообщество историков и репрезентация исторических знаний в публичной сфере России конца XX – первой четверти XXI века 117–124

■ Вопросы историографии. Смена курса

В.И. Голдин. Взаимоотношения власти и историков в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России 125–138

Д.Н. Шевелев, И.Е. Рогачева. Гражданская война в России в исторической памяти и современных историографических нарративах: точки пересечения последнего десятилетия 139–156

В.И. Исаев. Историография быта рабочих СССР периода 1920–1930-х годов: от пропаганды к реальности 157–171

О.А. Махмудов, О.Г. Пуговкина. Революционные события 1917 года в Туркестане: смена парадигм и дискурсов в узбекистанской науке (конец 1980-х – 2020-е годы) 172–185

Д.Н. Москаленская. Историческая память о репрессиях сквозь призму современного школьного образования (2014–2024 годы) 186–195

■ **Организация научных исследований**

И.А. Шипилов. История академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII века в свете взаимоотношений власти и ученых 196–208

В.В. Тихонов. Документы Архива Российской академии наук о несостоявшемся общесоюзном совещании по подготовке многотомной «Истории СССР» и историй национальных республик (1933–1934 годы) 209–216

Т.К. Холматов. «Дело пострадало из-за личных отношений»: конфликт между уральскими историками при подготовке «Очерков истории Урала» (конец 1950-х – начало 1960-х годов) 217–226

А.С. Жанбосинова. Научно-исследовательские тренды исторической науки Казахстана 227–238

■ **Научная жизнь**

Д.О. Никулин. «Трансляция научных идей: проблемы и практики»: молодежная конференция в Институте истории СО РАН 239–241

Л.Л. Мехришвили, В.П. Карпов. Тюменская область: история края, современные проблемы, контуры будущего 242–246

Поздравляем с юбилеем Сергея Александровича Красильникова! 247

CONTENTS

From the Editor (*in Rus.*) 7–8

From the Editor 9–10

■ History, Ideology and Politics

E.S. Kravtsova. “It Has Not Only Historical but also Political Interest”:
Rossica in the USSR in 1929–1941 11–29

A.I. Savin. The Question of the Heroic Personality Role
in History and in the Bolshevik Narrative in the 1920s–1930s 30–46

A.M. Dubrovskiy. Ideologeme “Friendship of Peoples” and Historical Science (1930–1950) 47–58

L.A. Sidorov. Actualization of Historical Memory during the Great Patriotic War:
Personal Motivation of Soviet Historians 59–68

A.V. Korenevskiy. Toynbee and the “Armenian Question”:
Political Pragmatics, Moral Principles, Personal Motives 69–79

M. Mellina. Italian Politicians and the Historian Renzo De Felice (1929–1996):
Between Historical Memory and the Political and Electoral Climate (*in English*) 80–89

E.Yu. Kalinina. Memory and Oblivion as Social Constructs in the Transformation of the State-Legal
System: The Case of the Transition from Authoritarian Regime to Democracy in Spain (1976–1982) 90–102

N.V. Grishina, V.A. Klamm. Legalized Past: The Role of Historians
in the Construction a Historical Narrative (The Case of the Federal Law
“On the Days of Military Glory and Commemorative Dates of Russia”) 103–116

M.K. Churkin, N.I. Churkina. Professional Community of Historians and Representation of Historical
Knowledge of the Public Sphere in Russia in the Late 20th – First Quarter of the 21th Century 117–124

■ Historiography Issues. Change of View

V.I. Goldin. The Relationship Between the Authorities and Historians
in the Context of the Formation of Historical Memory about the Civil War in Russia 125–138

D.N. Shevelev, I.E. Rogaeva. Civil War in Russia in Historical Memory
and Contemporary Historiographical Narratives: Intersection Points of the Last Decade 139–156

V.I. Isaev. Historiography of the Everyday Life of Workers in the USSR in the 1920s–1930s:
From Propaganda to Reality 157–171

O.A. Makhmudov, O.G. Pugovkina. The Revolutionary Events of 1917 in Turkestan:
The Shift of Paradigms and Discourses in Uzbek Science (The End Of 1980s – Early 2020s) 172–185

D.N. Moskalenskaya. Historical Memory of Repression
through the Prism of Modern School Education (2014–2024) 186–195

■ **Organization of Scientific Research**

I.A. Shipilov. The History of Academic and Government Expeditions
to Siberia in the 18th Century in the Light of the Relationship between Government and Scientists 196–208

V.V. Tikhonov. Documents of the Archive of the Russian Academy of Sciences
on the failed All-Union Meeting on the Preparation
of the Multi-Volume “History of the USSR” and the Histories of National Republics (1933–1934) 209–216

T.K. Kholmatov. “The Work Was Suffered because of Personal Relationships”:
Conflict between Ural Historians in the Preparation of “Essays on the history of the Urals”
(“Ocherki Istorii Urala”) (Late 1950s – Early 1960s) 217–226

S.S. Zhanbosinova. Scientific Research Trends of Historical Science of Kazakhstan 227–238

■ **Scientific Life**

D.O. Nikulin. “Translation of scientific ideas: problems and practices”:
Youth Conference at the Institute of History of the SB RAS 239–241

L.L. Mekhrishvili, V.P. Karpov. Tyumen Region:
History of the Region, Modern Problems, Contours of the Future 242–246

Congratulations on the Anniversary of Sergey Alexandrovich Krasilnikov! 247

2024 · № 5 (37)

Тема номера:

«ИЗМЕНИМ ПРОШЛОЕ...»: ВЛАСТЬ И ИСТОРИКИ
В ПРОЦЕССЕ ВЫРАБОТКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ОТ РЕДАКТОРА

В наш быстро бегущий вперед век склонность профессиональных историков к рефлексии оборачивается стремлением оценить свое место в социальной системе. Конечно, понимание социальности знания лишь усиливает желание обобщить исторический опыт, как свой, родной, так и поучительный опыт «другого». Естественна привычка историка искать ответы на вопросы современности, раскрывая их генезис и последовательность этапов развития. Неслучайно в последние десятилетия растет количество исследований, в которых историческая наука, ее отдельные группы и представители предстают одним из множества акторов. Не претендуя на охват данной тематики в целом, мы выбрали для обсуждения одну из ключевых проблем: взаимодействие историков и власти в контексте деятельности по формированию исторической памяти. Постмодернистские повороты (постструктуралистский, лингвистический, культурный) вызвали перефокусировку взгляда от классической, привычной с советского времени историографии, к исследованию феномена исторической памяти, роли в ее формировании историков, политиков и разных групп общества, к анализу деятельности историка в столь различных полях узкопрофессиональной системы научных коммуникаций и публичных дискуссий; породили повышенное внимание к текстам – исследовательским, идеологическим, учебным и другим, к действиям и поведению профессионала, помещенного в глубоко фундированный анализ исторического контекста.

Прошлое с глубокой древности используется как орудие идеологической борьбы. Смена политических курсов всегда мотивируется иным, чем у предшественников, взглядом на прошлое, а мобилизация сторонников требует целенаправленной работы по корректировке коллективных представлений о прошлом. С появлением историков как профессиональной группы они неизменно вовлекались властью в процесс перековки исторической памяти. «Законы о памяти», принятые в последние десятилетия во многих странах мира, – наглядный пример того, как власть стремится регулировать подходы к прошлому посредством законодательства. В результате возникает проблема статуса исторического знания и роли историка как профессионала.

Предлагаем посмотреть на данную проблематику на пересечении нескольких предметных полей, таких как история исторической науки, проблема исторической памяти, история идеологии, политическая история, методология истории. Такой подход позволяет увидеть не только очевидное тематическое ядро, где отношения власти и историков испытывают наибольшее напряжение, но и тематическую периферию, связанную с различными путями адаптации профессионалов, градациями их конформистского поведения. Этот замысел нашел воплощение в международной научной конференции, проведенной Институтом истории СО РАН и редакцией журнала «Исторический курьер» 25–26 апреля 2024 г. Подготовленные на основе прозвучавших на ней докладов статьи как раз и составляют костяк данного номера. Однако, как часто бывает, не все докладчики написали статьи, но, в свою очередь, конференция и анонс номера получили отклик коллег, что позволило привлечь и других авторов.

Публикуемые материалы представлены в рамках трех разделов. Первый – «История, идеология и политика» – подразумевает анализ различных ракурсов использования исторических исследований в политических и идеологических целях, привлечения профессиональных историков к формированию исторической памяти или экспертизе проблем политики памяти. При всей изученности этих вопросов в журнале затро-

ноты совершенно новые, подчас неожиданные темы, предметы исследований, группы источников и подходы к их изучению. Вторая рубрика – «Вопросы историографии. Смена ракурса» – включает статьи, идущие к теме политики памяти от обзора историографии, при этом историографические источники авторы рассматривают в контексте политического развития обществ и раскрывают влияние политики на историографические процессы. И наконец, третий блок – «Организация научных исследований» – объединил статьи, посвященные вопросам организации науки, контактам ученых с государственными структурами. Предметом исследования стали воздействие власти на формы исследовательского процесса и, наоборот, влияние историков на приоритеты научной политики.

Предлагаемый вниманию читателей тематический номер «Исторического курьера» показывает, что рассматриваемая в нем проблема – взаимодействие власти и историков – остается актуальной для различных обществ независимо от политических режимов и институциональной среды, которые, однако, задают специфику форм и методов осуществления политики памяти и серьезно влияют на характер взаимодействия политиков и профессионального сообщества историков.

Естественно, что мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

*Выпускающий редактор
доктор исторических наук
Вадим Маркович Рынков*

<i>Выпускающий редактор</i>	доктор исторических наук В.М. Рынков
<i>Ответственный секретарь</i>	В.В. Введенский
<i>Корректор</i>	Т.В. Соболева
<i>Верстальщик</i>	В.В. Введенский
<i>Интернет-верстальщик</i>	К.А. Васильев

2024 · No 5 (37)

The Theme of the Issue:

**“LET'S CHANGE THE PAST...”: POWER AND HISTORIANS
IN THE PROCESS OF DEVELOPING HISTORICAL MEMORY**

FROM THE EDITOR

In our fast-moving age, the tendency of professional historians to reflect turns into a desire to assess their place in the social system. Of course, understanding the sociality of knowledge only strengthens the desire to generalize historical experience, both one's own, native, and the instructive experience of the “other”. The historian's natural habit is to seek answers to modern questions, revealing their genesis and the sequence of stages of development. It is no coincidence that in recent decades there has been a growing number of studies in which historical science, its individual groups and representatives appear as one of the many actors. Without claiming to cover this topic as a whole, we have chosen one of the key issues for discussion: the interaction of historians and authorities in the context of the formation of historical memory. Postmodernist turns (poststructuralist, linguistic, cultural) caused a refocusing of the view from classical historiography, familiar since Soviet times, to the study of the phenomenon of historical memory, the role of historians, politicians and different groups of society in its formation, to the analysis of the historian's activities in such different fields of a highly professional system of scientific communications and public discussions, generated increased attention to texts – research, ideological, educational and others, to the actions and behavior of a professional placed in a deeply grounded analysis of the historical context.

The past has been used since ancient times as an instrument of ideological struggle. A change of political course is always motivated by a view of the past different from that of its predecessors, while mobilization of supporters requires purposeful work to correct collective ideas about the past. With the emergence of historians as a professional group, they were invariably involved by the authorities in the process of forging historical memory. The “memory laws” adopted in recent decades in many countries of the world are a clear example of how the government seeks to regulate approaches to the past through legislation. As a result, there is a problem of the status of historical knowledge and the role of the historian as a professional.

We propose to look at this problem at the intersection of several subject fields, such as the history of historical science, the problem of historical memory, the history of ideology, political history, and the methodology of history. This approach allows us to see not only the obvious thematic core, where the relations between the authorities and historians are experiencing the greatest tension, but also the thematic periphery associated with various ways of adaptation of professionals, gradations of their conformist behavior. This idea was embodied in an international scientific conference held by the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and the editorial office of the Historical Courier magazine on April 25–26, 2024. The articles prepared on the basis of the reports presented at the conference form the backbone of this issue. However, as often happens, not all the speakers wrote articles, but, in turn, the conference and the announcement of the issue received feedback from colleagues, which made it possible to attract other authors.

The published materials are presented in three sections. The first one – “History, ideology and politics” – implies the analysis of various perspectives of the use of historical research for political and ideological purposes, the involvement of professional historians in the formation of historical memory or the examination of problems of memory politics. Despite all the previous studies of these problems, the journal covers completely new, some-

times unexpected, innovative topics, research subjects, groups of sources and approaches to their study. The second section is “Questions of historiography. A Change of perspective” – includes articles on the topic of memory politics from a review of historiography, while the authors consider historiographical sources in the context of political development of societies and reveal the influence of politics on historiographical processes. And finally, the third block – “Organization of scientific research” – combined articles on the organization of science, contacts between scientists and government agencies. The subject of the study was the influence of the government on the forms of the research process and, conversely, the influence of historians on the priorities of scientific policy.

The thematic issue of the Historical Courier offered to readers shows that the problem under consideration – the interaction between government and historians – remains relevant for various societies, regardless of political regimes and institutional environment, which, however, determine the specifics of the forms and methods of implementing memory policy and seriously affect the nature of interaction between politicians and the professional community of historians.

Naturally, the editorial board’s opinion may not coincide with the opinion of the authors of the articles.

Executive editor
Doctor of Historical Sciences
Vadim Markovich Rynkov

Executive editor

Executive secretary

Corrector

Layout designer

Web designer

Doctor of Historical Sciences V.M. Rynkov

V.V. Vvedenskiy

T.V. Soboleva

V.V. Vvedenskiy

K.A. Vasil’ev

Е.С. Кравцова*

**«ИМЕЕТ НЕ ТОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКИЙ,
НО И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС»:
РОССИКА В СССР В 1929–1941 ГОДАХ****doi:10.31518/2618-9100-2024-5-1
УДК 930(091);930(092)+323.329+94(47)*Выходные данные для цитирования:*
Кравцова Е.С. «Имеет не только исторический, но и политический интерес»: россика в СССР в 1929–1941 годах // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 11–29. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-01.pdf>

E.S. Kravtsova*

**“IT HAS NOT ONLY HISTORICAL
BUT ALSO POLITICAL INTEREST”:
ROSSICA IN THE USSR IN 1929–1941****

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-1

How to cite:
Kravtsova E.S. “It Has Not Only Historical but also Political Interest”: Rossica in the USSR in 1929–1941 // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 11–29. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-01.pdf>]

Abstract. The article examines the representation of rossica (testimonies of foreign writers about Russia) by historians and Bolshevik ideologists in the socio-political context of the USSR in 1929–1941. Based on the material of archives, periodicals, introductions and prefaces to rossica publications, it is shown how scientists adapted historical material to the authorities' ideas about the historical process and historical science. In 1929, the Archaeographic Commission began a project on the history of pre-Mongol Rus', involving the publication of rossica. In 1930, after the Bolsheviks gained control over the Academy of Sciences, the new deputy chairman of the commission, the Bolshevik S.G. Tomsinsky, approved the publication of rossica as part of the History of the Peoples of the USSR project. Published between 1934 and 1937, the rossica monuments demonstrated the historical advantage of the socialist system over the capitalist one, which was based on colonialism and “Great Russian chauvinism”. In 1936, B.D. Grekov, a historian and enthusiast for the publication of rossica, changed his approach to rossica, emphasizing its “political” significance, presenting it as a source of history of Rus/Muscovy/Russia's foreign policy relations. This led to the authorities using rossica to propagandise their foreign policy, for example, in the “historiographical wars” between the USSR and Nazi Germany in 1935–1939. However, at the turn of the 1930s–1940s, in the context of the “oblivion” of the Soviet-Nazi confrontation, the absence of new ideological paradigms, and the distancing of rossica from the History of the Peoples of the USSR project, S.A. Anninskiy, a Latinist historian specializing in translations of rossica in 1936–1941, experimented with new discourses in which the source could be published: from patriotic to traditional academic. The publication of rossica was interrupted by the Great Patriotic War and the post-war campaigns against “groveling before the West”. It was only after Stalin's death that rossica began to be published without regard for the socio-political context. Thus, in the early 1930s, the authorities regarded rossica as one of the instruments of the global ideological struggle between the socialist and capitalist worlds. By the end of the decade, they saw it as a political tool for solving the real foreign policy goals of the USSR. This reflects Stalin's desire to subordinate the humanities to practical tasks. Scientists who had been guided in their choice of sources for publication by constantly changing instructions from above, paradoxically found an opportunity for scientific experiments in the politically “stable” years of 1940–1941.

* Елена Сергеевна Кравцова, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kravtsova.kes@gmail.com

Elena Sergeevna Kravtsova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kravtsova.kes@gmail.com

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors” (FWZM-2024-0008).

Keywords: Rossica, History of the peoples of the USSR, medieval studies and renaissance studies in USSR, B.D. Grekov, S.G. Tom-sinskiy, S.A. Anninskiy, V.A. Bystryanskiy.

The article has been received by the editor on 14.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются представления о рос-сике (свидетельства иностранцев о России) историков и большевиков-идеологов в соци-ально-политическом контексте СССР 1929–1941 гг. На материале архивов, периодической печати, введений и предисловий к изданиям россики показывается, как ученые адаптировали исторический материал к представлениям власти об историческом процессе и исторической науке. В 1929 г. Археографическая комиссия утвердила проект по истории домонгольской Руси, подразумевавший публикацию россики. В 1930 г., после того как большевики установили контроль над Академией наук, новый заместитель председателя комиссии, боль-шевик С.Г. Томсинский, одобрил издание россики в рамках проекта «История народов СССР». Изданные в 1934–1937 гг. памятники россики демонстрировали историческое преимущество социалистического строя над капиталистическим, в основе которого лежали колониализм и «великорусский шовинизм». В 1936 г. Б.Д. Греков, историк, энтузиаст издания россики, изменил подход к ее изучению, акцентируя внимание на ее «политиче-ском» значении, представляя как источник истории внешнеполитических отношений Руси/Московии/России. Это привело к тому, что власти использовали россику для пропаганды своей внешней политики, например в «историографических войнах» между СССР и нацист-ской Германией в 1935–1939 гг. Однако на рубеже 1930–1940-х гг., в условиях «забвения» советского-нацистского противостояния, отсутствия новых идеологических парадигм и дистанцирования россики от проекта «История народов СССР», С.А. Аннинский, историк-латинист, специализирующийся на переводах россики в 1936–1941 гг., экспериментировал с новыми дискурсами, в которых можно было издать источник от патриотического до tradi-ционного академического. Издание россики было прервано Великой Отечественной войной и послевоенными кампаниями по борьбе с «низкопоклонством перед Западом». Только после смерти Сталина россику стали издавать без оглядки на социально-политический контекст. Таким образом, в начале 1930-х гг. власти рассматривали россику как один из инструментов глобальной идеологической борьбы между социалистическим и капиталистическим мирами. К концу десятилетия они стали видеть в ней орудие решения конкретных внешнеполитиче-ских задач СССР. Это отражало стремление Сталина подчинить гуманитарные науки практи-ческим задачам. Ученые, издатели россики, в 1930-е гг. ориентировавшиеся на постоянно меняющиеся указания сверху, в 1940–1941 гг. парадоксальным образом обрели в устано-вившейся стабильности требований возможность для научных экспериментов.

Ключевые слова: россика, история народов СССР, советская медиевистика, Б.Д. Греков, С.Г. Томсинский, С.А. Аннинский, В.А. Быстрянский.

Статья поступила в редакцию 14.07.2024 г.

Россика – это свидетельства иностранцев о событиях в России¹. Эта группа исторических источников интересна как специалистам, так и общественности, особенно тогда, когда в обществе назревает запрос на рефлексию над ролью России в мировой истории. В такие моменты, когда настоящее смотрится в прошлое как в зеркало, исторические источники становятся инструментами, обеспечивающими легитимность действиям власти, а историки вынуждены искать баланс между научными исследованиями и обслуживанием государственной идеологии.

Исследования россики в отечественной историографии проводились в нескольких направлениях: россика как объект исследования²; характеристика библиотечных и архивных собраний, цифровых коллекций³; исследования публикаций россики⁴. Автор данной статьи предлагает сменить исследовательскую оптику и рассмотреть представления о россике в социокультурном пространстве советского общества в сталинский период в контексте взаимодействия власти и историков⁵.

В качестве исторических источников, кроме архивных материалов, были использованы предисловия издателей и введения переводчиков к памятникам россики, изданным и подготовленным к публикации в рассматриваемый период. Эти «установочные» тексты рассматриваются как своего рода «контракт», заключенный между властью, издателем и переводчиком. С одной стороны, они должны были объяснять, как правильно читать текст источника, и при этом отражать взгляды власти на исторический процесс. С другой стороны, они помогали пропустить в публичное поле перевод, выполненный обычно высококвалифицированными «старыми» специалистами или их учениками.

Далее в статье будут рассмотрены стратегии издания памятников россики в период с 1929 по 1941 г., за исключением известий иностранцев о Сибири и свидетельств восточных авторов о СССР, представляющих отдельную тему для исследования⁶. Предполагается также показать, как переводчики и издатели россики 1930-х гг. публиковали исторические источники в условиях давления со стороны властей, навязывающих историкам свои представления об истории, зависящие от социально-политической обстановки в СССР.

Россика привлекла внимание ученых и общественности в XIX в. В 1850 г. в Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге открылось отделение «Россика». Его комплектование завершилось в 1930 г.⁷ С 1841 по 1904 г. критическое издание памятников россики осуществляла Археографическая комиссия⁸. На рубеже XIX–XX вв. россику, переведенную профессиональными учеными, выпускали издательства популярной литературы.

¹ Термин ведет свое происхождение от названия одной из коллекций Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (ныне Российская национальная библиотека – РНБ): Коллекция Россика // РНБ. Ресурсы. Фонды и коллекции. Иностраный книжный фонд [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA2336/kolleksiya-rossika (дата обращения: 08.07.2024). Под россикой также понимается наследие, оставленное русскими за рубежом (так называемая «зарубежная россика»). О ней см., напр.: *Ловцов А.С.* Зарубежная архивная россика в исследованиях российских архивистов (1992–2017 гг.) // История и архивы. 2019. № 3. С. 63–74.

² См., напр.: *Трояк И.С.* Польская историческая россика второй половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 31–34; *Заиченко О.В.* “Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «другой» в период реставрации на основе путевых дневников немецких путешественников // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 94–122.

³ См., например: Коллекция «Россика» в Российской национальной библиотеке: вопросы раскрытия: науч. чт., посвящ. 150-летию создания отделения «Россика» (Санкт-Петербург, 20 сентября 2000 г.). СПб., 2002.

⁴ *Шаркова И.С.* Археографическая комиссия и издание иностранных источников о России (Из истории публикации тургеневских актов) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX. С. 303–309.

⁵ О влиянии Сталина на генезис исторических концепций см.: *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. О контроле власти над исторической наукой и образами прошлого см.: *Тихонов В.В.* Полезное прошлое: история в сталинском СССР. М., 2024.

⁶ См., например: Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932–1936. Т. 1, ч. 1–2; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., Л., 1939.

⁷ Коллекция Россика // РНБ. Ресурсы. Фонды и коллекции. Иностраный книжный фонд [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA2336/kolleksiya-rossika (дата обращения: 08.07.2024).

⁸ *Шаркова И.С.* Археографическая комиссия... С. 303–309.

С началом Первой мировой войны выпуск россики приостановился. Но уже в 1925 г. в независимом издательстве М. и С. Сабашниковых вышли «Записки» Генриха фон Штадена, иностранца-опричника при дворе Ивана Грозного⁹. Книга, дающая новые сведения об опричнине, вышла на волне постреволюционной ревизии истории России XVI в. с академических, немарксистских позиций.

В 1929 г. в Академию наук поступила докладная записка, в которой Б.Д. Греков (1882–1953), член Археографической комиссии с 1921 г., и С. Чернов, член комиссии в 1929 г.¹⁰, предлагали программу по изучению истории народов Восточной Европы и русского государства с III по XIII в. Авторы записки рассматривали «вневосточноевропейские» свидетельства о народах Восточной Европы как ценное дополнение к отечественным источникам, поскольку русское государство создавалось в неразрывных связях с соседними народами, строившими свою государственность¹¹.

19 декабря 1929 г. Археографическая комиссия поддержала проект по изданию византийских, западно-европейских и восточных памятников по «истории древнейшего периода Руси»¹². Переводить и комментировать памятники должны были сотрудники Библиотеки Академии наук (БАН)¹³. Есть все основания предполагать, что одним из них был А.И. Малеин (1869–1938), российский и советский филолог-классик, историк книги, опытный переводчик россики¹⁴. В 1929 г. Малеин подготовил перевод «Истории готв» Иордана, историка VI в.¹⁵ В 1930 г. его коллега С.А. Аннинский (1891–1942)¹⁶, латинист, палеограф и архивист, приступил к переводу «Хроники» Титмара, епископа Мерзебургского, германского хрониста X – начала XI в.¹⁷

Однако в 1929 г. развернулось «Академическое дело» (1929–1931), в ходе которого большевики установили контроль над Академией наук и ее комиссиями. Начиная с этого момента, историки пытаются адаптировать свои исследования, в том числе в области россики, к представлениям власти об историческом процессе.

Период 1929–1941 гг. можно разделить на три этапа. В 1929–1936 гг. историки стремились вписать переводы россики в марксистскую концепцию, разработанную М.Н. Покровским (1868–1932), историком-марксистом и политиком. В 1936–1939 гг. историки пытались соответствовать «прагматичной политике» И.В. Сталина, что привело к политизации россики. В 1939–1941 гг. наметилась тенденция к деполитизации источников. Историки искали новые дискурсы, которые были бы удобны как для власти, так и для академических историков.

16 декабря 1929 г. С.Г. Томсинский (1894–1938)¹⁸, член РСДРП(б) с 1917 г., сотрудник Наркомпроса, стал заместителем председателя Археографической комиссии АН СССР. Ее номинальным главой с 5 апреля 1930 г. был М.Н. Покровский. В 1931 г. Комиссия была реорганизована в Историко-археографический институт (ИАИ). Томсинский возглавлял его с 1933 по 1935 г. 30 января 1930 г. новое руководство поддержало решение об издании россики, которое комиссия приняла в прежнем составе в 1929 г. Томсинский предложил

⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. М., 1925.

¹⁰ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 76.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л. 68.

¹³ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков... С. 73.

¹⁴ О нем как переводчике россики см.: *Смышляева В.П.* Малеин Александр Иустинович (Юстинович) // *Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т.* СПб., 2021. Т. II. С. 483–484.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

¹⁶ Об Аннинском см.: *Румынская М.Н.* Аннинский Сергей Александрович // *Сетевой библиографический словарь сотрудников ЛОИИ АН СССР – СПбИИ РАН «Летопись в лицах»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/anninsky-s-a/> (дата обращения: 14.06.2024).

¹⁷ *Алпатова В.Д.* Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // *Археографический ежегодник за 1973 г.* М., 1974. С. 242.

¹⁸ В 1935 г. Томсинский был обвинен в содействии троцкизму, арестован в 1936 г. Точная дата его гибели неизвестна: или 11 октября 1936 г., или 1938 г. (Томсинский Семен (Симха) Григорьевич // *Сетевой ресурс «Историки Петрограда–Ленинграда» (1917–1934)* [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1374-tomsinskiy-semen-simkha-grigor-yevich.html> (дата обращения: 14.06.2024).

«организовать разыскание исторических материалов, касающихся России, в Западной Европе, для чего могут быть использованы как Международный Исторический Комитет, так и наши ученые, командируемые за границу»¹⁹. Но если в 1929 г. памятники россики предполагалось издавать в рамках программы по изучению истории народов Восточной Европы и русского домонгольского государства в III–XIII вв., то в 1930 г. россика стала частью проекта «История народов СССР» в XV–XVIII вв.²⁰ Смена исторического периода и предмета исследования была связана с представлениями большевиков об историческом процессе. Они мыслили историю не столько как науку, сколько как инструмент пропаганды.

История народов СССР, точкой отсчета которой стал «докапиталистический» период XV–XVIII вв., помещалась в контекст идеологических войн. Томсинский утверждал, что «Курс истории народов СССР в основном должен ответить на вопрос: почему в нашей стране раньше, чем где бы то ни было, победила диктатура пролетариата»²¹. Большевики рассматривали массив источников по отечественной истории как оружие по борьбе пролетариата с буржуазией и с буржуазными историками, которые «“делали” науку, чтобы укрепить господство эксплуататорских классов»²².

Стремление руководства ИАИ углубиться в «докапиталистическую» историю народов СССР было обусловлено и человеческим фактором. 9 апреля 1932 г. на заседании директрата Института истории Коммунистической академии (Комакадемии) Томсинский делился опытом реорганизации академической Археографической комиссии в марксистский институт. Основная сложность заключалась в том, что коллектив в основном состоял из специалистов по «истории феодализма и крепостничества», для которых моментальный переход на более актуальную для историков-марксистов историю XIX в. был затруднителен²³.

Для обоснования финансирования «несовременного» института Томсинский использовал идеологический аргумент: «Любую проблему следует связывать с текущим социалистическим строительством. Например, история народов СССР, история пролетариата – темы сугубо актуальные»²⁴. Он утверждал, что буржуазные историки искажали историю. Поэтому специалисты института писали историю заново, «по-марксистски»: «До сих пор у нас нет истории народов СССР <...> Буржуазия не могла создать истории народов СССР. До сих пор не было опубликовано даже соответствующего материала»²⁵.

В 1934 г. вышло первое из изданий россики, инициированное ИАИ: сведения немецкого дворянина Альберта Шлихтинга (ум. 1570) об опричнине Ивана Грозного. Соответственно тезисам Томсинского, сведения Шлихтинга должны были дать «повод пересмотреть ряд положений... выдвинутых нашей исторической наукой, обслуживающей классовые интересы общества и не способной понять насыщенного событиями времени Грозного»²⁶. Оригинал «Сказания» хранился в Ватиканском архиве. В ИАИ по запросу были высланы фотокопии²⁷.

Свидетельство Шлихтинга об ужасах опричнины появилось в переходный период в истории советской исторической науки. В качестве основной парадигмы исторического исследования еще применялась концепция торгового капитализма М.Н. Покровского, для которой была характерна установка на негативное восприятие феодальной и капиталистической России. Но в 1933–1934 гг., незадолго до массовых политических репрессий конца

¹⁹ СпбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1214. Л. 11–15.

²⁰ Там же. Л. 13–15, 24. В 1933 г. вышли материалы для библиографии по истории народов СССР, в которых издания россики занимали отдельное место (*Вознесенский С.В.* Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI–XVII вв. Л., 1933. С. 10–12).

²¹ *Томсинский С.Г.* Надо знать историю СССР // Ленинградский университет. 1934. № 26. С. 2.

²² Там же.

²³ *Томсинский С.Г.* О работе историко-археографического института Академии наук СССР // Историк-марксист. 1932. № 4–5. С. 354.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 352.

²⁶ Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. 4-е изд. Л., 1935. С. 12.

²⁷ Там же. С. 4.

1934–1938 гг., на историческую науку и, в частности, на историю народов СССР обратил пристальное внимание И.В. Сталин, инициировавший «патриотический поворот» в исторической науке. Директивные установки Сталина 1933–1936 гг. значительно изменили ее развитие.

В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по “Истории СССР”» (8 августа 1934 г.) Сталин требовал переключить внимание от истории «Великороссии» на «аннексионно-колониаторскую роль русского царизма» в становлении колониальной системы²⁸, и вообще не отрывать историю России от «истории других народов СССР – это во-первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, – это во-вторых»²⁹.

Для решения этих задач идеально подходила серия «Иностранные путешественники о России» (1935–1937). Ее инициатором, вероятно, был Б.Д. Греков³⁰, энтузиаст издания россики. Книги серии содержали свидетельства западноевропейских купцов – голландцев, англичан, которые прокладывали торговые пути и налаживали экономические связи с Россией и восточными государствами. Эти свидетельства рассматривались в контексте становления колониальной системы в Западной Европе и в России. Они также давали новые сведения о будущих народах СССР, с которыми купцы встречались в своих экспедициях.

Книга «Три путешествия» Яна Янсена Стрейса, голландского купца XVII в., была опубликована в 1935 г. под редакцией С.А. Пионтковского (1891–1937), историка-марксиста, арестованного в 1936 г. и расстрелянного в 1937 г. Введение к книге было написано в рамках исторической концепции Покровского³¹. Не были обойдены вниманием и установки Сталина³². Свидетельство Стрейса помещалось в контекст становления капиталистической колониальной системы в Западной Европе и в феодальной крепостнической России, во главе которой стояла Москва. Особое внимание уделялось сведениям о «восстаниях народных масс» в «докапиталистической» России³³.

Однако на 1936 г. пришлись серьезные перемены в отношениях между историками и властью, что не могло не повлиять на издания россики.

К началу 1936 г. был пройден очередной этап реорганизации исторических институтов и их централизации. Институт истории АН СССР (ИИ АН СССР) в Москве возглавил Н.М. Лукин (1885–1940), историк-марксист, последний директор Института истории Комкадемии. Во главе Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) встал Б.Д. Греков.

«Центральный комитет партии большевиков и персонально тов. Сталин» вновь поставили перед историками страны в целом³⁴ и перед Археографическим сектором в Москве в частности³⁵ задачу: написать многотомную марксистскую историю народов СССР. Задача осложнялась тем, что на 1936 г. пришлось уничтожение школы Покровского и дискредитация его исторической концепции, а новая концепция еще разрабатывалась под жестким контролем власти³⁶. Растерянность историков, в 1936–1937 гг. находившихся под посто-

²⁸ О сосуществовании в конце 1920-х – начале 1930-х гг. взаимоисключающих указаний со стороны власти вести борьбу с «великорусским шовинизмом» и подчеркивать «государственный компонент» см.: Тихонов В.В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е гг. // Россия и современный мир. 2023. № 4. С. 173.

²⁹ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 1936. № 26. С. 2. О позиции Сталина в 1933–1934 гг. см.: Дубровский А.М. Историк и власть... С. 192.

³⁰ Штаден Г. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 22.

³¹ См., например, упоминание о торговом капитале: Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 12–13.

³² «Буржуазно-дворянская историография подходила к тем, кого она вслед за колониальными завоевателями называла “инородцами”, как к объекту “культурной миссии великорусского племени” <...> игнорировала их в своей великодержавной шовинистической науке» (Стрейс Я.Я. Три путешествия... С. 22).

³³ Там же. С. 18.

³⁴ Горбунов Н.П. Академия Наук СССР на переломе // Вестник АН СССР. 1936. № 6. С. 6.

³⁵ Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. М., 2016. Вып. 1. С. 15.

³⁶ Дубровский А.М. Историк и власть... С. 269–293.

янным идеологическим и репрессивным давлением, отразилась на второй и третьей книгах серии «Иностранцы путешественники...».

В 1937 г. был опубликован сборник «Английские путешественники XVII в.», подготовленный историко-археографическим сектором ИИ АН СССР³⁷. С одной стороны, издатели, применив элементы концепции Покровского³⁸, вписывали свидетельства английских купцов в контекст колониальной и экономической истории России³⁹. Однако полностью опираться на эту концепцию они не могли и поэтому применили прагматичный подход: в установочный текст были включены идеологемы 1930-х гг., такие как «социалистическая стройка», «новый советский человек». Антигерои прошлого⁴⁰ противопоставлялись героям настоящего, величайшим из которых был Сталин⁴¹. Эпоха Великих географических открытий XVI в., по мнению издателей, способствовала становлению колониальной системы и новому витку экономического цикла капитализма. Антитезой событиям XVI в. выступала современная эпоха начала строительства социализма с ее первооткрывателями.

В том же «героическом» контексте годом ранее было опубликовано сочинение нидерландского мореплавателя Геррита де-Фер о плаваниях Виллема Баренца в XVI в.⁴² Книга вышла в серии «Полярная библиотека». Ее редактор, профессор В.Ю. Визе (1886–1954), выдающийся советский полярный исследователь, связывал «плавания» и завоевание Северного морского пути советским человеком: экспедиции Баренца XVI в. как бы предшествовали подвигам экипажей «Сибирякова», «Челюскина» и «Литке» в XX в.⁴³ В данном случае издание исторического памятника XVI в. позволяло не противопоставить, а присвоить историю Западной Европы через ее выдающихся личностей.

Третья и последняя книга серии «Иностранцы путешественники...» – «Краткое известие о Московии в начале XVII в.» Исаака Массы – вышла в том же 1937 г., что и вторая, но отдельно от проекта «История народов СССР». Переводчик А.А. Морозов (1906–1992), советский литературовед, лишь частично вписывал книгу в исторический контекст⁴⁴.

Более приспособленной к изменившимся обстоятельствам была серия «Известия иностранцев о народах СССР» (1936–1938). Ее инициатором стал Б.Д. Греков. Серия выходила под грифом ИИ АН СССР. Основным переводчиком стал С.А. Аннинский.

4 мая 1936 г. Греков собрал в Москве советских археографов и историков, чтобы обсудить проект издания летописей и актов по отечественной истории⁴⁵. Среди прочего, Греков предложил включить в проект новую серию россики из «материалов отошедших областей», которая ранее готовилась независимо от обсуждаемой инициативы: «Мы сейчас включаем (в проект подготовленные ранее переводы. – Е. К.), но у нас независимо от этого предпри-

³⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 26.

³⁸ Там же. С. 7, 21.

³⁹ Там же. С. 22–23.

⁴⁰ «...Все это не могло не толкать к попыткам нахождения морских путей, связывающих каждый из городов Западной Европы с далекими странами юга и юго-востока Азии, о богатствах которых ходили в Западной Европе XVI в. <...> рассказы, разжигавшие алчные аппетиты английских, французских, итальянских и шведских купцов, испытывающих глубочайшую зависть к пресловутым “героям” испанской и португальской конкисты – Кортесу, Писарро, Альбукерку, Альмейде и другим типичным представителям грабительских колониальных “подвигов” эпохи первоначального накопления» (Английские путешественники в Московском государстве... С. 11).

⁴¹ «...То, что оказалось несбыточной мечтой для Англии XVI в. и всех последующих периодов в изучении Арктики, стало реальной возможностью в итоге планомерной борьбы за освоение Арктики, проводимой нашими героическими моряками-полярниками и летчиками под победоносным руководством партии и великого вождя народов СССР товарищ Сталина, поднявших нашу чудесную страну до небывалого уровня развития техники и культурного роста» (Английские путешественники в Московском государстве... С. 19).

⁴² *Геррит Де-Фер*. Плавание Баренца. Л., 1936.

⁴³ «...Эти корабли еще раз доказали, что многие задачи, казавшиеся неосуществимыми до пролетарской революции, успешно разрешаются в условиях социализма. <...> Много славных имен связано с исследованием Северного морского пути, и эти имена советские люди всегда будут чтить. К их числу принадлежит и имя Виллема Баренца, голландского морехода конца XVI в.» (*Геррит Де-Фер*. Плавание Баренца... С. 3).

⁴⁴ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 8.

⁴⁵ *Греков Б.Д.* Письма (1905–1952). М., 2019. С. 234, 236.

ятия ряд работ пущен: и “скрипторис экстерис”⁴⁶, и между прочим Меховский – Польша – мы пустили в типографию такую работу “...”⁴⁷ Издается “Московское государство и татары”⁴⁸, “Генрих Латыш”, литовские хроники⁴⁹. Они подготовлены к печати. Заканчивается только введение. Затем – Иордан готовится к печати...⁵⁰ Вот эти летописи смежных народов, отошедших от нас, они так тесно связаны со всей нашей историей, что, конечно, их включить нужно и мы такую серию и делаем»⁵¹.

«Издательский портфель» новой серии свидетельствовал о существенном увеличении временного охвата проекта «История народов СССР»: «История готов» и «Хроника Ливонии» были написаны в VI и XIII вв. соответственно. Греков следовал указаниям Сталина, который в 1933–1934 гг. поручил советским историкам переосмыслить марксистским методом все историческое наследие прошлого, необходимое для воспитания «сознательных строителей бесклассового, социалистического общества»⁵². С одной стороны, власть открывала историкам доступ ко всему историческому процессу. С другой стороны, для Сталина, как и для большевиков-идеологов 1920-х – первой половины 1930-х гг., первичным было не изучение истории как таковой, а актуальность и польза прошлого для пропаганды в текущей социально-политической обстановке⁵³.

Первая книга серии, «Трактат о двух Сарматиях», была написана Матвеем Меховским, польским гуманистом XVI в. «Трактат», согласно Грекову, служил источником сведений не только о народах СССР, но и о политических отношениях между Москвией и ее ближними и дальними западными соседями в XVI в.

Книга была подготовлена Грековым и Аннинским к публикации в начале лета 1935 г.⁵⁴ Следовательно, «Трактат» Меховского был задуман к изданию около 1933–1934 гг., когда отношения между Польшей и СССР перешли от доброжелательных к натянутым. 26 января 1934 г. Польша и нацистская Германия заключили мирный пакт. Это усилило напряженность в отношениях между Польшей и СССР, подписавших двумя годами ранее договор о ненападении (25 июля 1932 г.).

В отличие от историков школы Покровского, которые оценивали царскую Россию исключительно негативно во все моменты ее истории, Греков написал предисловие к трактату в русле «патриотического поворота». Греков выделял в трактате польского гуманиста свидетельства эволюции Московии от феодальной раздробленности к «сильному централизованному государству»⁵⁵, которое «весьма определенно поставило перед собой задачи, далеко не безразличные для Западной Европы и прежде всего для Польши и Литвы»⁵⁶. Во введении переводчика Аннинский отмечал значимость трактата как источника сведений для изучения истории народов СССР⁵⁷, подчеркивал и обосновывал ключевые тезисы, выдвинутые Грековым.

⁴⁶ Искаженное лат. *scriptores exteri* (иностранцы писатели).

⁴⁷ В подлиннике пропуск. Имеется в виду: *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

⁴⁸ Вероятно, имелась в виду монография А.Н. Насонова, вышедшая в 1940 г.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.

⁴⁹ *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938.

⁵⁰ Скорее всего, речь идет о переводе А.И. Малеина (СПбФ АРАН. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 23). О нем см. ниже.

⁵¹ Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1577. Оп. 5. Д. 34. Л. 35–36.

⁵² Историческую науку на уровень великих задач (Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 5–6.

⁵³ «В речи на Всесоюзном съезде колхозников-ударников т. Сталин... показал значение изучения революций рабов, революций крепостных крестьян для понимания Октябрьской революции. Тов. Сталиным неоднократно вскрывалось значение изучения “истории старой России”, наконец на XVII съезде партии т. Сталин дал прекрасный пример того, как история гибели старого Рима превращается в руках большевика-ленинца в острейшее орудие борьбы с “расовой теорией” современного фашизма» (Историческую науку на уровень великих задач... С. 6).

⁵⁴ *Греков Б.Д.* Письма... С. 229.

⁵⁵ *Матвей Меховский*. Трактат... С. VII.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 40.

Введение завершалось коротким утверждением, что в некоторых своих взглядах Матвей Меховский «удивительно совпадает с выводами или конъюнктурами наиболее передовых исследований нашего времени. Мы имеем в виду своеобразную трактовку Меховским готского вопроса в противовес Иордану (и, следовательно, нынешней фашистской историографии) и его положение об автохтонности славян на территории Восточной Европы»⁵⁸.

Тезис о противостоянии фашистской и советской историографии отсутствовал в предисловии Грекова. Он был сформулирован годом ранее, в резолюциях VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала (Коминтерна), проходившего 25 июля – 20 августа 1935 г.: «Коммунисты должны всемерно бороться с фашистской фальсификацией истории народа, делая все, чтобы исторически правильно и в подлинно ленинско-сталинском духе освещать перед трудящимися массами прошлое их собственного народа...»⁵⁹.

Коминтерн, международная организация, объединяющая коммунистические партии со всего мира, был создан в 1919 г. для подготовки и координации мировой революции. С 1933, в сотрудничестве с Политбюро ЦК ВКП(б), и после 1935 г., под контролем Сталина⁶⁰, Коминтерн ставил задачу стать координатором антифашистских сил всего мира, сплотить вокруг СССР коалицию разных стран для коллективной защиты от фашистской угрозы и будущей войны⁶¹.

Идея политического и идеологического противостояния фашистской Германии и СССР пронизывала все уровни сталинской пропаганды в период с 1933 по 1939 г. Она дополняла и усиливала образ СССР как «осажденной крепости», одной из составляющих парадигмы социальной мобилизации в сталинском обществе⁶².

В меняющихся обстоятельствах концепция проекта «История народов СССР» и, соответственно, концепция россики не могли остаться прежними. В 1938 г. вышла вторая книга серии «Известия иностранцев...»: «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского. Основанием для ее публикации стало противостояние между нацистской Германией и СССР в Прибалтике.

Предисловие к книге написал второй после Грекова ответственный редактор серии – В.А. Быстрянский (1886–1940), партийный функционер, историк-марксист и идеолог нового, сталинского поколения⁶³. Он вступил в РСДРП в 1907 г., возглавлял Ленинградский институт истории ВКП(б), 26 января 1936 г. стал членом Комиссии по пересмотру и коренному улучшению учебников по истории СССР и Новой истории⁶⁴.

Предисловие Быстрянского открывалось тезисом об историческом и моральном праве СССР на земли Прибалтики. Октябрьская революция в прошлом освободила прибалтийские народы от гнета помещиков. Но в настоящем времени прибалтийские рабочие боролись с агентами фашизма, особенно многочисленными среди «остзейских немцев». Целью последних было вернуть утерянное после Октябрьской революции наследие «немецкого ордена»⁶⁵. О Ливонском ордене и его деяниях на прибалтийских землях в XIII в. повествовала «Хроника» Генриха Латвийского, имеющая «не только исторический, но и политический интерес»⁶⁶. В основе предисловия Быстрянского лежало противопоставление лжи и лицемерия (фашисты и остзейские немцы, опирающиеся на память о крестоносцах) – правде и силе (Советский союз и трудящиеся Прибалтики, потомки угнетенных крестонос-

⁵⁸ Матвей Меховский. Трактат... С. 40.

⁵⁹ Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Резолюция по докладу тов. Димитрова, принятая VII Конгрессом Коминтерна 20 августа 1935 г. // Правда. 1935. № 238. 29 авг. С. 2.

⁶⁰ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: документы. М., 2004. С. 14–16.

⁶¹ Решения Коминтерна станут решениями миллионов // Правда. 1935. № 238. 29 авг. С. 1.

⁶² Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 527–528.

⁶³ О нем см.: Быстрянский (Ватин) Вадим Александрович // Сетевой ресурс «Историки Петрограда-Ленинграда» (1917–1934) [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3283-bystranskij-vatin-vadim-aleksandrovic.html> (дата обращения: 16.06.2024).

⁶⁴ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР // Правда. 1936. № 26. 27 янв. С. 2.

⁶⁵ Генрих Латвийский. Хроника... С. VIII.

⁶⁶ Там же. С. XI.

цами народов)⁶⁷. В духе резолюций VII Коминтерна Быстрянский указывал, что германские национал-социалисты, опираясь на «Хронику», обосновывали притязания на Прибалтику историческими доводами, «воспоминаниями о покорении Прибалтики немцами в начале XIII столетия»⁶⁸. Быстрянский обличал «наследников крестоносцев», которые лицемерно обещали мир, но подразумевали войну: вначале странам Прибалтики, а затем «цветущей Советской стране»⁶⁹.

Между тем, указывал Быстрянский, советские историки выявили в «Хронике» свидетельства давней исторической дружбы между русскими и прибалтийскими народами: «Очень интересно то, что из сопоставления отдельных сообщений хроники можно сделать вывод, что местное население больше симпатизировало русским, чем завоевателям – немцам»⁷⁰. Автор хроники «как будто предвидит» будущее поражение крестоносцев от Александра Невского⁷¹, чей образ, наравне с образами Ивана Грозного и Петра I, стремительно входил в патриотический дискурс второй половины 1930-х гг.⁷²

Исторические факты Быстрянский черпал из введения к «Хронике» переводчика С.А. Аннинского. Последний включил во введение историографический обзор, который подтверждал тезис Быстрянского о том, что фашистская Германия стремилась вовлечь новые государства в свою орбиту и потому искала исторические обоснования своим намерениям⁷³.

В августе-сентябре 1939 г. между СССР и Германией был подписан пакт о ненападении. В секретной части пакта определялись сферы интересов обеих стран в Восточной Европе и Прибалтике. В сентябре 1939 г. Германия и СССР разделили Польшу. В 1940 г. к СССР были присоединены страны Прибалтики, Бессарабия, Северная Буковина, часть Финляндии. Критика фашизма постепенно исчезла из публичного поля.

Как представляется, в этот период взгляды власти на историю, особенно со стороны Сталина, остались в рамках, сложившихся к 1939 г.: крайняя политизация исторического процесса, постоянная привязка исторических событий к социально-политической обстановке. Функционеры от науки настолько часто цитировали идеи Сталина об историческом процессе, что к 1939 г. они выделились, не без указания сверху, в отдельный объект изучения. Характеризуя «сталинский этап в развитии науки», В.М. Молотов (1890–1986), нарком иностранных дел СССР, указывал, что «роль методологических установок и конкретных указаний товарища Сталина в области всеобщей истории и истории СССР настолько велика, что эти установки и указания являются исходным пунктом нового этапа в развитии исторической науки»⁷⁴.

Памятники россики, которые были опубликованы и подготовлены к изданию в период с 1939 по 1941 г., демонстрируют новую и неожиданную перемену в отношениях между историками и властью. С одной стороны, сохранился прикладной характер россики. Источники издавались и интерпретировались в соответствии с внешнеполитическими интересами советского правительства. С другой стороны, намечалась тенденция к деполитизации россики. Кроме того, россика начала расходиться с проектом «История народов СССР».

В предисловиях к переводам россики в журнале «Исторические записки» (1940) С.А. Аннинский обходил молчанием их политико-идеологический контекст. Они подавались исключительно как исторический источник для научного исследования. Описания народов

⁶⁷ О бинарных конструкциях типа «мы – они», характерных для пропаганды внутри мобилизационных тоталитарных режимов, см.: Социальная мобилизация... С. 526.

⁶⁸ Генрих Латвийский. Хроника... С. XI.

⁶⁹ Там же. С. XIV.

⁷⁰ Там же. С. XV.

⁷¹ Там же. С. XIV–XV.

⁷² О патриотическом дискурсе и влиянии антифашистской пропаганды в СССР на реабилитацию образа Александра Невского во второй пол. 1930-х гг. см.: Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 278–302.

⁷³ Генрих Латвийский. Хроника... С. 65–67.

⁷⁴ Молотов В.М. Сталинский этап в развитии науки // Вестник АН СССР. 1939. № 11–12. С. 22.

СССР, сделанные иностранцами, представляли научный интерес, «любопытный факт в истории науки» и не более, но не менее того⁷⁵.

В 1941–1942 гг. должна была выйти «Хроника» Титмара Мерзебургского, над которой Аннинский начал работать еще в 1930 г. Главным редактором книги, как и всех остальных книг серии «Известия иностранцев...», был Греков⁷⁶. Но и предисловие, и введение к «Хронике» были написаны переводчиком. Предисловие не содержало политической информации. Во введении Аннинский почти не уделил внимания политическим взглядам Титмара⁷⁷. Только на последних страницах можно найти обоснование актуальности хроники. По мнению Аннинского, она заключалась в истории германо-польских отношений и, более широко, отношений между германцами и славянами в X в.⁷⁸

Заметим, что введение к переводу «Хроники» не содержало ни одного упоминания о проекте «История народов СССР». Лишь в конце введения Аннинский указывал, что «если для истории западных славян и Польши Титмар оказывается уникальным по ценности источником, то и для истории Киевской Руси, не будучи единственным вообще, остается первоклассным по ценности»⁷⁹.

Тенденция к расхождению россики с проектом «История народов СССР» проявилась еще во введении к «Хроникам Ливонии». Аннинский оговаривал, что источник свидетельствовал не только о народах, входивших в СССР, но и о народах сопредельных стран, и о западноевропейской средневековой религиозной культуре вообще⁸⁰.

Не упоминалось о проекте и во вводной статье к «Истории десятилетней шведско-московитской войны» Юхана Видекинда, шведского историка XVII в.⁸¹ В.Г. Гейман (1887–1965), сотрудник ЛОИИ, писал в статье, что комментированный перевод книги был предпринят ИИ АН СССР «при возрастающем в последнее время интересе к изучению шведско-русских отношений...»⁸².

С началом Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в Швеции началась активная кампания по оказанию финансовой и военной помощи Финляндии⁸³. В напряженной внешне-политической обстановке советские историки подготовили к публикации источник XVI в., во введении к которому представили Швецию как агрессора по отношению к Московии. Следуя схеме, опробованной в «Хронике Ливонии», переводчики «Истории» В. Видекинда восстанавливали «объективную» историческую картину, разоблачали ложь шведского историка, описывающего «справедливую войну» Швеции против России, а на деле – захватническую интервенцию⁸⁴.

⁷⁵ Аннинский С.А. Франческо Тьеполо. Рассуждения о делах Московии 1560 г. // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III. С. 324.

⁷⁶ Первоначально сдать «Хронику» в печать планировалось 1 июня 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 38). Однако 18 июня 1941 г. из ЛОИИ в ИИ был отправлен запрос о включении «Хроники» в очередь на печать «хотя бы на 1942 г.» (Там же. Л. 135).

⁷⁷ «Вообще же, как отмечалось, нет никаких оснований считать его знатоком политических глубин, самостоятельным политическим мыслителем, автором или пропагандистом какой-нибудь цельной политической теории...» (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 49).

⁷⁸ Там же. Л. 87–92.

⁷⁹ Там же. Л. 91.

⁸⁰ Генрих Латвийский. Хроника... С. 64.

⁸¹ Как и «Хроника» Титмара Мерзебургского, «История...» Юхана Видекинда обсуждалась на собрании группы истории СССР в ЛОИИ (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1663. Л. 124–126). Рукопись планировали сдать в печать 1 июля 1941 г., ответственным редактором был назначен Б.Д. Греков (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 38).

⁸² Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 519.

⁸³ См., например: Гехт А.Б. Помощь Финляндии со стороны Швеции во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Terra Linguistica. 2015. № 4 (232). С. 32–39.

⁸⁴ «...всем хорошо известно, что специальный подбор архивных документов и выдержек из них, а также пропуск документов, излагающих нежелательные для автора-исследователя сведения, – всегда может дать картину, нужную для данного автора» (Юхан Видекинд. История... С. 516).

На исследовательскую оптику авторов введения повлияла историографическая тенденция второй половины 1930-х гг. видеть источником всех бед России в Смутное время польско-шведскую интервенцию. Эта парадигма появилась перед разделом Польши и «зимней войной» с Финляндией, чьи враждебные действия в прошлом как будто оправдывали военные действия СССР в настоящем⁸⁵.

В 1941 г. должны были выйти еще две книги россики: «История готев» Иордана (в переводе А.И. Малеина, под редакцией С.А. Аннинского, с его вводной статьей и комментариями) и «Московия» Антонио Поссевино, иезуита, побывавшего при дворе Ивана Грозного (полностью подготовленная и переведенная Аннинским). Обе рукописи, подготовленные к печати, утеряны.

«История готев» планировалась к изданию Грековым с 1936 г. вместе с «Трактатом о двух Сарматиях» Меховского⁸⁶. Вероятно, тогда «Историю...» собирались опубликовать в контексте «готского вопроса», показать, как текстом Иордана воспользовались немецкие историки, чтобы политически и исторически оправдать притязания нацистов на Украину, часть которой входила в состав СССР⁸⁷. Выходу «Истории...» в таком контексте мог воспрепятствовать А.И. Малеин⁸⁸. Однако после его смерти в 1938 г. «История...» вновь появилась в планах выпуска изданий АН СССР⁸⁹. К сожалению, мы не можем сделать никаких предположений о том, в каком контексте Б.Д. Греков и С.А. Аннинский планировали издать этот текст в 1941 г.

Подготовка «Московии» Поссевино к изданию началась в 1937 г., о чем свидетельствует записка переводчика от 1937 г. с предложением источника к изданию – без упоминания проекта «История народов СССР»⁹⁰.

«Ливонские хроники», которые в тот год Аннинский готовил к печати, лишь косвенно были связаны с патриотическим дискурсом. А вот «Московия», в которой итальянский иезуит описывал события при дворе Ивана Грозного, соответствовала ему полностью. Образ грозного царя стремительно входил в патриотический миф о прошлом, соединившись с мифом о Сталине, который создавался в настоящем⁹¹.

В «Заметке о записках [Поссевино]» Аннинский указывал на особенности текста, которые могли бы стать препятствием к изданию источника. Например, акцент на церковных делах иезуита, его богословские рассуждения, поражение в Ливонской войне, не наступательный, а уступающий ее характер⁹². Однако он предлагал обойти эти опасные места «специальной установкой введения». Он отмечал, что записки «не содержат какой-то хулы на Московию», местами «подчеркивают достоинства нации» и «проникнуты сознанием значения и силы царя Ивана»⁹³.

Мы не можем сказать, в каком контексте С.А. Аннинский предполагал издать «Московию» в 1941 г., но можем утверждать, что он возлагал на выход книги определенные надежды, а ее политический смысл был значим. Переписка Аннинского и дирекции ЛОИИ и ИИ АН СССР свидетельствует о стремлении Аннинского курировать публикацию источника на всех этапах его печати, в том числе на стадии набора⁹⁴.

С началом Великой Отечественной войны издание россики прервалось. Аннинский, основной автор переводов россики в проектах, инициированных Грековым, скончался

⁸⁵ Подробнее см.: Юхан Видекинд. История... С. 523–524.

⁸⁶ Греков Б.Д. Письма... С. 229; АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 34. Л. 35–36.

⁸⁷ Кагаров Е.Г. Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными // Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. М.; Л., 1939. С. 99–100.

⁸⁸ В представлении новой серии на совещании археографов 4 мая 1936 г. Греков упоминал, что «...Иордан готовится к печати, – нет специалиста, который мог бы сделать комментарии... Был один, который отказался и сейчас дело затормозилось» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 34. Л. 35–36).

⁸⁹ АРАН. Ф. 454. Оп. 2. Д. 253. Л. 15.

⁹⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 166. Л. 1–6.

⁹¹ Тихонов В.В. Полезное прошлое... С. 143–158.

⁹² АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 166. Л. 2.

⁹³ Там же. Л. 3.

⁹⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1а. Д. 20. Л. 13.

в поезде, вывозившем его из блокадного Ленинграда⁹⁵. По окончании войны издания, подготовленные им к печати, так и не увидели свет. К тому же новая волна идеологических кампаний, в особенности против «космополитов» и «низкопоклонства перед Западом», делала исследования отечественной истории с привлечением западноевропейских источников затруднительными и даже опасными⁹⁶.

Немногочисленные издания россики начали выходить в свет после 1953 г., вне каких-либо программ и без связи с социально-политическим контекстом⁹⁷. Только в 1970-е гг. была предпринята попытка возобновить издание россики в рамках проекта «Древнейшие источники по истории народов СССР»⁹⁸.

Таким образом, начиная с XIX в. и до 1929 г. научное сообщество рассматривало россику как источник дополнительных сведений по истории России. Материалы россики свидетельствовали о включенности России в мировую историю на всех ее этапах. Но с конца 1929 г., когда большевики установили контроль над Академией наук, и до 1936 г., когда была разгромлена школа Покровского, россики рассматривалась как часть марксистской истории народов СССР. Материалы россики служили легитимизации идеологии, в рамках которой капиталистический мир прошлого противопоставлялся настоящему, в котором народы СССР развернули социалистическое строительство, с боем преодолевая устаревшие капиталистические устои.

Большевики, пришедшие к власти после 1917 г., представляли исторический процесс как ряд закономерных событий, сменявших друг друга согласно законам, открытым К. Марксом. В XVI в., согласно К. Марксу, сформировались предпосылки к становлению капиталистической системы, отодвинувшей в прошлое феодальный строй. С этого времени велся отсчет истории народов СССР, которые в настоящем стремились к новому этапу исторического развития. Он должен был стать последним и завершить ход исторического процесса.

Агенты не желающего уходить в прошлое капиталистического мира, «буржуазные историки» писали историю России, обслуживая интересы капиталистических элит. Поэтому советские историки, среди которых оказалось немало «старых специалистов», должны были создать новую историю, переписать ее по-марксистски.

Большевики и историки-марксисты (подчеркнем, что далеко не все советские историки 1920–1930-х были марксистами) не стремились использовать исторические источники для того, чтобы прояснить сложные моменты прошлого. Они видели свою задачу в другом – в том, чтобы подтвердить исторические концепции, которые были созданы ими же, и обосновывать настоящее как неизбежный результат строго определенного хода истории.

Так, с помощью предисловий и введений к книгам серии «Иностранные путешественники о России» показывалось, что купцы из Англии и Голландии, открывающие мир в XVI–XVII вв. и одновременно опутывающие его сетью метрополий и колоний, втягивали в эту сеть и феодальную Россию (во главе с Москвой), и будущие народы СССР. Последние в будущем, согласно законам исторического развития Маркса, освободятся от гнета старого мира и построят СССР.

Однако в 1936–1939 гг. россики трансформировалась в политическое оружие, которое власть использовала для решения конкретных внешнеполитических задач. К концу этого этапа наметилась тенденция к отделению от проекта «История народов СССР». Эта трансформация произошла под влиянием директив И.В. Сталина относительно исторической науки. И.В. Сталин подходил к науке прагматически и делал акцент на ее прикладном характере. В речи на I Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г. он отмечал,

⁹⁵ Романов Б.А. Письма к жене. СПб., 2023. С. 161.

⁹⁶ Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб., 2022. С. 200.

⁹⁷ См., например: Плано Карпини Джованни. История монгалов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны. М., 1957.

⁹⁸ О Корпусе древнейших источников по истории народов СССР (Материалы для обсуждения). М., 1974. С. 4–5.

что «данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, – какая же это наука?»⁹⁹.

Книги, вышедшие в серии «Известия иностранцев о народах СССР», были написаны писателями из «отошедших областей», входивших до 1917 г. в Российскую империю: Польша, Прибалтика. Поскольку эти «отошедшие области» находились в сфере интересов и СССР, и нацистской Германии, источники публиковались в контексте политического и идеологического противостояния двух держав.

Восприятие исторического источника как оружия в идеологической войне не было чем-то новым. Однако новым было то, что роль советского историка низводилась до обслуживающей функции: он должен был вскрывать «манипуляции» автора хроники, восстанавливать «историческую истину», описывать «как было на самом деле», согласно концепции, сконструированной высшими партийными функционерами.

С 1939 по 1941 г. по всей видимости власть не сформировала фундаментально новые концепции, которые могли бы заменить критику фашистской историографии, исчезнувшей в конце 1939 г. из публичного поля. В области россики это парадоксальным образом привело к тому, что в этот период политико-идеологическое давление на издателей россики существенно уменьшилось. При этом, на наш взгляд, исключительно утилитарное применение памятников россики во внешнеполитических играх власти усилило ее дистанцирование от проекта «История народов СССР».

С.А. Аннинский, историк и переводчик россики, заключивший негласный договор с властью, на рубеже 1930–1940-х гг. экспериментировал с дискурсами, в которых можно было издать исторический источник. Он, с одной стороны, вписывал россику в патриотический поворот («Московия» Антонио Поссевино), с другой – рискнул не связывать текст памятника с текущими политическими событиями, а вернуться к академическим принципам издания исторического источника («Хроника» Титмара Мерзебургского). Однако «окно возможностей», приоткрывшееся перед историками перед началом Великой Отечественной войны, захлопнулось по ее окончании. Публикация памятников россики вне социально-политического контекста стала возможной только после смерти И.В. Сталина.

Литература

Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками / авт.-сост. А.В. Мельников, Н.А. Комочев, В.В. Тихонов. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 784 с.

Апатова В.Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 242–254.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье; отв. ред. Н.Л. Рубинштейн. Л.: Типография ОГИЗа РСФСР, 1937. 306 с.

Аннинский С.А. Франческо Тьеполо. Рассуждения о делах Московии 1560 г. // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. III. С. 305–388.

Быстрянский (Ватин) Вадим Александрович // Сетевой ресурс «Историки Петрограда-Ленинграда» (1917–1934) [Электронный ресурс]. Авторский коллектив: В.В. Андреева, Д.А. Баринов и др. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3283-bystranskij-vatin-vadim-aleksandrovic.html> (дата обращения: 16.06.2024).

Вознесенский С.В. Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI–XVII вв. Л.: Издательство Академии наук, 1933. 353, [4] с.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / введ., изд. подлинника, пер., коммент. С.А. Аннинский. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938. XV, 608 с.

Геррит Де-Фер. Плавания Баренца / пер. с лат. А.И. Малеина, ред. В.Ю. Визе. Л.: Издательство Севморпути, 1936. 308 с.

Гехт А.Б. Помощь Финляндии со стороны Швеции во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Terra Linguistica. 2015. № 4 (232). С. 32–39.

⁹⁹ Речь товарища Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев // Правда. 1935. № 321. 22 нояб. С. 2.

Горбунов Н.П. Академия Наук СССР на переломе // Вестник АН СССР. 1936. № 6. С. 2–24.

Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М.: Институт российской истории, 1999. 269, [2] с.

Греков Б.Д. Письма (1905–1952) / сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 504 с.

Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Издательство Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.

Заиченко О.В. “Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «другой» в период реставрации на основе путевых дневников немецких путешественников // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 94–122.

Зимин А.А. Храм науки (размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.

Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2016. Вып. 1. 320 с.

Историческую науку на уровень великих задач (Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 3–10.

Кагаров Е.Г. Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными // Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. С. 83–103.

Коллекция «Россика» в Российской национальной библиотеке: вопросы раскрытия: Научные чтения, посвященные 150-летию создания отделения «Россика» 20 сент. 2000 г. / сост. А.И. Сапожников. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2002. 64 с.

Коллекция Россика // РНБ. Ресурсы. Фонды и коллекции. Иностраный книжный фонд [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA2336/kolleksiya-rossika (дата обращения: 08.07.2024).

Ловцов А.С. Зарубежная архивная россика в исследованиях российских архивистов (1992–2017 гг.) // История и архивы. 2019. № 3. С. 63–74.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер., примеч. и вводная ст. А.А. Морозов; ред. Н. Рубинштейн. М.: Соцэкгиз, 1937. 206, [2] с., [6] л.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / введ., изд. подлинника, пер., коммент. С.А. Аннинский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. XI, 288 с.

Молотов В.М. Сталинский этап в развитии науки // Вестник АН СССР. 1939. № 11–12. С. 13–31.

Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.

Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / пер., ред. и примеч. А.И. Малеина. 4-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 97 с.

О Корпусе древнейших источников по истории народов СССР (Материалы для обсуждения) / В.Т. Пашуто, Б.А. Рыбаков; АН СССР; Ин-т истории СССР. М.: [б.и.], 1974. 12 с.

Плано Карпини Джиованни. История монгалов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина, ред., вступ. статья, примеч. Н.П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; отв. ред. Г.М. Адибеков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 960 с.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А.П. Ковалевского; под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. 194 с.

Романов Б.А. Письма к жене / сост., подгот. к печати, статьи и коммент. Б.С. Кагановича и Л.Б. Вольфцун. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 392 с.

Румынская М.Н. Аннинский Сергей Александрович // Сетевой библиографический словарь сотрудников ЛОИИ АН СССР – СПбИИ РАН «Летопись в лицах» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/anninsky-s-a/> (дата обращения: 01.07.2023).

Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей / введение, тексты и комментарий М.П. Алексеев. Иркутск: Крайгиз, 1932–1936. Т. 1, ч. 1–2. LX, 368 с.; 150, [2] с.

Смышляева В.П. Малеин Александр Иустинович (Юстинович) // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. II. С. 481–486.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х–1930-е гг.) / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов и др.; отв. ред. С.А. Красильников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 591 с.

Стрейс Я.Я. Три путешествия / пер. Э. Бородиной; ред. А. Морозова; введение А. Гайсинович. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.

Тихонов В.В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е гг. // Россия и современный мир. 2023. № 4. С. 168–182.

Тихонов В.В. Полезное прошлое: история в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 366, [1] с.

Томсинский С.Г. О работе историко-археологического института Академии наук СССР // Историк-марксист. 1932. № 4–5. С. 351–355.

Томсинский Семен (Симха) Григорьевич // Сетевой ресурс «Историки Петрограда-Ленинграда» (1917–1934). Авторский коллектив: В.В. Андреева, Д.А. Баринов и др. [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1374-tomsinskiy-semen-simkha-grigorievich.html> (дата обращения: 14.06.2024).

Трояк И.С. Польская историческая россика второй половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 31–34.

Шаркова И.С. Археологическая комиссия и издание иностранных источников о России (Из истории публикации тургеневских актов) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1989. Т. XX. С. 303–309.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с., [16] л.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / пер. и вступит. ст. И.И. Полосина. Л.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1925. 182, [1] с.

Штаден Г. Записки о Московии / пер. С.Н. Фердинанд; вступит. ст. А.Л. Хорошкевич, А.А. Бульчев, С.Н. Фердинанд; редкол. А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др. М.: Древлехранилище, 2008. Т. 1. 582 с.

Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московитской войны / под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич; пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова и А.Ф. Костиной; коммент. и статьи А.И. Васильева, В.Г. Геймана, С.В. Думина, Г.М. Короленко и др. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 654 с., [5] л.

References

Adibekov, G.M. (Ed.). (2004). *Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b) i Komintern. 1919–1943 gg.: Dokumenty* [Politburo of the Central Committee of the RCP(V)–VKP(V) and the Comintern. 1919–1943: Documents]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 960 p.

Alekseev, M.P. (Ed.). (1932–1936). *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley. Vvedenie, teksty i kommentarii* [Siberia in the News of Western European Travelers and Writers. Introduction, Texts and Commentaries].

velers and Writers. Introduction, Texts and Comments]. Irkustk, Kraygiz. Vol. 1, ch. 1–2, LX. 368 p.; 150, [2] p.

Alpatova, V.D. (1974). Obzor fondov uchenykh-istorikov, pogibshikh vo vremya blokady Leningrada (Po materialam Arkhiva LOII SSSR AN SSSR) [Review of the Funds of Historians Who Died During the Blockade of Leningrad (Based on Materials from the Archives of the Leningrad Institute of the USSR Academy of Sciences)]. In *Arkheograficheskiy Ezhegodnik za 1973*. Moscow, pp. 242–254.

Andreeva, V.V., Barinov, D.A. et al. (Ed.). Bystryanskiy (Vatin) Vadim Aleksandrovich. In *Setevoy resurs “Istoriki Petrograda-Leningrada” (1917–1934)* [Online Resource “Historians of Petrograd-Leningrad” (1917–1934)]. Available at: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3283-bystranskiy-vatin-vadim-aleksandrovic.html> (date of access 16.06.2024).

Andreeva, V.V., Barinov, D.A. et al. (Ed.). Tomsinskiy Semen (Simkha) Grigor’evich. In *Setevoy resurs “Istoriki Petrograda-Leningrada” (1917–1934)* [Online Resource “Historians of Petrograd-Leningrad” (1917–1934)]. Available at: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1374-tomsinskiy-semen-simkha-grigor-yevich.html> (date of access 14.06.2024).

Anninskiy, S.A. (1940). Franchesko T’epolo. Rassuzhdeniya o delakh Moskovii 1560 g. [Francesco Tiepolo. Discourses on the Affairs of Muscovy 1560]. In *Istoricheskiy arkhiv*. Vol. III, pp. 305–388.

Anninskiy, S.A. (Publ.), Henry of Latvia (1938). *Khronika Livonii* [The Chronicle of Henry of Livonia]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo AN SSSR. XV, 608 p.

Borodina, E. (Trans.), Struys, J.J. (1935). *Tri puteshestviya* [The Perillous and Most Unhappy Voyages]. Moscow, Sotsekgiz. 415 p.

Bukhert, V.G. (Comp.), Grekov, B.D. (2019). *Pis’ma (1905–1952)* [Letters (1905–1952)]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 504 p.

Dubrovskiy, A.M. (2005). Istorik i vlast’: istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal’noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.) [Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930–1950s)]. Bryansk, Izdatel’stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo. 800 p.

Ferdinand, S.N. (Trans.), Khoroshkevich, A.L. et al. (Eds.), Staden, H. (2008). *Zapiski o Moskovii* [The Land and Government of Muscovy: A Sixteenth-Century Account]. Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 1. 582 p.

Gekht, A.B. (2015). Pomoshch’ Finlyandii so storony Shvetsii vo vremya sovetsko-finlyandskoy voyny 1939–1940 gg. [Sweden’s Support of Finland during the Soviet-Finnish War of 1939–1940]. In *Terra Linguistica*. No. 3, pp. 32–39.

Gorbunov, N.P. (1936). Akademiya Nauk SSSR na perelome [The USSR Academy of Sciences at a Turning Point]. In *Vestnik AN SSSR*. No. 6, pp. 2–24.

Gorskaya, N.A. (1999). *Boris Dmitrievich Grekov*. Moscow, Institut rossiyskoy istorii. 269, [2] p.

(1934). Istoricheskuyu nauku na uroven’ velikikh zadach (Itogi XVII s’ezda VKP(b) i zadachi bol’shevistskikh istorikov) [Historical Science to the Level of Great Tasks (Results of the 19th Century Soviet Institute of the All-Union Communist Party (VKP) Congress and the Tasks of Bolshevik Historians)]. In *Istorik-marksist*. No. 2, pp. 3–10.

Kaganovicha, B.S., Vol’f’sun, L.B. (Comp.). Romanov, B.A. (2023). *Pis’ma k zhene* [Letters to Wife]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 392 p.

Kagarov, E.G. (1939). Fal’sifikatsiya istorii rannegermanskogo obshchestva fashistskimi lzheuchenymi [Falsification of the History of early German Society by Fascist Pseudoscientists]. In *Protiv fashistskoy fal’sifikatsii istorii. Sbornik statey*. Moscow, Leningrad, pp. 83–103.

Khoroshkevich, A.L. (Comp.), Zimin, A.A. (2015). Khram nauki (razmyshleniya o prozhitom). Moskva, 1976 [Temple of Science (Reflections on Past Life). Moscow, 1976]. In *Sud’by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroy poloviny XX veka*. Moscow, pp. 35–384.

Kolleksiya Rossika [Rossika Collection]. In *RNB. Resursy. Fondy i kolleksii. Inostrannyi knizhnyy fond* [RNL. Resources. Funds and Collections. Foreign Book Fund]. Available at: URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA2336/kolleksiya-rossika (date of access 09.07.2024).

Kovalevskiy, A.P. (Trans.), Krachkovskiy, I.Yu. (Ed.), ibn Faḍlān, A. (1939). *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu* [Mission to the Volga]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 194 p.

Krasil'nikov, S.A. (Ed.). (2018). *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social Mobilization in Stalin's Society (The End of 1920s–1930s)]. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 591 p.

Lovtsov, A.S. (2019). Zarubezhnaya arkhivnaya rossika v issledovaniyakh rossiyskikh arkhivistov (1992–2017 gg.) [Foreign Archival Rossika in the Research Works of Russian Archivists (1992–2017)]. In *Istoriya i arkhivy*. No. 3, pp. 63–74.

Malein, A.I. (Trans.), Shastina, N.P. (Ed.), da Pian del Carpine, G., Rubruck, W. (1957). *Istoriya mongalov* [The Story of the Mongols: Whom We Call the Tartars]. In *Puteshestvie v Vostochnye strany*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury. 291 p.

Malein, A.I. (Trans.), Vise, V.Yu. (Ed.), Veer, G. de (1936). *Plavaniya Barentsa* [The Three Voyages of William Barents to the Arctic Regions (1594, 1595, and 1596)]. Leningrad, Izdatel'stvo Sevmorputi. 308 p.

Mekhovskiy, M. (1936). *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on the Two Sarmatias]. Vved., izd. podlinnika, perevod, komment. S.A. Anninskiy. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. XI, 288 p.

Melein, A.I. (Comp., Ed.), Schlichting, A. (1935). *Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo: "Skazanie" Al'berta Shlikhtinga* [New News About Russia During the Time of Ivan the Terrible: Albert Schlichting's "Tale"]. 4-e izdanie. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 97 p.

Melnikov, A.V., Komochev, N.A., Tikhonov, V.V. (Comp.), Tikhomirov, M.N. (2022). *Akademik M.N. Tikhomirov: Vospominaniya. Dnevniki. Perepiska s uchenikami* [Academician Tikhomirov. Memories. The Diaries. Correspondence with Students]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya. 784 p.

Molotov, V.M. (1939). Stalinskiy etap v razvitii nauki [Stalin's Stage in the Development of Science]. In *Vestnik AN SSSR*. No. 11–12, pp. 13–31.

Morozov, A.A. (Trans.), Rubinshtein, N.N. (Ed.), Massa, I. (1937). *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII veka* [A Short History of the Beginnings and Origins of These Present Wars in Moscow: Under the Reign of Various Sovereigns Down to the Year 1610]. Moscow, Sotsekgiz. 206, [2] p., [6] f.

Nasonov, A.N. (1940). *Mongoly i Rus'. Istoriya tatarskoy politiki na Rusi* [Mongols and Rus'. History of Tatar Policy in Rus']. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 178 p.

Pashuto, V. T., Rybakov, B.A. (Eds.). (1974). *O Korpuse drevneyshikh istochnikov po istorii narodov SSSR (Materialy dlya obsuzhdeniya)* [About the Corpus of the Oldest Sources on the History of the Peoples of the USSR (Materials for Discussion)]. Moscow. 12 p.

Poloshin, I.I. (Trans.), Staden, H. (1925). *O Moskve Ivana Groznogo. Zapiski nemtsa oprichnika* [The Land and Government of Muscovy: A Sixteenth-Century Account]. Leningrad, Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh. 182, [1] p.

Rubinstein, N.L. (Ed.). (1937). *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English Travelers in the Muscovite State in the 16th Century]. Leningrad, Tipografiya OGIZa RSFSR. 306 p.

Rumynskaya, M.N. (Ed.). Anninskiy Sergey Aleksandrovich. In *Setevoy biobibliograficheskiy slovar' sotrudnikov LOII AN SSSR – SPbII RAN "Letopis' v litsakh"* [Online Bio-Bibliographic Dictionary of the Staff of the Leningrad Institute of the USSR Academy of Sciences – St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences "Chronicle in Faces"]. Available at: URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/anninsky-s-a/> (date of access 01.07.2023).

Schenk, F.B. (2007). *Aleksandr Nevskiy v russkoy kul'turnoy pamyati: svyatoy, pravitel', natsional'nyy geroy (1263–2000)* [Aleksandr Nevskij: Heiliger–Fürst–Nationalheld. Ein Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263–2000)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 589 p., [16] f.

Sakharov, A.N. (Ed.). (2016). *Institut istorii Akademii nauk SSSR v dokumentakh i materialakh* [Institute of History of the USSR Academy of Sciences in Documents and Materials]. Moscow, IRI RAN. Vyp. 1. 320 p.

Sapozhnikov, A.I. (Ed.). (2002). *Kollektsiya “Rossika” v Rossiiskoy natsional'noy biblioteke: voprosy raskrytiya: Nauchnye chteniya, posvyashchennye 150-letiyu sozdaniya otdeleniya “Rossika” 20 sentyabrya 2000 goda* [The Rossika Collection in the Russian National Library: Questions of Revelation: Scientific Readings Commemorating the 150th Anniversary of the Creation of the Rossika Department, 20 Sept. 2000]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. 64 p.

Sharkova, I.S. (1989). Arkheograficheskaya komissiya i izdanie inostrannykh istochnikov o Rossii (Iz istorii publikatsii turgenevskikh aktov) [Archaeographic Commission and the Publication of Foreign Sources about Russia (From the History of the Publication of Turgenyev's Acts)]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, Nauka. Vol. XX, pp. 303–309.

Smyshlyaeva, V.P. (2021). Malein Aleksandr Iustinovich (Yustinovich). In *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka: v 3 tomakh* [A Biographical Dictionary of St. Petersburg Classicists in the 19th – Early 20th Century: In 3 Volumes]. St. Petersburg, Bibliotheca classica Petropolitana. Vol. II, pp. 481–486.

Tikhonov, V.V. (2023). Kak “Istoriya narodov SSSR” stala “Istoriei SSSR”: k voprosu o transformatsii ideologicheskikh ustanovok sovetskogo kursa istorii v 1930-e gody [How the “History of the Peoples of the USSR” Became the “History of the USSR: On the Question of the Transformation of Ideological Attitudes of the Soviet Course of History in the 1930s]. In *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 4, pp. 168–182.

Tikhonov, V.V. (2024). *Poleznoe proshloe: istoriya v stalinskom SSSR* [Useful Past: History in Stalin's USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 366, [1] p.

Tomsinskiy, S.G. (1932). O rabote istoriko-arkheograficheskogo instituta Akademii nauk SSSR [On the Work of the Historical and Archaeographic Institute of the USSR Academy of Sciences]. In *Istoriik-marksist*. No. 4–5, pp. 351–355.

Troyak, I.S. (2012). Pol'skaya istoricheskaya rossika vtoroy poloviny XIX veka [Historical Rossica in the First Half of the 19th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 31–34.

Voznesenskiy, S.V. (1933). *Materialy dlya bibliografii po istorii narodov SSSR XVI–XVII vv.* [Materials for a Bibliography on the History of the Peoples of the USSR in the 16th–17th Centuries] Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. 353, [4] p.

Widekindi, J. (2000). *Istoriya desyatiletney shvedsko-moskovitskoy voyny* [The Svenska I Ryssland Tijo åhrs Krijgz-Historie]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 654 p., [5] f.

Zaichenko, O.V. (2010). “Biedermeier” i “Vormärz”: Rossiya kak konstituiruyushchiy “drugoy” v period restavratsii na osnove putevykh dnevnikov nemetskikh puteshestvennikov [“Biedermeier” and “Vormärz”: Russia as Constituting “Other” at Restoration Period (Diaries of German Travellers)]. In *Dialog so vremenem*. No. 32, pp. 94–122.

А.И. Савин*

ВОПРОС О РОЛИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ
В НАРРАТИВЕ БОЛЬШЕВИКОВ В 1920–1930-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-2
УДК: 94(47+57) "1920/1930"*Выходные данные для цитирования:**Савин А.И. Вопрос о роли героической личности в истории в нарративе большевиков в 1920–1930-е годы // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 30–46. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-02.pdf>*

A.I. Savin*

THE QUESTION OF THE HEROIC PERSONALITY ROLE
IN HISTORY AND IN THE BOLSHEVIK NARRATIVE
IN THE 1920S–1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-2

*How to cite:**Savin A.I. The Question of the Heroic Personality Role in History and in the Bolshevik Narrative in the 1920s–1930s // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 30–46. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-02.pdf>]*

Abstract. The article focuses on the analysis of cardinal revision of the Marxist dogma, which assigned the dominant role in the historic process to the masses, while the (heroic) personality served subservient role, and held dominant position in soviet socio-political sciences during 1920-s. Using narrative of the most prominent Bolsheviks, such as A.V. Lunacharsky and I.V. Stalin, together with published works of A.M. Gorky, the article reconstructs amnesty collisions of historical personality in the USSR. Additionally, the author has verified hypothesis of D. Brandenberg, which states that de-facto rejection of one of the most fundamental historiosophical ideas of Marxism happened mainly due to Soviet political reality of the 1930s. Emergence of the heroes of labour, who personified the successes in socialism building process and became important role models for the forming soviet identity, was one of the most notable qualities of Stalin's modernization. Return of the "hero" both to the pages of history books and socio-political stage of Soviet Union was not a smooth process, which took the better part of the second half of the 1930-s. However, starting from the 1940, personal heroism became an inseparable part of the new soviet identity and one of the most important instrument in the construction of socialist society.

Keywords: Marxism, personality, masses, heroes of labour, historical science, I.V. Stalin, A.M. Gorky, A.V. Lunacharsky.

The article has been received by the editor on 22.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется, каким образом в 1930-е гг. в советской идеологии произошел кардинальный пересмотр марксистской догмы о доминирующей роли масс в истории и подчиненной роли (героической) личности, которая безоговорочно царила в советских общественно-политических науках в 1920-е гг. На основании нарратива видных деятелей большевиков, в первую очередь А.В. Луначарского и И.В. Сталина, а также публицистики А.М. Горького, были реконструированы коллизии

* **Андрей Иванович Савин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Andrey Ivanovich Savin, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors" (FWZM-2024-0008).

амнистии исторической личности в СССР. При этом автор верифицировал гипотезу Д. Бранденбергера, согласно которой фактический отказ от одной из основополагающих историософских идей марксизма произошел главным образом под влиянием советских политических реалий 1930-х гг. Появление героев труда, которые персонально олицетворяли успехи социалистического строительства и служили важными примерами для подражания и образцами для формирования советской идентичности, стало важным явлением сталинской модернизации. Возвращение «героя» не только на страницы учебников истории, но и на общественно-политическую сцену Советского Союза не было беспроblemным и заняло практически всю вторую половину 1930-х гг., однако уже к 1940 г. личный героизм стал неотъемлемой ипостасью нового советского человека и важнейшим инструментом построения социалистического общества.

Ключевые слова: марксизм, личность, массы, герои труда, историческая наука, И.В. Сталин, А.М. Горький, А.В. Луначарский.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024 г.

Вопрос о роли власти, ее воздействии на историописание и историков применительно к советскому периоду российской истории, особенно к сталинскому, характеризуется в историографии, как правило, негативно. Такая характеристика имеет под собой мощное обоснование: трактовка большевиками истории как политики, опрокинутой в прошлое, расценивание ее исключительно как «идеологической» классово-научной, чрезмерная политизация и диктат, постоянный контроль и цензура, жесткие методы управления научно-исследовательским процессом вплоть до репрессий в отношении самих историков были общим местом советской политической повседневности.

Однако черно-белые бинарные схемы, как правило, искажают историческое прошлое, а роль большевиков в отношении исторической науки далеко не всегда была сугубо негативной. В частности, в 1930-е гг. под влиянием сталинского руководства и в первую очередь лично И.В. Сталина произошел кардинальный пересмотр ряда основополагающих марксистско-ленинских теоретических положений, которые безоговорочно царили в советских общественно-политических науках в 1920-е гг.

Одним из концептов, который подвергся ревизии, стала марксистская догма о доминирующей роли масс в истории и подчиненной роли (героической) личности. Историки и философы неоднократно обращались к вопросу об эволюции взглядов на роль личности в истории¹, однако ограничивались, как правило, «классическим» периодом дискуссии о «толпе и герое» конца XIX – начала XX в. Применительно к 1920–1930-м гг. пионерный анализ амнистии (героической) личности в СССР предпринял Д. Бранденбергер². При этом Бранденбергер выдвинул важную гипотезу о сугубо практической стороне сталинских теоретических новаций. В настоящей статье предпринимается попытка верифицировать гипотезу Бранденбергера с привлечением новых источников, главным образом публицистических произведений А.В. Луначарского, А.М. Горького, а также нарратива И.В. Сталина.

Большевики были наследниками, а затем и деятельными участниками философского спора о «герое и толпе», разгоревшегося после публикации в 1841 г. знаменитой книги Т. Карлейля о героях³. Свою концепцию истории Карлейль изложил уже на ее первых страницах: «Ибо всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле.

¹ Подробный сводный анализ литературы см., например: *Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. С. 3–44.*

² *Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.*

³ См., напр.: *Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2012.*

Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть. Все содеянное в этом мире представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории»⁴. Народные массы для Карлейля зачастую являлись только орудием в руках героев, причем массам был свойственен деструктивный потенциал. Когда героическое начало в обществе ослабевает, тогда наружу неизбежно вырываются скрытые разрушительные силы массы, которые действуют, пока их вновь не обуздают «истинные герои»⁵.

В предисловии к русскому изданию труда Карлейля его переводчик В.И. Яковенко писал в 1898 г.: «Он выступил со своим протестом во имя личности в то время, когда массе, в смысле общественного фактора, стали придавать первенствующее значение, когда роль великих людей в истории была доведена до нуля, когда, одним словом, культ “героев” стал, по-видимому, вытесняться культом “массы”»⁶. Очевидно, Яковенко несколько нарушил здесь принцип историзма, «осовременив» мотивацию Карлейля. В 1841 г., когда вышла в свет его апология героя, К. Маркс только оканчивал университет, а до публикации «Манифеста Коммунистической партии» оставалось еще целых семь лет. Тем не менее для интеллектуалов конца XIX в. именно Карлейль стал наиболее влиятельным оппонентом марксистов по вопросу о роли героической личности в истории, и лишь затем Ф. Ницше⁷ и в какой-то степени Г. Гегель.

Большевики были марксистами, а для К. Маркса и Ф. Энгельса герои являлись выражением идеалистического понимания роли личности в истории. Возвеличивание отдельной личности как главного субъекта истории воспринималось ими как уничтожение, а то и полное затушевывание объективной роли социальных групп и классов. Размышляя о «подлинных движущих силах истории», Энгельс писал, что «надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы»⁸.

Как констатирует Л.Е. Гринин, «при том, что крупные марксисты нередко интересно ставили вопросы, связанные с проблемой личности в истории, и порой давали небезынтересные ответы, в целом в ситуации экономического детерминизма роль личности в истории представала [в марксизме] небольшой. Стремление противопоставлять личности и массы в пользу последних, законы и случайности – почти исключительно в пользу первых, существенно способствовало такому результату»⁹.

Наиболее систематически марксистские взгляды на роль личности в истории изложил Г.В. Плеханов. В 1898 г. вышла в свет его работа «К вопросу о роли личности в истории», в которой Плеханов, в том числе, обосновал вывод о том, что действия отдельных личностей всегда обусловлены гораздо более влиятельными историческими силами, где личность может лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, но не в состоянии изменить железный ход истории. При этом Плеханов особенно акцентировал идею о взаимозаменяемости выдающихся исторических акторов. Так, рассуждая о роли «хорошей шпаги» в истории Франции конца XVIII – начала XIX в., Плеханов считал, что в случае

⁴ Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб., 1898. С. 23–24.

⁵ Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов... С. 25.

⁶ Герои и героическое в истории... С. 19.

⁷ При этом Ницше резко критиковал идеи Карлейля. В Эссе Немец Ницше, в частности, писал об отвергнутом им «культе героев» Карлейля. Такая позиция Ницше основывалась на отрицательном отношении немецкого философа к христианской морали и концепту «хорошего человека», которого он воспринимал антиподом своего «сверхчеловека».

⁸ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 306.

⁹ Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов... С. 29–30.

гибели Бонапарта ход истории неминуемо выдвинул бы вперед «какую-нибудь другую “шпагу”»¹⁰. Плеханов признавал некую вариативность истории, но конечный результат действия непреложных исторических законов всегда был бы одним и тем же. Например, в случае с Францией без Наполеона реставрация Бурбонов могла бы вообще не состояться, но по своему отношению ко всей внутренней жизни Франции это не изменило бы «действительного результата»¹¹. С «правоверной» марксистской точки зрения Плеханов активно критиковал двух русских мыслителей, также опубликовавших в конце XIX в. ряд работ, посвященных дихотомии «герой» и «массы»: теоретика народничества Н.К. Михайловского¹² и социолога Н.И. Кареева¹³.

Оценивая философские споры российской интеллигенции, необходимо учитывать, что для дореволюционной российской социал-демократии вопрос о роли героической личности в истории был не только догмой марксистской теории, но и острейшим вопросом политической практики, определявшим, в том числе, степень размежевания с главными конкурентами в революционном лагере – сначала с народниками, затем с партией социалистов-революционеров. Так, В.И. Ленин писал в «Искре» 1 августа 1902 г., критикуя основные положения эсеровской прокламации от 3 апреля 1902 г., выпущенной по поводу покушения эсера С.В. Балмашева¹⁴ на министра внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягина: «Не обходится прокламация и без теории эксцитативного террора. “Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги”, говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будят во всех дух борьбы и отваги. Поединки же именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут [массы] даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка»¹⁵.

Тема героя и народной массы была неотъемлемой частью жарких споров на многочисленных студенческих собраниях, вечеринках и посиделках, в ходе которых формировали свое мировоззрение и оттачивали ораторское мастерство будущие вожди большевиков. А.К. Воронский так описывал в своих воспоминаниях типичное собрание студенческого кружка, функционировавшего под его руководством в Тамбове: «Споры об общине, об отрезках, о героях и толпе, самонадеянный и безоговорочный задор. Старая гитара и мандолина, тихий и меланхолический перебор струн»¹⁶. В другом теоретическом споре, уже с участием Н.И. Бухарина, две команды спорщиков-гимназистов определили для себя самые главные вопросы следующим образом: рабочий класс или народ, расчет или подвиг, объективизм или субъективизм, законы развития или российские условия. В ходе спора «марксисты говорили, что эсеры ставят героев над массами; эсеры отвечали, что Ленин делает то же самое; большевики утверждали, что их вожди объективно представляют интересы трудящихся»¹⁷.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики не изменили своей трактовки героев, тем более что практика первых революционных месяцев подтверждала марксистскую теорию о выдающейся роли масс. Бывший министр Временного правительства А.И. Шингарев за несколько дней до своей гибели с горечью писал 31 декабря 1917 г.: «События, повто-

¹⁰ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 326.

¹¹ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории... С. 326.

¹² В частности, речь идет о следующих статьях Н.К. Михайловского: «Герои и толпа» (1882), «Научные письма (к вопросу о героях и толпе)» (1884), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893).

¹³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. III. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890.

¹⁴ Балмашев Степан Валерьянович (1881–1902) – революционер, террорист, убийца министра внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягина (террористический акт совершен 2 апреля 1902 г.). Критикуемая Лениным эсеровская прокламация была прямой реакцией на убийство министра.

¹⁵ Ленин В.И. Революционный авантюризм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 6. С. 377–398.

¹⁶ Цит. по: Слезкин Ю.Л. Дом Правительства. Сага о русской революции. М., 2019. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 51.

ряющиеся в столетия раз, необъятные по своим последствиям и невиданные в Истории по своим размерам, в России пришлось на долю поколения без больших, гениальных людей. “Народная” война, народная революция без героев, с одной толпой, без плана и системы, с одними рефлексам, как всегда в толпе, – вот что заполняет перед глазами современников весь горизонт. Нам не видно просвета, и никто не ведет по дороге, да и некому вести. Больше, чем когда-либо, мы имеем дело с историей масс, и нет истории лиц»¹⁸. Шингарев был далеко не одинок в такой оценке. Историк С.Б. Веселовский, профессор Московского университета и будущий академик АН СССР, писал в марте 1920 г.: «Во главе народа стали бездомные и безвестные герои М. Горького, недоучившиеся мальчишки из рабочих и мастеровых, бывшие волостные писаря и т.п. сброд»¹⁹.

Не последнюю роль в усиленном возвеличивании массы также играл революционный эгалитаризм. В «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского утверждалось: «Отдельный человек принадлежит не себе самому, а обществу – человеческому роду. Только благодаря существованию общества каждый отдельный индивидуум в состоянии жить и развиваться»²⁰. Даже роль «руководителя и вождя во всей революции» отводилась коммунистическими теоретиками не человеку, а классу пролетариев.

Наиболее часто цитируемое высказывание В.И. Ленина по поводу советского героизма содержится в его статье, посвященной коммунистическим субботникам. В июне 1919 г. вождь большевиков сформулировал бинарную структуру советского героизма: военный и трудовой героизм, «героизм красноармейцев» и «героизм трудящихся масс». При этом «героизм рабочих в тылу» Ленин считал более важным и сложным делом: если успехи на фронтах Гражданской войны могли быть достигнуты за счет «героизма *отдельного* порыва», то успехи в тылу требовали «самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма *массовой* и будничной работы»²¹ (курсив наш. – А. С.). «Величайшим героизмом» Ленин называл повышение производительности труда, которого добились «голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров»²².

Почитание пролетариата и беднейшего крестьянства в качестве массового героя революции легко давалось большевистским вождям-теоретикам, но для успешного ведения вооруженной борьбы им так или иначе были нужны личности, с которыми могли бы себя идентифицировать и на которых могли бы равняться их сторонники. Однако индивидуализация советского героя в ходе Гражданской войны была весьма относительной²³.

Период новой экономической политики следует расценивать как постгероическую эпоху, не испытывавшую особой потребности в героях. В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», этой литературной энциклопедии Советской России конца 1920-х гг., авторы вкладывают в уста главного героя следующую сентенцию: «Теперь многие не знают имен героев. Угар НЭПа». В 1920-е гг. на роль героев большевистские теоретики вновь предлагали рабочие массы. В 1924 г. нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский прочитал в Петрограде в пользу беспризорных открытую лекцию на тему «Героизм и индивидуализм», которая 1925 г. была издана отдельной брошюрой²⁴. Эту лекцию следует рассматривать как репрезентативную квинтэссенцию взглядов старых большевиков-марксистов на роль героической личности в истории в целом и на советский героизм в частности.

¹⁸ Как это было: Дневник А.И. Шингарева. Петропавл. крепость, 27.XI.17–5.18. М., 1918. С. 54.

¹⁹ Веселовский С.Б. Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 127.

²⁰ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб., 1920. С. 182.

²¹ Ленин В.И. Великий почин (о героизме рабочих в тылу по поводу «коммунистических субботников») // Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 17–18.

²² Там же. С. 21.

²³ Подробнее см.: Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 93–108.

²⁴ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм. Лекция, прочитанная в Ленинграде в 1924 году в пользу беспризорных. М., 1925.

Ревизию этих представлений И.В. Сталин предпринял только десять лет спустя, в середине 1930-х гг.

Характеристику возникновения и эволюции героизма в истории Луначарский закономерно начал с греческих героев. Не отрицая трагизма их противостояния року и даже восхищаясь этим, Луначарский в целом дал отрицательное определение героизму греков, так как «на первый план выдвигается момент военных подвигов, что очень часто смахивает на преступление»²⁵. Главным героем периода феодализма Луначарский назвал аристократа: «Кто такой герой? Это человеческий тигр, кабан, если хотите, в реальной жизненной истории герой есть феодал. Он выделяется как особая порода человечества»²⁶. Именно феодалы, считал Луначарский, «выработали особый героический дух, черты которого мы потом ввели в самое понятие героя»: профессиональное владение оружием, доблесть, вассальная верность союзнику, готовность пожертвовать собой ради целой группы героев. Здесь же Луначарский подчеркнул роль поэта в создании героического мифа: «Всюду одно и то же мы видим: частью из уст в уста передаваемые, частью записанные, на твердом камне увековеченные, легенды о героях, т.е. преувеличенные, идеализированные сказания о поведении феодалов»²⁷.

На смену феодалам пришла победоносная буржуазия, которая хоть и состояла «в массе своей <...> из обывателей», но и она породила свои типы героев, таких как герой русских былин Садко: богатый купец, «переходный тип, не то мореход-купец, не то пират-герой». «Все герои, которые возникли в эпоху Возрождения, были или из купцов, или из кондотьеров, т.е. наемных капитанов, вышедших из того же мещанства или купечества», – утверждал Луначарский. Но в целом в истории «мещанская масса обывателей ненавидела героев в течение всего своего существования, всегда относилась к ним в высшей степени подозрительно, даже к благодетельным героям». В качестве примера Луначарский приводит трагическую судьбу Дон Жуана, «законного внука того героя, который был основоположником аристократии»²⁸.

Церковных деятелей, таких как Франциск Ассизский, Савонарола и Ян Гус, Луначарский охарактеризовал как «попытки героев» и переходное звено к героизму светской интеллигенции: «Так появляются новые герои. Через стадию церковных героев, святых и еретиков, возникли герои интеллигенции, светской интеллигенции»²⁹. Их эпохальным воплощением в мировой литературе является образ Фауста.

Характеристика, которую Луначарский дает интеллигентам – главным героям Великой Французской революции, крайне важна для понимания марксистского толкования истинного героя мировой истории. Героической, как заявлял Луначарский, в первую очередь была народная масса, «темная и жестокая», которая «не смогла бы, однако, сгруппироваться, организовать и работать, если бы не нашлись любимые вожди» из числа интеллигенции, такие как Марат, Дантон и Робеспьер. При этом, утверждал Луначарский, «ни Робеспьер, ни Дантон сначала настоящими революционерами не были. Они дошли до своего апогея лишь в общении с массами»³⁰. Этот героизм массы пережил революцию и сохранился вплоть до Наполеона, его запала хватило, чтобы создать французскую империю, однако он стал «механическим, абсолютно военным, чисто солдатским, дисциплинированным, потерявшим поэтому характер личной инициативы, личной доблести и превратившимся в муштру, в исполнение своего долга, в привычку и т.д. И это, как будто бы, отсосало с необычной быстротой от Франции ее народный героизм <...>»³¹.

В то же время, как заявлял Луначарский, остаточный героизм европейской интеллигенции трансформировался в индивидуалистический романтизм: «Этот романтизм был героизмом, свернувшимся внутрь и ищущим спасения в вине, в искусстве, в оригинальни-

²⁵ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 3.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же. С. 21–22.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же. С. 29.

чании и в мистике, а если иногда очень становилось невтерпеж – так и в самоубийстве»³². Наиболее ярким воплощением этих «негероических героев» Луначарский называл Байрона и его Чайльд-Гарольда. Здесь Луначарский перебрасывает важный мостик: «Героизм в этой эффектной, но бесплодной форме был занесен и к нам в Россию», этот героизм воплотили «шикарные, картонные герои» Пушкина, Лермонтова и Марлинского, у которых была «только внешняя героическая повадка»³³. «И в этой среде должна была, тем не менее, начаться героическая линия русской революционной борьбы. Как себя мог постичь, как мог себя нарисовать русский революционер?»³⁴.

Первыми «величайшими героями русской революции» были выходцы из мещан. «Но разве их можно назвать мещанами, – восклицал Луначарский, – они, как небо от земли, удалены от мещанской стихии, от обывательщины»³⁵. Разночинцы создали свою «героическую идеологию» и противопоставили себя «толпе», но не как «хищники», «не ради гордости», а как «сознательную и активную личность, готовую служить ей. И чем больше они противопоставляют себя как героя [толпе], тем больше проникаются чувством любви и долга. Чувствуя свое превосходство над толпой, они признавали, что стыдно быть таким героем <...>»³⁶. Так Луначарский характеризовал народников и народолюбцев, которых он ставил «на одном уровне со всеми революционерами великих революций и в ряду героев того типа, которые были не чужающимися героями, а оружием, борцами в низах этих масс, звание же героев они получили только за положительные черты», такие как мужество, верность, самоотверженность. За эсерами Луначарский был готов признать только то, что в отдельных случаях их индивидуальные моральные черты могут быть «субъективно-героичными»³⁷.

Все меняется коренным образом, когда на мировой исторической арене появляется новый класс – пролетариат. При первом же упоминании пролетариата у Луначарского возникает известная дилемма: «Тут нужно, прежде всего, разобраться в одном вопросе, который, наверное, многим из моих слушателей приходит в голову. Ведь основа учения, основная база идеологии пролетариата есть марксизм. Ведь марксизм отрицает роль личности в истории и, стало быть, он должен целиком отрицать героическое начало». Луначарский соглашается с этим «в значительной степени»: «марксизм отрицает тот взгляд на историю, согласно которому ее делают отдельные великие люди, а отсюда недалеко сказать, что вообще историю делают не герои, а ее делают и масса, и социальные силы. Правильно ли это будет сказано?»³⁸. И да, и нет, – отвечал Луначарский. Отрицание героев оправдано с социологической точки зрения: «Марксизм учит, что можно написать историю мира в ее главных, самых общих, важных чертах, не упоминая ни одного собственного имени, рассказав только, как изменялась форма труда, взаимоотношения классов, обмен и другие формы распределения, указав неизбежность столкновений классов и народных слоев. <...> В этом отношении личности он не признает»³⁹.

Однако есть еще один ключевой вопрос: кто, по мнению Маркса и марксистов, является творцом и делателем истории, задает ее ход? Ответ Луначарского звучит вполне по-марксистски: история «продельвается при помощи более или менее сознательной борьбы классов». Тем не менее здесь Луначарский делает важный акцент на дуализме «бессознательности» и «сознательности». Пролетариат долго был бессознательным классом, но «по мере осознания себя и организации себя пролетариат становится коллективной личностью и активной силой» за счет «выделения из класса партии», этой боевой и сознательной части класса, со своей программой, принципами и политическим

³² Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 30–31.

³³ Там же. С. 32.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 33.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 36.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Там же.

опытом⁴⁰. Вот здесь и появляются истинные индивидуальные герои, в первую очередь в ипостаси вождей – инструмент, посредством которого пролетариат осознает себя как класс.

Далее у Луначарского следует настоящий гимн вождю, теоретическое обоснование героического вождизма: «Чем партия лучше организована, тем больше в такой партии должно быть людей с большим опытом, зоркостью и авторитетом. Но если бы все были такими большими людьми и не подчинялись друг другу, это не был бы аппарат. Среди этих людей должна быть определенная иерархия. Тот из них, который по объему своего опыта, по дарованию своему, в смысле зоркости, и по авторитету, приобретенному вследствие преданности своему делу, тот из них, которого выдвигают массы, носит название вождя. Если класс созрел, у него есть вождь. Опыт и авторитет вождя растет соответственно с ростом партии, и Маркс не отрицает этого потому, что это естественный закон жизни организмов»⁴¹.

Итак, разница между классическим и большевистским героем в том, что первый «может являться совершенно отдельным человеком», в то время как вождь – «это человек, который возглавляет целую массу других, вокруг него кристаллизуются общественные силы». Вожди постепенно отбираются и отшлифовываются в процессе классовой борьбы с тем, чтобы превратиться в «орган своего класса», а потом, «как орган, они облегчают муки родов новых идей, они сокращают исторические пути, как машина сокращает работу. <...> Пролетариат хорошо знает, что такое вожди, что без них он, может быть, на десятилетие пойдет медленнее вперед»⁴².

Пролетарский герой «во всю свою обыденную практику вносит поступки, выдвигающие не свой личный интерес, а интерес общества, он себя рассматривает постоянно, как часть великой массы, несущей победу». В результате в нем проявляются все архетипические черты героя: «он будет доблестным, будет звать на борьбу, будет беспощадным к врагам; он будет верен своему классу, товарищам; он будет до конца самоотвержен, ибо не он важен, какая-то былинка, атом, а то, что он создал классовую армию, которая победит. Так вырабатывается пролетарский героизм»⁴³.

Луначарский раз за разом подчеркивает – пролетарский герой никогда не одинок, его и рабочую массу связывает неразрывная пуповина: «Героически настроенный коммунист связан непрерывной лестницей с каким-нибудь организующимся, но отсталым пролетариатом завода или фабрики»; пролетарский герой должен быть «послушен по отношению к действительности, по отношению к истинной потребности массы, [он] чутко отзывается на [зов] массы»⁴⁴. Индивидуальный героизм проявляется в том, что пролетарский герой ощущает себя «барометром, регулирующей машиной, которая, действуя, определяет действие всего механизма. <...> Таков новый герой, который чувствует себя более накаленным, более намагниченным чем остальная среда»⁴⁵.

Далее Луначарский сосредоточил огонь критики на конкурентах большевиков из социалистического лагеря, гордившихся своей героической традицией, – социалистах-революционерах и анархистах: «Теоретическая мораль о застрельщиках-террористах, критически мыслящей личности, которая себя представляет как бы солью мира, все отпало». Эсеры и анархисты не понимают, что их героизм снят с повестки дня всем ходом мировой истории: «Личность, которая по-прежнему придерживается старой морали, старой революционной героической повадки, думает, что ее героизм может быть приложен к кому угодно: к интеллигенции, крестьянству, пролетариату; она не может понять того, что эти люди совершенно разного труда, социального положения, разной социальной ценности. На смену критической личности пришел коллективный герой, огромный коллективный герой-пролетариат, а остальные классы представляют собою или мало, или совершенно не воспламеняющуюся

⁴⁰ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 37.

⁴¹ Там же. С. 39.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 42.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 43.

массу. Кто утверждает, что революция возникает из недр индивидуального сознания героя и может быть приложена к любому месту и времени на земле, тот безнадежно отстал»⁴⁶.

Подводя итоги, Луначарский еще раз обратился к марксистской диалектике: коммунизм отрицает индивидуальный героизм, но исходит из коллективного героизма. Отдельную личность коммунисты признают только тогда, когда «личность все свои дарования бросила на общее дело, отказалась от личных затей и идет в ногу с хорошо понятой действительностью. Такую личность пролетариат ценит, любит, такая личность не противоречит дисциплине. Наш коллективный героизм основан на максимальной дисциплинированности внутри самой коммунистической партии»⁴⁷. Завершалась лекция практическим лозунгом: «Марксизм есть величайшая и предельная степень коллективистического героизма»⁴⁸.

Сталинская революция сверху с особой остротой поставила для власти вопрос о действенных внеэкономических механизмах мобилизации социума. В первую очередь речь шла о создании героических культов отдельных личностей. Однако советская агитационно-пропагандистская машина отнюдь не спешила менять приоритеты. В годы первой пятилетки в большевистской идеологии по-прежнему доминировала линия, согласно которой главными героями являлись массы в виде трудовых коллективов. Советский Союз традиционно позиционировался как сакральное место – родина победоносного пролетариата, который, как писал в 1931 г. Н.И. Бухарин, «в героическом труде и героической борьбе завоевал себе историческое право на всемирную победу»⁴⁹. В расширительном плане Бухарин трактовал в качестве героя «борьбы наших дней» все «угнетенные массы человечества, их организованный пролетарский авангард»⁵⁰.

В то же время для части сталинского руководства и отдельных представителей творческих элит становилась все более очевидной необходимость появления героев, персонально олицетворяющих успехи первых пятилеток. В этом отношении крайне показательной является эволюция взглядов А.М. Горького, отразившаяся в его публицистических выступлениях периода первой пятилетки. Горький, который, как известно, претендовал на роль главного идеолога создания «нового человека», был убежденным и последовательным противником концепта героической личности. Однако и он был вынужден постепенно пересматривать и трансформировать свои взгляды. Наиболее четко это проявилось в 1929 г. в очерке под заголовком «День индустриализации», где Горький провозгласил симбиоз массы и героя-индивидуума. «Я знаю, помню, что мы не веруем в “героев” и не от них ждем “освобождения”. Но я вижу, что в наш мир пришли иные, новые герои, – герои иного характера, иных целей. Этих героев родит и выдвигает трудовая масса, и они не требуют преклонения себе. Но надобно знать и помнить, что необходимо внимание к их работе. Посылая их далеко впереди себя как пионеров индустрии, как разведчиков путей к социализму, рабочая армия, партия и советская власть должны создавать для них атмосферу сочувствия к ним, к их труду. Это – в интересах рабочего класса и советской власти, не понимать этого –

⁴⁶ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм... С. 44.

⁴⁷ Там же. С. 44-45.

⁴⁸ Там же. С. 46. Показательно, что в своей лекции Луначарский ни словом не упомянул о прекрасно известных ему взглядах на героя и героизм своего близкого друга и шафера, марксиста, члена РСДРП с 1900 г., философа С.А. Суворова, который в 1904 г. так раскрывал содержание термина «герой»: «Личность, наиболее ярко, глубоко и творчески-законченно выражающая идеал общественного развития своего времени, называется героем. <...> Героизм представляет величайшее проявление человечности, законченную полноту осуществления человеческой природы в личности человека, его жизни и деятельности. <...> Так как основа героизма есть богатство человеческой природы и энергия ее выражения, – то герой необходимо есть активная и творческая личность» (Суворов С. Основы философии жизни // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. 10 ст. СПб., 1904. С. 111). Статья Луначарского «Основы позитивной эстетики» шла в данном сборнике второй, сразу вслед за цитируемой статьей Суворова. Впрочем, эти взгляды Суворова и самого Луначарского были резко раскритикованы Лениным еще в 1908 г., очевидно, Луначарский усвоил полученный урок.

⁴⁹ Бухарин Н. Этюды. М.; Л., 1932. С. 34.

⁵⁰ Там же. С. 176.

преступно. Добьемся мы освобождения своею собственной рукой! Так! Но – наши герои труда и науки, это – пальцы могучей руки рабочего класса», – писал Горький⁵¹.

Чуть позднее, в том же году, в заметке «О мещанстве» Горький конкретно перечислил новых советских героев: «Героем наших дней является человек из “массы”, чернорабочий культуры, рядовой партиец, рабселькор, военкор, избач, выдвиженец, сельский учитель, молодой врач и агроном, работающие в деревне, крестьянин-“опытник” и активист, рабочий-изобретатель, вообще – человек массы! На массу, на воспитание в ней таких героев и должно быть обращено главное внимание»⁵².

В 1930 г. Горький объяснял специфику советского героя, сравнивая его с героями Запада: «Кого буржуазия считала и считает великими? Генерала, который умел истребить наибольшее количество солдат и разрушить наибольшее количество хозяйств, банкира, способного собрать в своих руках наибольшее количество денежных знаков, фабриканта, купца, Креза и подобных им организаторов производства орудий производства истребления людей, вероучителя, способного талантливо затемнять разум. <...> Наш герой теперь – рабочий-“ударник”, тот, кто ставит “мировые рекорды” успешности труда, как это было отмечено американцами на Днепрострое. Наш герой – “простой” человек, который в тяжелых условиях неумолимо и мужественно строит свое, рабочее государство равных – строит, разрушая все козни врагов, преодолевая все препятствия»⁵³.

В начале 1931 г. писатель отметил, что «трудовой героизм становится “бытовым” фактом. Этот “бытовой факт” ежедневно подчеркивает вся наша пресса»⁵⁴. В апреле 1931 г. Горький вновь обращается к теме героизма: «“Война родит героев”, но она их родит только потому, что война есть активная деятельность масс и что герой всегда производное от массы, фокус, в коем сосредоточивается ее энергия и который отражает ее обратно в массу. Это – диалектика драки»⁵⁵. Во всех этих цитатах четко видна граница, которую ни в коем случае не хотел переходить Горький: признав индивидуальных героев, он все равно видел в них исключительно «простых» людей массы, «пальцы руки» пролетариата.

Одиночка в глазах Горького был онтологически виноват перед массой, поскольку на всем протяжении мировой истории именно одиночки эксплуатировали массу, в том числе используя для этого религию. В своей заметке «История молодого человека» он так объяснял механизм подчинения многих немногим: «Но всякая религия – а христианская особенно, усердно заботясь о том, чтобы трудовой народ покорно подчинялся воле командующего меньшинства, чтобы раб считал владыку “властью от бога”, – всякая религия неизбежно должна воспитывать владык, и все религии так или иначе принуждены утверждать значение личности, единицы, ставить ее против массы как монарха, пророка, вождя, героя, – в конечном счете – как “спасителя”»⁵⁶. В другой статье 1931 г. «Ответ интеллигенту» Горький обрушился с критикой на «мнимую» свободу личности: «Стану ли я отрицать, что в Союзе Советов личность ограничена? Разумеется – нет, не стану. В Союзе Советов воля личности ограничивается каждый раз, когда она враждебно направлена против воли массы, сознающей свое право строительства новых форм жизни, против воли массы, которая поставила пред собою цель, недостижимую для личности, даже сверхъестественно гениальной. Передовые отряды рабочих и крестьян Союза Советов идут к своей высокой цели, героически претерпевая на пути множество внешних, бытовых неудобств и препятствий»⁵⁷.

Идеи Горького были созвучными государственной политике. В области литературы «новый герой» должен был отныне занять ключевое место. Об этом шла речь уже в проекте резолюции ЦК ВКП(б) «О художественной литературе», подготовленной весной 1930 г. заведующим отделом культуры и пропаганды ЦК А.И. Стецким. В частности, в резолюции

⁵¹ Горький М. День индустриализации // Горький М. Публицистические статьи. Л., 1933. С. 69.

⁵² Горький М. О мещанстве // Горький М. Публицистические статьи... С. 95.

⁵³ Горький М. Письмо редакции журнала «Будущая Сибирь» // Горький М. Публицистические статьи... С. 160.

⁵⁴ Горький М. О действительности // Там же. С. 231.

⁵⁵ Горький М. О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д. // Правда. 1931. 19 апр.

⁵⁶ Горький М. История молодого человека // Горький М. Публицистические статьи... С. 298.

⁵⁷ Горький М. Ответ интеллигенту // Горький М. Публицистические статьи... С. 244.

говорилось: «Эпоха социалистических революций, вступление СССР в период социализма, переход основной массы крестьянства к общественному хозяйству, героика строительства и классовой борьбы пролетариата дают исключительный материал для творчества и подъема художественной литературы на новые высоты». В связи с этим от писателей требовалось «отобразить рост новых социалистических отношений, *новых людей – героев социалистической стройки* (курсив наш. – А. С.) и создать произведения высокого художественного значения»⁵⁸.

Этой же линии придерживалась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) во главе с Л.Л. Авербахом. В 1931 г. в журнале «На литературном посту» было опубликовано постановление секретариата РАПП, в котором говорилось: «1. Обязать <...> незамедлительно отразить в художественной форме героев пятилетки, фабрик, отдельных ударников, награжденных орденом Ленина или Трудового Красного Знамени. 2. Считать это обязательным для всех писателей»⁵⁹. Несмотря на все разногласия между РАПП и руководством ВКП(б), линия на прославление героев была у них общей. В конце 1931 – начале 1932 г. А.И. Стецкий писал в проекте постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О состоянии основных литературно-художественных журналов»: «Журналы обязаны организовать участие лучших кадров писателей в показе руководящей роли партии во всем строительстве СССР, в показе героев пятилетки, в истории заводов и гражданской войны»⁶⁰.

Тем не менее, несмотря на очевидный тренд в направлении «персонализации» героизма, в начале 1930-х гг. по-прежнему доминировала дуальность трактовки советского героизма и советского героя с заметным креном в сторону массового героя. Здесь вновь следует обратить внимание на позицию А.М. Горького, который в это время при поддержке И.В. Сталина выступил с грандиозным проектом подготовки и издания многотомной «Истории гражданской войны». Естественно, вопрос о том, какие герои в каком качестве должны были предстать на страницах «Истории...», чрезвычайно занимал Горького. На коллективном обсуждении концепции многотомника, состоявшемся 25 мая 1931 г., писатель заявил: «У нас наблюдается некоторый перегиб в нашей литературе – я говорю не о военной литературе, а о беллетристике – литераторы слишком много внимания уделяли партизанскому движению в крестьянстве и чрезвычайно густо в различных произведениях была подчеркнута роль личности – но не так, как она должна быть подчеркнута с нашей точки зрения. Получалось что: высказывают разные щетинины⁶¹ и пр., они побеждали и революция победила их силою. Все это было: щетинины боролись, но одно дело бороться за корову, другое дело за социализм»⁶². В ноябре 1931 г. в письме к Р.П. Эйдеману, соратнику по работе над «Историей...», Горький выразил свою мысль более конкретно: «И Вы, и я беллетристы, мы оба знаем, что беллетрист, хотя бы и строгий реалист, все-таки субъективен, а наша история требует строгого, классового объективизма, наш герой класс, а не единица, излюбленный герой беллетриста»⁶³.

Однако такой «социологический» подход нравился далеко не всем. Нарком обороны К.Е. Ворошилов на вышеупомянутом заседании редколлегии «Истории...» заявил, что у белых «тоже были свои герои и мученики, были интересные события», и высказал свои представления, как следует писать многотомник: «А, между прочим, вопрос очень серьезный: как для художественной, так и исторической правды нужно допустить какую-то

⁵⁸ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С. 176–177. Однако «массы» никуда не делись: в резолюции речь также шла о новом типе писателя, «непосредственно связанного с массами», о литературном движении, которое становится «подлинно массовым», и т.п.

⁵⁹ На литературном посту. 1931. № 14. С. 1–2. См. также: Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932 гг. М., 1998. С. 130.

⁶⁰ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине... С. 224.

⁶¹ Так пренебрежительно и с ошибкой в фамилии Горький упомянул П.Е. Щетинкина (1884–1927), организатора и руководителя партизанского движения в Сибири, кавалера ордена Красного Знамени.

⁶² Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов. М., 2018. С. 34.

⁶³ Горький А.М. Полное (академическое) собрание сочинений. Письма в 24 томах. М., 2018. Т. 20. С. 359.

долю объективности. С другой стороны – это скользкий путь. Весь фон должен показать этих героев, эти отдельные эпизоды»⁶⁴.

В контексте неопределенности, кто же все-таки должен являться главным героем сталинской революции сверху, класс или единица, показательным является выступление советского писателя Л.М. Субоцкого⁶⁵ в феврале 1932 г. на 2-м пленуме Литературного объединения Красной Армии и флота (ЛОКАФ)⁶⁶. Доклад Субоцкого неслучайно был посвящен образу героя Гражданской войны в советской литературе. Недавно закончилась XVII партийная конференция, которая не только наметила планы второй пятилетки, но и поставила вопрос о показе героев социалистического строительства. Еще ранее, в январе 1931 г., об этом же говорил в своем докладе на IX съезде ВЛКСМ генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, а в сентябре 1931 г. на пленуме правления РАПП был заслушан доклад И.С. Макарьева «Показ героев труда – генеральная тема пролетарской литературы»⁶⁷. Тема, что называется, витала в воздухе.

В своем выступлении Субоцкий вслед за Косаревым и Макарьевым заявил, что герой Гражданской войны, как и герой-ударник, должен быть собирательным типом героя, образцом, которому могла бы следовать советская молодежь. Однако задача создания такого литературного героя была, с точки зрения Субоцкого, крайне трудна и сложна, так как советские литераторы не имели права создавать образ героя-одиночки, свойственный западной буржуазной литературе. «Перед советскими писателями <...> встает огромная опасность отрыва героя от масс, встает огромная опасность сделать его героем-одиночкой, героической личностью, не связанной с массами. Наш коллективный герой – масса», – заявил Субоцкий⁶⁸. Героизм советских героев не строится на всевозможных отвлеченных понятиях – надклассовом понимании цивилизации, долга, любви к стране или к женщине, справедливости и т.п., за которые бились и умирали герои буржуазной литературы. Основной базой советского героизма, считал Субоцкий, является «правильное понимание сознания классового долга». Еще одну опасность Субоцкий видел в создании «революционного Монтекросто», героя на все сто процентов⁶⁹.

В докладе Субоцкий предложил свое видение соотношения массы и индивидуальности в деле показа героя: «Нельзя подходить к массе в плане уравниловки и обезлички. Рабочий класс монолитен, но не обезличен. Он состоит из нескольких людей, и именно в показе этих нескольких людей интересно показать весь рабочий класс с его героической борьбой на фронтах гражданской войны»⁷⁰. Клянясь марксистской догме, Субоцкий фактически призывал к персонификации советского героя. Как отметили публикаторы выступления Субоцкого, речь шла о создании образа героя, актуального для современности⁷¹.

Ключевую роль в смене парадигмы массового героизма на персональный и доминирование индивидуальных героев над коллективами сыграла позиция Сталина, направленная на реабилитацию исторической личности и ее роли в истории. Этот сюжет хорошо изучен в

⁶⁴ Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции... С. 43.

⁶⁵ Субоцкий Лев Матвеевич (1900–1959) – литературный критик, член РКП(б) с 1919 г. Делегат X съезда партии, участвовал в подавлении мятежа в Кронштадте, был награжден орденом Красного Знамени. Позднее совмещал работу в военной прокуратуре (заместитель военного прокурора округа, помощник Главного военного прокурора, начальник отдела Главной военной прокуратуры) с литературной деятельностью. Был секретарем Оргкомитета Союза советских писателей, возглавлял отдел литературы и искусства газеты «Правда», был членом редколлегии и ответственным редактором «Литературной газеты».

⁶⁶ ЛОКАФ объединяло советских авторов, пишущих на военную тему. Существовало в 1930–1932 гг. С мая 1932 г. реорганизовано в «комиссию оборонной литературы» Союза советских писателей.

⁶⁷ В 1932 г. этот доклад был опубликован отдельной брошюрой: Макарьев И.С. Показ героев труда – генеральная тема пролетарской литературы. М., 1932.

⁶⁸ Закружная З.С., Московская Д.С. К вопросу о показе героя гражданской войны. Стенограмма доклада Л.М. Субоцкого на втором расширенном пленуме ЛОКАФ // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов. М., 2018. С. 170.

⁶⁹ Там же. С. 171.

⁷⁰ Там же. С. 170.

⁷¹ Там же. С. 167.

историографии, что избавляет нас от необходимости подробно излагать канву событий⁷². Хотелось бы лишь коротко акцентировать внимание здесь на личной роли Сталина. В.В. Тихонов пишет, что, «с одной стороны, в базовых вопросах вождь был человеком с догматическим стилем мышления, но с другой – умел приспособлять теорию под практические нужды и менять свою позицию довольно радикально»⁷³. Именно так и поступил вождь в данном случае. Разнообразные варианты учебников истории (в том числе истории РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б)), подготовленные правоверными историками-марксистами, Сталин один за другим подвергал в 1934 г. резкой критике, требуя отказаться от обезличенных социологических схем и вернуть на страницы учебников людей. Так, 8 марта 1934 г. на совещании наркома просвещения А.С. Бубнова с историками, посвященного теме стабильного⁷⁴ учебника истории, присутствующие с подачи Сталина уже всю критикували старые партийные учебники за социологические схемы, за то, что они представляют собой историю общественно-политических систем, страдающую резким дефицитом имен⁷⁵.

27 января 1936 г. советская пресса опубликовала «Замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по “Истории СССР”» и сообщения «В Совнарком Союзов ССР и ЦК ВКП(б)», в которых резкой критике был подвергнут «вульгарно-социологический подход» к истории. Амнистия исторической личности⁷⁶ широко открывала ворота для триумфального шествия советского героя-индивида. Доминирование индивидуальных героев над коллективами, акцент на персональном героизме были продиктованы, по определению Д. Бранденбергера, прагматическим требованием сталинской модернизации, где герои являлись «крайне необходимыми примерами для подражания», а также для выработки советской идентичности⁷⁷. Именно в годы второй и третьей пятилеток сформировался архетип советского героя, тогда же были заданы эталонные образцы героического поведения.

Однако триумф героев-индивидуумов над массой середины 1930-х гг. не означал, что процесс протекал без рецидивов, без возвращения к классической марксистской трактовке. Тема героизма и героев оказалась крайне токсичной в годы Большого террора⁷⁸. Клеймение «старых» большевиков и героев Гражданской войны как «врагов народа» привело к резкому зигзагу в политике героизации: ставка на героя-индивида на некоторое время стала неактуальной. Об этом, в том числе, свидетельствуют высказывания самого Сталина. Так, 16 февраля 1938 г. он написал в Детиздат протест по поводу готовившейся к печати книги «Рассказы о детстве Сталина» авторства некой Смирновой. В частности, он заявил о том, что книгу не только не стоит публиковать, но даже следует сжечь, не потому, что в ней «масса фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений», а потому, что «книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория “героев” и “толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка <...> будет вредить нашему общему большевистскому делу»⁷⁹.

⁷² См., например, специальное новейшее исследование: Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М., 2024. Ранее была предпринята публикация комплекса документов, посвященных созданию в 1930-е гг. советских учебников истории. См.: Историю – в школу. Создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008.

⁷³ Тихонов В.В. Полезное прошлое... С. 45.

⁷⁴ В противовес учебникам-журналам, наследию кампании политехнизации школьного образования начала 1930-х гг.

⁷⁵ «Нужен большевистский Иловайский»: Из стенограммы совещания наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова с историками о стабильном учебнике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022578> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷⁶ Про «амнистию» человеческой личности в качестве реакции на «Замечания...» писал в своем дневнике М.М. Пришвин, об «утешительном впечатлении» «реабилитации личности» в связи с культом Ивана Грозного упоминал Б.Д. Греков.

⁷⁷ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа... С. 76.

⁷⁸ Там же. С. 165.

⁷⁹ Большая цензура... С. 498; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3218. Л. 1–2.

Линия возврата к марксистской концепции «героических масс» четко проявилась в содержании «Краткого курса “Истории ВКП(б)”», из которого Сталин в ходе редакции убрал имена даже тех героических личностей, которых на тот момент не затронули репрессии, – челюскинцев, папанинцев, прославленных летчиков. Из «новых героев» в XI главе «Краткого курса», посвященной периоду 1930–1934 гг., не упоминался ни один человек. В заключительную XII главу, посвященную периоду 1935–1937 гг., попали только имена стахановцев: самого А.Г. Стаханова, а также Н.А. Изотова, А.Х. Бусыгина, Н.С. Сметанина, П.Ф. Кривоноса, Минусинского, Евдокии и Марии Виноградовых, М.С. Демченко, М.В. Гнатенко, П.Н. Ангелиной, С.В. Полагутина, Ф.И. Колесова, П.И. Ковардак и К.А. Борина⁸⁰. Из героев Гражданской войны в соответствующей VIII главе единожды назывались лишь К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и Г.К. Орджоникидзе⁸¹.

Когда в сентябре 1938 г. в Москве на совещании пропагандистов и руководящих работников по пропаганде Москвы и Ленинграда, созванном с целью обсуждения роли «Краткого курса» в агитационной работе, один из участников совещания, некто Шленский⁸², отметил, что в учебнике не хватает информации о важных для истории партии личностях, Сталин разразился в ответ пространной речью. В частности, он заявил: «До сих пор у нас история партии писалась под другим углом – не в обиду будет сказано авторам исторических учебников, я не хочу их хаять, это люди, добросовестно поработавшие и сделавшие много хорошего, давшие большую пользу нашей партии, – но все-таки тот путь, по которому наши учебники шли, – не годится. Это был путь воспитания людей на лицах, восхваление этих лиц. Не у всех, но почти у всех это происходило. Вот и здесь товарищ Шленский замечание делает, что роль отдельных лиц недостаточно отмечена в книге. Как будто бы в этом дело. Нам ведь представили известный проект учебника, мы его переделали в корне. Проект учебника был построен на лицах, главным образом, кто как героически вел себя, кто сколько раз бежал из ссылки, кто сколько пострадал ради дела и т.д. и т.п. Разве на этом можно строить учебник? Разве на этом можно воспитывать кадры? Кадры надо воспитывать на идеях, на теории. <...> А что нам дадут лица? Я не хочу противопоставлять идеи лицам, хотя, конечно, о лицах придется говорить, но говорить, насколько это необходимо. Но не в лицах соль, а в идеях, в теоретическом уклоне. Теоретический уклон должен быть. ЦК думает, что партия от этого выиграет, только выиграет»⁸³.

Таким образом, констатирует Д. Бранденбергер, Сталин «не постеснялся раскритиковать укоренившийся подход партии к мобилизации масс – тот подход, который сам не только поддерживал, но и помогал развивать несколькими годами ранее»⁸⁴. Более того, Бранденбергер делает вывод о том, что жертвой Большого террора стали не только конкретные герои, но и «само понятие личного героизма», что привело в конечном итоге к «окостенению официального курса»⁸⁵ сталинского агитпропа, вынужденного вернуться к абстракции, материализму и схематизму 1920-х гг.

Однако этот рецидив был кратковременным. Вооруженные конфликты и «малые» войны 1939–1940 гг. давали власти массу возможностей для создания новых героев. Свидетельством реабилитации личного героизма и триумфом «новых героев» стал XVIII съезд ВКП(б), проходивший в Москве 10–12 марта 1939 г. Ни на одном из довоенных партийных съездов не звучало столько речей о героях и героизме.

Исследователи неоднократно обращались к сюжету реабилитации истории как науки в середине 1930-х гг. и амнистии исторической личности в СССР. При этом предлагались различные объяснительные модели, вплоть до «историзма» Сталина, которому практически все историки безоговорочно отводят ключевую роль в изменении парадигмы. Однако гипотеза о

⁸⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 323.

⁸¹ Там же. С. 227.

⁸² В списках посетителей кабинета Сталина за 8 февраля 1926 г. упоминается партработник А.Л. Шленский из Рязанского губкома ВКП(б).

⁸³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 1–18.

⁸⁴ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа... С. 211–212.

⁸⁵ Такое название носит глава 10 монографии Д. Бранденбергера.

том, что фактический отказ от одной из основополагающих историософских идей марксизма о человеческих массах как движущей силе истории произошёл, главным образом, под влиянием советских политических реалий 1930-х гг., только прокладывает себе дорогу в историографии. Появление героев, которые персонально олицетворяли успехи социалистического строительства и являлись важными примерами для подражания и образцами для формирования советской идентичности, стало важным явлением сталинской модернизации. Возвращение «героя» не только на страницы учебников истории, но и на общественно-политическую сцену Советского Союза не было беспроблемным и заняло практически всю вторую половину 1930-х гг., однако уже к 1940 г. личный героизм стал неотъемлемой ипостасью нового советского человека и важнейшим инструментом построения социалистического общества.

Литература

- Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932 гг. М.: АИРО-XX, 1998. 204 с.
- Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / сост. Л.В. Максименков. М., 2005. 752 с.
- Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. 367 с.
- Бухарин Н. Этюды. М.; Л., 1932. 354 с.
- Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб., 1920. 322 с.
- Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / под ред. Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 15–160.
- Веселовский С.Б. Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 114–132.
- Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб., 1898. 352 с.
- Горький А.М. Полное (академическое) собрание сочинений. Письма в 24 томах. М.: Наука, 2018. Т. 20. 1004 с.
- Горький М. О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д. // Правда, 1931. 19 апр.
- Горький М. Публицистические статьи / под ред. А.И. Груздева. Л., 1933. 415 с.
- Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. С. 3–44.
- Закружная З.С., Московская Д.С. К вопросу о показе героя гражданской войны. Стенограмма доклада Л.М. Субоцкого на втором расширенном пленуме ЛОКАФ // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / под ред. Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 161–173.
- Историю – в школу. Создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. 303 с.
- История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. 351 с.
- Как это было: Дневник А.И. Шингарева. Петропавл. крепость, 27.XI.17–5.18. М.: Ком. по увековечению памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, 1918. 68 с.
- Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. III. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 628 с.
- Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: АСТ, 2012. 1024 с.
- Ленин В.И. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 1–29.
- Ленин В.И. Революционный авантюризм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 6. С. 377–398.

Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм. Лекция, прочитанная в Ленинграде в 1924 году в пользу беспризорных. М.: Новая Москва, 1925. 50 с.

Макарьев И.С. Показ героев труда – генеральная тема пролетарской литературы. М.: Госхудлитиздат, 1932. 83 с.

«Нужен большевистский Иловайский»: Из стенограммы совещания наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова с историками о стабильном учебнике / публ. С.Ю. Зайченко, Т.Ю. Красициной [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022578> (дата обращения: 20.05.2024).

Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 300–334.

Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 93–108.

Слезкин Ю.Л. Дом Правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 976 с.

Суворов С. Основы философии жизни // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. 10 ст. СПб.: Изд. Дороватовского и Чарушникова, 1904. С. 1–113.

Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. 368 с.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 269–317.

References

Brandenberger, D. (2017). *Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin. 1927–1941]. Moscow. 367 p.

Bukharin, N. (1932). *Etyudy* [Etudes]. Moscow, Leningrad. 354 p.

Bukharin, N., Preobrazhenskiy, E. (1920). *Azbuka kommunizma: populyarnoe ob'yasnenie programmy Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [ABC of Communism: A Popular Explanation of the Programme of the Russian Communist Party of Bolsheviks]. Peterburg. 322 p.

Bystrova, O.V., Zakruzhnaya, Z.S., Moskovskaya, D.S. (2018). “Istoriya grazhdanskoj vojny”: izdatel'skiy proekt epokhi rekonstruktsii [“History of the Civil War”: A Publishing Project of the Reconstruction Era]. In *Istoriografiya Grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovaniya i publikatsiya arkhivnykh materialov*. Moscow, IMLI RAN, pp. 15–160.

Carlyle, T. (2012). *Geroy, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [Heroes, Honouring Heroes and Heroic in History]. Moscow, AST. 1024 p.

Engels, F. (1961). Lyudvig Feyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoj filosofii [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy]. In *Marx K., Engels F. Soch. 2-e izdanie*. Moscow, Politizdat. Vol. 21, pp. 269–317.

Eyermacher, K. (1998). *Politika i kul'tura pri Lenine i Staline. 1917–1932 gg.* [Politics and Culture under Lenin and Stalin. 1917–1932]. Moscow, AIRO-XX. 204 p.

Gor'kiy, A.M. (2018). *Polnoe (akademicheskoe) sobranie sochineniy. Pis'ma v 24 tomakh* [The Complete (Academic) Collection of Works. Letters in 24 Volumes]. Moscow, Nauka. Vol. 20. 1004 p.

Gor'kiy, M. (1931). O rabote neumeloy, небрежной, недобросовестной и так далее [About the Work of Inept, Careless, Unscrupulous, etc.]. In *Pravda*. 19 aprelya.

Grinin, L.E. (2010). Lichnost' v istorii: evolyutsiya vzglyadov [Personality in History: Evolution of Views]. In *Istoriya i sovremennost'*. No. 2, pp. 3–44.

Gruzdev, A.I. (Ed.), Gor'kiy, M. (1933). *Publitsisticheskie stat'i* [Publicistic Articles]. Leningrad. 415 p.

(1938). *Istoriya VKP(b). Kratkiy kurs* [History of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b). Short Course]. Moscow. 351 p.

(2008). *Istoriyu – v shkolu. Sozдание pervykh sovetskikh uchebnikov* [History – to School. Creation of the First Soviet Schoolbooks]. Moscow. 303 p.

(1918). *Kak eto bylo: Dnevnik A.I. Shingareva. Petropavl. krepost', 27.XI.17–5.18* [How It Was: Diary of A.I. Shingarev. Petropavl. Fortress, 27.XI.17–5.18.]. Moscow, Komissiya po uvekovecheniyu pamyati F.F. Kokoshkina i A.I. Shingareva. 68 p.

Kareev, N.I. (1890). *Osnovnye voprosy filosofii istorii. Chast' III. Sushchnost' istoricheskogo protsessa i rol' lichnosti v istorii* [Basic Questions of the Philosophy of History. Part. III. The Essence of the Historical Process and the Role of the Person in History]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 628 p.

Lenin, V.I. (1963). *Revolutsionnyy avanturyzm* [Revolutionary Avanturism]. In *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow. Vol. 6, pp. 377–398.

Lenin, V.I. (1970). *Velikiy pochin. O geroizme rabochikh v tylu. Po povodu "kommunisticheskikh subbotnikov"* [The Great Cause. On the Heroism of the Workers in the Rear. On "Communist Subbotniks"]. In *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow. Vol. 39, pp. 1–29.

Lunacharskiy, A.V. (1925). *Geroizm i individualizm. Lektsiya, pročitannaya v Leningrade v 1924 godu v pol'zu besprizornykh* [Heroism and Individualism. Lecture Delivered in Leningrad in 1924 in Favour of Homeless Children]. Moscow, Novaya Moskva. 50 p.

Makar'ev, I.S. (1932). *Pokaz geroev truda – general'naya tema proletarskoy literatury* [Showing the Heroes of Labour – the General Theme of Proletarian Literature]. Moscow, Goskhudlitizdat. 83 p.

Maksimov, L.V. (Ed.). (2005). *Bol'shaya tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956* [Big Censorship: Writers and Journalists in the Land of the Soviets. 1917–1956]. Moscow. 752 p.

Plekhanov, G.V. (1956). *K voprosu o roli lichnosti v istorii* [To the Question about the Role of Personality in History]. In *Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 5 tomakh*. Moscow. Vol. 2, pp. 300–334.

Savin, A.I. (2020). *Geroizm kak ideologicheskyy kontsept stalinskoy epokhi* [Heroism as an Ideological Concept of the Stalin Era]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3 (55), pp. 93–108.

Slezkin, Yu.L. (2019). *Dom Pravitel'stva. Saga o russkoy revolyutsii* [The House of Government. Saga of the Russian Revolution]. Moscow, AST: CORPUS. 976 p.

Suvorov, S. (1904). *Osnovy filosofii zhizni* [Principles of the Philosophy of Life]. In *Ocherki realisticheskogo mirovozzreniya. Sbornik statey po filosofii, obshchestvennoy nauke i zhizni. 10 statey*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Dorovatovskogo i Charushnikova, pp. 1–113.

Tikhonov, V.V. (2024). *Poleznoe proshloe. Istoriya v stalinskom SSSR* [The Useful Past. The History in Stalin's USSR]. Moscow, NLO. 368 p.

Veselovskiy, S.B. (2009). *Dnevniki 1919–1923, 1944 godov* [The Diaries of 1919–1923, 1944]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 114–132.

Yakovenko, V.I. (Trans.). (1898). *Geroi i geroicheskoe v istorii. Publichnye besedy Tomasa Karleylya* [Heroes and Heroic in History. Public Conversations of Thomas Carlyle]. St. Petersburg. 352 p.

Zakruzhnaya, Z.S., Moskovskaya, D.S. (2018). *K voprosu o pokaze geroya grazhdanskoy voyny. Stenogramma doklada L.M. Subotskogo na vtorom rasshirennom plenumе LOKAF* [To the Question of Showing the Hero of the Civil War. Transcript of the Report of L.M. Subotsky at the Second Extended Plenum of LOKAF]. In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsiya arkhivnykh materialov*. Moscow, IMLI RAN, pp. 161–173.

Zaychenko, S.Yu., Krasovitskaya, T.Yu. "Nuzhen bol'shevistskiy Ilovaiskiy": Iz stenogrammy soveshchaniya narkoma prosveshcheniya RSFSR A.S. Bubnova s istorikami o stabil'nom uchebnike ["We Need a Bolshevik Ilovayskiy": From the Transcript of the Meeting of the Commissar of Education of the RSFSR A.S. Bubnov with Historians about a Stable Schoolbook]. Available at: URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022578> (date of access 20.05.2024).

А.М. Дубровский*

**ИДЕОЛОГЕМА «ДРУЖБА НАРОДОВ»
И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА (1930–1950-Е ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2024-5-3
УДК 316.75:930"193/195"

Выходные данные для цитирования:
Дубровский А.М. Идеологема «дружба народов» и историческая наука (1930–1950-е годы) // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 47–58.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-03.pdf>

A.M. Dubrovskiy*

**IDEOLOGEME “FRIENDSHIP OF PEOPLES”
AND HISTORICAL SCIENCE (1930–1950)****

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-3

How to cite:
Dubrovskiy A.M. Ideologeme “Friendship of Peoples” and Historical Science (1930–1950) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 47–58.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-03.pdf>]

Abstract. The main goal of the issue is to characterize the metaphor “friendship of peoples” as ideologeme in Bolshevik’s ideology. In 1920 in connection with creating of USSR were explored such concept as “voluntary military-economic union”, “the indestructible union of peoples”, “the single economic front of Soviet socialist republics” and others. They meant something unique in the history of mankind, something that was created only thanks for Bolsheviks. These concepts were devoid of that quality which inherent in every ideological concept – emotional coloring. This was the first period of understanding the union of peoples within the borders of the USSR and connections between them. 1930 became a crucial period in the Bolshevik transition to the position of realism. Utopian experiments were over. Such traditional Russian concepts as “Motherland”, “patriotism”, “protection of the Fatherland” had appeared in ideology on the eve of the war. Along with them appeared concepts “friendship of peoples”, “Great Russian people”, “Russian people are the elder brother in the family of Soviet peoples”. The material on the history of Ukraine gave an opportunity to historians for creating the mythological representations about long history of peoples friendship originating in ancient times. The Bolsheviks crowned this process of rapprochement of peoples with the creation of the USSR. This work was unfolded after the Great Patriotic War, “The Short Course of the History of Ukrainia” was prepared (1948). Thanks to this condition the concept “friendship of peoples” unfolded into a concept which can be represented as four abstracts: friendship of peoples was born in prerevolution period of the history; friendship of peoples manifested itself in the fight against the external invaders; friendship of peoples took shape in the struggle against internal exploiters; the highest manifestation of friendship of peoples is creation and existence of the USSR.

Keywords: USSR, friendship of peoples, history of Ukraine, ideology of the Bolsheviks, mythological ideas, ideology

The article has been received by the editor on 27.04.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Александр Михайлович Дубровский**, доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск, Россия, e-mail: altxdubr48@mail.ru

Aleksandr Mikhailovich Dubrovskiy, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University, Bryansk, Russia, e-mail: altxdubr48@mail.ru

** Исследовательская работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 3-28-0028 «Украинская историография Древней Руси конца XX – начала XXI веков: концепции, источники, тенденции».

The research work was carried out within the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 3-28-0028 “Ukrainian Historiography of Ancient Russia of the Late 20th – Early 21st Centuries: Concepts, Sources, Trends”.

Аннотация. Главная цель настоящей статьи – характеристика метафоры «дружба народов» как идеологемы большевистской идеологии. В 1920-х гг. в связи с созданием СССР использовались такие понятия, как «добровольный военно-хозяйственный союз», «нерушимый союз народов РСФСР», «единый хозяйственный фронт советских социалистических республик» и др. Они обозначали нечто уникальное в истории человечества и были лишены качества, присущего каждому идеологическому понятию – эмоциональной окраски. Шел первый период осмысления союза народов в границах СССР. 1930-е гг. стали временем завершения утопических экспериментов, крутого поворота в эволюции большевиков к позиции реализма. Накануне войны в идеологии появились такие традиционные российские понятия, как «родина», «патриотизм», «великий русский народ», «русский народ старший брат в семье советских народов». История Украины дала исследователям возможность подкрепить мифологические представления о длительной истории дружбы народов, уходящей в древние времена. Большевики увенчали процесс сближения народов созданием СССР. Работа историков широко развернулась после Великой Отечественной войны, включая подготовку «Краткого курса истории Украины» (1948). Благодаря разработке в исторической и политической литературе идеологическое понятие «дружба народов» было развернуто в концепцию, которую можно представить в виде следующих тезисов: дружба народов зародилась в дореволюционный период истории; она складывалась и проявлялась в борьбе против внешних захватчиков; а также в борьбе против эксплуататоров; высшим проявлением дружбы народов стало создание и существование Советского Союза.

Ключевые слова: СССР, дружба народов, история Украины, идеология большевиков, мифологические представления, идеологема.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024 г.

Идеологическому понятию «дружба народов», принятому в Советском Союзе, американский историк Л. Тиллет посвятил объемную монографию. В ней довольно подробно рассмотрена реализация этой идеологемы в исторической литературе в 1920–1960-х гг.¹ Между тем Тиллет не связал возникновение и использование историками идеологемы о дружбе между народами с менявшейся политической ситуацией и эволюцией идеологии большевиков. В ту пору, когда работал историк, эта картина не была еще вполне ясна. К настоящему времени понятно, что идеология большевиков под напором реальности лишилась утопических черт или сочетала отдельные из них с иными по своей сущности и происхождению ценностями, традиционными для российского общества. К тому же понятию обратился и другой американский историк – Т. Мартин. Он осветил политику пропаганды дружбы народов: приемы И.В. Сталиным представителей республик СССР, помощь в развитии национальных культур, проведение декад национального искусства².

Цель настоящей работы – характеристика метафоры «дружба народов» в качестве идеологемы в системе воззрений позднего большевизма. Как представляется, эволюция идеологии большевиков прошла в своем развитии по крайней мере три периода. Первый – революционный, до 1917 г. В это время идеи большевизма были нацелены на разрушение существовавшего строя – политического, социального, экономического. После прихода к власти идеология стала наполняться охранительным содержанием. Второй период в ее жизни может быть определен как переходный. Это главным образом 1920-е и начало 1930-х гг. Наконец,

¹ Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill, 1969. P. 35.

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 593–629.

в 1930-х гг. оформился охранительный характер идеологии, который сохранялся до конца пребывания Коммунистической партии у власти.

Как известно, в раннем большевизме (до 1930-х гг.) было немало утопических элементов, верность которым могла бы подорвать власть большевиков. Поэтому уже с первых шагов (в 1917 г.) революционная власть в России должна была, считаясь с реальностью, идти на компромиссы и уступки идейного плана. Заключались договоры с буржуазными (!) государствами. Декрет Совета Народных Комиссаров о независимости Финляндии (декабрь 1917 г.) был, по сути, таким соглашением. Далее последовал мир с Германией (1918 г.), серия договоров в начале 1920-х гг. с рядом государств: все они в соответствии с представлениями марксизма были «буржуазными», т.е. социальными врагами пролетариата. Так внешнеполитические условия существования Советской России заставляли уходить от утопических представлений большевизма.

С первых лет пребывания у власти большевиков они вынуждены были считаться и с внутренними условиями, повлиявшими на теоретические представления. В ходе военных действий уже в начале Гражданской войны (весна 1918 г.) пришлось изживать распространенную среди социалистов разных толков (в том числе большевиков) идею о ликвидации профессиональной армии и замене ее вооруженным народом. Реформа Л.Д. Троцкого, введившая жесткую дисциплину, обязательный призыв в армию, использование профессионально подготовленных офицеров и прочие действия по укреплению вооруженных сил, позволила победить в этой войне. Это стало самым убедительным аргументом в пользу отказа от прежнего представления.

И все же в 1920-е гг., когда господствовала почти незамутненная новациями (но уже и не кристально чистая) раннебольшевистская идеология, продолжались смелые эксперименты, сопровождавшиеся решительной ломкой привычного в самых разных областях жизни и деятельности людей – от семейного быта до театра и изобразительного искусства.

В непосредственной связи с этой ломкой, с критикой «проклятого царского режима» в идеологии и пропаганде появился ряд понятий, поясняющих образование СССР и национальную политику большевиков. Больше всех по этому поводу высказывался И.В. Сталин как нарком по делам национальностей. Т. Мартин указывает только на одно словосочетание, предшествовавшее широкому употреблению понятия «дружба народов»: «Стандартной метафорой было “братство народов”»³. Однако это не было единственным понятием. В выступлениях Сталина употреблялись такие словосочетания, как «добровольный хозяйственный союз»⁴, «нерушимый союз народов РСФСР»⁵, «единый хозяйственный фронт советских социалистических республик»⁶, «единый хозяйственный союз»⁷, «одна социалистическая семья»⁸, «единый экономический фронт»⁹, «объединенный фронт»¹⁰, «братское сотрудничество народов»¹¹, «сотрудничество между народами нашей федерации по линии хозяйственной, по линии военной, по линии политической», «братское сожительство»¹². Все эти выражения – предшественники идеологемы «дружба народов» – относились к текущему периоду и не были связаны с историческим прошлым. Наоборот, они обозначали нечто беспрецедентное, небывалое в истории человечества, всецело порожденное большевиками, новым строем социально-политических отношений. У этих конструктов, созданных большевиками, не могло быть никаких исторических корней. Проводимая царизмом колониальная

³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»... С. 603.

⁴ Сталин И.В. Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов // Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 114.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ Вопрос об объединении независимых национальных республик // Сочинения... С. 138.

⁷ Там же. С. 139.

⁸ Об объединении советских республик // Сочинения... С. 150.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 149.

¹¹ Там же. С. 154–155.

¹² Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве // Сочинения... С. 241.

политика по отношению к нерусским народам, обличаемая политиками и историками в 1920-х гг., исключала всякие истоки «братского сотрудничества народов». Таков был первый период осмысления соединения народов и отношений между ними в границах СССР.

По наблюдению Тиллета, некоторые элементы концепции дружбы народов, существовавшие еще в дореволюционный период, заметны в идеологических текстах уже в конце 1920-х гг.¹³ Однако это положение он не наполнил эмпирическим содержанием. Трудно понять, какие конкретные факты имел в виду историк.

Представляется важным учитывать исторический контекст событий. Конец 1920-х и первая половина 1930-х гг. стали временем большого поворота в социально-экономической и духовной жизни страны. Этот поворот ознаменовался и крупными, и менее значительными, но резкими изменениями в разных областях общественной жизни. Он был подготовлен и внутренней логикой развития партии и страны, и внешними факторами, особенно угрозой новой войны, о которой Сталин открыто сказал с трибуны XVII съезда партии.

Завершилась полоса новой экономической политики. Партия взяла курс на непосредственное строительство социализма. Состоялась первая пятилетка, ознаменовавшая широкую индустриализацию, проведена коллективизация крестьянства. Под партийный контроль были поставлены люди искусства (особенно писатели, композиторы, художники) и науки. Крах экспериментов в области образования привел к возвращению к традиционным формам подготовки специалистов, от теории «стакана воды» перешли к политике укрепления семьи и запрещения абортов. Сталин добился победы над конкурентами в борьбе за власть, празднование его пятидесятилетия заложило основу формирования культа личности, идейного комплекса вождизма в идеологии партии. 1930-е гг. стали решающим периодом в переходе партии большевиков на позиции реализма в идеологии и политике. Процесс продолжался и позднее, в 1940–1950-х гг., но главное было решено раньше.

При этом, как известно, большевики не могли отказаться от идей, считавшихся базовыми в системе марксистско-ленинского духовного наследия. В результате получилась внутренне противоречивая идеологическая смесь. Классовый подход соединился с национальным (общесоциальным), интернациональный с патриотическим, культ революции и классовой борьбы с культом сильного государства и защиты Отечества. Почитаемыми героями наряду с вожаками народных восстаний и революционерами стали монархи и полководцы царской армии, защищавшие Родину. Выдающиеся писатели перестали быть представителями интересов и идей тех или иных социальных слоев дореволюционной России – дворянства, мелкой буржуазии. Классики литературы «порозовели», стали духовно ближе советскому человеку.

В идеологии партии, в пропаганде появились новые понятия – «Родина», «патриотизм», «защита Отечества». В их числе были и такие идеологемы, как «дружба народов», «великий русский народ», «русский народ, старший брат в семье советских народов».

Эти элементы идеологии должны были служить духовной скрепой многонационального разноязыкового поликонфессионального Советского Союза, чьи республики находились на разных уровнях развития во всех областях жизни. Имея перспективу войны, Сталин был озабочен сохранением единства народов Союза. Особенно его беспокоила Украина. Она имела значительную по протяженности границу с западными странами, владела морским побережьем. Часть украинцев жила на территории Польши. Исследователь темы Е.Ю. Борисенок отметила: «Сталин особое внимание уделял возможному влиянию внешних факторов на Украину: “Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет <...>. Имейте также в виду, что в Украинской компартии <...> обретается немало (да, немало!) гнилых элементов <...> наконец – прямых агентов Пилсудского”. Мнение Сталина о положении в украинской парторганизации поддерживали и другие члены ЦК»¹⁴. В 1932 г. началось укрепление руководства Украины новыми кадрами. Если раньше здесь, как и в других республиках СССР,

¹³ *Tillet L.* The Great Friendship... P. 35.

¹⁴ *Борисенок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М., 2006. С. 211.

проводилась политика коренизации – насыщения руководящих кадров выходцами из коренного населения той или иной республики, то теперь республики стали получать назначенцев из Москвы. Пошла декоренизация. Однако кадровые перестановки были важной, но недостаточной мерой для более надежного соединения республик Союза. Необходимо было воздействовать на массовое сознание. С этой целью Сталин взял на вооружение словосочетание «дружба народов».

4 декабря 1935 г. он выступал на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана, выращивавших хлопок для страны. «Есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, – сказал вождь, – это дружба народов нашей страны. Настоящее совещание, ваши речи, ваши дела говорят о том, что дружба между народами нашей великой страны укрепляется. <...> Былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, <...> недоверие сменилось полным взаимным доверием, <...> дружба между народами СССР растет и крепнет. А дружба между народами СССР – большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы»¹⁵. В своей речи Сталин несколько раз произнес ключевые слова «дружба народов», усиленно внедряя их в общественное сознание; речь была опубликована в «Правде» 6 декабря 1935 г. Уже 5 декабря газета на первой странице разместила статью о совещании, назвав ее «Великая дружба». 6 декабря в правом верхнем углу первой страницы «Правды» была помещена цитата из речи Сталина о дружбе народов СССР. Передовая статья под названием «Великое братство свободных народов» содержала цитаты из речи Сталина. Обычно понятие входило в идеологию партии именно после того, как его употребил Сталин. Даже если оно звучало и ранее, только после, так сказать, санкции Сталина превращалось в идеологему и входило в духовную жизнь советского общества.

Понятия, которые употреблялись ранее для характеристики отношений между народами СССР – «добровольный военно-хозяйственный союз», «нерушимый союз народов РСФСР», «единый хозяйственный фронт советских социалистических республик» и пр., были лишены того качества, которое присуще всякой идеологеме, – эмоциональной окраски. Словосочетание «дружба народов» (два кратких и знакомых слова!) легче воспринималось и запоминалось, чем такое сложное словесное построение, как «единый хозяйственный фронт советских социалистических республик». Привычные слова обывательской речи с положительным смыслом должны были восприниматься массовым сознанием как нормальность, естественность, истинность. С помощью таких идеологем выстраивалась идеализированная (и в то же время мифологизированная) советская действительность. Идеологема «дружба народов» совпадала с мифологемой – единицей мифологической системы.

Говоря о дружбе народов в СССР, Сталин указал только на ее укрепление («дружба между народами нашей страны укрепляется»). Он ничего не сказал о том, когда возникла эта дружба, какие стадии в своем развитии прошла. Понятие выдвигалось как идеологема и пока не развилось в концепцию.

10 декабря 1935 г. в «Правде» вышла статья под названием «Дружба с СССР – залог мира». Речь шла о состоявшемся в Лондоне конгрессе сторонников мирных отношений Англии с Советским Союзом. Примечательно то, что понятие «дружба народов» было перенесено в сферу межгосударственных отношений. И все же в дальнейшем оно использовалось главным образом по отношению к внутреннему положению СССР.

30 декабря 1935 г. на первой странице «Правды» в связи с 15-летием образования Азербайджанской Республики опубликовали приветствие Сталину от пролетариев Азербайджана. В этом документе, несомненно идеологическом, говорилось: «Заложенная тобою, эта дружба народов живет и здравствует в Азербайджане и Закавказье». Таким образом, в это время новое идеологическое понятие еще не имело связи с отдаленным прошлым советских народов. Дружба между ними виделась только в советское время, видимо, в связи с победой большевиков и образованием СССР. Сталин как нарком национальностей в 1922 г., как

¹⁵ Сталин И.В. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства // Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 100–101.

создатель Союза провозглашался творцом дружбы между народами страны. Ту же точку зрения представил М.И. Калинин в докладе на XVII съезде Советов в 1937 г. Одна из частей его выступления называлась «Дружба и братство народов»¹⁶.

В начале 1936 г. в передовой статье «Правды» под названием «РСФСР» была выдвинута идея, которая имела определенное отношение к идеологеме «дружба народов». Видимо, Сталин хотел скорректировать содержание своего выступления 4 декабря 1935 г. Тогда он говорил о равенстве народов: «Великий Ленин <...> сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными». Это положение Сталин противопоставлял «старому времени», когда царизм стремился «сделать один народ – русский народ – господствующим, а все народы – подчиненными, угнетенными»¹⁷.

Теперь, 1 февраля 1936 г., в передовой статье «Правды» под названием «РСФСР» говорилось: «Все народы – участники великой социалистической стройки – могут гордиться результатами своего труда; все они <...> полноправные советские патриоты. И первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика». Строго говоря, речь в статье шла не обо всех народах Советского Союза, а только о народах, входивших в состав Российской Республики. Однако здесь явно содержалась заявка на выдвижение русского народа на ведущее место среди народов всего СССР, так как «в созвездии Советских Республик первой величиной является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика», так как «русский народ вместе с другими народами великого Советского Союза стал во главе исторического прогресса», так как «громадную волю, энергию и упорство проявил он наряду и рука об руку с другими народами Советского Союза в борьбе за превращение нашей родины в великую пролетарскую державу», «именно русская культура <...> сыграла огромную роль в развитии многочисленных народов», они «получили письменность, приобщены к социалистическому труду, спасены от вырождения, подняты из праха к жизни, свету, знаниям». Именно русским трудящимся «выпала честь помочь трудящимся других национальностей стать подлинно свободными членами социалистического содружества народов – СССР».

Статья «Правды» содержала в себе антигерманскую, антифашистскую нацеленность. «Не топтать фашистскому сапогу советской земли!» – провозглашалось в ней. И это доказывает оборонительное назначение в идеологии партии и страны идеи дружбы народов и ведущей роли русского народа.

Как известно, в том же 1936 г. партийное руководство дало важную установку историкам при освещении темы присоединения народов к России в дореволюционное время. Ранее (1920-е гг.) советские историки исходили из формулы «Россия – тюрьма народов», с 1934 г. была принята идеологема «Царизм – тюрьма народов», поэтому историки разрабатывали тему истории нерусских народов России в трагическом ключе (та или иная территория превращалась в колонию России). Теперь, в 1936 г., им был вручен такой универсальный ключ для решения проблемы, как формула «наименьшее зло» для народа, чья родина стала частью России. Иными словами – лучше с Россией, чем с кем-нибудь еще¹⁸.

Есть серьезные основания полагать, что автором формулы был именно Сталин. В 1936 г. в связи с конкурсом на лучший школьный учебник по истории СССР Н.И. Бухарин (признанный теоретик партии!) писал о том, что осью будущей книги должно стать рассмотрение «образования и развития “государства Российского” как некоего целого, как тюрьмы народов, революционно преобразованной в их социалистический союз». В конце того же года авторы готовящегося учебника получили совершенно иное указание: трактовать присо-

¹⁶ Калинин М.И. О проекте конституции // Чрезвычайный XVII Всероссийский съезд Советов. 15–21 января 1937 г. Стенографический отчет. М., 1937. С. 15–18.

¹⁷ Сталин И.В. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства...

¹⁸ См.: Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1910–1950-е гг.). М., 2017. С. 249.

единение того или иного народа к России как «наименьшее зло» для него¹⁹. Только Сталин мог так круто повернуть от привычной для большевиков идеологемы к новой, отрицавшей старую. При этом он, давая директивы А.А. Жданову, указывал как на убедительные примеры на присоединение к России родной для него Грузии и беспокоившей его Украины.

Особое значение Украине придавало и постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР. Критикуя создателей многочисленных проектов учебника, составители постановления писали в 1937 г.: «Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII в., в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. <...> Факт перехода Украины под власть России рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени»²⁰. Как отметил Тиллет, благодаря постановлению жюри Хмельницкий оказался единственным нерусским историческим деятелем, который получил в СССР большую популярность перед Второй мировой войной²¹.

В 1939 г. состоялась публикация первого тома учебника по отечественной истории для высших учебных заведений. В нем были представлены новые идеи, связанные с эпопеей Б. Хмельницкого. «Русское государство становилось объективной опорой передовых, более прогрессивных сил украинского народа, и в результате ходом исторического развития утверждался союз украинского и великорусского народов», – писали авторы. И далее: «Вопреки политике российского царизма, превратившего российское государство в тюрьму народов, распространившего на Украину свою политику колониального угнетения, вопреки царизму и в борьбе с ним этот союз продолжал расти и крепнуть, чтобы закрепить свою неизбежность в победоносной Пролетарской революции, превратившей царскую Россию – тюрьму народов – в счастливый и свободный Советский Союз»²². Дружба народов, их союз стали приобретать свою историю, брали истоки в глубине веков, а не возникли, как говорили об этом раньше, только в связи с образованием СССР.

В свете новых идеологических веяний украинские историки издали в 1940 г. «Краткий курс истории Украины». Прошлое их земли таило в себе особенно большие возможности для разработки идеологемы «дружба народов». Решение Переяславской рады о соединении с Россией оказалось благодарным материалом для наполнения новой идеологемы историческим содержанием. Примечательно, что в книге не только была реализована формула «наименьшее зло»²³, но и сделан шаг в ином направлении под влиянием новой идеологемы – «дружбы народов». Историки указали на то, что в результате действий казацкой старшины, в частности Б. Хмельницкого, произошло «объединение с братским русским народом», и теперь уже «совместными силами украинского и русского народов отбили нападения на Украину Польши и Турции»²⁴. Не правительственные войска, а, по логике авторов книги, именно народы, объединившись, воевали с внешними врагами. Таким образом, «дружба народов» СССР стала приобретать некое историческое прошлое, наполненное совместной борьбой против общих врагов. Понятие стало разворачиваться в концепцию благодаря усилиям историков.

В 1943 г., находясь в эвакуации в Уфе, украинские историки при содействии специалистов из РСФСР выпустили книгу «История Украины». Видимо, учитывая оккупацию Украины врагом и необходимость усиленного идеологического влияния на украинское население, авторам было позволено опубликовать такую работу объемом более 300 страниц. Примечательно, что работа вышла на украинском языке, следовательно, предназначалась не для жителей России, а для населения Украины. Оно должно было получить книгу в ходе

¹⁹ Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР... С. 225, 226.

²⁰ Дубровский А.М. Партийно-государственные источники по истории исторической науки (1930-е гг.). Брянск, 2020. С. 34.

²¹ Tillet L. The Great Friendship... P. 56.

²² История СССР. М., 1939. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. С. 553, 558.

²³ Краткий курс истории Украины. Киев, 1948. С. 91.

²⁴ Там же. С. 90, 91.

освобождения территории от врага. В этой работе авторы высказали мысль о том, что украинский народ вместе с русским народом издавна боролся против своих эксплуататоров (а не только внешних врагов, как говорилось ранее)²⁵.

Победа в Великой Отечественной войне дала основание для дальнейшего возвеличения русского народа, что, как известно, и было сделано Сталиным в его речи на приеме в Кремле в честь командующих Красной армии. Сталин назвал русский народ «руководящим народом», «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в СССР»²⁶. Теперь высказывания о дружбе между советскими народами обязательно сопровождались указаниями на то, что тот или иной народ получал помощь со стороны братского русского народа. В январе 1948 г. отмечалось 30-летие установления советской власти в Украине. 24 января в передовой статье «Правды» «Гордость всего советского народа» говорилось о том, что «украинский народ <...> при помощи и поддержке всех народов СССР и в первую очередь великого русского народа <...> обрел свою государственность». На юбилейной сессии Верховного Совета УССР выступил В.М. Молотов. Он отметил, что украинский народ пошел по пути к социализму первым «вслед за русским народом». Эта речь была опубликована на первой странице в «Правде» 25 января 1948 г.

В 1945 г. начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров выдвинул идею изначального «общего исторического процесса народов СССР»²⁷. Идея переключалась с представлением о том, что задолго до революции 1917 г. народы будущего СССР, в частности украинский и русский, боролись против общих врагов. Применительно к истории Украины эта идея Александрова могла найти опору в факте существования Киевской Руси – колыбели трех народов.

В 1948 г. напечатали макет заново созданного «Краткого курса истории Украины». И хотя он не был позже опубликован, но как утвержденное властью учебное издание достоин специального рассмотрения в качестве историографического источника, ясно представляющего важнейшие тенденции в украинской исторической мысли. Книга важна и с иной стороны. Она предназначалась не специалистам, а очень широким слоям населения, выраженные в ней идеи должны были войти в общественное сознание.

В подготовке книги приняли участие не только украинские историки, но и привлеченные из Москвы видные специалисты. Название одной из первых глав – «Образование Киевского государства – общей колыбели русского, украинского и белорусского народов» – подчеркивало родство и, следовательно, залог будущей дружбы названных народов. Хотя книга была посвящена истории Украины, но в ней постоянно упоминалась судьба собственно русских земель. Так, глава, посвященная истории Украины в XV–XVI вв., начиналась с части под названием «Образование централизованных государств в Восточной Европе. Начало объединения русских земель вокруг Москвы». Название другой части той же главы включало в себя такую формулу – «Роль Москвы как центра объединения украинского и белорусского народов». Авторы таким путем проводили мысль о едином историческом процессе, в который были издавна вовлечены украинский и русский народы. Развивая идею дружбы народов, авторы писали об укреплении союза «братских единокровных восточнославянских народов – русского и украинского», об их «общей классовой борьбе <...> против эксплуататоров» и внешних врагов. По утверждению создателей книги, Переяславская рада «утвердила навеки дружбу, союз двух братских единокровных народов»²⁸.

Послевоенные годы были ознаменованы изданием значительных по объему, как правило, двухтомных трудов по истории союзных республик – Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Узбекистана. К 800-летию Москвы стали выходить роскошно оформленные тома фундаментального труда. Возможно, в этой обстановке издать «Краткий курс истории Украины» было уже неудобно. Историки взялись за создание двухтомного сочинения.

²⁵ Юшков С., Славин Л., Петровский М., Гуслистый К. История Украины. Уфа, 1943. Т. I. С. 308.

²⁶ Сталин И.В. Выступление на приеме в Кремле командующих войсками Красной армии // Сочинения. М., 1997. Т. 15. С. 228.

²⁷ См. подробнее: Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР... С. 417–418.

²⁸ Краткий курс истории Украины... С. 125.

Если сопоставить труд 1948 г. издания с вышедшим в свет в 1950-х гг. произведением «История Украины», то можно увидеть те же словесные формулы, в частности, об «общей колыбели»²⁹. «Присоединение Украины к России – событие, подготовленное всем ходом исторической жизни обоих братских народов, сыгравшее большую роль в истории Европы», – заключали авторы³⁰. Здесь же утверждалось с полной ясностью то, что «истоки дружбы этих народов (русского, украинского, белорусского. – А. Д.) восходят к периоду Киевской Руси»³¹. В пору феодально-крепостнического гнета русский и украинский народы боролись совместно против эксплуататоров, чему специально была посвящена одна из частей V главы в работе. Это стало развитием и углублением той самой мысли, которая высказана в макете краткого курса.

Таким образом, после окончания Великой Отечественной войны историки оказались включенными в разработку темы о дружбе народов. Важная роль при этом отводилась украинским специалистам. Празднование в СССР трехсотлетия Переяславской рады в 1954 г. дало толчок работе историков и пропагандистов. Примечательно, что даже в Самарканде была напечатана брошюра об этом юбилее³². Обобщением их работы послужила небольшая книжка Ф. Шевченко «Историческое значение вековечной дружбы украинского и русского народов». Второе издание этой работы вышло в Киеве в переводе с украинского на русский язык, причем ее содержание было дополнено новым материалом. Именно в этой работе особо отчетливо закреплялись сконструированные украинскими историками исторические представления, наполнявшие миф о дружбе народов эмпирическим материалом и надуманными рассуждениями. В истории украинского народа большое место занимала характеристика его жизни под властью Польши и Литвы, борьбы за свою независимость. В связи с этим Ф. Шевченко вслед за историками (в частности, авторами книги 1948 г. издания, которые впервые сформулировали такую мысль) выдвигал идею о том, что борьба украинцев «усилилась после образования вокруг Москвы Русского централизованного государства». Это государство «стало притягательной силой для украинского и белорусского народов, находившихся под иномземным гнетом»³³. «В силу исторических условий перед украинским народом с давних времен возник вопрос: на кого ориентироваться, с кем идти, на кого опираться, чтобы спасти себя от порабощения. И всегда украинский народ приходил к одному решению – быть вместе в тесном единении с великим русским народом. Все свои надежды обращал он всегда к братскому русскому народу, – писал Шевченко. – Никогда не прекращались политические, экономические и культурные связи между Россией и Украиной»³⁴. Проявлением этого содружества народов автор считал «дружбу запорожских и донских казаков», воевавших с турками. «Украинский народ внес свой значительный вклад в борьбу с турецкими захватчиками, которые пытались поработить Россию»³⁵. Таким образом, и Россия была обязана украинцам спасением от угрозы, измышленной украинским пропагандистом.

Естественно, что в центре внимания Шевченко были события середины XVII в., связанные с деятельностью Б. Хмельницкого. «Воссоединение Украины с Россией имело огромное значение для всей последующей истории украинского народа», – писал он. Украина спаслась от гнета как с польской, так и с турецкой стороны. И Россия получила укрепление позиций, стала более сильной в экономическом и военном отношении³⁶. Проследившая фазы совместной борьбы, автор книги указывал на такие события, как Полтавская битва, война 1812 г. «Именно в составе Российского государства, вопреки антинародной

²⁹ История Украины. Киев, 1950. Т. I. С. 32.

³⁰ Там же. С. 157.

³¹ Там же. С. 120.

³² Алескеров Ю.Н., Чикаев Х.Ф. Выдающееся событие в истории нашей родины. К 300-летию воссоединения Украины с Россией. Самарканд, 1954.

³³ Шевченко Ф. Историческое значение вековечной дружбы украинского и русского народов. Киев, 1954. С. 23, 24.

³⁴ Там же. С. 27.

³⁵ Там же. С. 29.

³⁶ Там же. С. 33–34.

колониальной политике царизма и благодаря дружбе с русским народом украинский народ достиг значительных успехов в своем развитии»³⁷. Дружба же между народами «развивалась и крепла в первую очередь в общих классовых боях трудящихся против эксплуататоров»³⁸. С течением времени, как говорил автор, дружба русского и украинского народов поднималась на новую, более высокую ступень. Таким образом, историческая протяженность дружеских отношений между народами не только имела значительную длительность, но и знала определенные фазы прогрессивного развития. И если ранее, как говорилось выше, рождение дружеских отношений между советскими народами связывалось исключительно с образованием Советского Союза, то теперь благодаря усилиям историков и пропагандистов стало ясно, что к моменту оформления СССР уже существовал «прочный фундамент доверия всех народов нашей страны к великому русскому народу», «прочная основа дружбы между народами»³⁹.

«С помощью русского народа и других народов нашей страны» Украина превратилась из полуколонии в передовую республику. В годы Великой Отечественной войны «с особой силой проявились дружба и братство советских народов». «Коммунистическая партия учит беречь и укреплять дружбу народов как великое завоевание Советской власти, как важный источник силы и непобедимости Советского государства», – выдвигал один из заключительных выводов автор⁴⁰. Эти заявления выявляют значение понятия «дружба народов» в идеологии зрелого большевизма.

Подведем итоги. Итак, с 1930-х гг. в идеологию партии был введен новый элемент – «дружба народов». В отличие от представлений, распространенных в 1920-х гг., благодаря работе главным образом украинских и русских историков он отражал не только текущую советскую действительность (дружба народов в СССР), но и историческое прошлое, причем очень отдаленное, в котором эта дружба зарождалась и существовала. В такой трактовке идеологема «дружба народов» дожила до конца советского периода отечественной истории. Раньше, в 1920-х гг., она появиться не могла, поскольку в ту пору в составе каждого народа, населявшего СССР, были не только трудящиеся массы (рабочие и крестьяне), но и их социальные враги – сельская и городская буржуазия, даже феодалы. Только после рубежа 1920–1930-х гг., когда изменилась социальная структура СССР, стало возможным появление идеологема с понятием «народ», обозначающим исключительно трудящихся, освобожденных от эксплуатации. Благодаря разработке в исторической и политической литературе идеологическое понятие «дружба народов» было развернуто в концепцию, которую можно представить в виде следующих тезисов: 1) дружба народов зарождалась в дореволюционный период истории; 2) дружба народов проявлялась в борьбе против внешних захватчиков; 3) дружба народов складывалась и проявлялась в борьбе против эксплуататоров; 4) высшим проявлением дружбы народов является создание и существование Советского Союза.

Особая роль украинских исследователей в историческом обосновании идеологема «дружба народов» определялась и большим количеством подходящего исторического материала, и степенью разработанности истории Украины, и наличием научных кадров, пусть и немногочисленных, но все же более солидных по профессиональной подготовке, чем в иных союзных республиках.

Литература

Алескеров Ю.Н., Чикаев Х.Ф. Выдающееся событие в истории нашей родины. К 300-летию воссоединения Украины с Россией. Самарканд: Политиздат, 1954. 70 с.

Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М.: Европа, 2006. 256 с.

³⁷ Шевченко Ф. Историческое значение вековечной дружбы украинского и русского народов... С. 47.

³⁸ Там же. С. 51.

³⁹ Там же. С. 140.

⁴⁰ Там же. С. 174.

Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 622 с.

Дубровский А.М. Партийно-государственные источники по истории исторической науки (1930-е гг.). Брянск: БГУ, 2020. 36 с.

История Украины / ред. А.К. Касименко. Киев: Изд-во АН УССР, 1950. Т. I. 487 с.

История Украины. Краткий курс / А.К. Касименко (общ. руководство), С.Н. Белоусов, И.Д. Бойко и др. Киев: Изд-во АН УССР, 1948. 836 с.

История СССР. М.: Госиздат полит. литературы, 1939. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. 847 с.

Калинин М.И. О проекте Конституции // Чрезвычайный XVII Всероссийский съезд Советов. 15–21 января 1937 г. Стенографический отчет. М., 1937. С. 15–18 (первая пагинация).

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

Сталин И.В. Вопрос об объединении независимых национальных республик // Сочинения. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. Т. 5. С. 138–144.

Сталин И.В. Выступление на приеме в Кремле командующих войсками Красной армии // Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 15. С. 228–229.

Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве // Сочинения. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. Т. 5. С. 236–263.

Сталин И.В. Об объединении советских республик // Сочинения. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. Т. 5. С. 145–155.

Сталин И.В. Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов // Сочинения. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. Т. 5. С. 113–116.

Сталин И.В. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства // Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 100–101.

Шевченко Ф.П. Историческое значение вековой дружбы украинского и русского народов. Киев: Госполитиздат УССР, 1954. 175 с.

История Украины / С. Юшков, Л. Славин, М. Петровский, К. Гуслистый. Уфа, 1943. Т. I. 330 с.

Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill, 1969. 468 p.

References

Aleskerov, Yu.N., Chikaev, Kh.F. (1954). *Vydayushcheesya sobytie v istorii nashey rodiny. K 300-letiyu vossoedineniya Ukrainy s Rossiey* [The Outstanding Event in the History of Our Motherland. For the 300th Anniversary of Reunification of Ukraine and Russia]. Samarkand, Politizdat. 70 p.

Borisenok, E.Yu. (2006). *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii* [The Phenomenon of Soviet Ukrainization]. Moscow, Evropa. 256 p.

Dubrovskiy, A.M. (2017). *Vlast' i istoricheskaya mysl v SSSR (1930–1950 gg.)* [The Power and the Historical Thought in the USSR (1930–1950s)]. Moscow, ROSSPEN. 622 p.

Dubrovskiy, A.M. (2020). *Partiyno-gosudarstvennyye istochniki po istorii istoricheskoy nauki (1930-e gg.)* [Party-State Sources on the History of Historical Science]. Bryansk, BGU. 36 p.

Kasimenko, A.I. (Ed.). (1950). *Istoriya Ukrainy. Tom 1* [History of Ukraine. Vol. 1]. Kiev, Izdatelstvo AN UkSSR. 487 p.

Kasimenko, A.I. (Ed.), Belousov, S.N., Boyko, I.D. et al. (1948). *Istoriya Ukrainy. Kratkiy kurs* [History of Ukraine. A Short Course]. Kiev, Izdatelstvo AN UkSSR. 836 p.

(1939). *Istoriya SSSR. Tom 1: S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of USSR. From Ancient Times Until the End of the 18th Century]. Moscow, Gosizdat politicheskoy literatury. 847 p.

Yushkov, S., Slavin, L., Petrovskiy, M., Guslistyy, K. (1943). *Istoriya Ukrainy* [History of Ukraine]. Ufa. Vol. 1. 330 p.

Kalinin, M.I. (1937). O proekte Konstitutsii [About the Draft Constitution]. In *Chrezvychnyy XVII Vserossiyskiy s'ezd Sovetov. 15–21 yanvarya 1937 g. Stenograficheskiy otchet*. Moscow, pp. 15–18.

Martin, T. (2011). *Imperia “polozhitelnoy deyatelnosti”*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Empire of “Positive Activity”. Nations and Nationalism in USSR, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN. 855 p.

Shevchenko, F.P. (1954). *Istoricheskoe znachenie vekovechnoy druzhby ukrainskogo i russkogo narodov* [The Historical Significance of Eternal Friendship of Ukrainian and Russian Peoples]. Kiev, Gospolitizdat USSR. 175 p.

Stalin, I.V. (1947). Vopros ob ob'edinenii nezavisimyykh natsionalnykh respublik [The Issue of Uniting the Independent National Republics]. In *Sochineniya. Vol. 5*. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, pp. 138–144.

Stalin, I.V. (1997). Vystuplenie na prieme v Kremlе komanduyushchih Krasnoy Armii [Speech at the Reception of Red Army Commanders in Kremlin]. In *Sochineniya. Vol. 15*. Moscow, Pisatel', pp. 228–229.

Stalin, I.V. (1947). Doklad o natsionalnykh momentakh v partiynom i gosudarstvennom stroitel'stve [The Report on National Moments in Party and State Building]. In *Sochineniya. Vol. 5*. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, pp. 236–263.

Stalin, I.V. (1947). Ob ob'edinenii sovetskikh respublik [About the Associating of the Soviet Republics]. In *Sochineniya. Vol. 5*. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, pp. 145–155.

Stalin, I.V. (1947). Oktyabrskaya revolyutsiya i natsionalnaya politika russkikh kommunistov [The October Revolution and the National Policy of the Russian Communists]. In *Sochineniya. Vol. 5*. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, pp. 113–116.

Stalin, I.V. (1997). Rech na soveshchanii peredovykh kolhoznikov i kolhoznits Tadzhikistana i Turkmenistana s rukovoditelyami partii i pravitel'stva [Speech at the Broadcasting of Advanced Collective Farmers and Collective Farmers of Tajikistan and Turkmenistan with Party and Government Leaders]. In *Sochineniya. Vol. 15*. Moscow, Pisatel', pp. 100–101.

Л.А. Сидорова*

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ЛИЧНОСТНАЯ МОТИВАЦИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-4
УДК 001:94(47+57)"1941/1945"

Выходные данные для цитирования:
Сидорова Л.А. Актуализация исторической памяти в годы Великой
Отечественной войны: личностная мотивация советских историков //
Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 59–68.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-04.pdf>

L.A. Sidorova*

**ACTUALIZATION OF HISTORICAL MEMORY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
PERSONAL MOTIVATION OF SOVIET HISTORIANS**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-4

How to cite:
Sidorova L.A. Actualization of Historical Memory during the Great Patriotic War:
Personal Motivation of Soviet Historians // Historical Courier, 2024, No. 5 (37),
pp. 59–68. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-04.pdf>]

Abstract. Using the example of the scientific and propaganda activities of academician M.V. Nechkina, the problem of personal motivation of Soviet historians in their work to promote the historical experience of Russia during the Great Patriotic War is investigated. It is shown that participation in the actualization of historical memory was due to the civic position of historians, in which the awareness of their patriotic duty was in the first place. M.V. Nechkina prepared a number of popular science books and pamphlets on military historical topics, gave lectures to various audiences – in military units, enterprises, hospitals, etc. She talked about the heroic pages of the history of the Fatherland; the heroes of her books and lectures were outstanding generals of the past, from Prince Alexander Nevsky to M.I. Kutuzov. M.V. Nechkina developed the basic rules for building popularization lectures, lectured on the methodology of organizing the popular scientific lecture process. The need to arm soldiers not only with weapons, but also with historical knowledge became obvious to M.V. Nechkina even during the Civil War. M.V. Nechkina's scientific and popularization activities were closely connected with her research: the latter provided material for books and lectures, and the needs of propaganda posed new tasks in studying specific problems of history. An important event was her business trip to Iran in the summer of 1943, where she spoke to the staff of the Soviet embassy, Soviet military units, as well as on Tehran radio. In the notes that M.V. Nechkina made during this trip, her attitude to the propaganda of the historical past as to the fulfillment of a responsible mission, the purpose of which was to strengthen the moral and psychological state of the Soviet people, was vividly manifested.

Keywords: historical memory, propaganda, patriotism, civic position, M.V. Nechkina.

The article has been received by the editor on 14.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На примере научно-популяризаторской деятельности академика М.В. Нечкиной исследуется проблема личностной мотивации советских историков в их работе по пропаганде исторического опыта России в годы Великой Отечественной войны. Показано, что участие в актуализации исторической памяти обусловлено

* **Любовь Алексеевна Сидорова**, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: lasidorova@rambler.ru

Lyubov Alekseevna Sidorova, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: lasidorova@rambler.ru

гражданской позицией историков, в которой на первом месте было осознание своего патриотического долга. М.В. Нечкина подготовила ряд научно-популярных книг и брошюр военно-исторической тематики, выступала с лекциями перед различными аудиториями – в воинских частях, на предприятиях, в госпиталях и пр. Она рассказывала о героических страницах истории Отечества, героями ее книг и лекций становились выдающиеся полководцы прошлого, от князя Александра Невского до М.И. Кутузова. М.В. Нечкина разработала основные правила построения публичных выступлений, проводила их по методике организации научно-популярного лекционного процесса. Необходимость вооружения воинов не только оружием, но и историческими знаниями стала очевидной для М.В. Нечкиной еще в годы Гражданской войны. Научно-популяризаторская деятельность М.В. Нечкиной была тесно связана с ее исследованиями: последние давали материал для книг и лекций, а потребности пропаганды ставили новые задачи в изучении конкретных проблем истории. Важным событием стала ее командировка летом 1943 г. в Иран, где она выступала перед сотрудниками советского посольства, советскими воинскими частями, а также на тегеранском радио. В заметках, которые М.В. Нечкина сделала в ходе этой поездки, ярко проявилось ее отношение к пропаганде исторического прошлого как к выполнению ответственной миссии, целью которой было укрепление морально-психологического состояния советского народа.

Ключевые слова: историческая память, пропаганда, патриотизм, гражданская позиция, М.В. Нечкина.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024 г.

Историческая память – неперемнная составляющая самосознания и идентичности общества. Ее роль в переломные периоды истории возрастает многократно. Так было и в годы Великой Отечественной войны. Перед советской исторической наукой встала задача сделать историческое прошлое одним из действенных средств духовной мобилизации для победы над врагом. Актуализация исторической памяти рассматривалась в качестве приоритетного направления в деятельности академических и вузовских центров. В этих целях в исследовательские планы были включены подготовка и издание научно-популярных книг и брошюр военно-патриотической тематики, в первую очередь о выдающихся полководцах и военачальниках прошлого, о наиболее ярких событиях военной истории России.

Пропагандируя патриотический опыт защиты российской государственности, многие известные историки выступали с лекциями в трудовых коллективах, воинских частях, госпиталях. Так, признанному знатоку истории наполеоновских войн и мастеру ораторского искусства Е.В. Тарле выделили специальный поезд-вагон, с которым он передвигался в своих лекционных поездках. В одном из своих писем он писал, что за три недели прочитал одиннадцать двухчасовых лекций при двух-трех тысячах рабочих свердловских и нижегородских заводов, где его принимали «ультратепло»¹.

Проблема актуализации исторической памяти решалась также при подготовке изданий по истории союзных республик Советского Союза. Историки Москвы и Ленинграда, оказавшиеся в эвакуации в Средней Азии, не только преподавали в местных вузах, но и участвовали в создании историй советских Казахстана и Узбекистана.

Деятельность историков в годы Великой Отечественной войны была проникнута идеей патриотизма, которую они проводили в своих конкретных исследованиях и которая становилась центральной в их мировоззрении. Патриотизм лежал в основе личностной мотивации советских историков, участвовавших в актуализации исторического знания в предвоенный и военный периоды. Для обоснования этого тезиса обратимся к некоторым сюжетам, связанным с участием будущего знаменитого академика, а тогда еще доктора исторических

¹ Очерки истории отечественной исторической науки. Омск, 2005. С. 498.

наук и профессора Милицы Васильевны Нечкиной (1899–1986) в историко-пропагандистской работе. Этот выбор определялся двумя обстоятельствами: во-первых, ее высокой активностью в данной сфере, а во-вторых, М.В. Нечкина оставила большой и уникальный комплекс личных документов, которые дают возможность раскрыть поставленную проблему.

В профессиональной деятельности М.В. Нечкиной в предвоенные и военные годы выступления с лекциями на военно-патриотические темы составляли, без преувеличения, весомую часть. «Лекции тоже воюют», – была убеждена Милица Васильевна и так обосновала свое суждение: «В арсенале идейного оружия им отведено свое место. Воину нужен широкий и постоянный приток познаний, служащих его делу. И не только познаний, но и глубокое понимание цели борьбы, справедливого дела защиты Родины»².

Это понимание пришло к М.В. Нечкиной очень рано. Ей запомнился маленький эпизод времен Гражданской войны. В 1919 г., учась на втором курсе историко-филологического факультета Казанского университета, она одновременно работала библиотекарем-культурником Вещбазы № 2 Запасной армии республики. В ее арсенале находились два небольших книжных шкафа и газеты. «И вот входит ко мне в библиотеку молодой красноармеец в полной форме, при оружии: “Завтра направляемся на фронт освобождать от белых наш Донбасс – каменный уголь нужен пролетариям для фабрик и заводов. Все положенное я получил, но вдруг чувствую: важного не хватает – и к вам в библиотеку. Не знаю я, откуда это в земле каменный уголь, из чего произошел, как природно устроен... Может, у вас книжка есть, что такое, что он такое есть...”, – много лет спустя рассказывала она об удивившей ее просьбе красноармейца и продолжала, – В бедной библиотеке кое-что нашлось, мобилизовала я и все свои познания: и гимназические, и от отца-инженера, порылась и в словаре. Он ушел довольный с какой-то брошюркой. Я была потрясена. Вот он о чем думал, вот для чего нашел минутку накануне отъезда, что захотел знать. Он прав в этом своем желании».

Случившееся днем стало вечером темой доклада М.В. Нечкиной на заседании студенческого кружка, носившего «удивительное название “кружок текущих мыслей”». Она рассказала о своем «замечательном посетителе». И хотя, писала М.В. Нечкина, «случай был с виду незначительный, а потряс студенческие души. Война идет, солдат едет освобождать Донбасс и не забыл о науке, забежал в библиотеку – надо было узнать, что ж это такое по природе – откуда взялся, почему горит, как появился в земле...»³.

Тематика читавшихся ею лекций непрерывно расширялась. Среди них встречались лекции как на обобщающие, так и на более конкретные темы. Среди обобщающих лидировала лекция «Крах замыслов мирового господства в истории человечества», с которой М.В. Нечкина часто выступала перед различными аудиториями. В числе прочих наиболее востребованными оказались следующие: «Мужественный образ наших великих предков», «Исторические корни русского героизма», «Истоки героизма русского народа», «Отстоим достижения советской науки и культуры», «Семья и родина».

Большой блок составляли лекции на более конкретные темы. Среди них первенствовали сюжеты, связанные с историей Отечественной войны 1812 г.: «1812 год», «Разгром Наполеона», «Михаил Кутузов», «Партизанское движение» и пр. Тематами лекций становились и события военной истории России более ранних периодов, и жизнь и деятельность легендарных русских полководцев и героев: «Ледовое побоище», «Александр Невский», «Дмитрий Донской и Куликовская битва», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Петр Великий и борьба за Прибалтику».

Сердцевину читавшихся М.В. Нечкиной лекций составляли исторические параллели, на ярких и доходчивых примерах убеждающие слушателей в том, что страна непременно справится с выпавшими на ее долю тяжелейшими испытаниями. Выступая перед самыми различными аудиториями – в военных академиях, воинских частях, госпиталях, партийных

² Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 31.

³ Там же. С. 34.

комитетах различного уровня, на заводах, в вузах и пр., Милица Васильевна обнаружила, что «незаметно выработала некие “правила” чтения лекций»⁴. Попутно заметим, что она, как методист, делилась практическими приемами с менее опытными лекторами. М.В. Нечкина выступала перед другими лекторами в различных учреждениях с докладами: «Как готовиться к лекции», «Как готовиться к лекции и как ее читать». В числе слушавших ее аудиторий отметим, например, ЦК комсомола Узбекистана, Управление погранвойск и др.⁵

Сформулированных правил было три. «Первое и главное» гласило: стержень любой успешной лекции – поддержание постоянного контакта со слушателями. Хотя «слово “лекция” происходит от латинского корня, означающего чтение», замечала М.В. Нечкина, она на собственном примере убедилась, что «лекцию обязательно надо <...> говорить, а не читать по записям. Она должна непосредственно адресоваться слушателям, лектор должен смотреть им в глаза, видеть их сразу всех. “Электротоки” бегут от лектора в аудиторию и вызывают ответные приливы»⁶.

Второе правило заключалось в четком структурировании лекции, основные положения которой обозначались в самом ее начале. «Определив тему лекции ясными и медленными словами, вы сообщаете далее аудитории кратчайший план дальнейшего слушания лекции, она делится на столько-то частей, подтем (не более трех-четырёх). Слушателям будет проще и легче воспринимать, заранее зная краткий план изложения»⁷, – считала М.В. Нечкина.

Третье правило касалось собственного отношения лектора к выступлению. Раскрывая этот тезис, М.В. Нечкина писала: «Далее лектор сам проникается интересом к теме лекции. Ему, лектору, самому интересно слушать, замечать, как все получается, вести живой сюжет лекции, быть заинтересованным. Если лектору тема надоела и ему нет охоты сотый раз говорить одно и то же – беда лекции! Она должна быть всегда живой для лектора»⁸.

Содержание лекций, актуализировавших события российской истории, должно было учитывать запросы текущего времени. Так, начиная с 6 августа 1942 г., М.В. Нечкина много раз выступала с лекцией, озаглавленной «3 ордена»⁹. Она была откликом на учреждение 29 июля 1942 г. трех «полководческих» орденов – Ордена Суворова, Ордена Кутузова и Ордена Александра Невского, которыми награждались советские военачальники и воинские части. Раскрывая перед своими слушателями статут каждого из этих орденов, Милица Васильевна говорила об особенностях полководческого дара Александра Невского, А.В. Суворова и М.И. Кутузова. Она подчеркивала соединение личной доблести и умения командовать у князя-воина Александра Невского, нанесшего сокрушительное поражение немецко-шведским завоевателям, значение суворовского принципа «воюют не числом, а умением», роль «гениальной кутузовской стратегии и тактики – измор врага для нанесения ему окончательного удара» в победе в Отечественной войне 1812 г.¹⁰

Загруженность М.В. Нечкиной лекциями на военно-патриотическую тематику была чрезвычайно велика. Их чтение требовало не только больших интеллектуальных и эмоциональных, но и физических затрат. Хорошо, когда выделялась машина, чтобы добраться до места, где предстояло выступать. Но нередко было и по-другому. В ташкентский период она иногда помечала в дневнике: «9 февраля [1942 г.]. 6 ч. “Крах замыслов”, госпиталь, на бричке» или «12 февраля [1942 г.]. 8 ч. веч. “Разгром Наполеона” в госпитале на Хорезм[ской]. Идти самой»¹¹.

«Всего за войну я прочла около 500 лекций, сюда входят и московские, до и после эвакуации, и ташкентские лекции»¹², – суммировала впоследствии М.В. Нечкина свою

⁴ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 33.

⁵ «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной. М., 2013. С. 351.

⁶ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 33.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 352.

¹⁰ Там же. С. 653.

¹¹ Там же. С. 349.

¹² Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 37.

лекционную нагрузку. Надо заметить, что даже в переписке отнюдь не комплиментарно настроенных по отношению к ней М.Н. Тихомирова¹³ и С.О. Шмидта¹⁴ ее лекции оценивались высоко. Об этом 4 ноября 1942 г. С.О. Шмидт, также эвакуированный в Ташкент и учившийся на историко-филологическом факультете Средне-азиатского государственного университета, писал своему научному руководителю М.Н. Тихомирову, находившемуся в то время в Свердловске.

Сигурд Оттович начал письмо с характеристики обстановки в рядах эвакуированных историков. Осенью, заметил он, «жизнь академическая только, только начинается. Летом все дремали, как мухи, или судили-рядили о пайках и об обедах. (Впрочем, и сейчас эта тема занимает многих, хоть и говорить-то особенно не о чем – кормят не джуже...)». Исключением из этого правила С.О. Шмидт назвал М.В. Нечкину: «Не унывала летом Мил[ица] Вас[ильевна] Нечкина: она делала доклады на свежем воздухе и, возможно, от избытка научной разносторонности слегка похудела: Δ – ее фигура до VIII – 42 г., Δ – ее фигура сейчас. Но доклады читала очень и очень удачно»¹⁵.

Оставив в стороне этическую сторону подобного использования математических фигур применительно к М.В. Нечкиной¹⁶, отметим безусловное признание ее лекторского мастерства.

Лекционная работа была неразрывно связана с работой научно-исследовательской. В лекционные материалы включались новые факты и мысли, а тематика лекций ставила перед самим лектором дополнительные вопросы. 8 сентября 1942 г. на научной сессии, организованной Институтом истории АН СССР совместно с политотделом спецчастей ташкентского гарнизона и Домом Красной Армии Среднеазиатского военного округа и, приуроченной к 130-летию ключевого события Отечественной войны 1812 г., Милица Васильевна выступила с докладом «Стратегическое и тактическое значение Бородинского сражения».

Доклад носил академический характер, содержал аргументированный историографический обзор проблемы и был основан на широком круге источников. Лекции на эту тему можно считать его органической научно-популярной частью. Итоговый вывод доклада – «В стратегическом же отношении Бородинское сражение – первое невыигранное Наполеоном – сыграло важнейшую роль: Бородино оказалось смертельной раной, нанесенной наполеоновской армии; она прожила с этой раной 35 дней, после которых началось отступление Наполеона. В международном отношении Бородинский бой приобретает крупнейшее значение как начало наполеоновского конца и способствует краху его империи и попытке установления мирового господства»¹⁷ – являлся главным тезисом, который М.В. Нечкина, следуя выработанным ею правилам чтения лекций, на понятных аудитории примерах раскрывала перед слушателями.

В этом докладе, как и в научно-популярных книгах и брошюрах тех лет, проявилась присущая Милице Васильевне как историку черта: даже в чрезвычайно актуализированных и политически заостренных ее выступлениях и текстах преобладал почерк исследователя. В годы Великой Отечественной войны это проявилось особо. Научная и пропагандистская составляющие работ М.В. Нечкиной не противоречили друг другу. Вот как решала этот вопрос сама Милица Васильевна: «Отечественная война потребовала агитационной литературы для армии, были нужны и исторические книжки. <...> Меня попросили написать небольшую книжку “Исторические традиции русского военного героизма”¹⁸. В ней хотелось

¹³ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета, доктор исторических наук, профессор МГУ, академик АН СССР.

¹⁴ Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013) – советский и российский историк, археограф, организатор науки.

¹⁵ Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб., 2022. С. 698.

¹⁶ Милица Васильевна, в свою очередь, также позволяла себе довольно-таки нелицеприятные суждения о С.О. Шмидте. Автор статьи не раз слышала от ученицы М.В. Нечкиной М.Г. Вандалковской, что при упоминании С.О. Шмидта она могла сказать: «Зига всегда пьет только кипяченое молоко». Эта фраза ею не пояснялась, да комментарии и не требовались: отрицательная коннотация была налицо.

¹⁷ Тифлисова А. В Институте истории АН СССР // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 108.

¹⁸ Нечкина М.В. Исторические традиции русского военного героизма. М., 1941.

показать глубину традиций, богатство, накопленное русским народом с давних лет глубокой старины. Сразу после выхода книжка пошла на фронт, позже много раз переиздавалась. Особо мне дорого издание, напечатанное в объёме войной Сталинграде. Солдаты-сталинградцы позже рассказывали мне, что брали из этой книжки лозунги и вывешивали в землянках»¹⁹.

М.В. Нечкина рассматривала такие работы как особый жанр исторической литературы, вносящей свою посильную лепту в борьбу с врагом, что в равной мере относилось и к лекциям, вклад которых, допускала Милица Васильевна, «пусть своеобразен и мал», но тоже приближал общую Победу²⁰.

В серии «В помощь преподавателям истории СССР в школе в связи с Отечественной войной советского народа против фашизма» она подготовила книгу «Мужественный образ наших великих предков: [Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин и др.]»²¹. В этой деятельности участвовали, помимо М.В. Нечкиной, многие ведущие советские историки – и поколения «старой школы», и «красные профессора». Они писали об образцах воинской доблести, которыми богата история России. В том же году были изданы две книги С.В. Бахрушина о Дмитрие Донском и о К. Минине и Д. Пожарском, В.И. Пичеты об Александре Невском, И.И. Полосина о П.И. Багратионе, М.К. Рожковой о Денисе Давыдове²² и др.

Свое участие в актуализации исторической памяти в военные годы М.В. Нечкина рассматривала как выполнение ответственной миссии, цель которой – укрепление морально-психологического состояния советского народа. В этой деятельности Милицы Васильевны был один эпизод, на котором стоит остановиться особо.

Летом 1943 г., когда период эвакуации подходил к концу и ученые уже готовились к возвращению в Москву и Ленинград, она получила неожиданное и сложное задание – Главное политическое управление посылало ее в Иран читать лекции расквартированным там советским войскам. Это оказалось для нее, как она писала, «волнующей неожиданностью». Ей пришлось «спешно готовить нужный лекционный материал, продумывать связь лекций, выделить самые интересные темы»²³.

Свои впечатления об этой поездке М.В. Нечкина по горячим следам зафиксировала в «Иранском путевом дневнике». «Не имея возможности записывать все подробно», она придала записям «характер схематического конспекта», в котором отразила «лишь центры ассоциативных комплексов»²⁴. Надо сказать, что это крайне затрудняет их комментирование. Однако даже те немногие моменты путешествия, которые более или менее понятны, особенно в сопоставлении с кратким изложением тех же событий в ее военных воспоминаниях, позволяют извлечь из них интересную информацию.

Путь в Иран был достаточно долгим. Предстояло поездом ехать из Ташкента через Самарканд до Ашхабада. От Ашхабада, расположенного в 25 км от иранской границы, добраться предстояло на машине. В этой командировке Милицу Васильевну сопровождали два молодых офицера в звании капитана, которых она в дневнике именовала по инициалам – Б.Ю. и А.П. Попробуем расшифровать некоторые беглые зарисовки Милицы Васильевны, передающие отдельные впечатления от увиденного и услышанного ею.

Приготовление к отъезду начались 10 июня 1943 г. с прозаического поиска продуктов и «побега» за туфлями, и все это под жарким ташкентским солнцем: «раскаленная улица Кирова»²⁵. На время командировки М.В. Нечкина получила военное обмундирование

¹⁹ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 32.

²⁰ Там же. С. 41.

²¹ Нечкина М.В. Мужественный образ наших великих предков. Ташкент, 1942.

²² Бахрушин С.В. Дмитрий Донской. Ташкент, 1942; Бахрушин С.В. Минин и Пожарский. Ташкент, 1942; Пичета В.И. Александр Невский. Ташкент, 1942; Полосин И.И. Багратион – герой Отечественной войны 1812 года. Ташкент, 1942; Рожкова М.К. Денис Давыдов – партизан 1812 г. М., 1942.

²³ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 38.

²⁴ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 355.

²⁵ Там же. С. 355.

и условное воинское звание. «К великому своему удивлению», она ехала в Иран полковником. На ее вопрос, «почему чин так высок», М.В. Нечкина получила ответ: «Вы – доктор наук, а доктор наук в войсках приравнен к этому чину», – и шутливую реплику: «Не беспокойтесь, никаких дел полковника вам выполнять не придется, командовать полком вы не будете, но одному должны научиться: отдавать честь при военных приветствиях». Этому, писала Милица Васильевна, она выучилась довольно скоро, и первый случай представлялся на пограничной заставе. О нем она рассказала так: «“Хорошо ли отдала?” – спросила я, волнуясь, своих сопровождающих. Сказали, что хорошо». В этом пересказе верно, полагаю, все, за исключением эмоций самой Милицы Васильевны: в них – не волнение, а чисто женское кокетство и, конечно, очевидное удовольствие от такого «маскарада». Недаром она писала, что «об одном жалела – не сфотографировалась в форме»²⁶.

В Тегеран, в штаб советских войск, располагавшийся в офицерских казармах шахского дворца, машина с М.В. Нечкиной и сопровождавшими ее офицерами прибыла 24 июня. Город оставил у нее впечатление «соединения нищеты и богатства», «европейских улиц и азиатчины»²⁷, навеявая мысли о А.С. Грибоедове, жизнь которого в кругу будущих декабристов была тогда предметом ее исследовательского интереса. Ее разместили в маленькой офицерской комнате. Во второй половине дня Милица Васильевна читала лекцию «3 ордена» «начсоставу Тегеранского полка» и была обрадована реакцией на нее аудитории, в противоположность состоявшейся в тот же вечер лекции для сотрудников советского посольства.

В «Иранском путевом дневнике» эпизод с организацией лекции в посольстве описан очень эмоционально. В нем в изобилии резкие оценки и нескрываемое раздражение, а телеграфный стиль записи сделал их еще более категоричными. Попробуем разобраться, чем они были вызваны, насколько были обоснованы и как в них проявился не только характер Милицы Васильевны в целом, но и интересующая нас личностная мотивация при выполнении этого задания.

Прибыв в здание советского посольства, М.В. Нечкина была раздосадована тем, как ее приняли. «“Посол занят”», – цитировала она обращенные к ней слова его секретаря. «Стиль разговора» с первыми секретарями посольства также вызвал ее недовольство. Вместо ожидаемого обсуждения вопроса чтения лекций по существу она услышала прозаическое: «У вас есть туманы (Иранская денежная единица. – Л. С.)?»²⁸. Потом было долгое ожидание назначенной на вечер того дня лекции в дипкурьерской посольства, которое М.В. Нечкина пунктирно обозначила: «Как меня забыли. “Вы – наш гость” – и вот забыли! Я уже решительно ничего не знаю»²⁹.

Прождав до 7 часов вечера, Милица Васильевна, голодная («Буквально – красные круги от голода перед глазами»), отправилась на «поиски собственной лекции». На свой вопрос в отделе прессы: «Вы не знаете, где я читаю?» – она услышала: – «Какая лекция? Разве сегодня лекция? Нет, не слыхал». Сидевший к ней спиной сотрудник отдела, которого она иронично назвала «дипломат», не оборачиваясь к ней, спросил своего коллегу: «А кто спрашивает?», и получил ответ: «Да вот, профессор». «Нет, ничего не знаю», – разговор был исчерпан.

На этом ее обиды не кончились. М.В. Нечкина зафиксировала еще один досадный для нее эпизод: «Идет улыбающаяся рожа: “Здравствуйте, профессор Мицкевич!”» Комментируя его, Милица Васильевна в сердцах написала: «Уж хоть бы фамилию выучил, дурак. А называется – дипломат»³⁰.

Ситуацию, которую М.В. Нечкина восприняла столь остро, на самом деле можно считать вполне рутинной и предсказуемой. Штат посольства был занят своей каждодневной работой, которой, учитывая условия «дипломатического фронта», не могло быть мало,

²⁶ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 39.

²⁷ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 357.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 358.

³⁰ Там же.

да и его сотрудники имели определенную историческую подготовку, поэтому интерес к предстоявшей лекции едва ли мог быть велик. Однако все это больно задело самолюбие Милицы Васильевны. «Я привыкла читать тем, кому нужно, кому хочется, а не тем, кому не нужно», – написала она. Все это противоречило ее восприятию своей историко-патриотической деятельности как миссии.

В конце концов лекция состоялась. М.В. Нечкина назвала ее «труднейшей лекцией в жизни». Из последующих строк становится понятно, что она как лектор не почувствовала с сидевшими перед ней людьми контакта, столь для нее необходимого. Начальные слова лекции – «Привет вам, товарищи, из Советского Союза!» – не нашли того отклика, на который она рассчитывала. Не исправило положения и продолжение лекции.

Думается, что главной причиной этой досадной неудачи в восприятии М.В. Нечкиной – ее собственный недоучет специфики собравшейся перед ней аудитории. Помимо этого, не могла не сказаться и усталость Милицы Васильевны от тяжелой дороги и сопровождавших ее бытовых неудобств, и неудовлетворенность таким началом выполнения порученного ей дела, и все это вместе взятое, помноженное на жару большого восточного города! В заключительной фразе путевого дневника М.В. Нечкина процитировала строку из пушкинского «Евгения Онегина»: «Проблема чернил сопровождает меня всю дорогу. “Нигде ни пятнышка чернил”»³¹. Полагаю, что она свидетельствует о проблеме, с которой М.В. Нечкина столкнулась как лектор и которую она восприняла тяжело.

У А.С. Пушкина эта строка прозвучала в описании кабинета и нрава «дяди самых честных правил» главного героя романа:

«Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Все было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел»³².

В четырнадцати строчках «онегинской строфы» предельно кратко и вместе с тем емко выписан портрет помещика, интересы которого не простирались далее хозяйственных нужд имения. В деревне он не стал, как двоюродный брат Скалозуба в грибоедовском «Горе от ума», читать книги и тратить чернил на занятия научные или творческие, поэтому его гусиные перья не забрызгали, что следовало бы в таком случае, кабинетную мебель. По всей вероятности, М.В. Нечкина внутренне ассоциировала слушавших ее сотрудников посольства с таким человеческим типом. «А им наплевать! Это не советские люди, а перерожденцы. Им нужны туманы и уклонение от военной службы. Хамы»³³, – негодовала она, обращая в их сторону не только резкие эпитеты, но и серьезные обвинения.

Ситуацию отчасти разрядил телефонный звонок из полка, в котором ей сообщили, что на следующий день в 7 часов утра состоится ее лекция «Мужественный образ наших великих предков» всему составу Тегеранского полка. Милица Васильевна попросила прислать машину, сожалея, что в посольство все же придется завтра вернуться, так как ей предстояло согласовать текст своего выступления на тегеранском радио. (Тегеранское радио

³¹ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 357, 364.

³² Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1985. Т. 2. С. 209.

³³ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 358.

еще заранее обратилось с просьбой о выступлении на какую-нибудь русскую историческую тему. М.В. Нечкина остановилась на сюжетах, связанных с жизнью и деятельностью М.И. Кутузова³⁴).

Утренняя лекция в полку прошла успешно. После нее она приехала в посольство, где в «отдельной комнатке» писала текст радиовыступления, который и был утвержден. Во второй половине дня в сопровождении пресс-атташе посольства Д.С. Комиссарова³⁵ М.В. Нечкина приехала на радиостанцию, где после репетиции прочитала свою лекцию. Она выступала на французском языке, который, писала Милица Васильевна, «иранская интеллигенция называла своим вторым языком, хорошо им владела»³⁶. Радиовыступление также прошло успешно. В определенной мере это сгладило негативные впечатления предыдущего дня. «Удививший меня всеобщий восторг – даже Комиссаров растаял»³⁷, – записала М.В. Нечкина в своем дневнике.

Через день Милица Васильевна уехала из Тегерана читать лекции воинским частям, расквартированным в окрестностях города Семнан. Она была восхищена тем, как на пустом месте советские военные сумели обустроиться. «Наша армия – строитель»³⁸, – отметила она. Ее поразил амфитеатр из земли, который М.В. Нечкина там увидела. Сорок с лишним лет спустя она написала о нем: «За городом, в лесу на большой поляне рыли углубленный амфитеатр. Широкими удобными “подковами” вырезанные земляные скамьи вмещали сотни слушателей»³⁹. Посредине амфитеатра – радиоусилитель и место лектора. Именно там и читались ею лекции, в которых необычным было все: и начало в 4 часа утра, и «огромное безоблачное небо над головой, утренняя прохлада, восходящее солнце»⁴⁰. Чтобы «поспеть к такой лекции», ей «приходилось вставать в половине третьего ночи, спешно собираться и ехать за город»⁴¹. Но эти усилия М.В. Нечкиной были вознаграждены неподдельным вниманием слушателей. «Больше всего меня вдохновляют бойцы, а не командиры»⁴², – подчеркнула она. Их просьбы «передать привет Москве»⁴³, которые М.В. Нечкина обещала выполнить, свидетельствовали о том, что ей удалось решить главную задачу своей тегеранской миссии – способствовать связи советских воинов с далекой Родиной.

Изучение личных документов М.В. Нечкиной показало, что ее участие в актуализации исторического знания в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны стало проявлением ее собственной гражданской позиции и, прежде всего, искреннего патриотического чувства, которое вместе с ней разделяли ее коллеги по историческому цеху.

Литература

Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками / ред. А.В. Мельников, Н.А. Комочев, В.В. Тихонов. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 784 с.

Бахрушин С.В. Дмитрий Донской. Ташкент: Изд-во Уз ФАН, 1942. 40 с. (Великие русские полководцы).

Бахрушин С.В. Минин и Пожарский. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942. 56 с. (Великие русские полководцы).

«И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. 824 с.

Нечкина М.В. Исторические традиции русского военного героизма. М.: Воениздат НКО СССР, 1941. 23 с. (Сер.: В помощь политруку).

³⁴ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 38.

³⁵ Комиссаров Даниил Самуилович (Семенович) (1907–2008) – советский и российский филолог-иранист и переводчик, в годы Второй мировой войны пресс-секретарь посольства СССР в Иране.

³⁶ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 38.

³⁷ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 359.

³⁸ Там же. С. 361.

³⁹ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 39.

⁴⁰ Там же. С. 39–40.

⁴¹ Там же. С. 40.

⁴² «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 362.

⁴³ Там же.

Нечкина М.В. Мужественный образ наших великих предков: Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин и др. Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. 52 с.

Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки / отв. ред. А.М. Самсонов. М.: Наука, 1985. 238 с.

Очерки истории отечественной исторической науки / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.

Пичета В.И. Александр Невский. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942. 40 с. (Великие русские полководцы).

Полосин И.И. Багратион – герой Отечественной войны 1812 года. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942. 72 с. (Великие русские полководцы).

Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. 671 с.

Рожкова М.К. Денис Давыдов – партизан 1812 г. М.: Госполитиздат, 1942. 25 с.

Тифлисова А. В Институте истории АН СССР // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 108–109.

References

Mel'nikov, A.V., Komochev, N.A., Tikhonov, V.V. (Eds.). (2022). Akademik M.N. Tikhomirov: Vospominaniya. Dnevniki. Perepiska s uchenikami [Academician M.N. Tikhomirov: Memoirs. Diaries. Correspondence with Students]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 784 p.

Bakhrushin, S.V. (1942). *Dmitriy Donskoy* [Dmitry Donskoy]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 40 p.

Bakhrushin, S.V. (1942). *Minin i Pozharskiy* [Kuzma Minin and Dmitry Pozharsky]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 56 p.

Pivovarov, E.I. (Ed.), Kurapova, E.R. (Comp.). (2013). “*I muchilas', i rabotala neveroyatno*”: *Dnevniki M.V. Nechkinoy* [“I Suffered and Worked Incredibly”: Diaries of M.V. Nechkina]. Moscow, RGGU. 824 p.

Nechkina, M.V. (1941). *Istoricheskie traditsii russkogo voennogo geroizma* [Historical Traditions of Russian Military Heroism]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR. 23 p.

Nechkina, M.V. (1985). *Lektsii v dni voyny* [Lectures in the Days of War]. In *V gody' voyny. Stat'i i ocherki*. Moscow, Nauka. 238 p.

Nechkina, M.V. (1942). *Muzhestvennyy obraz nashikh velikikh predkov: Aleksandr Nevskiy, Dmitriy Donskoy, Kuz'ma Minin i drugie* [The Courageous Image of Our Great Ancestors: Alexander Nevsky, Dmitry Donskoy, Kuzma Minin and Others]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 52 p.

Korzun, V.P. (Ed.). (2005). *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki* [Essays on the History of Russian Historical Science]. Омск, Издатel'stvo ОмГУ. 683 p.

Picheta, V.I. (1942). *Aleksandr Nevskiy* [Alexander Nevsky]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 40 p.

Polosin, I.I. (1942). *Bagration – geroy Otechestvennoy voyny 1812 goda* [Bagration – Hero of the Patriotic War of 1812]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 72 p.

Pushkin, A.S. (1985). *Sochineniya v trekh tomakh* [Writings in Three Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. 671 p.

Rozhkova, M.K. (1942). *Denis Davy'dov – partizan 1812 goda* [Denis Davydov – Partisan of 1812]. Moscow, Gospolitizdat. 25 p.

Tiflisova, A. (1943). V Institute istorii AN SSSR [At the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. In *Istoricheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 108–109.

А.В. Корневский*

**А.ДЖ. ТОЙНБИ И «АРМЯНСКИЙ ВОПРОС»:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА,
НРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ, ЛИЧНЫЕ МОТИВЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-5
УДК 94(4)+323.1

Выходные данные для цитирования:
Корневский А.В. А.Дж. Тойнби и «армянский вопрос»: политическая прагматика, нравственные принципы, личные мотивы // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 69–79. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-05.pdf>

A.V. Korenevskiy*

**TOYNBEE AND THE “ARMENIAN QUESTION”:
POLITICAL PRAGMATICS,
MORAL PRINCIPLES, PERSONAL MOTIVES**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-5

How to cite:
Korenevskiy A.V. Toynbee and the “Armenian Question”: Political Pragmatics, Moral Principles, Personal Motives // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 69–79. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-05.pdf>]

Abstract. The role of A.J. Toynbee in exposing the mass extermination of the Armenian population by the Ottoman troops and paramilitaries during the First World War is relatively well described in the contemporary historiography. It is generally recognized that it was he who collected and analyzed the basic data for Lord J. Bryce’s famous speech in the House of Lords on October 6, 1915 and so-called “Blue Book” published later. Much less attention was paid to Toynbee’s personal motives and the circumstances that led to his active participation in this campaign, as well as its direct and indirect consequences – both personally for Toynbee and in terms of forming moral and legal assessments of crimes against humanity. In particular, historians have not fully explained the fact that shortly after the First World War and under the impression of what he saw during the Greco-Turkish War of 1919–1922, Toynbee took a consistent pro-Turkish position, at bottom placing all responsibility for ethnic cleansing on the Greek side and keeping silent about such excesses of the Kemalists. Also, contemporary “Toynbee studies” don’t give a convincing explanation for the fact that later the historian not only didn’t abandon this interpretation in his memoirs, but, moreover, transferred the apology of the Turkish side to the events of 1915–1916, disavowing his previous assessments and recognizing the mistake of participating in the Bryce’s investigation, since it was not objective and was dictated solely by propaganda purposes. The paper’s author attempts, based on a comprehensive analysis of ego documents and other sources, to identify the cause-and-effect relationships between these two pages of Toynbee’s biography, analyzing the motives and circumstances that prompted him to participate in the investigation of Lord J. Bryce, as well as a set of reasons that led to the subsequent revision of assessments of the events of 1915–1916.

Keywords: A.J. Toynbee, Lord J. Bryce, World War I, Armenian question, genocide, Greco-Turkish War of 1919–1922.

The article has been received by the editor on 05.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Андрей Витальевич Корневский**, кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: koren@sfedu.ru
Andrey Vitalievich Korenevskiy, Candidate of Historical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: koren@sfedu.ru

Аннотация. В современной историографии относительно подробно освещена роль А.Дж. Тойнби в разоблачении массового уничтожения армянского населения войсками и парамилитарными формированиями Османской империи во время Первой мировой войны. Общеизвестно, что именно им был собран и проанализирован основной материал для знаменитой речи лорда Дж. Брайса в Палате лордов 6 октября 1915 г. и опубликованной впоследствии так называемой «Синей книги». Значительно меньше внимания уделялось личным мотивам Тойнби и обстоятельствам, обусловившим его активное участие в этой кампании, а также ее непосредственным и опосредованным последствиям – как лично для Тойнби, так и в контексте формирования нравственных и правовых оценок преступлений против человечности. В частности, не в полной мере объяснен историками тот факт, что вскоре после Первой мировой войны и под впечатлением от увиденного им во время Греко-турецкой войны 1919–1922 гг. Тойнби занял последовательную протурецкую позицию, по сути возложив всю ответственность за этнические чистки на греческую сторону и умалчивая о подобных эксцессах со стороны кемалистов. Также в современной «тойнбиане» не дано убедительного объяснения тому, что позже в своих мемуарах историк не только не отказался от указанной интерпретации, но и перенес апологию турецкой стороны на события 1915–1916 гг., дезавуировав свои прежние оценки и признав ошибкой участие в расследовании Брайса, поскольку оно не было объективным и диктовалось исключительно пропагандистскими целями. В статье предпринята попытка на основе комплексного анализа эго-документов и иных источников выявить причинно-следственные связи между этими двумя страницами биографии Тойнби, проанализировать мотивы и обстоятельства, побудившие его к участию в расследовании лорда Дж. Брайса, а также совокупность причин, обусловивших последующий пересмотр оценок событий 1915–1916 гг.

Ключевые слова: А.Дж. Тойнби, лорд Дж. Брайс, Первая мировая война, армянский вопрос, геноцид, Греко-турецкая война 1919–1922 гг.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024 г.

Имя Арнольда Джозефа Тойнби прочно ассоциируется с 12-томным «A Study of History» – главным трудом его жизни, заглавие которого у нас традиционно переводят как «Постижение истории»¹ (реже – «Исследование истории»²). Соответственно такому названию автор в справочных и иных изданиях аттестуется как историк, хотя в этом профессиональном цеху Тойнби не жаловали. Нередко его называют также философом, однако и в этой среде о трудах Тойнби отзывались отнюдь не лестно. В то же время и те и другие признавали его авторитет как политического аналитика, автора «Обзоров международных отношений», издававшихся с 1925 по 1954 г. В этом плане весьма примечательна рецензия Ричарда Пейрса на десять томов «A Study of History», написанная в то самое время, когда Тойнби находился на пике своей популярности на Западе и в первую очередь в США, имея, по выражению Уильяма Мак-Нила, репутацию «профессионального мудреца, чьим заявлениям о текущих событиях, историческом прошлом, религиозных и метафизических вопросах единодушно внимало множество смятенных душ, искавших окормления в бурном послевоенном мире»³. Начав свою рецензию «во здравие» – с того, что «любой человек, берущийся за работу такого масштаба и размаха, заслуживает нашего восхищения»⁴, Пейрс завершил ее «за упокой» – «уверенным предсказанием» о том, что даже тогда, когда

¹ Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991.

² Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009; Тойнби А.Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. М., 2009.

³ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life. N.Y.; Oxford, 1989. P. 206.

⁴ Pares R. Review: A Study of History. By Arnold J. Toynbee. 10 vol. (London: Oxford University Press, 1933-5 4-) // English Historical Review. 1956. Vol. 72, № 279. P. 256.

«A Study of History» все позабудут, «читатели по-прежнему будут с благодарностью обращаться к “Обзорам международных отношений”»⁵.

Подобные суждения раздавались и из стана философов. Один из величайших мыслителей XX в. Хосе Ортега-и-Гассет отмечал, что Тойнби снискал себе славу авторитетнейшего специалиста в области международных отношений именно как автор «Обзоров»: «Ежегодно, начиная с 1926 года, он публикует книгу с описанием положения в различных странах, включая самые отдаленные, которая служит настольным руководством по внешней политике Англии»⁶. Он подчеркивал, что международные отношения – профессия, которой Тойнби посвятил всю жизнь и в которой состоялся в качестве «одной из наиболее выдающихся фигур в Англии»⁷.

При этом следует отметить, что слова испанского философа о «всей жизни» – отнюдь не фигура речи. Тойнби не стал бы не только автором «Обзоров», но и первым штатным сотрудником, а впоследствии – директором по науке Королевского института международных отношений (Chatham House), если бы задолго до этого, на самом старте своей карьеры, он не обрел общеевропейскую известность как политический аналитик. Именно Тойнби было суждено сыграть ключевую роль в публикации материалов о геноциде армян в Османской империи в годы Первой мировой войны. И в первую очередь его заслугой является квалификация этих злодеяний как военного преступления, целенаправленно спланированного султанским правительством и осуществленного регулярными войсками, жандармерией и парамилитарными образованиями («четами» – фактически бандформированиями, состоявшими из гражданских лиц).

В октябре 1915 г. 26-летний Арнольд Тойнби, незадолго до этого ставший сотрудником Бюро военной пропаганды Министерства иностранных дел, был назначен помощником лорда Дж. Брайса, расследовавшего факты массовых депортаций и уничтожения армянского населения. Плодом этих усилий стала так называемая «Синяя книга»⁸ – доклад, представленный Брайсом на имя министра иностранных дел Эдварда Грея. Тот факт, что основную часть материалов для этого документа собрал и обработал Тойнби, был засвидетельствован в ответном письме Грея, опубликованном в той же «Синей книге»⁹. По словам Мишел Тюзен, авторитетной исследовательницы в области Genocide studies, уникальность этого документа, в оригинале составляющего 733 страницы писем, отчетов и рассказов очевидцев в хронологической последовательности, заключается в том, что это наиболее полное собрание свидетельских показаний о массовом уничтожении мирного армянского населения¹⁰. Непреходящее историческое значение «Синей книги» подтверждается тем фактом, что Рафаэль Лемкин, автор концепта «геноцид», широко использовал этот источник, обосновывая включение данного состава преступления в систему международного права¹¹.

Еще до обнародования «Синей книги», вскоре после выступления лорда Брайса в Палате лордов 6 октября 1915 г., Тойнби издал – уже под своим именем – труд объемом в 117 страниц «Истребление армян. Убийство нации»¹². Эта книга – документ огромной обличительной силы, эпиграфом к которому, как отметил отечественный исследователь творчества Тойнби В.М. Мучник, могли бы служить слова одной из жертв геноцида – женщины, у которой был живьем сожжен ребенок: «Разве вы не видите, что случилось? Бог сошел с ума»¹³. В то же время Тойнби осознает и беспрецедентный культурно-историче-

⁵ Pares R. Review: A Study of History... P. 272.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 12.

⁸ Bryce J., Toynbee A.J. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. Documents Presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce. London, Printed by Sir Joseph Causton and Sons, 1916. XXI, 677 p.

⁹ Ibid. P. XVIII.

¹⁰ Tusan M. James Bryce's Blue Book as Evidence // Journal of Levantine Studies. 2015. Vol. 5, No. 2. P. 35.

¹¹ Ibid. P. 36.

¹² Toynbee A.J. Armenian Atrocities: The Murder of a Nation. London, 1915. 117 p.

¹³ Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории (Генезис и эволюция мировоззрения А.Дж. Тойнби). Томск, 1986. С. 40; Toynbee A.J. Armenian Atrocities... P. 38.

ский масштаб катастрофы, подчеркивая, что Портой было предпринято планомерное уничтожение «старейшего цивилизованного народа Западной Азии»¹⁴ – первого в мировой истории, принявшего христианство в качестве «национальной религии»¹⁵.

Вскоре после выхода в свет «Синей книги», в 1917 г. Тойнби опубликовал памфлет «Убийственная тирания турок»¹⁶, а в июне того же года в журнале «Круглый стол»¹⁷ была напечатана статья Тойнби «Турция: прошлое и будущее», изданная впоследствии отдельной брошюрой. В ней обвинения в адрес Порты звучат даже категоричнее, чем в предыдущих книгах: «Армяне не были убиты спонтанно местными мусульманами. Инициатива исходила исключительно от центрального правительства в Константинополе, которое спланировало систематическое истребление армянского народа в Османской империи, разработало единый метод и процедуру, одновременно разослав приказы провинциальным чиновникам и жандармерии о приведении в исполнение этого плана и уволив тех немногих, кто отказался подчиняться. Армяне были схвачены и депортированы регулярными войсками и жандармами; в пути они массово уничтожались бандитскими четами, состоявшими в основном из преступников, за эту работу освобожденных правительством из тюрем. Когда армяне ушли, турецкое население подстрекалось к разграблению их имущества и домов, а когда колонны изгнанников проходили через деревни, самых привлекательных женщин и детей продавали по дешевке или даже отдавали даром турецким крестьянам. Разумеется, турецкий народ принял те блага, которые предлагало ему правительство, и, естественно, это на время примирило его с войной»¹⁸.

Таким образом, заслуга Тойнби в обнародовании фактов о геноциде армян и квалификации этих зверств как военного преступления Порты неоспорима. Причем она как минимум не меньше, чем заслуга лорда Брайса. Однако, в отличие от последнего, для Тойнби не нашлось места в политике памяти современной Армении. В Ереване есть улица Джеймса Брайса, государственной почтой выпущены памятная открытка и марка, учреждена медаль имени лорда Брайса. В то же время Тойнби не удостоился ни одного подобного знака исторической признательности. Тем не менее такая избирательность лишь на первый взгляд выглядит странно. Ее причина хоть и не афишируется, но и не является тайной. Она кроется в более поздних высказываниях историка о своем участии в разоблачении геноцида армян. Так, уже в книге «Западный вопрос в Греции и Турции», написанной по итогам его пребывания в качестве корреспондента «Манчестер гардиан» на фронтах Греко-турецкой войны 1921–1922 гг., Тойнби однозначно охарактеризовал «Синюю книгу» как военную пропаганду¹⁹. Позже в своих мемуарах, написанных через полвека после этих событий, он более подробно изложил свою позицию. Повествуя о своем сотрудничестве с лордом Брайсом в 1915–1916 гг., Тойнби выразил высокую оценку его нравственных качеств, но при этом подчеркнул, что в действительности вся кампания по разоблачению турецких зверств была лишь пропагандистской операцией британских властей. Она была инспирирована, дабы противодействовать широкомасштабной акции германской пропаганды, живописавшей ужасы русской оккупации Галиции²⁰. В Лондоне опасались, что это может повредить репутации Антанты в глазах американского общественного мнения и поставить под вопрос вступление Соединенных Штатов в войну на ее стороне. Таким образом, благородство и безупречная честность лорда Брайса, равно как и самого Тойнби, были самым циничным образом использованы властями в политических целях.

¹⁴ *Toynbee A.J. Armenian Atrocities...* P. 17.

¹⁵ *Ibid.* P. 18.

¹⁶ *Toynbee A.J. The Murderous Tyranny of the Turks.* London; N.Y.; Toronto, 1917. 85 p.

¹⁷ Печатное издание одноименного объединения британских интеллектуалов, ратовавших за переформатирование Британской империи в федерацию.

¹⁸ *Toynbee A.J. Turkey: A Past and a Future.* London; N.Y.; Toronto, 1917. P. 20–21.

¹⁹ *Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey. A Study in The Contact of Civilisations.* London; Bombay; Sydney, 1922. P. 50.

²⁰ *Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи.* М., 2003. С. 421–423.

Но мало того, в своих воспоминаниях Тойнби позволил высказать суждения, которые не просто обнулили его исторические заслуги перед армянским народом, но и были подняты на щит отрицателями геноцида: «Политические чаяния греков и армян не являлись законными, ибо эти диаспоры представляли собой такие меньшинства, которые были рассеяны среди турецкого большинства. Их стремления не просто угрожали расколоть турецкую империю, они не могли быть осуществлены без серьезной несправедливости по отношению к самому турецкому населению»²¹. Мало того, Тойнби фактически воспроизвел – как бы нейтрально, без собственных оценок, на которые он всегда был чрезвычайно щедр, – ключевой тезис османской пропаганды, оправдывавшей преследования армян военной необходимостью: «В этот момент (во время наступления Русской армии на Кавказском фронте. – А. К.) турецкие власти обнаружили, что местное армянское население было склонно помогать русским захватчикам (Sic! – А. К.) в качестве тех, кого мы называем “пятой колонной”»²².

Надо ли говорить, что вплоть до настоящего времени ни один текст, имеющий целью оправдать организаторов геноцида и возложить ответственность на его жертв, не обходится без отсылок к Тойнби²³. В этом плане особенно примечательно высказывание одного из «опровергателей» геноцида Камурана Гюрюна: упоминая, что книга Тойнби «Истребление армян» была переиздана армянским издательством в США в 1975 г., он роняет попутно: «Не знаем, разрешил бы Тойнби, автор “Западного вопроса в Греции и Турции”, повторное издание своей книги, будь он жив в 1975 г.»²⁴

Итак, что же заставило Тойнби столь радикально изменить свою позицию в оценке геноцида армян? Традиционно и в зарубежной, и в отечественной «тойнбиане» указанная коллизия упоминается, но не объясняется. Как правило, отмечается лишь, как и в мемуарах Тойнби, что ни он, ни Брайс не знали о политической подоплеке кампании по разоблачению турецких зверств и просто стремились добросовестно выполнить свою работу. Так, в наиболее подробной и фундированной биографии Тойнби, написанной Уильямом Мак-Нилом, подчеркивается: «Ни лорд Брайс, ни Тойнби не были посвящены в расчеты, стоящие за решением предать гласности страдания армян. Они оба были глубоко привержены либеральным ценностям, в том числе правдивости, и прилагали систематические и настойчивые усилия, дабы быть уверенными в том, что все сообщаемое ими о событиях в Анатолии было достоверно»²⁵. Сходным образом описывает данную ситуацию В.М. Мучник. Воспроизводя объяснение самого Тойнби, содержащееся в его мемуарах, он считает возможным принять их на веру, отмечая, что «нет оснований сомневаться в искренности его субъективных ощущений»²⁶.

Пожалуй, единственная попытка объяснения данной коллизии была предпринята О.В. Воробьевой. Ее суть состоит в акценте на несовпадении объективного и субъективного планов и политической неопытности Тойнби: объективно расследование Брайса было

²¹ Тойнби А.Дж. Пережитое... С. 504.

²² Там же. Повторяя утверждения турецкой пропаганды, Тойнби, как часто это с ним случалось, не сверил хронологию: началом массового уничтожения армян считается 24 апреля 1915 г., когда в Стамбуле были схвачены и убиты 800 представителей армянской интеллектуальной элиты, а наступление Русской армии началось лишь в феврале 1916 г.

²³ Was there Armenian Genocide? Geoffrey Robertson QC's Opinion. URL: <http://noravank.am/upload/pdf/GENOCIDE%20-%20Was%20there%20an%20Armenian%20Genocide%20-%20Geoffrey%20Robertson%20QC.pdf> (дата обращения: 20.07.2024); Çora A.N. Armenian Genocide, a Big Lie. Damn Lies and Facts About So-Called “Armenian Genocide”. Ankara, 2021. 299 p. Значительная подборка подобных текстов представлена на сайте: “Tall Armenia Tale. The Other Side of the Falsified Genocide”. URL: <http://www.tallarmeniantale.com> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁴ Gürün K. The Armenian File. The Myth of Innocence Exposed. London, etc.: Rustem, 1985. P. 42. Попутно стоит заметить, что Тойнби скончался 22 октября 1972 г., поэтому скорее всего книга вышла при его жизни, а подготовка к ее изданию явно заняла не меньше нескольких месяцев. Поэтому, принимая во внимание строгость американского и английского законодательства в отношении соблюдения авторских прав, предположение о публикации книги без ведома Тойнби выглядит почти невероятным.

²⁵ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life... P. 74.

²⁶ Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории... С. 39.

пропагандистской акцией, но субъективно и он, и Тойнби были движимы исключительно гуманистическими мотивами и сделали свою работу безукоризненно: «И если по замыслу создателей “Синей книги” это была пропаганда, то ее исполнение явно было иным»²⁷.

В то же время на характер текстов повлияло, как считает О.В. Воробьева, и то, что ко времени их написания «Тойнби был еще весьма молодым (25–26 лет) и неискушенным в политике человеком»²⁸. Позже, по мере обретения политического опыта и жизненной мудрости, Тойнби все больше осознавал двусмысленность той ситуации, в которую оказался вовлечен в молодости против собственной воли, поэтому испытывал потребность расставить точки над «i», что и было сделано им в мемуарах. Но так ли уж взаимно непроницаемы субъективная и объективная составляющие явлений, будь то события человеческой жизни или исторические катаклизмы? В действительности это отнюдь не параллельные вселенные, а взаимопроникающие и перетекающие друг в друга, подобно ленте Мёбиуса, стороны реальности.

Да и уровень профессиональной осведомленности молодого Тойнби вряд ли стоит недооценивать. Несмотря на юность, за его плечами уже был солидный труд в полтысячи страниц «Национальность и война»²⁹, памфлет о немецком терроре в Польше³⁰, участие в коллективном аналитическом труде о Балканах³¹, а также сборник эссе «Новая Европа»³², в котором Тойнби затрагивал украинский вопрос, демонстрируя обширные познания о ситуации в Галиции. О том, что уже тогда к Тойнби присматривались корифеи британской политической аналитики, говорит тот факт, что ему доверяли и благоволили не только лорд Брайс, но и непосредственный начальник Тойнби, глава Бюро военной пропаганды Джеймс Хедлам³³, а также неформальный лидер «Круглого стола» Лайонел Кёртис³⁴.

И вряд ли в оценке качества ранних аналитических работ Тойнби может считаться надежным экспертом сам их автор, который, по словам О.В. Воробьевой, называл книгу «Национальность и война» «юношеской и незрелой»³⁵. Да, действительно Тойнби именовал все свои ранние сочинения «ребячеством» – *juvenilia*, и именно так маркирована та часть его личного фонда в Бодлианской библиотеке, в которой сгруппированы материалы к работам этого периода³⁶. Однако стоит отметить, что такой пронзительный и дотошный исследователь творчества Тойнби, как У. Мак-Нил, решительно не соглашался со своим героем, подчеркивая, что «“Национальности и война” вполне встраивалась в русло более поздних работ и предвосхищала его ежегодные обзоры международных отношений, выпускавшиеся с 1925 по 1939 годы»³⁷. Более того, эта книга, по мнению биографа Тойнби, продемонстрировала недюжинные умственные и волевые качества автора: всего за четыре с половиной месяца «ему каким-то образом удалось собрать и систематизировать огромный объем информации о Восточной Европе, большая часть которой была для него совершенно новой, а затем изложить все это так, что получился связный и читаемый текст»³⁸.

Добавим к этому, что Тойнби нередко давал подчеркнута пренебрежительные оценки не только своим ранним работам. Труд всей своей жизни – «A Study of History», которым он чрезвычайно дорожил, Тойнби нередко полушутя-полусерьезно называл с подачи своей

²⁷ Воробьева О.В. Геноцид армян 1915 года глазами А.Дж. Тойнби: контексты интерпретации // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 288.

²⁸ Там же.

²⁹ Toynbee A.J. *Nationality and the War*. London; Toronto, 1915. 522 p.

³⁰ Toynbee A.J. *The Destruction of Poland. A Study in German Efficiency*. London, 1916. 30 p.

³¹ Forbes N., Toynbee A.J., Mitrany D., Hogarth D.G. *The Balkans: A History of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania, Turkey*. Oxford, 1915. 332 p.

³² Toynbee A.J. *The New Europe. Some Essays in Reconstruction*. London; Toronto; N.Y., 1915. 85 p.

³³ Тойнби А.Дж. *Пережитое...* С. 432–438.

³⁴ Там же. С. 403–420.

³⁵ Воробьева О.В. Геноцид армян 1915 года глазами А. Дж. Тойнби... С. 288.

³⁶ Bodleian Library, Toynbee Papers, *Juvenilia*.

³⁷ McNeill W.H. *Arnold J. Toynbee: A Life...* P. 71.

³⁸ Ibid. P. 69.

жены «Nonsense Book»³⁹. А ведь ради завершения своего *opus magnum* Тойнби вынужден был пойти на крайне непростые решения – ушел с поста директора Чатем-Хаус, отказался от продолжения «Обзоров международных отношений» и даже от предложенной ему профессорской кафедры в Кембридже! Очевидно, в таких оценках-прозвищах проступает изрядная доля интеллектуального кокетства, которое всегда было свойственно Тойнби – характерной, по словам Мак-Нила, манеры «соединять показную скромность с молчаливым ожиданием преклонения»⁴⁰.

Тем более нет оснований предполагать, что для Тойнби была секретом нацеленность работы Бюро пропаганды на общественное мнение Америки. Об этом он прямо говорит в своей переписке со своим тестем и бывшим научным руководителем Гилбертом Мюрреем⁴¹. И уж совсем странно выглядит апелляция к неосведомленности Брайса. Утверждение о том, что его позиция могла быть иной, знай он о намерениях правительства, по меньшей мере этически небезупречно. Лорд Брайс был известен как искренний и давний друг армянского народа. Выступление 6 октября 1915 г. состоялось по его инициативе, когда ни о каких эксцессах в Галиции еще не было известно. Лишь через несколько месяцев после этого, как указывает Мак-Нил, во властных коридорах возникла идея противопоставить германской пропаганде расследование преступлений против армян⁴². Но ни тогда, ни позже – вплоть до своей кончины в 1922 г. – Брайс не высказал ни тени сомнения в правильности своих действий.

В то же время сведение самим Тойнби своих мотивов исключительно к благородному возмущению зверствами турок может убедить лишь тех, кто не знает всех сопутствующих обстоятельств. В отличие от Брайса, он не был столь же свободен в своих решениях и поступках и, увы, не столь же искренен. В мемуарах Тойнби велеречиво размышляет о прихоти фортуны, по милости которой он в 1912 г. переболел дизентерией и по этой причине не был призван на фронт⁴³. Поэтому-де он чувствовал моральный долг перед сверстниками, ушедшими на войну, и не щадя себя трудился на идейном фронте. Однако на самом деле ничто не мешало Тойнби отправиться защищать родину. Первой медкомиссией он был признан годным к службе, но после этого приложил изрядные усилия, чтобы добыть себе белый билет⁴⁴. При этом в 1916 и 1917 гг. для Тойнби вновь возникла угроза призыва, от которой его оба раза спасло начальство. «Таким образом, – делает вывод Мак-Нил, – его публичное объяснение того, что произошло во время Первой мировой войны, было в лучшем случае полуправдой, и он это знал. В результате чувство неспособности соответствовать героическому идеалу, к которому он относился так серьезно, преследовало его на протяжении всей войны, а также, в приглушенных и наполовину подавляемых формах, на протяжении всей последующей жизни»⁴⁵. Более того, Мак-Нил приводит слова из достаточно язвительной рецензии на книгу «Национальность и война» о том, что «автору лучше было бы служить на фронте, чем писать подобное»⁴⁶, из которой можно понять, что эти обстоятельства отнюдь не были маленькой тайной семейства Тойнби.

Поэтому доказательство своей эффективности в качестве сотрудника бюро было для Тойнби не делом свободного и осознанного выбора, а вопросом жизни и смерти в самом буквальном смысле, а кроме того – способом заглушить голос нечистой совести. И что бы ни писал Тойнби через полвека, в 1916 г. он не мог не осознавать меру своей внутренней несвободы. Да и работа с документами о насилиях над армянским населением тяготила его, о чем Тойнби признавался в письмах своему тестю⁴⁷.

³⁹ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life... P. 131.

⁴⁰ Ibid. P. 206.

⁴¹ Ibid. P. 73.

⁴² McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life... P. 73.

⁴³ Тойнби А.Дж. Пережитое... С. 42.

⁴⁴ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life... P. 68.

⁴⁵ Ibid. P. 68–69.

⁴⁶ Ibid. P. 69.

⁴⁷ Ibid. P. 73.

Возможность своеобразного реванша появилось у него ровно через пять лет, но именно тогда, переоценив степень своей свободы и недооценив меру ответственности, Тойнби и допустил главную оплошность, повлекшую грандиозный скандал и навязчивое стремление к самооправданию задним числом.

В январе 1921 г. Тойнби отправляется на фронт Греко-турецкой войны в качестве корреспондента «самой гладсониянской»⁴⁸, т.е. прогрессивной газеты Великобритании «Манчестер гардиан». К тому же он с 1919 г. занимал в Лондонском королевском колледже так называемую «именную» профессорскую кафедру, учрежденную в честь греческого просветителя Адамантиса Кораиса. Но либо Тойнби не вполне осознавал те политические рамки, которые сопряжены с обеими этими позициями, либо после участия в Парижской конференции настолько уверовал в прочность своего положения политического аналитика, что всем своим поведением и высказываниями словно зондировал меру своей интеллектуальной свободы.

Безусловно, на этой «войне после войны» злодеяния творили обе стороны. Но в оценках Тойнби, впоследствии легших в основу книги «Западный вопрос в Греции и Турции», проявлялся явный крен в сторону оправдания турок. В немалой степени это было реакцией на нескрываемое недоверие со стороны кемалистов к нему как к соавтору «Синей книги». Хотел Тойнби того или нет, но более резкие оценки греческой стороны были – скорее подсознательно, чем осознанно – способом продемонстрировать туркам свою объективность. При этом Тойнби прибегал к аргументам, которые трудно назвать иначе как фарисейскими. Например, он предлагал для оценки соотношения виновности сторон учитывать не только конкретные цифры, но и возможности совершения насилия в широком историческом контексте: «С 1461 по 1821 годы очень немногие греки в мире не находились во власти турок, в то время как до 1912 года в руках греков никогда не было значительного числа турок»⁴⁹. С учетом столь странного исторического коэффициента по логике Тойнби выходило, что вина греков существенно больше, чем турок.

Переломным моментом для Тойнби стала его поездка на полуостров Ялова в мае 1921 г., где он оказался свидетелем последствий массовых убийств мусульман, совершенных парамилитарными группами христианского населения при поддержке, как утверждал Тойнби, греческой регулярной армии⁵⁰. Следствием увиденного стали его резкие публикации и выступления по возвращении в Англию, в которых Тойнби всецело возлагал вину на греков. А как неизбежный результат этих действий – последовал разрыв с «Манчестер гардиан» и увольнение из колледжа.

Безусловно, Тойнби очень тяжело переживал разразившийся скандал, но при этом он воспринимал произошедшее как подтверждение своей свободы, а в той схеме самооправдания, которая окончательно сложилась уже в мемуарах, данная ситуация рисовалась ему как исправление ошибки, допущенной пятью годами ранее. По мнению О.В. Воробьевой, суть внутренней драмы Тойнби заключалась в осознании того, что, потратив «несколько лет на то, чтобы показать жестокость мусульман по отношению к христианам, он теперь фиксировал обратное»⁵¹. Сам Тойнби в мемуарах, перебрасывая мысленный мост между двумя вехами своей биографии, подчеркивал, что его позиция определялась верностью принципу «*Audi alteram partem*»⁵². Тем не менее уместно задать вопрос: почему турецкая сторона была «услышана» им не в 1915–1916 гг., а только через пять лет? И почему преступления, совершаемые по отношению к туркам греками, должны как-то смягчать вину турок, уничтожавших армян?

Наконец, почему Тойнби, потрясенный трагедией Яловы, не прореагировал столь же бурно на резню в Смирне в сентябре 1922 г., во время которой погибло в десятки, если

⁴⁸ Clogg R. *Politics and the Academy. Arnold Toynbee and the Koraes Chair*. London; N.Y., 1986. P. 55.

⁴⁹ Toynbee A.J. *The Western Question in Greece and Turkey...* P. 270.

⁵⁰ Ibid. P. 282–284.

⁵¹ Воробьева О.В. *Геноцид армян 1915 года...* С. 290.

⁵² Тойнби А.Дж. *Пережитое...* С. 507.

не в сотни раз больше греков и армян, чем турок в Ялове?⁵³ К тому же причастность греческих регулярных войск и правительства к этим эксцессам – отнюдь не доказанный факт. Сам Тойнби писал, что насилия совершались «четами» – бандформированиями, состоящими из гражданских лиц – «простых греческих обывателей, которые ожесточились под влиянием войны и при поддержке греческой оккупационной армии опоясались патронташами»⁵⁴. В то же время целенаправленное уничтожение христианского населения Смирны и самого города началось вскоре после вступления в него 9 сентября 1922 г. регулярных турецких войск и осуществлялось непосредственно этими контингентами во главе с генералом Нуреддин-пашой, лично руководившим погромами и подстрекавшим мусульман к убийствам греков и армян⁵⁵.

На фоне этих событий, чрезвычайно остро переживаемых британским обществом, позиция Тойнби не могла не вызвать крайнего раздражения. Как было заявлено его коллегами по колледжу в «Меморандуме о журналистской и политической деятельности профессора Тойнби», «во время пожара Смирны мистер Тойнби зашел так далеко, что возложил ответственность на греков, хотя не смог привести ни единого доказательства в пользу данного обвинения, признав, что это была всего лишь “презумпция вины”»⁵⁶. Как верно заметил Ричард Клогг, главная ошибка Тойнби (добавим от себя: и этическая, и профессиональная) заключалась в том, что, став свидетелем военных преступлений греков, он не предпринял никаких усилий для установления степени виновности другой стороны⁵⁷.

Итак, руководствуясь принципом «бритвы Оккама», следует сделать вывод, что причины, побудившие Тойнби к изменению оценки своего участия в расследовании геноцида армян, значительно проще версии, сконструированной им самим. Если уж говорить о горячности, свойственной Тойнби, то в большей мере это проявилось не в 1915–1916, а в 1921 г. Он допустил оплошность, непростительную для политического аналитика – вынес категорический вердикт, не собрав и не проанализировав всей суммы фактов. Но в возникшей ситуации ему оказалось психологически проще пойти на обострение конфликта, чем признать свою ошибку. И этому в немалой степени способствовало его тщеславие и пророческие амбиции – особенность характера, о которой писали все современники Тойнби. Быстрый и успешный старт карьеры – вхождение в узкий круг «Министерства всех талантов», как называли интеллектуальное ядро Бюро военной пропаганды, покровительство таких корифеев британской политической аналитики, как лорд Дж. Брайс, Л. Кертис и Дж. Хедлам, участие в Парижской конференции, прием на работу в Чатем-Хаус и профессорская кафедра в Королевском колледже – все это повлекло переоценку меры собственной интеллектуальной свободы и политического влияния, а столкновение с реальностью обернулось фрустрацией. К слову сказать, подобный сценарий с последующей фрустрацией Тойнби снова переживет в 1960-х гг., но это уже другая история.

Литература

Воробьева О.В. Геноцид армян 1915 года глазами А.Дж. Тойнби: контексты интерпретации // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 278–296.

Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории (Генезис и эволюция мировоззрения А.Дж. Тойнби). Томск: Изд-во Томского университета, 1986. 201 с.

⁵³ По оценке свидетеля трагедии исполнительного директора Комитета США по чрезвычайным ситуациям Эдварда Хейла Бириштадта, примерно 100 тыс. человек было убито, около 280 тыс. – раздавлено на набережной и еще 160 тыс. – депортировано вглубь страны, что означало почти верную смерть (*Bierstadt E.H. The Great Betrayal. A Survey of the Near East Problem. London, 1924. P. 36.*). По подсчетам автора концепта «демоцид» Рудольфа Руммеля, всего за время этой войны греческими войсками и парамилитарными образованиями было убито 15 тыс. турок, тогда как кемалистами – 264 тыс. греков (*Rummel R.J. Death by Government. New Brunswick; London, 2009. P. 234.*)

⁵⁴ *Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey... P. 282–283.*

⁵⁵ *Milton G. Paradise Lost. Smyrna 1922: The Destruction of Islam's City of Tolerance. London, 2008. P. 268–269.*

⁵⁶ *Tusan M. Smyrna's Ashes: Humanitarianism, Genocide and the Birth of the Middle East. Berkeley; Los Angeles; London, 2012. P. 217.*

⁵⁷ *Clogg R. Politics and the Academy... P. 55.*

- Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. 672 с.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 732 с.
- Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.
- Тойнби А.Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. М.: АСТ, 2009. 863 с.
- Bierstadt E.H. The Great Betrayal. A Survey of the Near East Problem. London: R.M. McBride, 1924. 345 p.
- Bryce J. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. Documents Presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce. London: H.M. Stationery Off., Printed by Sir Joseph Causton and Sons, 1916. XXI, 677 p.
- Clogg R. Politics and the Academy: Arnold Toynbee and the Koraes Chair. London; N.Y.: Routledge, 1986. X, 117 p.
- Çora A.N. Armenian Genocide, a Big Lie. Damn Lies and Facts About So-Called “Armenian Genocide”. Ankara: Sonçag, 2021. 299 p.
- Gürün K. The Armenian File. The Myth of Innocence Exposed. London etc.: Rustem, 1985. 323 p.
- Forbes N., Toynbee A.J., Mitrany D., Hogarth D.G. The Balkans: A History of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania, Turkey. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1915. 332 p.
- McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989. X, 346 p.
- Milton G. Paradise Lost. Smyrna 1922: The Destruction of Islam’s City of Tolerance. London: Hodder & Stoughton Ltd., 2008. 426 p.
- Ortega Y Gasset J. An Interpretation of Universal History. N.Y.: W.W. Norton & Company, Inc., 1973. 302 p.
- Pares R. Review: A. Study of History. By Arnold J. Toynbee. 10 vol. (London: Oxford University Press, 1933-5 4-) // English Historical Review. 1956. Vol. 72, No. 279. P. 256–272.
- Rummel R.J. Death by Government. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2009. 496 p.
- Toynbee A.J. Armenian Atrocities: The Murder of a Nation. London: Hodder and Stoughton, 1915. 117 p.
- Toynbee A.J. The Destruction of Poland. A Study in German Efficiency. London: T. Fisher Unwin, Ltd., 1916. 30 p.
- Toynbee A.J. The Murderous Tyranny of the Turks. London; N.Y.; Toronto: Hodder & Stoughton, 1917. 85 p.
- Toynbee A.J. Nationality and the War. London; Toronto: J.M. Dent & Sons LTD, 1915. 522 p.
- Toynbee A.J. The New Europe. Some Essays in Reconstruction. London; Toronto; N.Y.: J.M. Dent & Sons LTD, 1915. 85 p.
- Toynbee A.J. Turkey: A Past and a Future. London; N.Y.; Toronto: Hodder and Stoughton, 1917. 83 p.
- Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey. A Study in The Contact of Civilisations. London; Bombay; Sydney: Constable and Company LTD, 1922. 420 p.
- Tusan M. James Bryce’s Blue Book as Evidence // Journal of Levantine Studies. 2015. Vol. 5, No. 2. P. 35–50.
- Tusan M. Smyrna’s Ashes: Humanitarianism, Genocide and the Birth of the Middle East. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2012. 254 p.

References

- Bierstadt, E.H. (1924). *The Great Betrayal. A Survey of the Near East Problem*. London, R.M. McBride. 345 p.

Bryce, J. (1916). *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. Documents Presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce*. London, H.M. Stationery Off., Printed by Sir Joseph Causton and Sons. XXI, 677 p.

Clogg, R. (1986). *Politics and the Academy: Arnold Toynbee and the Koraes Chair*. London, New York, Routledge. X, 117 p.

Çora, A.N. (2021). *Armenian Genocide, a Big Lie. Damn Lies and Facts about So-Called “Armenian Genocide”*. Ankara, Sonçag. 299 p.

Forbes, N., Toynbee, A.J., Mitrany, D., Hogarth, D.G. (1915). *The Balkans: A History of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania, Turkey*. Oxford, Oxford Clarendon Press. 332 p.

Gürün, K. (1985). *The Armenian File. The Myth of Innocence Exposed*. London etc., Rustem. 323 p.

McNeill, W.H. (1989). *Arnold J. Toynbee: A Life*. New York, Oxford, Oxford University Press. X, 346 p.

Milton, G. (2008). *Paradise Lost. Smyrna 1922: The Destruction of Islam’s City of Tolerance*. London, Hodder & Stoughton Ltd. 426 p.

Muchnik, V.M. (1986). *V poiskakh utrachennogo smysla istorii (Genesis i evolyutsiya mirovozzreniya A.J. Toynbee)* [In Search for the Lost Sense of History (Genesis and Evolution of A.J. Toynbee’s Thinking)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 201 p.

Ortega, Y Gasset J. (1973). *An Interpretation of Universal History*. New York, W.W. Norton & Company, Inc. 302 p.

Pares, R. (1956). Review: A. Study of History. By Arnold J. Toynbee. 10 vol. (London: Oxford University Press, 1933-5 4-). In *English Historical Review*. Vol. 72, No. 279, pp. 256–272.

Rummel, R.J. (2009). *Death by Government*. New Brunswick, London, Transaction Publishers. 496 p.

Toynbee, A.J. (1915). *Armenian Atrocities: The Murder of a Nation*. London, Hodder and Stoughton. 117 p.

Toynbee, A.J. (1915). *Nationality and the War*. London, Toronto, J.M. Dent & Sons LTD. 522 p.

Toynbee, A.J. (1915). *The New Europe. Some Essays in Reconstruction*. London, Toronto, New York, J.M. Dent & Sons LTD. 85 p.

Toynbee, A.J. (1916). *The Destruction of Poland. A Study in German Efficiency*. London, T. Fisher Unwin, Ltd. 30 p.

Toynbee, A.J. (1917). *The Murderous Tyranny of the Turks*. London, New York, Toronto, Hodder & Stoughton. 85 p.

Toynbee, A.J. (1917). *Turkey: A Past and a Future*. London, New York, Toronto, Hodder and Stoughton. 83 p.

Toynbee, A.J. (1922). *The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the Contact of Civilisations*. London, Bombay, Sydney, Constable and Company LTD. 420 p.

Toynbee, A.J. (1991). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Progress. 732 p.

Toynbee, A.J. (2003). *Perezhitoe. Moi vstrechi* [Experiences. Acquaintances]. Moscow, Ayris-pres. 672 p.

Toynbee, A.J. (2009). *Issledovanie istorii: Tsvivilizatsii vo vremeni i prostranstve* [A Study of History: Civilizations in Time and Space]. Moscow, AST. 863 p.

Toynbee, A.J. (2009). *Issledovanie istorii: Vozniknovenie, rost i raspad tsvivilizatsiy* [A Study of History: Genesis, Growth and Disintegration of Civilizations]. Moscow, AST. 670 p.

Tusan, M. (2012). *Smyrna’s Ashes: Humanitarianism, Genocide and the Birth of the Middle East*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press. 254 p.

Tusan, M. (2015). James Bryce’s Blue Book as Evidence. In *Journal of Levantine Studies*. Vol. 5, No. 2, pp. 35–50.

Vorobieva, O.V. (2016). Genotsid armyan 1915 goda glazami A.J. Toynbee [The Armenian Genocide of 1915 from A.J. Toynbee’s Perspective: Interpretation Contexts]. In *Dialog so vremenem*. No. 56, pp. 278–296.

М. Меллина*

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИК
РЕНЦО ДЕ ФЕЛИЧЕ (1929–1996):
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ,
ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО КЛИМАТА**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-7
УДК 323(45)+94(-05)*Выходные данные для цитирования:**Меллина М. Итальянские политики и историк Ренцо де Феличе (1929–1996): проблемы исторической памяти, политического и электорального климата // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 80–89.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-07.pdf>*

M. Mellina*

**ITALIAN POLITICIANS AND THE HISTORIAN
RENZO DE FELICE (1929–1996): BETWEEN HISTORICAL
MEMORY AND THE POLITICAL AND ELECTORAL CLIMATE**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-7

*How to cite:**Mellina M. Italian Politicians and the Historian Renzo De Felice (1929–1996): Between Historical Memory and the Political and Electoral Climate // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 80–89.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-07.pdf>]*

Abstract. This article focuses on the career of the Italian historian Renzo De Felice, aiming to understand how the Italian political class reacted to his theories and interpretations regarding the history of fascism. De Felice was the first historian to delve into fascist documents at a time when the anti-fascist historical memory relied primarily on historical-political testimonies. Historians, until his studies had refused to construct a history of fascism based on documents and contextualisation of the regime’s actions, favouring instead a politicised anti-fascist historical memory. For this reason as well, when De Felice’s theories and interpretations emerge, the Italian historian finds himself increasingly criticised and isolated by anti-fascist intellectuals, whom he himself will describe as the “sacristans of culture”. While the value and impact of the criticisms De Felice received from the Italian intellectual class of his time have been extensively discussed in recent historiography, this article shifts the focus to the reactions of politicians, who generally remained cautious about taking a stance on De Felice. Through the analysis of three specific episodes in De Felice’s career where he engaged directly with the political class in public debate, it is observed how politicians considered De Felice for reasons related to the political climate and specific political-electoral purposes. This research thus raises important theoretical questions regarding the role of historians and their freedom in a democratic regime, not only vis-à-vis their peers but also in relation to the political class engaged simultaneously in electoral consensus building.

Keywords: De Felice, historians, power, politicians, Italy.

The article has been received by the editor on 05.06.2024.

Аннотация. Данная статья посвящена карьере итальянского историка Ренцо Де Феличе. Ее цель состоит в исследовании откликов итальянской политической элиты на его теории и интерпретации истории фашизма. Де Феличе был первым историком, который подробно изучал документы эпохи фашизма в то время, когда антифашистская историческая память в основном опиралась на историко-политические свидетельства. До его исследований историки отказывались воссоздавать историю фашизма на основе подтверждающих документов и не стремились к контекстуализации действий режима, предпочитая политизированную антифашистскую историческую память. Поэтому,

* **Марко Меллина**, PhD, Высшая школа экономики, Москва, Россия, e-mail: m.mellina@hse.ru

Marco Mellina, PhD, HSE University, Moscow, Russia, e-mail: m.mellina@hse.ru

когда теории и интерпретации Де Феличе стали достоянием общественности, итальянский историк стал объектом критики со стороны антифашистских интеллектуалов, которые изолировались от него. Сам Де Феличе называл их «служителями культуры». Влияние критики на Де Феличе со стороны итальянского интеллектуального класса своего времени было широко исследовано в недавней историографии. Данная статья смещает фокус внимания на реакцию политиков, которые в основном оставались осторожными при занятии позиции по отношению к Де Феличе. Через анализ трех конкретных эпизодов в карьере Де Феличе, где он прямо взаимодействовал с политическим классом в общественных дебатах, становится очевидным, как политики относились к Де Феличе, исходя из политического климата, а также конкретных политических и избирательных целей. Таким образом, это исследование поднимает важные теоретические вопросы относительно роли историка и его свобод при демократическом режиме, когда его деятельность пересекается с интересами политического класса, занимающегося формированием избирательного консенсуса.

Ключевые слова: Де Феличе, историк, власть, политики, Италия.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024 г.

Preliminary Considerations. When in the 1960s, a young Renzo De Felice¹ began to study the history of fascism he himself denounced the state of Italian historiography on the history of fascism as somewhat lacking. He denounced resistance on the part of what he himself called anti-fascist scholars to face the reality of fascism that because of the political reasons² that “repelled them”³. On the contrary, De Felice’s method, according to him, stems from the need for a history made for historical reasons and not for political reasons⁴. It is now well established in contemporary historiography that De Felice as a historian contributed to ensuring that fascism “was no longer considered an accident, a parenthesis, an anomaly, a foreign body to the events of the nation-state, making it possible in this way to profoundly rethink the crucial problems of the 20th century”⁵. In this way, De Felice would “expounded the importance of analysing the facts without any ideological prejudice and without distorting them to fit theoretical schemes of interpretation”⁶. Particularly in the 1970s, after the publication of his book “Interpretations of Fascism”⁷, De Felice himself dwells on the developments in historiography following his first publications, recognising the contribution of a group of different historians to a history of fascism all bound together by the rejection of an interpretation of the history of fascism tied to “any of the traditional interpretations and characterisations”⁸. Similarly, recent historiography has confirmed how historical memory⁹ of fascism up to De Felice was influenced by “needs of a predominantly political nature” arising

¹ All original quotations in Italian have been translated into English by the author.

Renzo De Felice (1929–1996) was an Italian historian renowned for his extensive research and publications on fascism and Benito Mussolini. Born in Rieti, Italy, De Felice was briefly a historian of Jacobinism before devoting himself completely to the history of fascism and especially to his eight-volume biography of Mussolini to which he devoted over three decades of his career. Despite his initial closeness to the Marxist ideal and his membership of the Communist Party, following the events in Hungary in 1956 he left the Communist Party and if we exclude a brief connection with the Socialist Party, he was one of the few intellectuals at that time not registered with any party. This position, especially in relation to this research, is a relevant fact as we will see later.

² De Felice, more precisely, wrote: “it often seems that the driving force behind them is more political than purely historical” see De Felice R. *Storia degli ebrei italiani durante il fascismo*. Roma. 1962. p. 3.

³ Ibid. “A certain psychological resistance on the part of anti-fascist scholars to confront, partially or entirely, a reality that, already settled morally and in its general cognitive outlines, in a certain sense repels them”.

⁴ Ibid.

⁵ Aramini, D. Renzo De Felice e la recente storiografia italiana. In *Studi Storici*, vol. 55, 2014, p. 339.

⁶ Ibid. This approach has been judged by Italian historiography as positivist; see Breschi, D. *Dal metodo storico al metodo liberale: nel laboratorio di Renzo De Felice*. In *Il pensiero storico*, vol. 4, 2018, p. 2.

⁷ De Felice R. *Interpretazioni del Fascismo*. Bari. 1970.

⁸ De Felice R. *Interpretazioni del Fascismo...* P. 210.

from “the assumption of anti-fascism as a founding value of the newly established Republic” and causing the creation of a historical memory implying, “the innocence of the entire people with respect to the choices made by Mussolini”¹⁰. If these reflections are therefore no longer so unpopular today, Renzo De Felice with his method and his interpretations of history has exposed himself, for these same reasons, to a “difficult life”¹¹. His main actions and interpretations for which he was accused of revisionism by left-wing historians¹² were: 1) denying the international dimension of fascism by emphasising clear differences between Italian, German, and other fascism 2) a tendency to re-evaluate moments and aspects of the fascist regime in comparison with post-fascist Italy 3) resizing the role and scope of anti-fascism 4) resizing fascist responsibility in the extermination of the Jews 5) an idea of peaceful Italian colonialism as opposed to that of other colonising powers 6) conducting an analysis of Mussolini’s activities from the point of view of the statesman and the man¹³. Such interpretations of the fascist period led to a collision with the Italian political power that declared itself democratic and anti-fascist¹⁴. These criticisms were undoubtedly part of a highly politicised climate and were part of a historical debate involving intellectuals, predominantly historians. On 28 April 1976, Mack Smith and De Felice even came to prime time on Rai Uno, Italy’s main TV channels, to discuss some of these theories¹⁵. Media exposure increased criticism and isolation of De Felice¹⁶. While the (few) defenders of De Felice claimed De Felice’s right to make history while distancing themselves from some of his theories, others went on to violently challenge him¹⁷. De Felice reacted to these polemics in a very resentful manner towards this class of intellectuals whom he described as the “sacristans of culture”¹⁸. In this way, he developed what is described as a “lividity” towards historians who saw themselves as just politically anti-fascists¹⁹. If for these

⁹ In the sense expressed by Pellistrandi B. *La mémoire historique entre concept historiographique, fonction sociale et enjeu moral* In *Les failles de la mémoire : Théâtre, cinéma, poésie et roman : les mots contre l’oubli*, Rennes, 2016.

¹⁰ D’Alessandro, P. Il fascismo, l’antifascismo e la società italiana: un problema aperto. In *Studi Storici*, vol. 55, 2014, p. 198.

¹¹ Di Rienzo, E. Renzo De Felice: Una vita difficile. Nel ventennale della scomparsa. In *Nuova Rivista Storica*, No. 100 (3).

¹² The list would be very long, by way of example one can take some non-scientific publications by historians in the mid-1970s when the historiographical debate reached its peak, see Valiani, L., No, il fascismo fu proprio nero. In *Il Corriere della Sera*, 5 luglio 1975; Tranfaglia N. La pugnalata dello storico. In *Il Giorno*, 6 luglio 1975; Alatri, P. Il nero c’è ma non lo vede. In *Il Messaggero*, 8 luglio 1975; Santarelli, E., L’interpretazione del fascismo. In *L’Unità*, 5 agosto 1975; Santomassimo, G. Senza dubbio fu reazione. In *Rinascita/Il contemporaneo* vol. 35, 1975, p. 29–30; D’Orsi A. Le tesi sul fascismo di De Felice sono l’espressione di una parabola di destra. In *Il quotidiano dei lavoratori*, 29 luglio 1975; Pavone, C., De Felice: il fascismo incomprensibile In *Il Manifesto*, 20 luglio 1975; Basso, L. Quanti errori ed omissioni nel suo fascismo In *Il Giorno*, 12 luglio 1975.

¹³ This list was compiled by one of his most bitter academic opponents: Gianpasquale Santomassimo: Santomassimo, G., Il ruolo di Renzo De Felice. In *Italia Contemporanea*, 212, 1998.

¹⁴ It should be pointed out here that the Italian Constitution of 1948 had declared its democratic nature through the first article of the Constitution and formally banned, through the twelfth transitory provision, any reconstitution of the fascist party. Added to this was the Scelba law of 20 June 1952, which supplemented the transitional provision by introducing a ban on apologia for fascism. The subject is still extremely topical considering that these legal provisions are still in force and from time to time force judges to pronounce on what can constitute apologia for fascism and what does not, the subject is beyond the scope of our research but suffice it to refer here to a 2019 text by the historian Emilio Gentile, a pupil of De Felice, who had to intervene to delimit the contours of what is fascist and what is not. See Gentile, E. *Chi è fascista*. Bari, 2019.

¹⁵ The main topics discussed in the media were summarised in Baris, T. and Gagliardi, A. Le controversie sul fascismo degli anni Settanta e Ottanta. In *Studi Storici*, vol. 1, 2014, p. 320. These topics were: 1) the revolutionary nature of fascism belonging to the progressive left 2) the emergence of the middle classes and the distinction between fascism movement and fascism regime 3) the issue of consensus in Italian society and the consequent incompatibility between Italian fascism and nazism.

¹⁶ Baris, T., La stampa italiana e il dibattito sul regime fascista (1945–1990). Appunti per una ricerca. In *E-Review. Rivista degli Istituti Storici dell’Emilia-Romagna in Rete*, vol. 6, 2018.

¹⁷ *Ibid.* p.15.

¹⁸ Degli Esposti, G. I sacrestani della cultura Intervista a Renzo De Felice. In *La Nazione*, 22 febbraio 1976.

¹⁹ This was caused by the bitterness of the endless debate that sometimes led to personal attacks against him and which resulted in numerous attempts to boycott his lectures throughout his career by extra-parliamentary political movements and an attempted attack on his home, without serious consequences, a few months before his death. See, among others, Gentile, E. Renzo De Felice: A tribute. In *Journal of Contemporary History*, vol. 3, 1997.

reasons it is now established that historians and intellectuals largely criticised De Felice's theories and interpretations on every possible public occasion, we are interested in trying to understand whether politicians did the same. Indeed, the question is of relevant importance especially if we consider that the Italian political power established after the Second World War had thus equipped itself with an anti-fascist historical memory, to the extent that the intellectual power wrote an anti-fascist history of the Italian fascist period while the material power²⁰ would seem to have let him do so, although without expressing himself particularly in public²¹. Renzo De Felice himself said in a newspaper interview in 1995: "If one wanted to recall my case, I could provide ample documentation of what has been said and written about me. Including the part that was not simply negative, but also trivial and intimidating in which politicians were, however, shrewder than intellectuals"²². This article thus aims to verify whether and to what extent this sentence by De Felice reflects reality and in what way and, above all, whether and in what way the political climate could push politicians to react in a certain way towards the Italian historian. In order to do this, it was necessary to go beyond purely academic texts and therefore I do not agree with the most recent historiography that one should not "mechanically confuse or overlap historiographical and journalistic debate"²³. This is because we consider this distinction to be merely theoretical, since De Felice's critics themselves have in a certain sense cleared the way for historians to expose themselves in newspapers and television, and above all because in newspapers historians tend to express his thoughts outside the cage of the scientific method, being more easily understandable by the politicians. We have thus selected several episodes of De Felice's career as a historian in which he was publicly exposed to comments and reactions directly from Italian politicians in order to understand how his activity was subject to the political climate and the objectives of certain politicians with relevant consequences both to the reactions of intellectuals and to De Felice himself.

I. The Piccardi case. When De Felice's book "History of Italian Jews during Fascism" was published in 1961²⁴, the so-called Piccardi case exploded. Named after Leopoldo Piccardi²⁵, at that time secretary of the Italian Radical Party and Roman city councillor and one of the founders of the Radical Party. Despite his anti-fascist positions that allowed him to appear in the anti-fascist newspapers of post-republican Italy²⁶, he nevertheless had an important past in the governmental administration of Fascist Italy, having held the position of Councillor of State since 1934. In this text, De Felice discovered from the newspapers of the time the participation of several Italian jurists including Piccardi at an Italian-German conference on race in Vienna at which a joint resolution on Race and Law was signed²⁷. The signing of such a document by an exponent of post-war anti-fascism like Piccardi created a certain amount of unrest in the Radical Party by splitting it into two currents and even dragging some members of this party to trial ending up forcing Piccardi to resign from the party²⁸. The impact of this small, almost involuntary case on a young Renzo De Felice was

²⁰ Both conceptions of intellectual power and material power draw on the conceptions elaborated by Gaetano Mosca in particular in Mosca, G. *Storia delle dottrine politiche*. Bari, 1941.

²¹ Except for a minority of historians who also held parliamentary seats and engaged in active politics mainly in the Italian Communist Party or in connected parliamentary groups and electoral lists.

²² Fertilio, D. De Felice e Tranfaglia, la guerra è finita In *Corriere della Sera*, 11 gennaio 1995.

²³ Baris, T. and Gagliardi, A. *op.cit.*, p. 319.

²⁴ De Felice, R. *Storia degli ebrei sotto il fascismo*. Torino. 1961.

²⁵ Leopoldo Piccardi (1899–1974), the son of a judge, during the First World War, he served on the Karst front and later attended the Military Academy in Turin. In 1919, he participated in D'Annunzio's occupation of Fiume as a legionnaire. In 1932, he joined the National Fascist Party and in 1934, he became a councillor of state and actively participated in the Commission for the reform of civil codes. In 1943 joined the Badoglio government as Minister of Industry and Trade, in 1955 he participated in the founding of the Radical Party, of which he has been one of the national secretaries and In 1960 he was elected city councillor of Rome just a year before the Piccardi case came up.

²⁶ For example In *L'Unità*, 22 febbraio 1960.

²⁷ De Felice, R. *Storia degli ebrei sotto il fascismo*. Torino. 1961, p. 411.

²⁸ In fact, Piccardi withdrew his resignation at first, creating considerable friction within the party and leading to a split, The heirs of the Radical Party had put some very interesting documents online in its archives which delve into what happened within the party, we point out in particular the documents accessible at the following links:

a) http://old.radicali.it/search_view.php?id=44353&lang=&cms=

b) http://old.radicali.it/search_view.php?id=44356&lang=&cms=

such that it had immediate consequences on his work as a historian. The consequences were of two types: one of an editorial nature and the other of a personal nature. In the first case, the publisher Einaudi²⁹, led De Felice to a confrontation with Piccardi, who showed him a hitherto unpublished judgement of 27 December 1944 by the Council of State's Purging Commission, which allegedly exonerated Piccardi as the author of this report. A second 1961 edition was hurriedly published that was identical in every respect to the previous one, with the exception of De Felice's addition of the mention of the aforementioned ruling. In the second edition, in fact, the note on Piccardi is amended by adding the following sentence: "A judgement of 27 Dec. 1944 by the Council of State's Purging Commission, however, exonerates L. Piccardi, who, according to this judgement, is found not to have signed the motion of Race and Law"³⁰. In public, Piccardi refrained from commenting. We do know, however, that some exponents of the radical political area went as far as to describe De Felice as a "little scoundrel manoeuvred by some powerful character"³¹, suggesting an instrumentalisation of the historian. From a personal point of view, this friction with one of the longest-serving politicians created quite a few problems in the advancement of his career. In this regard, a rather curious criticism by intellectuals, not purely historians, can be found in the newspaper *La Stampa* of 7 February 1962 signed by two professors, one a professor of Literature at the University of Turin and the other a professor of Glottology at the University of Milan. In the section "letter to the editor", the two professors denounce "the great scandal" made in other newspapers, congratulating the daily newspaper for not having given space to the "absolute groundlessness" of the accusations and that in the conference attended by Piccardi they dealt with "many other strictly technical matters"³².

His publication also affected his academic career. In the same year, he failed the examination for lecturing, a very curious fact for a historian who had already written a monograph of such importance as the one just published. The rejection was justified by modern historiography as an act of political hostility towards De Felice because of the Piccardi case³³. In 1968, he faced a commission to judge his transition from Associate Professor to Full Professor. One of the members of the commission, Nicola Matteucci, reported that the atmosphere was very tense³⁴ and only had to decide by a majority vote on the change of role, again a rather peculiar case considering that at that time De Felice had already written three important monographs, of which two were the first two volumes of the biography on Mussolini³⁵.

II. Giorgio Amendola defending De Felice. In the politically heated climate that would follow the publication of the book "Interview on fascism"³⁶, Giorgio Amendola³⁷, Italian Commu-

c) http://old.radicali.it/search_view.php?id=44359&lang=&cms=

d) http://old.radicali.it/search_view.php?id=44379&lang=&cms=

²⁹ The intervention of the Einaudi family, owners of the publishing house, was probably also decisive. Giulio Einaudi in fact inherited from his father, Luigi Einaudi and second President of the Italian Republic, a long-standing acquaintance with Leopoldo Piccardi as demonstrated at various points of his biography, See Einaudi, L. *Diario, 1945–1947*, Roma, 1993, p. 140.

³⁰ The wording of this note is such as to suggest that De Felice did not have the opportunity to consult the resolution directly, and it seems that he was only able to do so a decade later to the extent that he points out in the 1972 edition that the documents are in Amsterdam, although he is not explicit about the presence or absence of Piccardi's signature. See De Felice R. *Storia degli ebrei sotto il fascismo*. Torino, 1972.

³¹ This is reported in Simoncelli, P. *Renzo De Felice: la formazione intellettuale*, Firenze, 2001, p. 241.

³² Terracini, B. and Fubini, M. Una testimonianza In *La Stampa*, 7 febbraio 1962.

³³ *Ibid*, p. 212.

³⁴ Matteucci, N. *Battaglia continua*. In *Il Giornale*, 25 novembre 2005.

³⁵ De Felice, R. *Mussolini il rivoluzionario 1883–1920*. Torino, 1965; De Felice R. *Mussolini Mussolini il fascista*. Vol. I: *La conquista del potere, 1921–1925*. Torino, 1966. The third volume would be published in 1968 see *Mussolini il fascista*. Vol. II: *L'organizzazione dello stato fascista, 1925–1929*, Torino, 1968.

³⁶ De Felice, R. *Intervista sul fascismo*. Roma, 1975.

³⁷ Giorgio Amendola (1907–1980) was an Italian politician best known for his political and anti-fascist commitment. Amendola began his political activity in the 1920s as a member of the Italian Communist Party and continued to play a leading role within the party for most of his life. He was a determined opponent of Benito Mussolini's fascist regime and suffered several arrests and imprisonments due to his anti-fascist political activities. After World War II, Amendola became a leading figure within the Italian Communist Party, playing key roles within the party and contributing to its political growth and influence. He was elected several times to the Italian Parliament and held important positions, such

nist Party deputy and anti-fascist publicly defended De Felice on two occasions. In the first case in the Italian Communist Party's daily newspaper, *L'Unità*, where in a front-page article on 20 July 1975 he emphasised, agreeing with De Felice, the importance of doing a history of fascism in order to finally write a history of anti-fascism³⁸. In the second case through the publication in 1976 of the book "Interview on anti-fascism"³⁹. On these two occasions, Amendola writes that although he disagrees with De Felice's interpretations did not approve at all "the indignant and morally exasperated reaction that greeted De Felice's interview, when what was needed, rather, was a refutation of his theses" and that this historical research could only be done within the framework of historical research on fascism⁴⁰. Apart from sharing the need for a history of fascism, it seems to us that there are other points in common between Amendola and De Felice, such as when Amendola emphasises the rejection of a universal category of fascism concerning different states⁴¹ but above all Amendola believes, like De Felice, that the history of fascism is opposed by anti-fascists precisely because it highlights the contradictions of the history of anti-fascism, the myth of the anti-fascist resistance that had never been questioned until then and that was instead considerably weakened after De Felice's interpretations⁴². Amendola also recognises partisan resistance as "a fact of minorities"⁴³ and that the anti-fascist republic was inevitably born from the compromise between more or less repentant fascists and anti-fascists more or less convinced of the need to build a state⁴⁴. This defence was appreciated by De Felice⁴⁵ who emphasised in this way how the sharing of certain theories by an anti-fascist communist like Amendola was sufficient to reject the accusations of revisionism levelled at the historian up to that point. However, several journalists had already pointed out at the time that Amendola's intervention was probably aimed at political instrumentalisation to emphasise the anti-fascism of the Communist Party and the lesser impact of the anti-fascism of the other parties so as to reduce the electoral pool of the other anti-fascist parties⁴⁶. This political instrumentalisation of De Felice tends to be confirmed by the fact that the polemics towards him would only subside with the rapprochement between the two main Italian parties of the time, the Christian Democratic Party and the Communist Party, with a view to excluding the party of fascist inspiration, the Italian Social Movement⁴⁷. However, it must be emphasised that this attempt was a solo effort, being, Giorgio Amendola, a member of the Italian Communist Party, by definition considered the party of intellectuals especially among historians⁴⁸.

III. De Felice in the 'trap' of Italian Social Movement and Socialist Party. Following the Italian Social Movement Party's electoral decline in 1987, the party's historic secretary and former

as secretary of the Italian Communist Party for a short period in the 1960s. His father, Giovanni Amendola (1882–1926) had been a politician in the Kingdom of Italy and a staunch opponent of fascism.

³⁸ Amendola, G. Per una storia dell'antifascismo. In *L'unità*, 20 luglio 1975.

³⁹ Amendola, G. Intervista sull'antifascismo. Roma, 1976.

⁴⁰ Amendola, G. Per una storia dell'antifascismo. In *L'unità*, 20 luglio 1975: "To accept or reject the theses of De Felice, I do not see how it can be done without going into that historical research on fascism, in that study of its various components and contradictions that to many critics of De Felice still seems a reason for repugnance".

⁴¹ Amendola, G. Intervista sull'antifascismo. Roma, 1976, p. 182.

⁴² This position of De Felice's would be particularly accentuated towards the end of his life and career in the text "Red and black" that was much criticised for this by left-wing intellectuals. See De Felice R. *Rosso e nero*. Milano. 1995.

⁴³ Amendola, G. Intervista sull'antifascismo. Roma, 1976, p. 170.

⁴⁴ *Ibid*, p. 13: "The fascist who helped the anti-fascist to find accommodation, in turn found in the anti-fascist who helped him accommodation afterwards. This is the republic we founded". On p. 179 he explains the difficulty they faced when the fascist regime had fallen to build a state composed of people completely excluded from fascism as it was not always easy "to understand which testimonies were reliable and which were not or to understand who was protecting whom and for what in return".

⁴⁵ See also for the cultural connections between De Felice and the Italian communist phenomenon: Parlato G. Renzo De Felice, il Sessantotto e la difesa dello Stato di diritto. In *Ventunesimo secolo: rivista di studi sulle transizioni*, 22, 2, 2010.

⁴⁶ Doubt of the truth was already instilled in the form of a question by the book's editor in one of the questions to Amendola, See Amendola, G. Intervista sull'antifascismo. Roma. 1976, p. 14.

⁴⁷ See note on Giorgio Almirante.

⁴⁸ On this topic see among others Ajello N. *Intelletuali e PCI*. Roma-Bari, 1979.

member of the Italian Social Republic between 1943 and 1945, Giorgio Almirante⁴⁹, decided to give way to a new secretary, Gianfranco Fini⁵⁰. The particular political context and media exposure that De Felice enjoyed led the Arezzo historian to expose himself to a great deal of criticism following essentially three interviews, one on television⁵¹ and two in newspapers⁵² which will reignite, aided by the political climate, accusations of revisionism against it. These three interviews had as a common denominator a position that was certainly more political than De Felice's albeit anchored in his historical ideas and interpretations. There were at least three key points: 1) the normalisation of the Italian Social Movement as a party now detached from the fascist context, and which followed the meeting that first took place between the leader of the Italian Social Movement and the leader of the Italian Socialist Party⁵³ 2) De Felice's proposal to abolish the Italian constitutional provisions prohibiting the reconstitution of the fascist party⁵⁴, the latter considered by De Felice as inapplicable, symbolic rules that contribute to creating a fictitious link between democracy and anti-fascism⁵⁵ 3) To emphasise the continuity between the Fascist state and the Giolittian state as well as the continuity between the Fascist state and the Republican state in its administrative form while also highlighting the limitations of the Republic and its otherwise undemocratic character. The criticism came from left-wing intellectuals and historians and essentially concerned De Felice's possible instrumentalisation of his historical method, accusing him of legitimising the importance of the Italian Social Movement for mere political reasons⁵⁶. For example, he was accused of emphasising the similarities between Italian states in different periods solely to normalise the rapprochement to the Italian Social Movement and the fascist experience in general, thus lending himself to a "revisionism, consequently, programmatically aimed at demolishing any distinction/contrast between successive regimes and historical phases"⁵⁷. There are in this sense two key moments in which De Felice found himself exposed to the political manoeuvres of Gianfranco Fini and Bettino

⁴⁹ Giorgio Almirante (1914–1988) was an Italian politician who was born in 1914 and died in 1988. He was a prominent figure in 20th century Italian politics, particularly associated with the extreme right. In the post-war period, Almirante became a leading member of the Italian Social Movement (*Movimento Sociale Italiano*), a far-right political party founded in 1946. During his long political career, Almirante embodied the nationalist, conservative, and anti-communist ideology of the Italian Social Movement, becoming a reference point for many followers of the Italian extreme right. He always remained a controversial figure, criticised for his extremist positions and his political past during Benito Mussolini's fascist regime.

⁵⁰ Gianfranco Fini (1952) is an Italian politician. He began his political career in the 1970s as a youth activist in the Italian Social Movement. Subsequently, in 1994, he was one of the founders and leaders of *Alleanza Nazionale*, a centre-right party born from the transformation of the Italian Social Movement.

⁵¹ In particular, the TV programme *Linea Rovente* aired on *Rai Tre* on 6 January 1988.

⁵² The interviews were transcribed in *Corriere della Sera* on 27 December 1987 and 8 January 1988 respectively and are also reported in Focardi F. *La guerra della memoria*. Rome-Bari. 2005, pp. 252–258.

⁵³ The political importance of this event and the topic raised by De Felice can be seen in the collection of articles and notes related to De Felice and to the topic of antifascism and the aforementioned Italian norms, preserved in the historical archive of the Senate of the Republic, by one of the most important politicians of the Italian Communist Party. See Archivio Storico del Senato della Repubblica, Fondazione Gramsci, Paolo Bufalini, 1.3.67.

⁵⁴ The rules are described by De Felice in a 1987 interview as "grotesque". See Ferrara G. *Le norme contro il fascismo? Sono grottesche, aboliamole*. In *Corriere della Sera*, 27 dicembre 1987.

⁵⁵ We quote the full passage translated into English from the 1988 interview: "First of all, as you know and as everyone knows, the anti-fascist norms of the Constitution are not applied by the same ruling class that seems to want to defend them tooth and nail. This means they have a mere symbolic value. But what are they a symbol of? Of a certain conservatism, of a lack of willingness to seek elsewhere, forty years after the Constitution came into force, the legitimisation of a true and modern liberal democracy. It is obsessively repeated: we are democratic because we are anti-fascist. But this is not true. Some voices have risen to reaffirm that one can be anti-fascist and not democratic. And this, secondly, is a discourse that also applies to Italian communists". See Ferrara, G. *De Felice: la Costituzione non è certo il Colosseo...* In *Corriere della sera*, 7 gennaio 1988.

⁵⁶ This passage is taken from an article in the newspaper *Repubblica* calling for history not to be rewritten according to the need to take the votes of Italian Social Movement voters into account. See Forcella E. *Per inseguire i voti del MSI non si deve riscrivere la storia*. In *Repubblica* 30 dicembre 1987.

⁵⁷ This is how a historian opposed to De Felice's theories expressed himself in an article that is also very interesting for understanding the climate among historians in the face of this media exposure. See Legnani M. *Al mercato del revisionismo*. In *Italia Contemporanea*, vol. 170, p. 100.

Craxi⁵⁸. When the new secretary of the Italian Social Movement, Gianfranco Fini, was elected in 1987, De Felice welcomed this news as a confirmation of his theories in particular on the historical delineation of Italian fascism in the Mussolini experience⁵⁹. In this way, he will greet the new secretary as a sign that the Italian Social Movement does not constitute a fascist danger at all, Fini himself having been born in 1952 and thus being outside the direct tradition of Italian fascism. Fini declared in an interview that historians like De Felice “have understood before the others that Italy has changed, that we do not want to remain anchored to the past”⁶⁰. In this sense, Craxi, who, in the meantime, was weaving a web of relations with the Italian Social Movement with a view to external support in a future government⁶¹, within his party saw a conference organised in March 1988 by the official magazine of the Italian Socialist Party *Mondoperaio* on the role of Togliatti and the Italian Communist Party as well as the role of the Soviet Union. De Felice there criticised the Italian Communist Party’s juxtaposition with Stalinism. This conference was criticised as an attempt by Craxi, secretary of the Italian Socialist Party, to bring some voters of the Italian Communist Party closer to the Italian Socialist Party itself⁶².

Conclusions. It thus seems to us that there are two moments in particular when the pathos against De Felice was at its peak: the first is the period following the publication of his “Interview on fascism” in the mid-1970s. The second runs from the end of the 1980s until his death centred around De Felice’s increasing participation not only in the historical debate but above all in the country’s political debate. Despite the academic and media clamour, the political class had remained cautious at least in expressing criticism of De Felice. It seems very likely that precisely because of a political class that was partly anti-fascist by origin and partly anti-fascist because it converted after the constitution of the Republic, the silence of the political class in power was essentially due to fear of opening Pandora’s box, delegating the preservation of acquired historical memory to intellectuals, as in the case we have seen of Piccardi who only exposed himself because he was personally attacked. Piccardi’s case would have taught politicians to remain shrewd while Amendola’s, Fini’s, and Craxi’s defences of De Felice show, in a certain sense, that politicians of a certain prominence were exposed in defence of De Felice but also in an electoral context such that there was an instrumentalisation of De Felice and his intellectual nonconformity. The broader political climate thus ends up having a major impact on the historian’s work, but in the Italian case it was not the political class that was the greatest obstacle to De Felice’s attempt to change historical memory. These considerations are particularly pertinent if one takes into account the theoretically democratic nature of Italian power in this period and the fact that it had no possibility of centralising control over culture. In this sense, while intellectuals were an obstacle to De Felice’s attempt to adopt new theories and interpretations of the history of fascism, the political class merely reacted to De Felice in relation to their own personal or political-electoral interests. De Felice’s case shows how it is the political climate that the historian’s activity in a regime of alternating power has to reckon with both for better and for worse and yet leaves open numerous other theoretical questions concerning the limits of historians’ activities and their ability to maintain the balance between their profile as a historian and of a citizen as well as the limits of intellectual pressure from one’s peers on any historian’s activity.

⁵⁸ Bettino Craxi (1934–2000) was an Italian politician, a leading figure in Italian politics after World War II and held several important positions, including First Secretary of the Italian Socialist Party (*Partito Socialista Italiano*) from 1976 to 1993 and Prime Minister from 1983 to 1987. Craxi is best known for leading the Italian Socialist Party during a period of significant political influence and for playing a key role in the establishment of a political system based on government coalitions between left and centre parties.

⁵⁹ See Ferrara, G. Le norme contro il fascismo? Sono grottesche, aboliamole. In *Corriere della Sera*, 27 dicembre 1987.

⁶⁰ In *Panorama*, 10 gennaio 1988.

⁶¹ On the relationship between the MSI and the Italian Socialist Party at that moment and the general metamorphosis of the MSI under the new secretary, see : Tassani G. The Italian Social Movement from Almirante to Fini. In *Italian politics*, vol. 4, 1990.

⁶² As mentioned at the time, with some worldwide resonance in Painter B. Renzo De Felice and the Historiography of Italian Fascism. In *The American Historical Review*, vol. 95, 1990.

References

- Amendola, G. (1976). *Intervista sull'antifascismo*. 1. ed. Edited by P. Melograni. Roma: Laterza. 220 p.
- Aramini, D. (2014). Renzo De Felice e la Recente Storiografia Italiana. In *Studi Storici*, 55 (1), pp. 335–348.
- Aramini, D. (2022). Gino Germani, Renzo De Felice e le interpretazioni del fascismo a partire dagli anni Sessanta. In *Mondo Contemporaneo* (3), pp. 79–113.
- Baris, T. (2018). La stampa italiana e il dibattito sul regime fascista (1945-1990). Appunti per una ricerca. In *E-Review. Rivista degli Istituti Storici dell'Emilia-Romagna in Rete*, 6, pp. 1–25.
- Baris T. and Gagliardi A. (2014). Le controversie sul fascismo degli anni Settanta e Ottanta. In *Studi Storici*, pp. 317–334.
- Breschi, D. (2018). Dal metodo storico al metodo liberale: nel laboratorio di Renzo De Felice. In *Il Pensiero Storico. Rivista Italiana di Storia delle Idee* (4), pp. 85–89.
- D'Alessandro, L.P. (2014). Il fascismo, l'antifascismo e la società italiana: un problema aperto. In *Studi Storici*, 55(1), pp. 197–211.
- De Felice, R. (1975). *Intervista sul fascismo*. Edited by M.A. Ledeen. Roma: Laterza. 144 p.
- De Felice, R. (1995). *Rosso e nero*. Edited by P. Chessa. Milano: Baldini & Castoldi. 195 p.
- De Felice, R. (1961). *Storia degli ebrei italiani sotto il fascismo*. Torino. Einaudi. 697 p.
- De Michelis, C. (2000). Il Conformismo degli Intellettuali In *Studi Novecenteschi*, 27(59), pp. 61–81.
- Di Rienzo, E. (2016). Renzo De Felice: Una vita difficile. Nel ventennale della scomparsa. In *Nuova Rivista Storica*, (100 (3)), pp. 1027–1039.
- Einaudi, L. and Soddu, P. (1993). *Diario, 1945-1947*. Roma: Editori Laterza (Collana storica della Banca d'Italia, v. 11). 792 p.
- Focardi, F. (2005). Interviste di Giuliano Ferrara a Renzo De Felice, “Corriere della Sera”, 27 dicembre 1987 e 8 gennaio 1988., in *La guerra della memoria*. Bari-Roma: Laterza, pp. 252–258.
- Gagliardi, A. (2015). La crisi del soggetto. Marxismo e filosofia in Italia negli anni Settanta e Ottanta. In *La crisi del soggetto. Marxismo e filosofia in Italia negli anni Settanta e Ottanta*. Roma: Carocci (Biblioteca di Testi e Studi), pp. 93–124.
- Gentile, E. (1997). Renzo De Felice: A Tribute. In *Journal of Contemporary History*, 32 (2), pp. 139–151.
- Gentile, E. (2003). *Renzo De Felice: lo storico e il personaggio*. Roma Bari: Laterza. 182 p.
- Gentile, E. (2019). *Chi è fascista*. Bari: GLF editori Laterza (I Robinson). 144 p.
- Goglia, L. and Moro, R. (2002). *Renzo De Felice: studi e testimonianze*. Roma: Ed. di storia e letteratura. 536 p.
- Ledeen, M.A. (1976). Renzo de Felice and the Controversy over Italian Fascism. In *Journal of Contemporary History*, 11 (4), pp. 269–283.
- Legnani, M. (1988). Al mercato del revisionismo. Un inopinato dibattito su fascismo e antifascismo. In *Italia Contemporanea*, 170, pp. 97–101.
- Lorefice, F. (2022). La ricezione di Mussolini il rivoluzionario di Renzo De Felice nel dibattito storiografico degli anni Sessanta. In *The Italianist*, 42 (1), pp. 63–83.
- Moro, R. (2022). Renzo De Felice, Gino Germani e la modernizzazione. In *Mondo Contemporaneo* (3), pp. 151–167.
- Musiedlak, D. (1989). Renzo De Felice et l'histoire du fascisme. In *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, (21), pp. 91–100.
- Parlato, G. (2010). Renzo De Felice, il Sessantotto e la difesa dello Stato di diritto. In *Ventunesimo secolo : rivista di studi sulle transizioni* : 22, 2, 2010, pp. 37–64.
- Perfetti, F. (2017). La lezione storiografica ed etico-politica di Renzo De Felice. In *Renzo De Felice : la storia come ricerca : atti del convegno, Firenze, 25 maggio 2016*. Firenze: Polis-tampa, pp. 23–36.

Romano, S. (2017). Renzo De Felice e la guerra degli storici. In *Renzo De Felice : la storia come ricerca : atti del convegno, Firenze, 25 maggio 2016*. Firenze: Polistampa, pp. 37–39.

Rusconi, G.E. (2017). Renzo De Felice, la Resistenza, la Costituzione. In *Renzo De Felice : la storia come ricerca : atti del convegno, Firenze, 25 maggio 2016*. Firenze: Polistampa, pp. 83–92.

Sabbatucci, G. (2017). Una rivoluzione storiografica : De Felice e le origini del Fascismo. In *Renzo De Felice : la storia come ricerca : atti del convegno, Firenze, 25 maggio 2016*. Firenze: Polistampa, pp. 119–132.

Santomassimo, G. (1998). Il ruolo di Renzo De Felice. In *Italia Contemporanea*, (212), pp. 555–563.

Sarfatti, M. (2004). La Storia della persecuzione antiebraica di Renzo De Felice: contesto, dimensione cronologica e fonti. In *Quale storia*, XXXII (2), pp. 11–27.

Simoncelli, P. (2001). *Renzo De Felice: la formazione intellettuale*. Firenze: Le lettere (Biblioteca di Nuova storia contemporanea, 1). 468 p.

Tarquini, A. (2020). Renzo De Felice. In *MU*, pp. 141–146.

Е.Ю. Калинина*

**ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ
В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ. НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕХОДНОГО
ПЕРИОДА ОТ АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА
К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ В ИСПАНИИ В 1976–1982 ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-7
УДК 94(4)+342*Выходные данные для цитирования:**Калинина Е.Ю. Память и забвение как социальные конструкты в процессе трансформации государственно-правовой системы. На примере переходного периода от авторитарного режима к демократическому в Испании в 1976–1982 годы // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 90–102.**URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-07.pdf>*

E.Yu. Kalinina*

**MEMORY AND OBLIVION AS SOCIAL CONSTRUCTS
IN THE TRANSFORMATION OF THE STATE-LEGAL SYSTEM:
THE CASE OF THE TRANSITION FROM AUTHORITARIAN
REGIME TO DEMOCRACY IN SPAIN (1976–1982)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-7

*How to cite:**Kalinina E.Yu. Memory and Oblivion as Social Constructs in the Transformation of the State-Legal System: The Case of the Transition from Authoritarian Regime to Democracy in Spain (1976–1982) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 90–102. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-07.pdf>]*

Abstract. Every new democratic government that emerges after a long period of authoritarian rule faces the challenge of establishing a historical memory as part of its efforts to form a national identity. Including the past in the “democratic memory” can be a difficult process, as it requires considering the role that certain groups played in the previous regime, which can be painful for some members of society who may have tacitly supported or actively participated in the dictatorial system. As a result, strategies like forgetting or therapy are sometimes used to integrate the past into the present. Despite the importance of maintaining the continuity of national history, efforts are being made to incorporate the past into contemporary life through the creation of historical memory. Within this research, the author analyzes the scientific and ethical principles of historical research, as well as the social conflicts related to linking the concepts of “memory” and “history” with “values”, “justice”, and “truth”. The author sets as a goal the identification of contradictions in the formation of historical memory during the transformation of the country’s legal system from an authoritarian regime to democracy. Based on this, the author proposes basic principles for the construction of this social phenomenon. The period of transition in post-Franco Spain, between 1976 and 1982, serves as an example. It can be divided into three key stages: the death of the dictator and the beginning of changes (1976–1977), the adoption of the new Constitution (1978), and the unsuccessful coup attempt and subsequent general elections (1981–1982). These events showed the consolidation of the population’s support for democratic changes. During this time, there was a process of creating myths about historical memory through politics, law, and ideology. This process was accompanied by major social contradictions, including political debates, demands for justice and compensation for relatives of those repressed under the old regime, the adoption of laws on historical memory, and other initiatives.

Keywords: Historical memory, history, legal consciousness, transition period, democratic regime, authoritarianism, Spain, politics of memory, state legal system.

* **Елена Юрьевна Калинина**, доктор юридических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bellafior@mail.ru
Elena Yur’evna Kalinina, Doctor of Law, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, e-mail: bellafior@mail.ru

The article has been received by the editor on 01.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Каждый новый демократический режим, появляющийся после длительного авторитарного правления, сталкивается с проблемой формирования исторической памяти в связи с неизбежной трансформацией национальной идентичности. Включение прошлого в эту «демократическую память» может стать трудноразрешимой задачей, так как она предполагает рассмотрение причастности части национального сообщества к диктатуре. Этот опыт является очень болезненным, поскольку требуется принять, что часть населения либо молчаливо поддерживала, либо участвовала в политике, и, как правило, для его усвоения применяется стратегия либо забвения, либо терапии. В любом случае в силу необходимости сохранения преемственности и непрерывности национальной истории происходит интеграция прошлого в настоящее путем конструирования исторической памяти. В рамках настоящего исследования автор анализирует научно-этические принципы исторического исследования, а также общественные конфликты, связанные с необходимостью согласовывать понятия «память» и «история» с идеями «ценности», «справедливости», «правды». Ставя в качестве исследовательской цели выявление противоречий в процессе формирования исторической памяти в контексте трансформации государственно-правовой системы, автор формулирует основные принципы конструирования этого социального феномена. В качестве примера рассматривается транзит в постфранкистской Испании в 1976–1982 гг. Хронологические рамки связаны с тремя ключевыми моментами: смерть диктатора и начало перемен (1976–1977 гг.), принятие конституции (1978 г.) и неудачная попытка государственного переворота с целью возвращения к старому режиму и последующие всеобщие выборы, показавшие консолидацию населения перед лицом демократических преобразований (1981–1982 гг.). В статье показан алгоритм конструирования основополагающих мифов исторической памяти в процессе демократизации в политике, законодательстве и идеологии, а также выявлены основные социальные противоречия последнего десятилетия, связанные с политическими дебатами, требованиями справедливости и возмещения ущерба со стороны родственников репрессированных принятием закона об исторической памяти и другими инициативами.

Ключевые слова: историческая память, история, правосознание, переходный период, демократический режим, авторитаризм, Испания, политика памяти, государственно-правовая система.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024 г.

Историческая память в процессе трансформации государственно-правовой системы. Вопросы исторической памяти и забвения, социально-психологических феноменов, обуславливающих формирование индивидуальной и групповой идентичности, поставленные и обсуждаемые в разное время М. Хальбваксом, Я. и А. Ассман, Ж. Ле Гоффом, П. Нора и другими крупными учеными, не теряют актуальности в современности. Новая культура памяти – особенно в западном мире – основана на чрезмерном внимании к прошлому, постоянно воспроизводящемуся в массовой культуре. Навязчивая идея памяти и забвения представлена как модель, регулирующая отношения настоящего с прошлым. Это полюса, вокруг которых вращается мнемическая деятельность. Одержимость памятью связана с «социальной амнезией»¹.

¹ Pérez Baquero R. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad // Actas II Congreso internacional de la Red española de Filosofía. Vol. III. Madrid, 2017. P. 115–126.

Создается иллюзия всеобщего знания истории. Вместе с тем, становясь продуктом, который выгодно продается, история превращается в обыденном массовом сознании в набор штампов, нередко дурного вкуса, которые опосредуют состояние социального беспамьяства. Пока дело касается, скажем, компьютерных игр или сериалов на «исторические» темы, ситуация представляется безобидной. Однако историческая память и забвение – особенно в XX в. – нередко становились инструментом формирования и коррекции общественного сознания и правосознания. Особенно ярко эти процессы проявились в период перехода от авторитарных политических режимов к демократическим.

Такой переход («транзит» в политологической терминологии), произошедший в Испании в 1976–1982 гг., долгое время в науке и в общественно-политическом дискурсе представлялся как модельный, в особенности с позиции заинтересованных в его результатах акторов. Но в первом десятилетии XXI в. стали слышны недоуменные голоса исследователей, обнаруживших ряд несостыковок и несоответствий. В настоящее время в Испании произошла значительная переоценка как самого переходного процесса, так и ответов, которые давались на вопросы о сущности исторической памяти. Эти вопросы носили не только теоретический, но и практический характер, поскольку речь шла об определении статуса, в том числе в рамках правового поля, жертв диктаторского режима. Оказалось, что не так просто даже установить, кто подпадает под это определение, а тем более принять решение о том, что с этим делать, насколько далеко может простираться идея «восстановления исторической справедливости». Этот процесс принес осознание того, что память о нашем прошлом формируется в нашем настоящем («прошлое воссоздается исходя из идеологических, политических и этических целей общества настоящего»²), следовательно, с одной стороны, это мост между различными временными слоями, но, с другой стороны, это не более чем социальный конструкт, напрямую с прошлым не связанный. Память, связанная с историческим сознанием, отличается от научного знания, хотя между ними существуют обширные области совпадения. Дело не только в степени, точности или глубине. Осознавая настоящее, будущее и прошлое, общества, группы, индивиды могут свободно вспоминать то, что им больше всего подходит. Запоминание, забвение, искажение, подчинение, выделение, изменение, замалчивание, воображение – все это допустимые операции для построения идентичности³. «История – это повествование, у которого много начал, но нет конца»⁴. Такой вывод оказывает влияние не только на юридическую и политическую практику, но и на развитие наук, которые в качестве предмета изучения называют коллективную память.

В настоящем исследовании планируется выявить противоречия формирования дискурса памяти в рамках политико-правового пространства, сформулировать его основные принципы на примере ситуации, сложившейся в постфранкистской Испании. Этот пример показателен, так как изучение сущности и содержания динамики исторической памяти в ходе испанского транзита от авторитаризма к демократии позволяет понять, как менялся образ прошлого, заложенный в общественном сознании и правосознании. Рассмотрев эти изменения в контексте модели памяти/забвения, можно сделать выводы о ее использовании в качестве политико-правового инструмента. В более отдаленной перспективе существует вероятность воссоздания процесса взаимодействия между профессиональными историками и политическими акторами в формировании картины мира, прежде всего образов прошлого, настоящего и будущего, которые образуют целостность и тем самым создают основу для социальной идентичности.

² Ponce N. Memoria, olvidos y representaciones // Alter/nativas, “Memoria de la ficción, ficción de la memoria, entre el ritual y la crítica”. Ohio University, 2018. P. 26–58.

³ Romero L.A. Recuerdos Del Proceso, Imágenes De La Democracia: Luces y Sombras En Las Políticas De La Memoria // Clío & Asociados. La Historia Enseñada. 2003. № VII. P. 113–122.

⁴ Martínez Lamas D. Recuerdo de la política y política del recuerdo Sobre el concepto de memoria en Hannah Arendt // Lo Sguardo – rivista di filosofia. 2019. Vol. 2, № 29. P. 64.

Память и забвение в формировании национальной идентичности. Сочетание процессов памяти/забвения прежде всего служит для преодоления травмирующих воспоминаний. Этот же механизм существует и в индивидуальной психологии, но в сфере социальной памяти процесс более или менее управляем. Эта управляемость порождает иллюзию политиков о том, что существуют инструменты управления коллективным сознанием. На самом деле это возможно частично. Вытесненные воспоминания могут становиться латентными и внезапно проявляться спустя столетия, если травма не «вылечена». Примеры этого существуют и в средневековой истории, в том числе в рассматриваемой в рамках настоящего исследования Испании, и в современной действительности. Травмы гражданской войны сегодня неожиданно влияют на политический климат и принятие решений, в том числе в правовой сфере.

Национальная идентичность должна включать осознание хронологической целостности существования во времени. Каждое сообщество с целью создания идентичности устанавливает связи и отношения между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Индивиду и сообществу необходимо знать свое прошлое, чтобы утвердить идентичность и позиционировать себя в пространстве-времени через набор представлений, служащий ядром, вокруг которого формируется представление о своем Я.

Для понимания сущности идентичности как протяженности Я во времени можно воспользоваться введенными Р. Козеллеком метаисторическими категориями «пространство опыта» и «горизонт ожиданий»⁵. Опыт и ожидания относятся к прошлому, но конструируются в настоящем, проецируясь в будущее. Разрозненные элементы опыта настоящего получают целостность и систематичность в рамках «пространства опыта», т.е. прошлое, становясь источником синтеза и упорядоченности, приобретает видимость познаваемости. Напротив, «горизонт ожиданий» открывает неопределенную, нередко хаотичную множественность в рамках будущего. Настоящее приобретает свое значение и историческую ценность через связь с прошлым и будущим.

Картина мира в определенный исторический период связана с тем, какое внимание уделяется каждой из этих категорий. Так, например, для Средневековья характерно сужение значимости ожиданий и концентрация на опыте. Это свойственно обществам, чья экономика основана в первую очередь на сельском хозяйстве, зависимом от природных циклов и традиционного устройства, фундаментом которого являлись повторяемость и продление опыта прошлого. Отождествление будущего с повторением прошлого, согласование социальной эволюции с ритмами природы, нормативный вес традиции характерны для периода, когда «горизонт ожиданий» практически замкнут и не представляет новизны по сравнению с тем, что содержится в «пространстве опыта».

Напротив, период Нового времени, связанный с понятием прогресса, основан на предположении, что все последовательно меняется, причем в лучшую сторону. Происходит расширение «горизонта ожиданий», в то время как делигитимация прошлого влечет за собой значительное снижение важности «пространства опыта». Такой оптимистический взгляд, устремленный в будущее, предполагал своеобразный взгляд на прошлое, которое а priori объявлялось худшим, чем современность и тем более будущее. Лишь для отдельных периодов делалось исключение, например для классической Античности, ставшей основой для Возрождения. Тем более «темным» на этом фоне становилось Средневековье. Но самой большой проблемой такого типа мышления о прошлом стал разрыв в исторической памяти, ее искажение. Во второй половине XX в. это оказало губительное воздействие на идею будущего, которое основывается непосредственно на опыте. Настоящее тоже утратило определенность, и будущее могло вовсе не вытекать из него, становясь непознаваемым. Отсутствие будущего обусловило новое возвращение к прошлому как источнику ценностей и смыслов. Постмодерн указал на бесполезность выстраивания определенного образа как будущего, так и прошлого в связи с недоверием к носителям исторической памяти. Наше время перестает

⁵ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173.

быть единым и непрерывным, что порождает чувство растерянности, аномальности, дезориентации, фрагментации опыта. На основе этого складываются социальные и культурные практики, которые восстанавливают прошлое как интеграционное ядро настоящего и основу для будущего. В рамках этого процесса с начала 1980-х гг. наблюдается явление, которое историк Дж. Винтер назвал взрывом памяти⁶. Культ прошлого, проявляющийся в сфере культуры, политики, права и особенно маркетинга, является симптомом нового понимания того, что представляет собой время.

Обращение к прошлому в рамках этого процесса представляется избирательным. Р. Перес Бакеро указывает, что память о таком травмирующем событии, как Холокост, была искусственно превращена в негативную парадигму новой демократической культуры, в рамках которой происходит осмысление социальной идентичности⁷. Так возникает мемориальный канон, определяющий основополагающие социальные практики. Тогда мы сталкиваемся с тем, что, во-первых, память недостоверна сама по себе, поскольку избирательна и полностью зависит от особенностей запоминающего субъекта, а во-вторых, она включает в себя не только структурированную информацию о прошлом, но и конструкты – мнемические модели, которые становятся ядром для формирования коллективного сознания. Прошлое воссоздается исходя из идеологических, политических и этических целей общества настоящего⁸.

Забвение, которое стало константой современной культуры исторической памяти, связано еще с одним ее положительным аспектом – новыми техническими возможностями хранения информации. Интернет позволяет хранить и потреблять такое количество информации, которое никогда не было доступно человечеству. Но иллюзия наличия «внешнего носителя» вкуче с количеством информации (и практическим отсутствием ее структурирования) ведет к «провалам» в социальной памяти. Забвение связано еще и с тем, что Испания в образовании очень мало уделяет внимания воспоминаниям о недавнем прошлом, на основе которого была построена демократия 1978 г.⁹

Трансформация исторической памяти в процессе перехода от авторитаризма к демократии. Вопросы формирования и реформатирования исторической памяти со всей очевидностью встали в Испании во второй половине 70-х гг. XX в. Однако эти вопросы не теряют своей актуальности и сегодня. Из всех государств Европы, особенно тех, что пережили переход от авторитарных режимов к демократическим, Испания наиболее озабочена проблемами памяти. Со времени транзита было принято уже несколько законов об исторической памяти, но ни один из них не устраивает полностью общество. Это означает, что в рамках мемориальной политики до сих пор не найден универсальный рецепт излечения травм прошлого, удовлетворенности настоящим и построения фундамента для будущего. Каждое поколение ставит свои вопросы, связанные с памятью о переходном периоде, и такие вопросы отражают проблемы именно этих поколений, хотя касаются предыдущих. Память предстает как акт настоящего, основной задачей которого является не столько реконструкция прошлого или выявление его недостатков, а интерпретация отношения, существующего между прошлым, настоящим и будущим¹⁰.

Это свидетельствует о том, что идентичность нецелостна. Одним из ярких проявлений этого можно считать неоднозначное отношение к переходному периоду. Если по поводу авторитарного режима сложился более или менее видимый консенсус, то переход либо вызывает к жизни восторженные оценки, либо яростно критикуется. Вопросы исторической памяти, а следовательно, справедливости, ценностей, морали, стоят особенно остро.

⁶ Pérez Baquero R. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad...

⁷ Ibid.

⁸ Ponce N. Memoria, olvidos y representaciones...

⁹ Izquierdo Martín J. Recuerdo sobre fondo gris. Democracia y memoria herida en España // CONFLUENZE. 2018. Vol. X, № 2. P. 105–126.

¹⁰ Pérez Serrano J. Experiencia histórica y construcción social de las memorias: La Transición española a la democracia // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2004. № 3. P. 93–122.

В 1976 г. в Испании скончался диктатор Ф. Франко. В течение нескольких лет институты авторитарного режима были заменены демократическими, одобренными как представителями государственной власти, так и оппозиции, как сторонниками «разрыва» с прошлым, так и апологетами мирных и последовательных реформ, проводимых «сверху». Это стало возможным потому, что путь к демократии пролегал через придание процессу одновременно двух важнейших политико-правовых качеств, которые очень редко присутствуют вместе в рамках транзита (они считаются свойственными демократическому режиму): легитимность и легальность (законность). Принцип легальности позволил реформам проходить упорядоченно, постепенно и согласованно. Социальная поддержка придала новым институтам легитимность.

Основы мифологии переходного периода. Политико-правовой феномен Пакта определил сущность переходного периода. Конституция 1978 г. также явилась результатом консенсуса между политическими и общественными силами. Некоторые ее формулировки ученые считают «двусмысленными» и «противоречивыми»¹¹, отмечая, что документ представляет собой результат различных договоров и сделок, пакт, отражающий взаимодействие между региональными, политическими, правовыми, культурными и другими интересами. Но самое главное, что способствовало беспрецедентно мирному переходу, – это «молчаливое согласие превратить переходный период в основополагающий миф испанской демократии, способный искоренить в коллективной памяти испанцев трагическую память о гражданской войне»¹².

Одно из проявлений мифологии исторической памяти того периода – представление о том, что произошел чуть ли не квантовый скачок от диктатуры к демократии, тогда как легитимность процесса обеспечивалась тем, что они происходили в полном соответствии с франкистским законодательством. Закон о политической реформе 1976 г. был разработан и принят законодателями режима. Действующий состав парламента, осознавая, что принятие подобного закона приведет к самороспуску и назначению новых выборов, тем не менее пошел на этот шаг. Новый монарх вступил на престол в соответствии с Законом о престолонаследии от 26 июля 1947 г. по прямому указанию Франко (1969 г.), хотя фактически династическими правами обладал его отец граф Барселонский. На разных уровнях власти, от министерств до муниципалитетов, а также на командных постах в армии продолжали находиться те же люди, что и во время диктатуры. Но авторитарный режим сменился парламентской монархией, основанной на всеобщем избирательном праве и широком представительстве.

В исторической памяти переходного периода сформировался миф, основанный на образах непрерывности и изменении, которые настолько тесно переплетаются, что порой их трудно реконструировать даже современному исследователю. Но социальный консенсус позволил свести совокупность воспоминаний в некоторое подобие системы, в которой доминирующими являются оба этих принципа в своей неразрывности. Это сформировало мемориальный комплекс официальной демократической памяти.

Еще одним значимым элементом памяти переходного периода стала «антимифология» франкистской памяти. Диктаторский режим осознавал ценность исторической памяти, основанной на мифологическом фундаменте. Изначально он строился на антитезе памяти о республиканском периоде – он однозначно объявлялся злом, а все, что выстраивал режим, было способом это зло исправить. Но память о гражданской войне не просто была сильна – она оказалась одной из самых значимых травм, переживаемых испанским народом. Ее следы сохраняются и сегодня, хотя уже вряд ли остались свидетели тех времен. Поэтому режим обратился к отдаленным временам – раннему Новому времени, когда происходило становление национальной испанской государственности, а также к героическим страницам Средневековья.

¹¹ Pérez Serrano J. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad...

¹² Ibid.

Двумя важными элементами франкистской мифологии, сформировавшей историческую память, стали молчание и страх. Режим стремился использовать механизмы забвения, но полностью стереть память о половине страны, которая сражалась или молча поддерживала Республику, было невозможно. Поэтому политика строилась, в том числе, на манипулировании страхом и замалчивании того, что не вписывалось в идеологию. Страх стал постоянным элементом повседневной жизни на протяжении всего периода существования режима, но особенно в первые два десятилетия авторитарного правления. Новые поколения могли бы вырасти в полном неведении о том, что произошло, если бы не личные воспоминания «на кухне». Но при этом родители передали им ношу научения забвению. Это привело к тому, что общество стало безразличным к политическим вопросам. Политика стала делом чиновников, и быть аполитичным служило синонимом «порядочного человека». С другой стороны, молодежь, не пережившая гражданскую войну и последовавшие за ней репрессии, сформировала образ диктатуры на основе образа престарелого диктатора, который уже был пожилым, больным и, казалось, не мог повлиять на их судьбы. К этому времени уже почти нигде не употреблялось слово «фашистский» по отношению к режиму Ф. Франко, что тоже влияло на его легитимацию. Правитель был признан международным сообществом (прежде всего администрацией США и некоторыми представителями консервативных политических сил Европы) и проводил экономические реформы, что оказало влияние на формирование картины мира. Это сыграло свою роль в процессе перехода. Оппозиция, призывавшая к «разрыву» с прошлым режимом и революционным изменениям, не могла найти сторонников среди апатичного по отношению к политике населения.

Новый режим решил использовать ключевой компонент для построения новой политической мифологии, заложенной в основу демократической исторической памяти – была растревожена травма гражданской войны. В массовой культуре образовался вал произведений о войне в разных аспектах. Но при этом – что очень важно для исследуемой темы – поток произведений о гражданской войне контрастирует с недостатком произведений, восстанавливающих память о республиканском режиме. Случайно это или нет, но, по наблюдениям автора настоящего исследования, у современных испанцев неполные или искаженные сведения об этом периоде не такой давней истории. Республика ассоциируется с войной, что не придает ей положительный окрас, а нередко возникает прямая связь между Республикой и началом конфликта, приведшего к гражданской войне. Можно сделать вывод о том, что ни для диктатуры, ни для демократического правления память об этом периоде истории в рамках сложившейся национальной идеологии не является значимой. В результате реконструкция исторической памяти о гражданской войне как компоненте мифологии переходного периода связана с забвением и манипулированием памятью о Республике. Война представляется как связующее звено между Республикой и диктатурой, где первая представляется как причина, а вторая как следствие¹³. В этом выражается непрерывность памяти, которая тем не менее предстает искаженной с точки зрения историка. Для чего это было нужно диктаторскому режиму, более или менее ясно. Причина, побуждающая демократическое правление использовать миф о Республике как негативном явлении в истории страны, менее очевидна. Но ее тоже можно реконструировать: в переходный период нужно было минимизировать претензии республиканцев, точнее приверженцев идеи Республики, на компенсацию и на возможность предъявить политические требования, например по установлению соответствующей формы правления. Так проявился такой социальный феномен, который сегодня некоторые историки называют «институциональной амнезией»¹⁴, которая обусловила само развитие процесса демократизации и в конечном итоге привела к реформированию франкистского режима.

Ядром политической мифологии, заложившей основу исторической памяти о переходном периоде, стала идея «национального примирения», в которой Конституция 1978 г.

¹³ Pérez Serrano J. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad... P. 94.

¹⁴ Movellán J. Historia, memoria y olvido durante la transición hacia la democracia // Les Cahiers du CTDEE (Centre Toulousain de Documentation sur l'Exil Espagnol). 2021. № 15. P. 20–28.

называется «актом о мире»¹⁵. Она же проявилась в будущем в качестве краеугольного камня. Идея «национального примирения» – логическое продолжение сложившейся ситуации: на самом деле ни один из крупных коллективных игроков 70-х гг. не обладал силой, позволявшей полностью достичь целей без серьезных рисков и потерь. Режим в целом исчерпал кредит легитимности; республиканцы, ратующие за восстановление социальной справедливости по отношению к погибшим и репрессированным, не находили достаточного количества сторонников; региональные силы, пожалуй, были наиболее значимым фактором, оказавшим влияние на политику переходного периода, но они были разрознены, и каждая стояла за локальные интересы, а по отдельности оставались слишком малочисленны. Обратим также внимание на тот факт, что представители как режима, так и оппозиции официально декларировали лояльность сложившимся образам исторической памяти, ее символам, дискурсам об идентичности, мемориальным ритуалам, основополагающим мифам, ценностям и исторической миссии.

С целью минимизировать риски проявления общественного недовольства политические акторы старались не обращаться к народу, затрагивать основы исторической памяти которого было бы недопустимо. Согласованная в верхах реформа основывалась, скорее, не на «национальном согласии», как то декларировалось субъектами пакта (режим, оппозиция, Церковь, профсоюзы, вооруженные силы, партии), а на политическом компромиссе. Должно было пройти около двух десятилетий, чтобы общество заметило, что ему приписывались определенные образы картины мира, которые в существующей ситуации были приняты, но не стали внутренним содержанием общественного сознания. Ни правительство, ни оппозиция не пользовались безусловной поддержкой граждан, а потому не могли эффективно выступать в качестве их представителей в процессе определения политики переходного периода. Диктатура находилась в кризисе еще с 1960-х гг. – она была не способна обеспечить свое воспроизводство и не могла адаптироваться к новым обстоятельствам. Представители правящего класса не были сплочены, у них уже не было универсальной идеи, на которой обычно строятся авторитарные режимы. Оппозиция испытывала недостаток в ресурсах: финансовых, человеческих, организационных, легитимационных. Она не могла предложить внятную идеологию, способную поднять народ.

Основополагающей формулировкой, которая могла бы задать ориентир в процессе транзита, стал лозунг «больше никогда». Но этот призыв не повторять прошлое мало что говорил о будущем, а потому не имел шансов зажечь сердца сторонников перемен. Впрочем, это заставляло стороны прислушиваться друг к другу, идти на компромиссы, способствовало легитимности процесса. В рамках формирования исторической памяти немалую роль сыграли историки, создавшие официальные мемориальные модели, в которых консенсус был объявлен основной чертой большинства крупных преобразований в истории Испании. В той современности значимым образом, закрепленным в Конституции и других нормативно-правовых актах, стал образ короля Хуана Карлоса I – «короля всех испанцев» (курсив мой. – Е. К.).

В процессе разрыва с прошлым и построения будущего необходимо было формулировать новые мифы исторической памяти, способствующие интеграции национальной идентичности. С одной стороны, было необходимо осуществлять амбициозную программу модернизации, направленной на укрепление потенциала государства, с другой – чтобы подчеркнуть историческое значение смены режима, требовалось найти опору в прошлом, чтобы заявить о «возрождении государства». Для этого приходилось не просто обращаться к тем или иным историческим эпизодам и фигурам, как это делал Франко, выстраивая Испанию по образцу империи, заложенной Фердинандом и Изабеллой, но еще и переориентировать сложившийся массив исторической памяти, устраняя воспоминания о персонажах и периодах, которые не

¹⁵ Vidal Prado C. La nación española en la transición política a la democracia: recuperemos la memoria y el auténtico relato de la transición // Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales. 2021. № 47. P. 255–278.

соответствуют духу национального согласия и примирения. Так на помощь опять приходит стратегия забвения.

Национальное согласие и пакт оказались основополагающими мифами исторической памяти переходного периода, источником легитимности, который стал подвергаться сомнению лишь в рамках последнего десятилетия. Когда автор настоящего исследования работала над кандидатской диссертацией по теме переходного периода в Испании, в начале 2000-х гг. практически вся научная литература и периодика основывались на образе «беспрецедентно мирного перехода» на основе национального согласия и политического пакта. Ближе к середине 2010-х гг. образ начал меняться, а исследователи поставили под сомнение эту картину, находя все больше несоответствий, «темных пятен», несовместимых с мифологией, выстраивающей идентичность. Возник запрос на реконфигурацию и восстановление исторической памяти. Этот запрос был связан с тем, что в процессе перехода не учли, что конструирование исторической памяти понимается в терминах памяти о насилии и строится на основе возможности требовать справедливости. По сути, создается содержание, направленное на выявление и признание вины¹⁶.

Память о Республике, гражданской войне и франкизме как репрессивном авторитарном режиме все еще периодически возникает как контрастирующая с официальным дискурсом о примирении, которое на самом деле не состоялось. Это течение не смогло подвергнуть сомнению основы национальной идентичности, хотя современные проблемы, связанные с потоками миграции и угрозой общекультурным ориентирам, глобализацией и размыванием региональных и этнических сообществ, противоречиями между традиционными и современными ценностями, вызывают к жизни размышления о сущности переходного периода и его идеологических основ. Представители ряда социальных групп, разочарованные политикой последних десятилетий, стали задумываться о возможном пересмотре не только итогов деятельности существующего режима, но легитимности и легальности самого перехода. Как считается, к демократии предъявляли завышенные ожидания, что в конечном итоге вызвало разочарование и перерастание обожания в ненависть¹⁷.

Нормативные основы закрепления исторической памяти. Национальное согласие, примирение, основанное на прощении всех участников раскола, объединении всех политических сил в рамках консенсуса, воспринималось как насильственное забвение, поэтому стали рутинными ссылки на потерю памяти, молчание, амнезию¹⁸. Именно таким образом сегодня трактуются основные идеи, заложенные в Закон об амнистии 46/1977 от 15 октября 1977 г. «Закон об амнистии гарантировал не только освобождение политических заключенных, заключенных режимом в тюрьму, но и безнаказанность тюремщиков. Амнистия и амнезия слились воедино по своему значению»¹⁹. Таким образом, Испания отказывалась от построения своей идентичности. Забвение, прописанное в законе как основа исторической памяти, привело к тому, что появились мнения, несовместимые друг с другом и основами политики, проводимой в эти десятилетия. С одной стороны, звучали голоса в пользу необходимости реабилитировать жертвы гражданской войны и репрессий, а с другой – о необходимости реабилитации диктаторского режима (собственно, диктатуры не было, правительство проводило экономические реформы, направленные на рост благосостояния, франкисты, по сути, сами принесли демократию). Здесь нужно отметить роль историков. В период франкизма они проводили исследования, основанные на социально-политических мифах режима, в период перехода работы стали базироваться на соответствующей мифологии. Еслиобыватель начнет изучать статьи и книги, вышедшие до 1960-х гг., он, не умея критически воспринимать информацию и обнаруживать факты под слоем господствующей социальной идеи, обуславливающей картину мира, сможет «открыть», что демократические историче-

¹⁶ Valdivieso A., Vera D., Pastrana E., Cabrera F., González P., Castro R. Construcción de la memoria histórica: aportes conceptuales y metodológicos // POLICY PAPER. 2017. № 4. P. 2–22.

¹⁷ Romero L.A. Recuerdos Del Proceso...

¹⁸ Movellán J. Historia, memoria y olvido durante la transición hacia la democracia...

¹⁹ Mérida Donoso J. A. La desmemoria oficial: reflexiones sobre la memoria y el olvido en el exilio español // Tonos digital: revista de estudios filológicos. 2012. № 23.

ские источники «обманывали», говоря о сущности авторитаризма. На этой основе выстраивается ревизионизм. Вот уже 20 лет ведутся споры о необходимости судебного преследования за преступления, совершенные в период диктатуры, а также высказываются идеи о пересмотре истории, лежащей в основе официальной «демократической памяти». В этом смысле важен Закон 20/2022 о демократической памяти. Его принятие в 2022 г. вызвало волну общественных и политических дискуссий в поисках наиболее адекватного подхода к оценкам событий прошлого²⁰. Причины того, что общество до сих пор не примирилось внутри себя (хотя до начала 2000-х казалось, что наступили мир и согласие), заключаются в самой истории Испании, которую, разумеется, невозможно кратко описать в рамках статьи, посвященной другому вопросу. Но есть и еще одна причина, суть которой состоит в том, что в случае смены режима очень трудно оценить в свете нового конституционного порядка действия, которые предприняты, пока он не действовал. Именно этот вопрос и пытаются решить в современной Испании, не понимая еще, что он не имеет ответа.

Гражданская война, развернувшаяся между 1936 и 1939 гг. и положившая конец Республике, привела не только к гибели сотен тысяч человек, но и к многочисленным пыткам, изнасилованиям, насильственному перемещению, публичному унижению и другим ужасным деяниям как со стороны республиканцев, так и со стороны так называемых националистов. После окончания гражданской войны победители развернули идеологическую кампанию по признанию и реабилитации собственных жертв и полному забвению жертв с другой стороны. Жертвы со стороны националистов не только получили компенсацию и признание, но составили ядро исторической памяти: их именами называли улицы, в их честь воздвигались надгробия, проводились торжественные мемориальные церемонии. Политика примирения в переходный период была согласована между представителями режима и оппозиции. Высказывались мнения о том, что возвращение к демократии должно означать историческое поражение победителей в гражданской войне. Это не было принято из-за боязни раскола общества вместо его консолидации перед лицом перемен, сулящих не только внутренние трансформации, но и «возвращение в европейскую семью». Поэтому политика признания жертв со стороны республиканцев не состоялась.

Однако это не означает полного отсутствия признания жертв. Принятый еще в 1976 г. Указ 670/1976 от 5 марта предусматривал выплату пенсий лицам, ставшим инвалидами в результате ранений, полученных во время гражданской войны. За этим указом последовал Закон 35/1980 от 26 июня 1980 г. о пенсиях лицам, потерявшим трудоспособность в результате гражданской войны. В 1978 г. были признаны экономические права военнослужащих, служивших до 18 июля 1936 г. и уволенных в результате чистки, проведенной победившей стороной. Закон 5/1979 от 18 сентября признавал определенные льготы для жертв войны и их родственников с обеих сторон. Однако наиболее значительным стало принятие Закона 52/2007 от 26 декабря, который включал в себя признание жертвами всех подвергшихся преследованиям за политические, идеологические или религиозные убеждения с начала гражданской войны и до конца диктатуры. Это означало признание жертв уже не только гражданской войны, но и диктатуры. Кроме того, закон содержал заявление о нелегитимности судов и аналогичных органов, которые были бы созданы для применения санкций по политическим, идеологическим или религиозным мотивам во время диктатуры для проведения чисток. Признание жертв гражданской войны и диктатуры на этом не заканчивается: в 2022 г. принят Закон о демократической памяти, который повторяет и углубляет некоторые положения закона 2007 г. Тем не менее возмещение ущерба и признание жертв политических конфликтов, происходивших в Испании с 1930-х гг., были асимметричными. Победившая в гражданской войне сторона возместила ущерб своим жертвам и признала их в годы диктатуры; признание жертв со стороны республиканцев хотя и началось одновременно с процессом демократизации, развивалось менее интенсивно

²⁰ Arenas R. Memoria, historia y olvido en las transiciones a la democracia // 40 Años De Democracia Argentina. La Mirada De Los Otros. Córdoba, 2024. P. 121–44.

исходя из духа примирения, которое характеризовало переходный период и основывалось на экономических компенсациях или символических признаниях.

Очень трепетно испанцы относятся к возможному «возвышению» жертв с той или другой стороны: это может спровоцировать серьезный конфликт и углубить существующие в обществе расколы. Так, например, в 1999 г. в Астурии было принято решение о канонизации священников – жертв гражданской войны. Республиканцы совершали немало карательных актов, направленных против духовных лиц, в то время как консервативные представители франкизма, напротив, стояли на стороне Церкви (одним из первых документов, принятых Ф. Франко, был конкордат с Ватиканом). Поэтому канонизация священников послужила бы не только восстановлению их памяти, но могла бы способствовать разжиганию ненависти в обществе. Закон 2022 г. направлен на то, чтобы преодолеть подобные ситуации, и направлен на создание общей памяти, противоположной той, что была создана во время режима Ф. Франко. Тем не менее это не всегда успешно реализуется: нелегко отделить признание жертв от защиты идей, которых придерживались эти жертвы. Таким образом, когда мы сталкиваемся с конфликтной ситуацией, в которой были жертвы и жестокие действия с обеих сторон, признание может оказаться несовместимым с таким же признанием со стороны других. Это касается как памяти о гражданской войне, так и о ситуации, сложившейся перед самым переходным периодом. Еще в период диктатуры активизировалась террористическая деятельность со стороны ЭТА (баскской политической организации). Закон об амнистии 1977 г. ее деятельности не касался, осуждая любые террористические действия. Однако терроризм басков возник в качестве ответной реакции на террористические по своей сути действия режима по отношению к этому национальному региону²¹. Если бы не ряд кровавых акций, в которых пострадали обычные граждане (как правило, члены организации совершали точечные акты против политических деятелей режима и военных), их могли бы в какой-то период считать борцами с режимом. Поэтому крупные политические убийства, совершенные ЭТА, не попали под амнистию. Это вызвало серьезное недовольство со стороны басков. Существующая политическая нестабильность в регионе привела к принятию правительством двух декретов-законов о продлении амнистии, которые на этот раз затронули баскских заключенных, обвиняемых в терроризме, но без кровавых преступлений в багаже²².

Заключение. Признание и восстановление памяти жертв диктатуры в Испании является нерешенной задачей современной демократической системы²³. Противоречия в политике памяти приводят к непрекращающимся конфликтам и дискуссиям, где одна сторона утверждает, что политика мира 1970-х гг. была призвана предотвратить новую трагедию гражданской войны. Как правило, это мнение высказывают люди, принадлежащие к старшему поколению. По-иному настроены более активные и молодые исследователи, политики, представители гражданского общества. Они считают, что невозможно говорить о демократии применительно к политической системе, постоянно избегающей выяснения правды о своем прошлом, даже если количество и содержание совершенных преступлений уже не являются закрытой информацией. Испанское общество требует нового социального договора, который восстановит доверие к демократическим институтам, поскольку модель переходного периода вступила в глубокий кризис легитимности²⁴. Консенсусы, которые служили определенному обществу в определенное время, утратили свою силу. Эту Испанию историк Х. Искьердо Мартин определил как «серую» вселенную без прошлого²⁵, о котором можно было бы задуматься.

²¹ Калинина Е.Ю. Эволюция формы государства в современной Испании: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

²² Moreno R., Candela V. Amnistía y (Des)memoria en la transición española // E-I@tina: Revista Electrónica de Estudios Latinoamericanos. 2018. Vol. 16, № 64. P. 48–61.

²³ Porcar Orihuela J. L. Políticas De Memoria en España // BARATARIA. Revista Castellano-Manchega de Ciencias Sociales. 2015. № 20. P. 61–77.

²⁴ Marco J. Excepcionalidad y cainismo: los nudos de la memoria en España // Letra Internacional. 2014. Vol. 119. P. 73–80.

²⁵ Izquierdo Martín J. Recuerdo sobre fondo gris. Democracia y memoria herida en España... P. 123.

Литература

Калинина Е.Ю. Эволюция формы государства в современной Испании: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 197 с.

Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173.

Arenas R. Memoria, Historia y Olvido en Las Transiciones a la Democracia // 40 Años De Democracia Argentina. La Mirada De Los Otros. Córdoba, 2024. P. 121–44.

Izquierdo Martín J. Recuerdo sobre fondo gris. Democracia y memoria herida en España // CONFLUENZE. 2018. Vol. X, № 2. P. 105–126.

Marco J. Excepcionalidad y Cainismo: Los Nudos de la Memoria en España // Letra Internacional. 2014. Vol. 119. P. 73–80.

Martínez Lamas D. Recuerdo de la Política y Política del Recuerdo Sobre el Concepto de Memoria en Hannah Arendt // Lo Sguardo – Rivista di Filosofia. 2019. Vol. 2, № 29. P. 53–75.

Mérida Donoso J.A. La Desmemoria Oficial: Reflexiones Sobre la Memoria y el Olvido en el Exilio Español // Tonos Digital: Revista de Estudios Filológicos. 2012. № 23. P. 33–44.

Moreno R., Candela V. Amnistía y (Des)memoria en la Transición Española // E-l@tina: Revista Electrónica de Estudios Latinoamericanos. 2018. Vol. 16, № 64. P. 48–61.

Movellán J. Historia, Memoria y Olvido Durante la Transición Hacia la Democracia // Les Cahiers du CTDEE (Centre Toulousain de Documentation sur l'Exil Espagnol). 2021. № 15. P. 20–28.

Pérez Baquero R. Memoria y Olvido en Nuestro Régimen de Historicidad // Actas II Congreso Internacional de la Red Española de Filosofía. Vol. III. Madrid, 2017. P. 115–126.

Pérez Serrano J. Experiencia Histórica y Construcción Social de Las Memorias: La Transición Española a la Democracia // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2004. № 3. P. 93–122.

Ponce N. Memoria, Olvidos y Representaciones // Alter/nativas, “Memoria de la Ficción, Ficción de la Memoria, Entre el Ritual y la Crítica”. Ohio University, 2018. P. 26–58.

Porcar Orihuela J.L. Políticas De Memoria en España // BARATARIA. Revista Castellano-Manchega de Ciencias Sociales. 2015. № 20. P. 61–77.

Romero L.A. Recuerdos Del Proceso, Imágenes De La Democracia: Luces y Sombras En Las Políticas De La Memoria // Clío & Asociados. La Historia Enseñada. 2003. № VII. P. 113–122.

Valdivieso A., Vera D., Pastrana E., Cabrera F., González P., Castro R. Construcción de la Memoria Histórica: Aportes Conceptuales y Metodológicos // POLICY PAPER. 2017. № 4. P. 2–22.

Vidal Prado C. La Nación Española en la Transición Política a la Democracia: Recuperemos la Memoria y el Auténtico Relato de la Transición // Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales, 2021. № 47. P. 255–278.

References

Arenas, R. (2024). Memoria, Historia y Olvido en las Transiciones a la Democracia. In *40 Años De Democracia Argentina. La Mirada De Los Otros*. Córdoba, pp. 121–44.

Moreno, R., Candela, V. (2018). Amnistía y (Des)memoria en la Transición Española. In *E-l@tina: Revista Electrónica de Estudios Latinoamericanos*. Vol. 16, No. 64, pp. 48–61.

Izquierdo Martín, J. (2018). Recuerdo Sobre Fondo Gris. Democracia y Memoria Herida en España. In *CONFLUENZE*. Vol. X, No. 2, pp. 105–126.

Kalinina, E.Yu. (2005). *Evolyutsiya formy gosudarstva v sovremennoy Ispanii* [The Evolution of the Form of Government in Modern Spain]. Cand. jur. sci. diss. St. Petersburg. 197 p.

Koselleck, R. (2016). “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidaniy” – dve istoricheskie kategorii [“Erfahrungsraum” und “Erwartungshorizont” – Zwei Historische Kategorien]. In *Sotsiologiya vlasti*. Vol. 28, № 2, pp. 149–173.

Marco, J. (2014). Excepcionalidad y Cainismo: Los Nudos de la Memoria en España. In *Letra Internacional*. Vol. 119, pp. 73–80.

Martínez Lamas, D. (2019). Recuerdo de la Política y Política del Recuerdo Sobre el Concepto de Memoria en Hannah Arendt. In *Lo Sguardo – Rivista di Filosofia*. No. 29, Vol. 2, pp. 53–75.

Mérida Donoso, J.A. (2012). La Desmemoria Oficial: Reflexiones Sobre la Memoria y el Olvido en el Exilio Español. In *Tonos digital: revista de estudios filológicos*. No. 23, pp. 33–44.

Movellán, J. (2021). Historia, Memoria y Olvido Durante la Transición Hacia la Democracia. In *Les Cahiers du CTDEE (Centre Toulousain de Documentation sur l'Exil Espagnol)*. No. 15, pp. 20–28.

Pérez Baquero, R. (2017). Memoria y Olvido en Nuestro Régimen de Historicidad. In *Actas II Congreso Internacional de la Red Española de Filosofía*. Vol. III. Madrid, pp. 115–126.

Pérez Serrano, J. (2004). Experiencia Histórica y Construcción Social de las Memorias: La Transición Española a la Democracia. In *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. No. 3, pp. 93–122.

Ponce, N. (2018). Memoria, Olvidos y Representaciones. In *Alter/Nativas, “Memoria de la Ficción, Ficción de la Memoria, Entre el Ritual y la Crítica”*. Ohio University, pp. 26–58.

Porcar Orihuela, J.L. (2015). Políticas De Memoria en España. In *BARATARIA. Revista Castellano-Manchega de Ciencias Sociales*. No. 20, pp. 61–77.

Romero, L.A. (2003). Recuerdos Del Proceso, Imágenes De La Democracia: Luces y Sombras En Las Políticas De La Memoria. In *Clío & Asociados. La Historia Enseñada*. No. VII, pp. 113–122.

Valdivieso, A., Vera, D., Pastrana, E., Cabrera, F., González, P., Castro, R. (2017). Construcción de la Memoria Histórica: Aportes Conceptuales y Metodológicos. In *POLICY PAPER*. No. 4, pp. 2–22.

Vidal Prado, C. (2021). La Nación Española en la Transición Política a la Democracia: Recuperemos la Memoria y el Auténtico Relato de la Transición. In *Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales*. No. 47, pp. 255–278.

Н.В. Гришина
В.А. Кламм*

**УЗАКОНЕННОЕ ПРОШЛОЕ:
РОЛЬ ИСТОРИКОВ В ПРОЦЕССЕ ВЫСТРАИВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА (НА ПРИМЕРЕ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ДНЯХ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ
И ПАМЯТНЫХ ДАТАХ РОССИИ»)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-8
УДК 94(470+571)+001.32+340.130.5

*Выходные данные для цитирования:
Гришина Н.В., Кламм В.А. Узаконенное прошлое: роль историков в процессе
выстраивания исторического нарратива (на примере Федерального закона
«О днях воинской славы и памятных датах России») // Исторический курьер.
2024. № 5 (37). С. 103–116. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-08.pdf>*

N.V. Grishina
V.A. Klamm*

**LEGALIZED PAST:
THE ROLE OF HISTORIANS IN THE CONSTRUCTION
A HISTORICAL NARRATIVE (THE CASE OF THE FEDERAL
LAW “ON THE DAYS OF MILITARY GLORY
AND COMMEMORATIVE DATES OF RUSSIA”)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-8

*How to cite:
Grishina N.V., Klamm V.A. Legalized Past: The Role of Historians in the Construction
a Historical Narrative (The Case of the Federal Law “On the Days of Military Glory
and Commemorative Dates of Russia”) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37),
pp. 103–116. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-08.pdf>]*

Abstract. Abstract. The article examines the activity of historians in the process of transformation of the Federal Law of March 13, 1995 “On the Days of military glory and commemorative dates of Russia”. The studied law (which is a memorial) is considered as an instrument of memory policy and historical politics of contemporary Russia. The article attempts to trace how the historical representations of the actors involved in the development of the law affect its content. The main stages of the substantive / ideological transformation of the law are revealed, including the period of its formation, when military victories were commemorated (1995–2005); addition of the law with memorable dates, including those related to traumatic events of the past (2005–2018); addition of the text of the law with forms of perpetuation of memory and organization of commemorative events (2018–2020s). Based on the study of the amendments adopted into the law from 1995 to 2021 with a total of 131, it is concluded that deputies and senators with historical education or an academic degree (24 legislators) participated in the development of the law. The initiatives of the deputies, united in order to bring the created narrative into “accordance with history”, were aimed at supplementing the list of days of military glory and commemorative dates, correcting “calendar errors”, changing the status of the historical events, correction the formulations. The memorial status of the law made it possible to reveal an understanding of history, representations of the past and forms of work with the past, which were articulated by mnemonic actors. Legislators demonstrated an ambiguous attitude towards historical science and its creators. Assessments ranged from indications of the opportunistic nature of historical science to speeches in defense of historians. The common reasoning was the statement that the past is the result of collective work and conventional practices. The participation of historians and scientific institutions in the discussion of amendments to the law is manifested mainly in the form of expert opinions, less often public statements. A striking example of the involvement of historians in public discussion

* **Наталья Владимировна Гришина**, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, e-mail: natalyagrishina@mail.ru

Natalya Vladimirovna Grishina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: natalyagrishina@mail.ru

Виктория Андреевна Кламм, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, e-mail: pobeda.kl@mail.ru

Viktoria Andreevna Klamm, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: pobeda.kl@mail.ru

was the draft commemorative date associated with standing on the Ugra River. Throughout the transformation of the law, historians and historical scientific institutions acted as initiators of changes in the law, experts, and bearers of symbolic capital.

Keywords: memorial laws, mnemonic actors, days of military glory, memorable dates, memory policy, historical science, expert communities, professional historians.

The article has been received by the editor on 01.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность историков в процессе трансформации Федерального закона от 13 марта 1995 г. «О днях воинской славы и памятных датах России». Исследуемый закон, являющийся мемориальным, рассматривается в качестве инструмента политики памяти и исторической политики современной России. В статье осуществлена попытка проследить, как исторические представления акторов, участвующих в разработке закона, влияют на его содержание. Выявлены основные этапы содержательной/идейной трансформации закона, включающие период его становления, когда коммеморировались военные победы (1995–2005); дополнение закона памятными датами, в том числе связанными с травмирующими событиями прошлого (2005–2018); дополнение текста закона формами увековечения памяти и организации памятных мероприятий (2018–2020-е гг.). На основании изучения принятых в закон с 1995 по 2021 г. поправок общей численностью 131 делается вывод об участии в разработке закона депутатов и сенаторов, имеющих историческое образование или ученую степень (24 законодателя). Инициативы депутатов, объединенные целью привести создаваемый нарратив в «соответствие с историей», были направлены на дополнение перечня дней воинской славы и памятных дат, исправление «календарных ошибок», изменение статуса коммеморируемых событий, уточнение формулировок. Мемориальный статус закона позволил выявить понимание истории, образов прошлого и форм работы с прошлым, которые артикулировались мнемоническими акторами. Законодатели демонстрировали неоднозначное отношение к исторической науке и ее творцам. Оценки варьировались от указаний на конъюнктурность исторической науки до выступлений в защиту историков. Общим местом в рассуждениях являлись утверждения, что прошлое является результатом коллективной работы, конвенциональных практик. Участие историков и научных институций в обсуждении поправок, вносимых в закон, проявляется в основном в форме экспертных заключений, реже публичных высказываний. Ярким примером вовлечения историков в публичную дискуссию стал проект памятной даты, связанной со стоянием на реке Угре. На всем протяжении трансформации закона историки и исторические научные институции выступали в роли инициаторов изменений закона, экспертов, носителей символического капитала.

Ключевые слова: мемориальные законы, мнемонические акторы, дни воинской славы, памятные даты, политика памяти, историческая наука, экспертные сообщества, профессиональные историки.

Статья поступила в редакцию 07.07.2024 г.

Постановка проблемы исследования. Обращение к проблеме «узаконенного прошлого» определяет погружение в исследовательскую область символической политики, которая вслед за О.Ю. Малиновой рассматривается нами как «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве»¹. Концепт символической политики, выраженный в форме концентрических кругов, включает в себя политику памяти, предполагающую взаимодействие различных акторов в процессе утверждения «представлений о коллективном прошлом», и историческую политику как «определенный тип политики, использующий прошлое»². Такое понимание работы с прошлым предполагает оперирование понятием его политического использования, что трактуется как «любые практики обращения к историческому прошлому в политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию»³. Вместе с тем акторный подход, в рамках которого официальное представление о прошлом вырабатывается в поле коллективного взаимодействия различного характера, в том числе и мнемонической борьбы, актуализирует вопрос об отношении «человеческих групп к прошлому», их исторической культуре⁴.

В этой связи Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России», обсуждение и принятие которого происходили в середине 1990-х гг. и который до сих пор находится в фокусе актуальной дискуссии законодателей, является репрезентативным кейсом, позволяющим проследить особенности конкуренции точек зрения на прошлое различных акторов, а также особенности формирования/внедрения официально победившего образа прошлого.

Анализируемый закон – инструмент реализации официальной политики памяти, а значит относится к мемориальным законам. Исследователями мемориальные законы рассматриваются как нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, возникающие «в процессе сохранения или преодоления памяти о конкретных исторических событиях»⁵, а также закрепляющие «формы и способы использования и репрезентации в публичном пространстве памятных событий прошлого, выступающие частью конструирования национального нарратива памяти со стандартным набором исторических мифов о героях и жертвах, сакральных символах и памятных местах»⁶. Следуя классификации Н.Е. Копосова, закон «О днях воинской славы и памятных датах России» можно отнести к декларативным, выражающим «официальную оценку государством того или иного исторического события или явления»⁷.

Цель данного исследования – проследить, как исторические представления акторов, участвующих в разработке закона, влияют на его содержание. Проводимое исследование распадается на три аспекта, освещение которых видится нам необходимым для достижения цели. Во-первых, влияние исторического бэкграунда ряда законодателей в виде профильного образования или научно-исследовательской деятельности в области истории на ход обсуждения законопроектов. Во-вторых, представления об исторической науке и работе историков, бытующие в публичных дискуссиях законодателей. Наконец, в-третьих, формы и масштаб участия профессиональных историков в работе над законом.

Обозначенный ракурс проводимого исследования обладает определенной новизной, хотя в современной историографии появляются публикации, посвященные либо акторам

¹ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб., 2018. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Там же.

⁴ Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 8–18.

⁵ Дорская А.А., Дорский А.Ю. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 223–238.

⁶ Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28.

⁷ Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. С. 62.

российской политики памяти, в том числе законодателям⁸ и историкам⁹, либо историческому содержанию мемориальных законов¹⁰.

Источниковая основа исследования включает сам текст закона со всеми его изменениями, а также документацию, сопровождающую процесс законотворчества. Именно сопроводительный блок документов (пояснительные записки, стенограммы, заключения комитетов), доступный на информационном ресурсе «Система обеспечения законодательной деятельности»¹¹ или выявленный в Государственном архиве Российской Федерации¹², позволяет раскрыть ход обсуждения законопроектов, реконструировать мнемонические повестки и исторические представления участников процесса законотворчества.

Специфика исследования ориентирует на составление баз данных для структуризации содержания источника с целью повышения его информативности в процессе обработки и анализа. Сформированная авторами база данных «Законопроекты в ФЗ “О днях воинской славы и памятных датах России”» позволяет выявить активность/эффективность акторов законотворческого процесса. За почти тридцатилетнюю историю закона (1995–2021 гг.) было внесено 117 законопроектов в Госдуму и 14 инициатив по его изменению в Совет законодателей.

О чем важно помнить: трансформации закона в середине 1990-х – 2020-е гг.

За длительный период существования закон претерпел несколько содержательных/идейных трансформаций, которые определили его направленность. Изначально в проекте В.И. Устинова (1994 г.) он именовался законом «О викториальных днях» и преследовал целью «возрождение национальных ценностей россиян применительно к боевым традициям Армии и флота, славы русского оружия»¹³. Важно подчеркнуть, что, помимо задач военно-патриотического воспитания, в пояснительной записке автор законопроекта писал о значении закона для формирования «уважения к своему историческому прошлому»¹⁴. В ходе принятия закона считается, что это произошло по личной инициативе президента Б.Н. Ельцина, отмечавшего, что выбор дат «произведен произвольно». Он был дополнен датами, связанными с победами в Великой Отечественной войне¹⁵. Из проекта закона исчезли «викториальные дни»; президентом закон подписан 13 марта 1995 г. под наименованием «О днях воинской славы (победных днях) России»¹⁶.

Следующий этап трансформации закона начался в середине 2000-х гг., когда в феврале 2005 г. депутаты от «Единой России» А.К. Исаев и Л.В. Пепеляева выступили с инициативой дополнить закон памятными датами. Данное нововведение было вызвано стремлением акторов сконструировать представления о событиях прошлого, касающихся не только побед в военных сражениях. Как следует из текста законопроекта, «помимо военных побед существуют события, достойные быть увековеченными в народной памяти», и поэтому авторами законопроекта вводится определение памятной даты «как значимой для истории нашего Отечества исторической даты»¹⁷. В их пакете предложений значились даты, связанные

⁸ Малинова О.Ю., Карпова Н.В. Депутаты Государственной думы как акторы российской политики памяти: на примере трансформации Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Политическая наука. 2023. № 1. С. 113–138.

⁹ Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Полития. 2019. № 3 (94). С. 103–126.

¹⁰ Кирьянов И.К., Панов П.В. Мемориальные законы субъектов Российской Федерации и специфика региональной истории: инструментарий для сравнительных исследований // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2 (61). С. 149–161.

¹¹ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 29.06.2024).

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10100 («Федеральное собрание Российской Федерации» (1993–...)).

¹³ ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 1. Д. 736. Л. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 986. Л. 3–4.

¹⁶ Российская Федерация. Законы. О днях воинской славы и памятных датах России: федер. закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/32621/> (дата обращения: 18.06.2024).

с Днем российского студенчества (25 января), Днем космонавтики (12 апреля), Днем солидарности в борьбе с терроризмом (3 сентября), Днем Октябрьской революции (7 ноября) и Днем Конституции Российской Федерации (12 декабря). Таким образом, в 2005 г. закон «О днях воинской славы» трансформируется в закон «О днях воинской славы и памятных датах». Переименование закона связано со стремлением мнемонических акторов сохранить в исторической памяти общества не только победные события страны, но и другие важные даты, в том числе трагические, выполняющие функцию формирования национальной идентичности. Действительно, обществом, помимо закрепления в памяти триумфов, может быть избрана коммеморация как форма работы с травматическим прошлым и попыткой его проживания. А. Ассман делает вывод, что коммеморация наряду с актом выражения триумфа может быть и актом выражения скорби¹⁸. Одна из предложенных памятных дат – 3 сентября – как раз является попыткой закрепить в законе травмирующий опыт. В период 2007–2014 гг. в законе закрепляются и другие памятные даты, связанные с травмой – 22 и 29 июня, 15 февраля, 26 апреля, 1 августа, 3 декабря.

Наконец, еще один этап изменения закона приходится на 2018–2020 гг. В это время закон дополняется формами увековечения памяти и организации памятных мероприятий. Таким образом, тенденцией, характерной для современной российской исторической политики, становится установление норм проведения мероприятий, связанных с важными событиями прошлого. Большая часть нововведений касалась коммеморации Великой Отечественной войны. Теперь государственные институты не только определяют репертуар памятных дат, отвечая на вопрос «Что нужно помнить?», но и регламентируют формы и методы увековечения памяти, отвечая на вопрос «Как нужно помнить?».

Подчеркнем, что с 2022 г. в содержании закона наметилась тенденция, свидетельствующая о продолжении его трансформации. На рассмотрении находятся несколько законопроектов, посвященных современному этапу российской истории.

Историки во власти: депутаты-историки как акторы политики памяти.

Среди инициаторов внесения изменений в закон были депутаты и сенаторы, позиционирующие себя как историки, имеющие историческое образование или ученую степень. Всего выявлено 24 инициатора с историческим образованием, принимавших участие в процедуре внесения законопроектов в Государственную Думу (табл. 1). Уровень образования инициаторов различается: 15 из них имели историческое образование по специальностям «историк», «востоковед-историк», «историк-преподаватель» и др.; 9 – ученую степень (7 кандидатов и 2 доктора исторических наук). Важно понимать, что реальное число историков, привлекаемых к разработке и обсуждению законопроектов, больше. Так, например, в 2007 г. во время презентации законопроекта депутат от «Справедливой России» А.Н. Савельев, сам не являющийся историком, упомянул: «Этим законопроектом я занимался в течение года почти, работал вместе с историками...»¹⁹. В то же время были депутаты-историки, которые не участвовали в качестве инициаторов законопроектов, но активно выражали свою позицию в ходе их обсуждения (Р.Г. Гостев, О.В. Шеин и др.).

Характеризуя коллективный портрет историков – инициаторов законопроекта, можно отметить, что среди них было 5 сенаторов и 19 депутатов. Члены Совета Федерации представляли всего четыре региона: Саратовскую (2 представителя) и Сахалинскую области, Забайкальский край и Республику Северная Осетия – Алания. Депутатский корпус представлен 11 законодателями от фракции КПРФ, 6 – от «Единой России», 1 – от ЛДПР, 1 – от «Патриотов России».

¹⁷ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 1 апреля 2005 г. / База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» // Сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1109/> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 8–14, 115–119, 248–252.

¹⁹ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 марта 2007 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/728/> (дата обращения: 08.06.2024).

Из 117 законопроектов, поступивших в Государственную Думу, 30 были внесены с участием депутатов и сенаторов, имеющих историческое образование, причем одна пятая (6 инициатив) стали законами (табл. 2).

Таблица 1

Распределение законопроектов, внесенных
депутатами и сенаторами с историческим образованием

Фракция/регион	Количество депутатов/сенаторов	Уровень	
		историческое образование	ученая степень
Депутаты Госдумы			
КПРФ	11	7	4
«Единая Россия»	6	4	2
ЛДПР	1	–	1
«Патриоты России»	1	–	1
Сенаторы (члены Совета Федерации)			
Саратовская область	2	2	–
Забайкальский край	1	1	–
Сахалинская область	1	1	–
Республика Северная Осетия – Алания	1	–	1
Итого	24	15	9

Составлено по: База данных «Законопроекты в ФЗ “О днях воинской славы и памятных датах России”».

Таблица 2

Распределение законопроектов,
внесенных СПЗИ с историческим образованием, по итоговому решению

Итоговое решение по законопроекту	Законопроекты, внесенные СПЗИ с историческим образованием
Опубликован закон	6
Возвращен инициатору, отозван инициатором	14
Отклонен в первом, втором чтении, после вето	10
Итого	30

Составлено по: База данных «Законопроекты в ФЗ “О днях воинской славы и памятных датах России”».

Оценить эффективность депутатов-историков достаточно сложно, так как шесть опубликованных законов инициировались большими депутатскими группами, в которые входили представители сразу нескольких партий. Однако можно выявить их активность: больше всего законопроектов было внесено депутатами-историками от КПРФ – Т.В. Плетневой (6), О.Н. Смолиным (6), В.А. Ганзя (5), Д.Г. Новиковым (4). Стоит учитывать, что только у одного из них имеется ученая степень кандидата наук (Д.Г. Новиков). Доктора наук (И.В. Лебедев от ЛДПР и В.Н. Тетекин от КПРФ) авторами законопроектов становились реже.

О своей принадлежности к историческому цеху законотворцы не раз упоминали с трибуны. Например, депутат от «Единой России» А.К. Исаев, отстаивая свою позицию по вносимому им же законопроекту, говорил: «Я могу сказать, что у меня, и как у гражда-

нина, и как у историка по образованию, сложное отношение к этому дню...»²⁰ (День Октябрьской революции 1917 г. – *Авт.*). Депутат от КПРФ и доктор исторических наук Р.Г. Гостев, обсуждая уже другой законопроект, касающийся изменения редакции названия дня воинской славы 23 февраля, рассуждал о месте подвига во время Великой Отечественной войны: «Да, не все звание Героя Советского Союза получили, но ордена все получили. Я это говорю как профессиональный историк...»²¹. В выступлении о дате завершения Второй мировой войны депутат О.В. Шеин, «как историк по образованию», рассуждал о «несоответствии подлинным историческим фактам» и «об абсолютной исторической неполноценности» заключения профильного комитета²². Эти упоминания можно интерпретировать как выражение депутатами-историками приоритетного права на представление своей мнемонической повестки.

Основной посыл депутатов-историков в их законотворческой деятельности исходил из фразы – «не соответствует истории». Инициативы по изменению текста закона можно разделить на несколько разновидностей.

Чаще всего встречаются инициативы, вызванные желанием дополнить перечень дней воинской славы и памятных дат. В мае 2003 г. Н.М. Безбородов предлагал ввести в перечень «незаслуженно обойденные вниманием», «важные с исторической и военно-патриотической точки зрения»²³ события – Невскую битву, стояние на р. Угре, Чесменское сражение, победы при Кагуле и Рымнике, у мыса Калиакрия, а также битву за Севастополь, Цусимское сражение, Брусиловский прорыв и День испытания ядерного оружия. В обосновании Безбородов – депутат от партии «Патриоты России», выпускник военного училища и Военно-политической академии им. В.И. Ленина, кандидат исторических наук, подчеркивал, что эти даты важны именно для военнослужащих.

Следующий блок инициатив можно отнести к работе с «календарными ошибками», желанием «приведения в соответствие» дат исторических событий. Так, депутат А.А. Никитин в 2001 г. предложил отредактировать даты таких исторических событий, как битва на Чудском озере 1242 г. (с 18 на 5 апреля), победа в Куликовской битве 1380 г. (с 21 на 8 сентября), День освобождения Москвы народным ополчением под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (с 7 на 5 ноября) и т.д.²⁴ Н.М. Безбородов также стремился «уточнить датировку дней воинской славы России и привести ее в соответствие с принципом исторической хронологии, связанной с переходом с юлианского календаря на григорианский календарь (со старого стиля на новый). В действующей редакции имеются неточности»²⁵. Позже в 2007 г. работу с «календарными ошибками» провел депутат А.Н. Савельев. Он выдвинул законопроект, движимый высокой целью «борьбы за будущее», предполагая коммеморацию 38 событий российской истории²⁶.

Среди предложений законодателей встречались инициативы, направленные на изменение формулировок в названиях дней воинской славы и памятных дат. С одной стороны, законодатели пытались унифицировать, привести к одному шаблону формулировки в законе. «Что касается нашего противника, который понес поражение в тех событиях, которые мы

²⁰ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 1 апреля 2005 г. ...

²¹ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 17 марта 2006 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/931/> (дата обращения: 08.06.2024).

²² Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 7 июля 2010 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/88/> (дата обращения: 08.06.2024).

²³ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 мая 2003 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1459/> (дата обращения: 08.06.2024).

²⁴ Законопроект № 153661-3 «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона “О днях воинской славы (победных днях) России” (в части уточнения дат дней воинской славы)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/153661-3/> (дата обращения: 09.06.2024).

²⁵ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 мая 2003 г. ...

²⁶ Законопроект № 371981-4 «О внесении изменений в статьи 1 и 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России” (в части изменения редакции указанных статей и дополнения перечня дней воинской славы и памятных датах России)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/371981-4> (дата обращения: 09.06.2024).

отмечаем этим законом, указывается иногда, кто был противником, а иногда не указывается. Кто осаждал Ленинград – неизвестно по этому закону. Надо вносить? Надо. Какой-то общий принцип должен быть? Если мы указываем противника в одной дате, то и в другой должны указать», – убеждал коллег А.Н. Савельев²⁷. С другой стороны, целью изменения формулировок можно назвать стремление восстановить «историческую справедливость», утвердить такое название, которое бы в полной мере следовало «историческим реалиям», а также принятым в научном сообществе нормам: «...требуется привести редакцию названия дней воинской славы России в соответствие с историческими реалиями и устоявшимися в исторической науке наименованиями боев и сражений»²⁸, «...в действующем законе есть масса неправильных формулировок, противоречащих исторической правде»²⁹. Ярким примером служит выступление доктора исторических наук, депутата от КПРФ В.С. Романова, критикующего авторов законопроекта, в котором предлагалось сократить формулировку Дня воинской славы 23 февраля с «23 февраля – День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии (1918 год) – День защитников Отечества» на «23 февраля – День защитника Отечества»: «На что замахнулись авторы закона, когда вычеркнули то ли слова “Красная Армия”, то ли слова “Советская Армия и Военно-Морской Флот”?»³⁰ – вопрошал депутат.

Наконец, к последнему блоку инициатив можно отнести законопроекты, направленные на изменение статуса коммеморируемого события. К примеру, парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве предлагалось перевести из статуса дня воинской славы в памятную дату. «Мы отмечаем в качестве дня военной славы парад. Я понимаю, можно отмечать победу, военный триумф, но при чем здесь парад? Если нравится, надо перенести это в другой раздел того же закона – в памятные даты, что я и предлагаю сделать»³¹, – мотивировал свое предложение А.Н. Савельев.

История как наука и профессия историка в фокусе обсуждений в Государственной Думе. В документации, сопровождающей законотворческий процесс, фиксируется неоднозначное отношение к истории и к работе историков. С одной стороны, неоднократно подчеркивалась ангажированность представителей исторического цеха, с другой – звучали реплики в их защиту. Вместе с тем общим местом в рассуждениях депутатов были утверждения о том, что прошлое – это результат коллективной работы, конвенциональных практик.

Обсуждая уточнения, вносимые в закон, депутаты артикулировали свою миссию как законотворцев. В дискуссиях так или иначе обсуждалось понимание истории, прошлого и форм работы с прошлым. Так, звучал пафос «борьбы за будущее», в которой «не надо оставлять без внимания свое собственное прошлое, забвение прошлого приводит к тяжким последствиям», «к нему (прошлому. – *Авт.*) относятся с полным пренебрежением»³². Сама история России воспринималась как «соединение атак извне, героической защиты изнутри, восстановления разрушенного хозяйства»³³. Собственно, тематическая направленность мемориального закона определяла обращение в первую очередь к военному прошлому. Подчеркнем, что выход из ситуации забвения прошлого виделся законотворцами в выстраивании единой конвенциональной версии истории, закреплённой в «определённой книге» – учебнике истории, который станет «обязательным и единственным на всей территории России»³⁴. Эта риторика звучала начиная с середины 2000-х гг.

Законодатели часто апеллировали к историкам-классикам или современным авторитетам исторической науки. В 2004 г. первый заместитель председателя Комитета по обороне А.А. Сигуткин рассуждал о Дне народного единства. По мнению Сигуткина, именно

²⁷ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 марта 2007 г. ...

²⁸ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 мая 2003 г. ...

²⁹ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 марта 2007 г. ...

³⁰ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 17 марта 2006 г. ...

³¹ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 марта 2007 г. ...

³² Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 марта 2007 г. ...

³³ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 17 марта 2006 г. ...

³⁴ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 марта 2007 г. ...

4 ноября «после достижения согласия и единения воины народного ополчения <...> штурмом взяли Китай-город, самую современную в то время крепость России, цитадель Москвы», что было воспринято «современниками как освобождение Москвы»³⁵. Но важнее дальнейшие рассуждения депутата, подчеркивавшего укоренение этой идеи в исторической науке: «Это признают и выдающиеся русские ученые Костомаров, Ключевский, Соловьев, Платонов»³⁶. В 2018 г. депутат А.А. Максимов, стремясь организовать работу по целенаправленному формированию исторической памяти, упомянул доктора филологических наук, занимающегося также историей русской литературы и русской культуры – Д.С. Лихачева: «Многие сидящие в зале помнят, что в начале 1990-х годов у нас в стране работала комиссия под руководством академика Лихачева по восстановлению исторической памяти, названий и так далее...»³⁷. Опора на научный авторитет классиков исторической науки в понимании депутатов придавала больший вес аргументации.

Конструирование исторического нарратива неизбежно приводило к включению хода и результатов научных исторических дискуссий в полемическое поле законодателей. В процессе обсуждения конкретных событий обнажалось весьма болезненное пересечение/столкновение нарративов о «тысячелетней России», «новой России», «славном прошлом», «трудном прошлом». Так, фактический отказ от официальной коммеморации столетия революции в 2017 г., по мнению исследователей, показал, «как сложно вписывается это событие, прежде интерпретировавшееся как миф основания СССР, в нарратив, сосредоточенный на “тысячелетней” преемственности российской государственности»³⁸. Подчеркнем, что часто ответственными за разные подходы к прошлому и неоднозначность трактовок становились ученые-историки.

В 2006 г. при обсуждении наименования даты 23 февраля депутат С.А. Попов ставил вопрос о конъюнктурности историков. На примере советских историков, «привлеченных Коммунистической партией», Попов значительно обострил дискуссию заявлением: «Я думаю, что нам нужна история настоящая, а не ангажированная тем или иным политическим режимом»³⁹. Аналогичная точка зрения звучала в рассуждениях П.Ю. Воронина, считавшего, что история зависит от «человека, который пишет ту или иную историческую летопись», «пишет историю сообразно своему положению»⁴⁰. С.А. Попов даже предлагал депутатам самостоятельно «ознакомиться с историческими документами», потому что у историков «вместо совести просто партбилет правящей партии в кармане»⁴¹. Вопрос готовности историков «переписать историю» озвучивался в обсуждениях законопроектов неоднократно. В то же время звучали явные призывы уважать свою историю, историческую науку и ее творцов. Так, В.С. Романов призывал относиться к истории бережно – «ее не переписывают, а изучают»⁴².

Вместе с тем зачастую снятие с обсуждения спорного законопроекта объяснялось отсутствием в исторической науке консенсуса в отношении коммеморируемого события. Уже упоминаемый А.А. Сигуткин в ходе дискуссии о дате 4 ноября говорил: «Выяснилось в ходе работы согласительной комиссии, что нет единого подхода и в научных кругах к оценке этих дат. Все пять членов согласительной комиссии от Совета Федерации

³⁵ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 15 декабря 2004 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1173/> (дата обращения: 10.06.2024).

³⁶ Там же.

³⁷ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 мая 2018 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4898/> (дата обращения: 10.06.2024).

³⁸ Политика памяти в России – региональное измерение: монография. М., 2023. С. 444–447.

³⁹ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 18 января 2006 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/963/> (дата обращения: 08.06.2024).

⁴⁰ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 23 марта 2007 г. ...

⁴¹ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 18 января 2006 г. ...

⁴² Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 25 января 2013 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3789/> (дата обращения: 08.06.2024).

высказали предложение прекратить работу до выработки единых подходов в научных кругах»⁴³.

Ученые-историки и научные общества: экспертиза и продвижение законопроектов.

Процесс разработки и внесения поправок в закон в основном предполагал участие в нем профессиональных историков. Научная экспертиза законопроектов на разных стадиях их формирования зачастую скрыта от глаз исследователей: экспертные заключения обычно заслушиваются на уровне комитетов Государственной Думы и не выносятся на финальные обсуждения в парламенте. Обращаясь к стенограммам обсуждения законопроектов, исследователь может обнаружить лишь следы таких экспертиз. Тем не менее у законодателей есть пул научных институций, обладающих экспертными полномочиями. В него входят институты Российской академии наук, Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Институт военной истории), Российское историческое общество (РИО), Российское военно-историческое общество (РВИО). Причем функции РИО и РВИО не замыкаются только на экспертизе проектов, эти общества создают «механизмы лоббирования местных интересов перед центром»⁴⁴, включая в круг акторов законотворчества представителей региональной ответственности и бизнеса⁴⁵.

Действие этого механизма можно проследить на примере законопроекта, связанного с датой 3 сентября как дня окончания Второй мировой войны, на протяжении многих лет продвигаемого Сахалинской областной думой. Лишь после заключения Правительства РФ от 7 декабря 2017 г. о том, что «принятие решений по установлению дней воинской славы и памятных дат России, связанных с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества, должно сопровождаться публичным обсуждением с учетом профессионального мнения специалистов в области истории и культуры»⁴⁶, начали звучать голоса историков и научных обществ. В этот момент в поддержку проекта были собраны подписи, в том числе историков, а местная общественность начала продвигать проект через Российское военно-историческое общество⁴⁷.

Апелляцию к авторитету РИО наблюдаем и в 2015 г., в момент весьма острой полемики в процессе обсуждения законопроекта о добавлении в перечень памятной даты «День России». Мнемоническая борьба в отношении событий 862 г., вылившаяся в спор о норманнском факторе в российской истории, разгорелась между депутатами от фракций ЛДПР и КПРФ⁴⁸. Первые называли версию о норманнском влиянии «дезинформацией», утверждая, что «не доказано, что варяги не были славянами, это выброшенная – уже официально современными историками доказано – версия норманнская». «Варяги, Рюриковичи – это наши, русские люди, одно из племен которых жило на Балтике, и мы, наоборот, подчеркиваем, что мы объединились под водительством Рюриковичей!»⁴⁹ Коммунисты, в свою очередь, привлекли в качестве третьей стороны председателя Государственной Думы

⁴³ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 26 ноября 2004 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1191/> (дата обращения: 08.04.2024).

⁴⁴ Политика памяти в России – региональное измерение: монография. М., 2023. С. 16.

⁴⁵ Лапин В.В. Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI века // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография. СПб., 2020. С. 74–95.

⁴⁶ Российская Федерация. Правительство. Заключение на проект Федерального закона «О внесении изменений в статьи 1 и 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» от 7 декабря 2017 г. № 9021п-П44 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=166897&ysclid=ly17e6p19r534769282#kDk7AHUYZpfgy1WB> (дата обращения: 30.06.2024).

⁴⁷ Пономарев С.А. 3 сентября – День Победы над Японией (сборник документов и материалов). Южно-Сахалинск, 2020. С. 24, 156–157.

⁴⁸ Вероятно, остроту этому спору придавала критика В.В. Путиным в 2014 г. при обсуждении выставки «Рюриковичи» в Музее современной истории России идеи, что «государственность пришла извне». См: Встреча с молодыми учеными и преподавателями истории. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46951> (дата обращения: 30.06.2024).

⁴⁹ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 30 июня 2015 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4312/> (дата обращения: 12.06.2024).

VI созыва С.Е. Нарышкина: «...у нас в президиуме – председатель Российского исторического общества, и он вам подтвердит, что есть несколько исторических версий»⁵⁰. Подчеркнем, что при обращениях в РВИО и РИО акторы опирались не только на научный, а, в первую очередь, общественно-политический статус обществ и их руководителей. Вместе с тем можно согласиться с О.Ю. Малиновой, что «складываются устойчивые практики взаимодействия государства и исторического истеблишмента в работе над официальным нарративом»⁵¹.

Участие профессионального сообщества историков в конструировании мемориального нарратива прослеживается в ходе обсуждения проекта о внесении в закон памятной даты, связанной со стоянием на реке Угре. Продвижение региональной памятной даты (Калужская область) – День победного окончания Великого стояния на реке Угре 1480 года – на общегосударственный уровень началось конце 2017 г. по инициативе губернатора А.Д. Артамонова. В этом процессе был задействован административный ресурс, благодаря которому еще в 2016–2017 гг. обсуждение новой памятной даты проводилось с участием историков в большинстве субъектов федерации. Отзывы, поступившие на региональную инициативу, в основном подчеркивали значительность этого события в отечественной истории, поскольку в результате него «произошло окончательное освобождение Руси от ига ордынских ханов и была обретена независимость Российского государства с центром в Москве»⁵². Проект, несмотря на подчеркивание, что русские воевали «не с татарами, а с паразитической системой, которую представляло руководство ига ордынских ханов», а игу «вместе с русскими противостояли силы ханов крымских, ногайских и казанских татар, а также вожди финно-угорских народов», закономерно вызвал негативную реакцию в Татарстане⁵³. Противостояние региональных мнемонических повесток привело к снятию в 2019 г. законопроекта с обсуждения⁵⁴.

Важно подчеркнуть, что в отстаивании мнемонической повестки Татарстана весомую роль сыграл Институт истории АН РТ. Если в проекте калужских депутатов, подкрепленном экспертными оценками историков⁵⁵, утверждалось, что «благодаря стоянию на реке Угре Россия стала великим многонациональным евразийским государством», то республиканский Институт истории считал, что «событие 1480 года было лишь эпизодом борьбы за верховенство в Орде, но не актом освобождения Москвы от власти татар. Москва не объявляла о своей независимости, а всего-навсего меняла свою внешнеполитическую ориентацию»⁵⁶. Само событие стояния на реке Угре оценивалось как поздний сконструированный миф, который «не только далек от исторической реальности, но и может вызвать серьезный диссонанс в современном многонациональном, поликонфессиональном и толерантном российском обществе»⁵⁷. После начала обсуждения законопроекта в публичном поле и появления ряда журналистских материалов к его комментированию пригласили историков⁵⁸. В период 2016–2019 гг. по вопросу о статусе памятной даты высказались видные отечественные историки – медиевисты, тюркологи, специалисты по международным отношениям.

⁵⁰ Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 30 июня 2015 г. ...

⁵¹ Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? ... С. 120.

⁵² Отзывы к законопроекту № 739088-7 «О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России” (об установлении памятной даты России “11 ноября – День окончания Великого стояния на реке Угре (1480 год)”)». Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/739088-7> (дата обращения: 30.06.2024).

⁵³ Татарстан противостоит стоянию на реке Угре // Коммерсантъ. 2017. 13 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3495564> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵⁴ Кирьянов И.К., Панов П.В. Мемориальные законы субъектов Российской Федерации и специфика региональной истории... С. 155–156.

⁵⁵ Подробное обсуждение историографической ситуации вокруг даты 11 ноября 1480 г. см.: Стояние на Угре как памятная дата. Круглый стол, посвященный Стоянию на Угре. (Москва, Гостиный Двор, 6 октября 2016 г.). URL: <https://m.vest-news.ru/article/87431> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵⁶ Татарстан противостоит стоянию на реке Угре...

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «И с той, и с другой стороны реки Угры стояли предки современных россиян». Круглый стол 25 августа 2019 г. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/436254> (дата обращения: 20.06.2024).

Одно из экспертных мнений принадлежало известному специалисту по русскому средневековью А.А. Горскому, подчеркивавшему сложность исторических реалий конца XV в. и считавшему, что введение этой памятной даты «абсолютно» не является «покушением на историческую память казанских и крымских татар»⁵⁹. Важно подчеркнуть, что дискуссии вокруг стояния на реке Угре, наряду с обсуждением даты 4 ноября, стали наиболее репрезентативными с точки зрения участия в них профессиональных историков, что было связано с конкуренцией региональных мнемонических повесток и столкновением исторических нарративов.

Заключение. Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» в силу целой совокупности факторов является ключевым инструментом политики памяти. Воздействие закона на убеждения россиян обусловлено включенностью в процесс его создания влиятельных акторов политики памяти, которые не только транслируют через закон собственные представления о прошлом, но и обладают ресурсом для продвижения образов прошлого. В силу длительной традиции трансформации закона можно выделить этапы его изменения, которые сопрягаются, в том числе, с силой влияния определенных акторов. Закон, изначально зафиксировавший «победные» страницы прошлого, был дополнен памятными датами, в том числе вобравшими травматический опыт страны. После дополнения закона нормами празднования он стал в большей степени претендовать на ориентир в формировании единых исторических представлений россиян.

Формирование национального исторического нарратива – процесс, в котором задействованы различные участники. Концептуальная и содержательная часть нарратива, безусловно, дело историков, результат научно-исследовательской работы. Мнемонические акторы, представляющие органы государственной власти, – депутаты, сенаторы, обращаются к мнению историков в процессе «узаконивания прошлого», интерпретируя его и наполняя символическим содержанием. Разработка мемориального закона предполагает опору на историческую культуру, отношение к собственному прошлому всех участников процесса. Выстраивание конвенциональной версии прошлого происходит, в том числе, через интенсивные обсуждения отдельных исторических фактов и событий, в ходе которых государственное видение сталкивается с интересами национальных и профессиональных акторов.

В ходе конструирования официального исторического нарратива проявляется неоднозначное отношение к исторической науке и ее творцам, что видится следствием недоверия к работе историков, свойственного российскому обществу. Вместе с тем наличие исторического образования или ученой степени по истории оценивается законодателями как дополнительный ресурс в продвижении своей мнемонической повестки. Формы участия представителей исторической науки в законотворческой деятельности варьируются от инициирования законопроектов, особенно если поправка отражает желание интегрировать в национальный нарратив региональную памятную дату, до экспертизы и участия в публичных дискуссиях. При этом информация о конкретных историках, участвующих в выстраивании исторического нарратива, известна либо в случаях приобретения ими статуса классика, либо в случаях, когда обсуждение поправки в закон приобретает форму открытой мнемонической борьбы, становится публичным медиатизированным действием. В других ситуациях сообщество историков затмевают аффилированные с государством научные институции и общества.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Дорская А.А., Дорский А.Ю. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 223–238.

⁵⁹ Будет ли Россия отмечать день победы над татарами [Электронный ресурс] // Реальное время. 2017. 14 дек. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/84064-stoyanie-na-reke-ugre-pamyatnaya-data-reakciya-tatarstana> (дата обращения: 20.06.2024).

Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28–57.

Кирьянов И.К., Панов П.В. Мемориальные законы субъектов Российской Федерации и специфика региональной истории: инструментарий для сравнительных исследований // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2 (61). С. 149–161.

Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

Лалин В.В. Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI века // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 74–95.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Политика. 2019. № 3 (94). С. 103–126.

Малинова О.Ю., Карпова Н.В. Депутаты Государственной думы как акторы российской политики памяти: на примере трансформации Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Политическая наука. 2023. № 1. С. 113–138.

Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 471 с.

Пономарев С.А. 3 сентября – День Победы над Японией: сб. док-тов и мат-лов. Южно-Сахалинск: КорКи'С, 2020. 222 с.

Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 5–18.

Reference

Dorskaya, A.A., Dorskiy, A.Yu. (2020). Memorial'nye zakony kak instrument legitimatsii vlasti [Memorial Laws as a Tool for Legitimizing Power]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. No. 1, pp. 223–238.

Kas'yanov, G.V. (2016). Istoricheskaya politika i “memorial'nyy” zakon v Ukraine: nachalo XXI veka [Historical Policy and “Memorial” Laws in Ukraine: Beginning of the 21st Century]. In *Istoricheskaya ekspertiza*. No. 2, pp. 28–57.

Khlebnikov, B. (Trans.), Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Kir'yanov, I.K., Panov, P.V. (2023). Memorial'nye zakony sub'ektov Rossiyskoy Federatsii i spetsifika regional'noy istorii: instrumentariy dlya sravnitel'nykh issledovaniy [Memorial Laws of the Constituent Entities of the Russian Federation and the Specifics Of Regional History: Tools for Comparative Research]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 2 (61), pp. 149–161.

Koposov, N.E. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regime: History and Politics in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 320 p.

Lapin, V.V. (2020). Rossiyskoe istoricheskoe obshchestvo (RIO) i Rossiyskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo (RVIO) kak instrumenty istoricheskoy politiki pervoy chetverti XXI veka [Russian Historical Society (RIO) and Russian Military Historical Society (RVIO) as Instruments of the Historical Policy of the First Quarter of the 21st Century]. In *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya*. St. Petersburg, pp. 74–95.

Malinova, O.Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Memory Policy as a Field of Symbolic Policy]. In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 27–53.

Malinova, O.Yu. (2019). Kto i kak formiruet ofitsial'nyy istoricheskiy narrativ? Analiz rossiyskikh praktik [Who and How Forms the Official Historical Narrative? Analysis of Russian Practices]. In *Politiya*. No. 3 (94), pp. 103–126.

Malinova, O.Yu., Karpova, N.V. (2023). Deputaty Gosudarstvennoy dumy kak aktory rossiyskoy politiki pamyati: na primere transformatsii Federal'nogo zakona "o dnyakh voinskoy slavy i pamyatnykh datakh Rossii" [Deputies of the State Duma as Actors of the Russian Policy of Memory: On the Example of the Transformation of the Federal Law "On the Days of Military Glory and Memorable Dates of Russia"]. In *Politicheskaya nauka*. No. 1, pp. 113–138.

Miller, A.I., Malinova, O.Yu., Eftemenko, D.V. (Eds.). (2023). *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie: monografiya* [Memory Policy in Russia – Regional Dimension: Monograph]. Moscow, Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN. 471 p.

Ponomarev, S.A. (2020). *3 sentyabrya – Den' Pobedy nad Yaponiey: sbornik dokumentov i materialiv* [September 3 – Victory Day over Japan: A Collection of Documents and Materials]. Yuzhno-Sakhalinsk, KorKi'S. 222 p.

Repina, L.P. (2006). Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya [Historical Culture as a Subject of Research]. In *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni*. Moscow, Krug', pp. 5–18.

М.К. Чуркин
Н.И. Чуркина*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ РОССИИ
КОНЦА XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-9
УДК 94(470+571)+001.32"199/202"

Выходные данные для цитирования:
Чуркин М.К., Чуркина Н.И. Профессиональное сообщество историков и репрезентация исторических знаний в публичной сфере России конца XX – первой четверти XXI века // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 117–124.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-09.pdf>

M.K. Churkin
N.I. Churkina

PROFESSIONAL COMMUNITY OF HISTORIANS
AND REPRESENTATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE
OF THE PUBLIC SPHERE IN RUSSIA
IN THE LATE 20TH – FIRST QUARTER OF THE 21TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-9

How to cite:
Churkin M.K., Churkina N.I. Professional Community of Historians and Representation of Historical Knowledge of the Public Sphere in Russia in the Late 20th – First Quarter of the 21th Century // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 117–124. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-09.pdf>]

Abstract. The work, based on the concept of the public sphere and the theory of communicative action of J. Habermas, identifies the factors and conditions accompanying the representation of historical knowledge in Russia in the public space of the late 20th – first quarter of the 21st centuries. In the process of research, the historical and cultural circumstances of the formation of the bourgeois public sphere and the institutionalization of public history as an important episode of the era of the anthropological turn in the humanities are identified. Similarities, differences and triggers for the formation of the public sphere and its evolution as a “territory” of historical enlightenment in Russia and its regions are revealed. It is suggested that the authoritarian model of organizing public space determined the choice of stories of historical reality, forms and tools of communication of the scientific and educational community and actors of heritage institutions with potential consumers of historical knowledge, broadcast to the broad masses. It has been established that the authoritarian public sphere creates favorable preconditions for supporting the government through the indoctrination of significant events of national history, carried out by public quasi-historical associations affiliated with the state, focusing on the construction of national and regional identities demanded by the political situation, through the approval of commemorations approved by the state and regions. The nationalization of the public sphere is manifested in the correction of the context of the activities of traditional heritage institutions (museums and libraries), the format and practices of popularization work, which manifests itself in a situation of limited potential for dialogue between these institutions and society and minimizes the effect of their educational efforts. The split in the scientific and educational community, which occurred due to sociocultural and generational reasons, during the period under study significantly limits the ability of the corporation of scientists to implement educational practices and creates

* **Михаил Константинович Чуркин**, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Mikhail Konstantinovich Churkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia; Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Наталья Ивановна Чуркина, доктор педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, e-mail: n_churkina@mail.ru

Nataliya Ivanovna Churkina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, e-mail: n_churkina@mail.ru

objective obstacles to various forms of collaboration in the dissemination and popularization of historical knowledge.

Keywords: public sphere, public history, historical knowledge, representations, heritage institutions, scientific and educational community.

The article has been received by the editor on 01.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В работе с опорой на концепцию публичной сферы и теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса выявляются факторы и условия, сопутствующие репрезентации исторических знаний в России в публичном пространстве конца XX – первой четверти XXI в. В процессе исследования обозначены историко-культурные обстоятельства становления буржуазной публичной сферы и институционализации публичной истории как важного эпизода эпохи антропологического поворота в гуманитарном знании. Выявлены сходства, различия и триггеры формирования публичной сферы и ее эволюции как «территории» исторического просветительства в России и ее регионах. Высказано предположение, что авторитарная модель организации публичного пространства определила выбор транслируемых в широкие массы сюжетов исторической реальности, форм и инструментов коммуникации научно-образовательного сообщества и акторов институтов наследия с потенциальными потребителями исторических знаний. Установлено, что авторитарная публичная сфера создает благоприятные предпосылки для поддержки власти путем индоктринации знаковых событий отечественной истории, осуществляемой аффилированными с государством общественными квазиисторическими объединениями, акцентирующими внимание на конструировании востребованной политической конъюнктурой национальной и региональной идентичности, посредством одобряемых государством и регионами утверждений и коммемораций. Огосударствление публичной сферы предметно проявляется в коррекции контекста деятельности традиционных институтов наследия (музеев и библиотек), формата и практик популяризаторской работы, что проявляется в ситуации ограниченности потенциала диалога этих учреждений с социумом и сводит к минимуму эффект их просветительских усилий. Раскол в научно-образовательном сообществе, произошедший в силу социокультурных и поколенческих оснований, в исследуемый период значительно ограничивает возможности корпорации ученых в реализации просветительских практик, создает объективные препятствия к различным формам коллаборации в деле распространения и популяризации исторических знаний.

Ключевые слова: публичная сфера, публичная история, историческое знание, репрезентации, институты наследия, научно-образовательное сообщество.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024 г.

Выявление факторов и условий репрезентации исторических знаний в России в конце XX – первой четверти XXI столетия, как центральный сюжет настоящего исследования, неразрывно связано с осмыслением институционализации публичной истории как направления гуманитаристики и средства широкоформатной презентации исторической реальности в западной исторической науке 1970-х гг. Атмосферным фоном становления и тиражирования публичности в европейском мире и США стали знаковые изменения в общественных настроениях и гуманитарном знании, наметившиеся после Второй мировой войны, ход и

итоги которой не только предоставили обширный материал для философского и историографического анализа, но и в значительной мере скорректировали «ремесло» историков, переориентировав научное сообщество от создания масштабных фактологических нарративов к микроисторическим сюжетам и структурам повседневности, что органично вписывалось во временной идеологический тренд западных демократий поствоенного времени: проработка прошлого и возвращение в историю «маленького человека». Формальным поводом к подобным призывам стал феномен массового признания немецким бюргерством и итальянским народом фашистской идеологии и поддержки национал-социалистических режимов. Одной из распространенных тем немецкой микроистории («истории снизу») стало изучение повседневных практик и социальной культуры трудящихся масс, в разработку которой первоначально включились историки-непрофессионалы («босоногие историки»). Используя интервью как с представителями рабочего класса Германии, так и с участниками молодежных фашистских формирований, им удалось собрать богатейший пласт микроисторических материалов. На основании собранных данных профессиональные исследователи (Л. Нитхаммер, М. Клаус) сделали ряд фундаментальных выводов о природе фашистской идеологии, причинах архаизации сознания населения, что, с одной стороны, серьезным образом видоизменило черно-белую картину представлений о фашизме в научном сообществе, с другой – включило в дискуссии на злободневные темы современной истории группы народонаселения, ранее не вовлеченные в исторические дискуссии.

Представители итальянской микроистории манифестировали стремление к изучению внутреннего мира человека, аспектов его социального опыта, критикуя предшествующую историографическую традицию за схематизм и погоню за объективностью¹, что в значительной степени освобождало языковые приемы историописания от сциентистской лексики и способствовало тиражированию исторических знаний в широкие слои населения.

В России распространение исторических знаний и интерес к публичной истории наметились в конце XIX – начале XX в., когда возникло осознание различий между академическим и популярным форматами исторического знания, что выразилось в просветительской деятельности университетских профессоров (В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Р.Ю. Виппер), существенно ограниченной после 1917 г.

Восстановление практик просветительской деятельности научной общественности произошло только в 1947 г., когда было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которое с 1963 г. стало называться общество «Знание». Д.А. Пинаева указывает на то, что создание такой массовой организации позволяло решать две задачи: «распространение новых знаний, формирование позитивного облика советской (российской) науки, а также осуществление контроля над беспартийной в большинстве своем интеллигенцией»². За почти пятидесятилетнюю историю Общество накопило разнообразные практики просветительно-пропагандистской деятельности, к которой относились не только лектории, но и издание брошюр, выпуск научно-популярных фильмов, журналов («Наука и жизнь», «Техника – молодежи» и др.), периодических сборников, поддержка народных университетов и др. Но к 1980-м гг., параллельно с увеличением количества отделений, интерес к его деятельности со стороны населения стал снижаться. В качестве причин такой ситуации отмечают низкую квалификацию лекторов, формализм в работе, изменение научно-популярной риторики на пропагандистскую.

Новый «всплеск» публичности истории в нашей стране совпал с демократизацией публичной сферы в конце XX в., когда коммуникации историков выстраивались в большей степени в формате не публичной, а «площадной» истории, поскольку произошло резкое сужение спектра исторических сюжетов, когда в приоритете оказались «травматические»

¹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

² Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 108–118.

истории советского времени, в трансляции которых решающее место принадлежало не академической науке, а публицистике и «желтой» прессе.

В целом можно говорить, что на рубеже XX–XXI вв. в отечественном общественно-политическом дискурсе центральное место занимает проблема организации и функционирования публичного пространства, переживающего в постсоветский период показательные трансформации. Дистиллированно происходящие перемены в публичном поле можно обозначить как движение от монополии официальной идеологии к идейному плюрализму с последующей реверсивностью: купированию публичности и внедрению имитационных форм и инструментов репрезентации общественного мнения.

Какими бы ни были различия в предлагаемых концепциях публичной сферы, от понимания таковой как прямого взаимодействия индивидов по алгоритму греческой агоры в разработках Х. Арндт³ до концептуализации публичности как внеличностного феномена, «площадки» коммуникации и обмена информацией и мнениями в трудах Ю. Хабермаса⁴, всех авторов объединяет одно: публичная сфера предполагает расположенность ее акторов к открытой дискуссии, критике власти, гласности и независимости от экономических интересов и политических манипуляций.

Не считая целесообразным перечисление всех форм и значимых акций, связанных с популяризацией исторического контента в максимально широких публичных рамках, полагаем важным маркировать сложившуюся ситуацию в публичной сфере России и ее регионов как виртуальное пространство формирования общественного мнения, конструирования и переопределения социокультурных идентичностей⁵ именно в аспекте коммуникативной деятельности сообществ, так или иначе ощущающих свою ответственность за распространение исторических знаний как части просветительского проекта, итоговой задачей которого является построение гражданского общества.

В этой связи необходимо констатировать, что классическая модель публичной сферы, фиксирующая участие активных граждан в общественно-политических дискуссиях, учитывающих присутствие и мнение *другого*, находится за рамками представлений о пространстве публичного дискурса в современной России. Тем не менее несоответствие отечественных реалий классическим образцам и теориям не отменяет самого факта существования публичной сферы с присущей ей дискуссионностью, хотя и организованной в авторитарном стиле, что неизбежно влечет за собой ограничения аргументации и критичности дискурса⁶. Ю. Хабермас, рассуждая об эволюции социальной структуры буржуазной публичной сферы, отмечает неизбежность ее заадминистрирования и огосударствления, происходящего в результате пересечения публичного и частного пространств, при этом «публика как таковая вовлекается в этот круговорот власти лишь спорадически, да и тогда только ради выражения всеобщего одобрения»⁷. В условиях авторитарной публичной сферы подобный процесс развивается ураганно и выражается в массивном «десанте» в нее аффилированных с государством общественных организаций, ответственных за доступность и понятность истории⁸, а также обеспечение возможности профессионалам и любителям истории «встраиваться в федеральную повестку»⁹.

³ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

⁴ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

⁵ Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 3.

⁶ Hasmath R. Дискурс, дискуссия и различия в авторитарной публичной сфере (Discourse, Deliberation and Difference in an Authoritarian Public Sphere) [Электронный ресурс] // Journal of Deliberative Democracy. 2023. № 19 (1). С. 1–2. URL: <https://ssrn.com/abstract=4494902> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 248.

⁸ Черненко Е.В. О заседании Омского отделения российского исторического общества 24 сентября 2023 г. // Исторические науки в Омске. 2023. Вып. 2 (10). С. 3–4.

⁹ Российское историческое общество (Томское отделение) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/5235608/> (дата обращения: 11.06.2024).

Формула М. Фуко «надзирать и наказывать» в текущей ситуации реализуется пока только в первой ее фазе, что наглядно выражено в тематике проектов Российского исторического общества (РИО), озвученных на заседании его Омского отделения 24 сентября 2023 г., которые можно интерпретировать и как определенный вектор в практиках распространения исторических знаний. В эпицентре тематического спектра располагаются сюжеты, ответственные за конструирование региональной идентичности как части общероссийской посредством утверждений максимально комфортных для государства и региона коммемораций: вклад Омска в развитие космической сферы, город и война, петровские реформы¹⁰, с привязкой аполитичных тем популярной археологии, призванных выполнить функцию симулякра публичности.

Важным следствием огосударствления публичной сферы репрезентации исторических знаний является измененный контекст деятельности традиционных институтов наследия (музеев и библиотек), формата и содержания их просветительской и популяризаторской работы. Безусловно, музеи и библиотеки как «площадки» и каналы трансляции исторических представлений выполняют важные просветительские задачи, функционируя как сложившееся и динамичное пространство публичной истории. Конференции, круглые столы, публичные лектории в сочетании с классическими формами деятельности способствуют выстраиванию формально успешной многосторонней коммуникации с различными категориями посетителей по многим сюжетам и аспектам исторической реальности, в том числе региональной истории. Вместе с тем авторитарность публичной сферы априори задает ситуацию ограниченности потенциала диалога этих учреждений с социумом и сводит к минимуму эффект просветительских усилий, что во многом объясняется памятью музейного и библиотечного сообществ о кризисных периодах функционирования отечественных институтов наследия на стыке столетий, которая в XXI в. преобразовалась в веру о плодотворности государственной финансовой поддержки, предполагающей последовательное соответствие музейной политики и практики установленному идейному канону и государственному коммеморативному курсу. Томислав Шола, комментируя онтологический кризис музейного дела на рубеже XX–XXI вв., отметил вполне закономерную склонность учреждений сферы наследия выражать интересы и настроения доминирующих групп, поскольку попытки кураторов мыслить в категориях общественного предназначения моментально ставят их в оппозицию к властям, которые представляют доминирующую систему ценностей¹¹. По мнению ученого, соучастие в социальном и политическом манипулировании объективно уводит институты наследия от их природного курса – быть самостоятельным инструментом обеспечения достоверного опыта, что предметно выражено не только в одиозных и однонаправленных практиках распространения исторических (чаще всего краеведческих) знаний, но и подкрепляется консервативным стандартом восприятия институтов наследия в широкой публике. Стоит заметить, что такое потребительское отношение к продукции институтов наследия, в том числе и в историко-краеведческом контенте, вызывает позитивную реакцию у истинных владельцев музейной среды и «охранителей» публичного пространства, поскольку они обладают политическим ресурсом манипуляции исторической реальностью, «трансформируя свои интересы в общественные ценности»¹².

Не менее существенной проблемой, влияющей на процесс репрезентации исторических знаний в широком публичном поле, является ситуация в научном сообществе России. Необходимо отметить, что деятельность профессиональной корпорации историков априори подчинена современной социокультурной и политической ситуации, так или иначе реагирующей на стремление власти к самовоспроизводству с опорой на риторику о «связи времен».

Существует распространенное мнение, согласно которому представители академической сферы, включая научных работников образования, крайне осторожно относятся

¹⁰ Черненко Е.В. О заседании Омского отделения российского исторического общества... С. 4.

¹¹ Шола Т. Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов. Тула, 2013. С. 292.

¹² Там же. С. 34.

к вовлечению в просветительские проекты публичной истории¹³. Это верно лишь в той части, которая охватывает поле неравнозначной конкуренции истории как область научного познания и исторической политики, направленную к выборочности исторических событий и последующей их индоктринации. Очевидно, что, начиная с 2000-х гг., «территория» публичной истории значительно сократилась в связи с резкой актуализацией вопросов исторической памяти, ставшей областью государственного регулирования, а публичная сфера стала конструироваться в авторитарной системе координат. По констатации А.И. Миллера, если публичной истории необходимо пространство для диалога, то историческая политика, напротив, его уничтожает¹⁴.

Тектонический раскол в научном сообществе имел не только социокультурные, но и поколенческие основания. Процесс огосударствления исторического знания и формализации научной деятельности сообщества историков в конце XX – начале XXI в. в широком программном смысле стал следствием консолидации поколения российских беби-бумеров (1943–1950-е годы рождения). Социокультурная и политическая идентичность данной когорты оформилась в активном участии в государственной деятельности в конце 1990-х – 2000-х гг. и выразилась в тотальном доминировании в научно-образовательной и административно-управленческой сферах. Представители поколенческого сообщества беби-бумеров, реализуя карьерные амбиции в разных областях, в том числе в сфере исторического образования, приняли активное участие в конструировании максимально комфортного для власти образа великой и героической истории России, формировавшейся в условиях форсированной модернизации и враждебного внешнего окружения, который оказался востребован и обществом традиции (ресентимента), вызвав отклик у значительной части последующих поколений историков¹⁵.

Активное вмешательство государства в сферу прочтения и интерпретации прошлого «сломали» позитивные тенденции в методологическом обновлении исторического знания, наметившиеся в конце XX в., и привели к дальнейшему расслоению научного сообщества и ползучему процессу позитивистского «ренессанса» в российской историографии. Это косвенно подтверждается обширным корпусом диссертационных исследований, в которых превалирует описательно-повествовательный подход, а заявления авторов об инструментальной новизне и внедрении исследовательских практик эпохи «поворотов» носят по преимуществу декларативный характер. Становится очевидным и то, что усиливающийся разлом в сообществе историков является объективным препятствием для конструктивной просветительской деятельности историков в публичном пространстве, поскольку мобилизация только лояльных к власти сегментов научно-образовательной корпорации в публичную сферу репрезентации исторических знаний, во-первых, исключает любую диалогичность и свободу интерпретации исторической реальности, а во-вторых, порождает тенденцию к упрощению и выхолащиванию исследовательских практик, вошедших в арсенал отечественных исследователей на рубеже XX–XXI вв. Использование исторических и историко-краеведческих сюжетов в утилитарных целях конструирования исключительно позитивного образа прошлого страны, отдельных ее регионов и региональной идентичности как сугубо политической способствует формированию популистского режима восприятия прошлого, в том числе локально-регионального, как торжества имперского чувства и национальной исключительности.

¹³ Степанов Б. «Мы переживаем всплеск массового интереса к краеведению, в том числе у разных молодежных групп» [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/155313-boris-stepanov-o-fenomene-rossiyskogo-kraevedeniya> (дата обращения: 22.05.2024).

¹⁴ Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI в. М., 2012. С. 23.

¹⁵ Чуркин М.К. Научное сообщество российских историков в начале XXI века: обновление или позитивистский ренессанс? // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: мат-лы V Всерос. науч. конф. (Омск, 16 ноября 2023 г.). Омск, 2023. С. 36.

В целом специфика репрезентации историко-краеведческих знаний в России и на региональном уровне конца XX – начала XXI в. атмосферно и содержательно определяется авторитарным форматом публичной сферы, в рамках которой деятельность ее акторов – институтов наследия и научно-образовательного сообщества – разворачивается в двух сценарных вариантах: «внезаходимости» и выпадении из социальной реальности с четким обозначением нейтральной либо незаинтересованной позиции или равнении на политическую ситуацию и элиты, использующие знания и их носителей в идеологических целях.

Литература

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 6–21.
- Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI в. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
- Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 108–118.
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
- Чуркин М.К. Научное сообщество российских историков в начале XXI века: обновление или позитивистский ренессанс? // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы V Всерос. науч. конф. (Омск, 16 ноября 2023 г.). Омск: ОмГПУ, 2023. С. 24–36.
- Шола Т. Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов. Тула: Ясная Поляна, 2013. 360 с.
- Hasmath R. Дискурс, дискуссия и различия в авторитарной публичной сфере (Discourse, Deliberation and Difference in an Authoritarian Public Sphere) [Электронный ресурс] // Journal of Deliberative Democracy. 2023. № 19 (1). С. 1–10. URL: <https://ssrn.com/abstract=4494902> (дата обращения: 20.05.2024).

References

- Arendt, H. (1996). *Istoki totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow, CentrKom. 672 p.
- Churkin, M.K. (2023). Nauchnoe soobshchestvo rossiyskih istorikov v nachale XXI veka: obnovenie ili pozitivistskiy renessans? [The Scientific Community of Russian Historians at the Beginning of the 21st Century: Renewal or Positivist Renaissance?]. In *Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu: Materialy V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Omsk, 16 noyabrya 2023 goda)*. Omsk, OmGPU, pp. 24–36.
- Ginzburg, K. (2000). *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* [Cheese and Worms. A Picture of the World of one Miller Who Lived in the 16th Century]. Moscow, ROSSPEN. 272 p.
- Hasmath, R. (2023). Diskurs, diskussiya i razlichiya v avtoritarnoy publichnoy sfere [Discourse, Deliberation and Difference in an Authoritarian Public Sphere]. In *Journal of Deliberative Democracy*. No. 19 (1), pp. 1–10. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=4494902> (accessed 20.05.2024).
- Khabermas, Y. (2016). *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva* [Structural Change in the Public Sphere. Research on the Category of Bourgeois Society]. Moscow, Ves' mir. 344 p.
- Malinova, O.Y. (2007). Ideologicheskiy plyuralizm i transformatsiya publichnoy sfery v postsovetskoy Rossii [Ideological Pluralism and Transformation of the Public Sphere in Post-Soviet Russia]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 6–21.

Miller, A.I. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope [Historical Politics in Eastern Europe]. In *Istoricheskaya politika v XXI v.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–32.

Pinaeva, D.A. (2017). “Pomni: nuzhno mnogo znat’, chtoby strane poleznym stat’!”: o nekotorykh problemakh populyarizatsii nauki v SSSR (na primere deyatel’nosti Vsesoyuznogo Obshchestva “Znanie”) [“Remember: You Need to Know a Lot in Order to Become Useful to the Country!”: About Some Problems of Popularizing Science in the USSR (On the Example of the Activities of the All-Union Society “Knowledge”)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 420, pp. 108–118.

Shola, T. (2013). *Vechnost’ zdes’ bol’she ne zhivet. Tolkovyy slovar’ muzeynykh grekhov* [Eternity No Longer Lives Here. Explanatory Dictionary of Museum Sins]. Tula, Yasnaya Polyana. 360 p.

В.И. Голдин*

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ИСТОРИКОВ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-10
УДК 94(470)"1918/1922"(045)

Выходные данные для цитирования:
Голдин В.И. Взаимоотношения власти и историков в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 125–138. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-10.pdf>

V.I. Goldin*

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE AUTHORITIES
AND HISTORIANS IN THE CONTEXT
OF THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY
ABOUT THE CIVIL WAR IN RUSSIA**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-10

How to cite:
Goldin V.I. The Relationship Between the Authorities and Historians in the Context of the Formation of Historical Memory about the Civil War in Russia // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 125–138.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-10.pdf>]

Abstract. The article contains an analysis of the relationship between government representatives and historians in the process of formation of the historical memory about Civil War in Russia in Soviet and post-Soviet period. The author defines the concept of “historical memory” and the relationship between the concepts of “history” and “memory”. The main stages of the relationship between the authorities and historians coinciding in principal with the periodization of the Civil War in Russia are identified and characterized. The article characterizes the main stages of these relationships and their impact on historical literature and formation of historical memory of the Russian Civil War. The author cites such major historical projects as “The History of the Civil War in the USSR” and Volume 12 of the 20-volume edition “History of Russia”, which is currently in the process of preparation for publication, as examples of interaction between the authorities and historians. It is shown, how the situation in the country, international and domestic politics influenced and affects the relationship between the government and historians in general and in the context of the formation of historical memory about the Civil War in Russia. The article indicates how the general ideas about it, its concept and historical memory relate. The historical memory of the Soviet Civil War, attempts and processes of its transformation in the post-Soviet period are characterized. The complex and transitional current state of the historical memory of the Civil War in Russian society, its differing perception by different social groups, is indicated. The author notes that the correct perception of the historical memory of the Russian Civil War, the extraction of historical lessons and the prevention of similar dramas and tragedies in the future largely depend on the interaction and mutual understanding of the authorities and the historical community, the creation of generalizing scientific publications and special manuals for school teachers and university professors.

Keywords: Civil War in Russia, authorities, historians, relationships, historical memory.

* **Владислав Иванович Голдин**, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru
Vladislav Ivanovich Goldin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

The article has been received by the editor on 24.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья содержит анализ взаимоотношений представителей власти и историков в процессе формирования исторической памяти о Гражданской войне в России в советский и постсоветский периоды. Дается определение исторической памяти и взаимоотношений понятий «история» и «память». Выявлены и охарактеризованы основные этапы взаимоотношений между властями и историками, в принципе совпадающие с периодизацией историографии истории российской Гражданской войны. Охарактеризованы особенности характера этих отношений и их влияние на историческую литературу и формирование исторической памяти о российской Гражданской войне. Приведены примеры взаимодействия представителей власти и историков в ходе реализации наиболее крупных исторических проектов, таких как «История гражданской войны в СССР» и находящийся сегодня в процессе подготовки к публикации 12-й том двадцатитомной «Истории России». Показано, как обстановка в стране, международная и внутренняя политика влияли и влияют на характер взаимоотношений власти и историков в целом и в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России. Указывается, как соотносятся общие представления об этом периоде, его концептуальное осмысление и историческая память. Охарактеризована историческая память о Гражданской войне советского времени, попытки и процессы трансформации ее в постсоветский период. Указывается сложное и переходное современное состояние исторической памяти о Гражданской войне в обществе, ее различное восприятие разными социальными группами. Автор отмечает, что от взаимодействия и взаимопонимания власти и исторического сообщества, создания обобщающих научных изданий и специальных пособий для учителей школ и преподавателей вузов во многом зависит корректное восприятие исторической памяти о российской Гражданской войне, извлечение исторических уроков и недопущение подобных драм и трагедий в будущем.

Ключевые слова: Гражданская война в России, власти, историки, взаимоотношения, историческая память.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024 г.

Тема исторической памяти оказалась в последние годы в центре общественных и профессиональных исторических дискуссий. Отражением их остроты стал вошедший в оборот термин «войны памяти». Без памяти исторической и культурной трудно представить себе общество, память лежит в основе человеческой культуры. А без исторической памяти получается общество Иванов, не помнящих родства.

История – это память культуры, и она, как справедливо заметил Ю.М. Лотман, «не только след прошлого, но и активный механизм настоящего», во многом создающий основы культурного генотипа нации¹. Под исторической памятью понимается совокупность представлений об историческом прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты. Историческая память – это способ сохранения и современной трансляции прошлого, феномен общественного сознания.

История и память – две формы обращения с прошлым, дополняющие друг друга и оказывающие взаимовлияние. Но и на ту и на другую оказывают, в свою очередь, влияние политика и политики, власть предрешающие. История как наука взыскательно и критически оценивает содержание и конструкции исторической памяти, которые всегда подвержены

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 384.

политической конъюнктуре, зависят от государственной политики памяти и во многом обусловлены потребностями современности. Но и сама история как наука подвержена воздействию политики и власти. Роль историков в формировании исторической памяти двойственная. Им принадлежит приоритетное право сохранения и трактовки прошлого, но благодаря им это прошлое постоянно меняется, переосмысливается. Историки сложным образом взаимодействуют с представителями власти в контексте формирования исторической памяти, ибо, с одной стороны, не могут не прислушиваться к ним, так как те формируют основы мемориальной политики и проводят ее в жизнь, но, с другой стороны, качество политики памяти во многом зависит от того, в какой мере представители власти знают и понимают достижения исторической науки по конкретным проблемам.

Важной и актуальной темой является историческая память о Гражданской войне в России и усвоение ее исторических уроков. Массовое общественное сознание о Гражданской войне и есть по существу содержание исторической памяти, которая, в свою очередь, подразделяется на коллективную, опирающуюся на социальные контексты, и недолговечную индивидуальную память. Проблематика исторической памяти о Гражданской войне находилась в центре внимания и обсуждения на целом ряде состоявшихся в канун ее столетия научных конференций², а также освещается в работах отдельных исследователей³. Периодически высказываются на эту тему и современные политики и представители власти⁴.

Какова сегодня и какой будет эта память о Гражданской войне и политика памяти российского государства в отношении нее – все это предмет пристального внимания и изучения зарубежных коллег, историков и политологов⁵, которые проявляют особый интерес к таким темам, как история интервенции и отношения России с Западом, антибольшевистское и Белое движение, национальная проблематика, трактовки патриотизма в Гражданской войне, ибо все это тесно и многими нитями связано с современностью.

Цель статьи – анализ взаимоотношений власти и политиков, с одной стороны, и историков, с другой, в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в советский и постсоветский периоды.

В советский период власти занимали, исключая лишь годы перестройки, четкую и определенную позицию в отношении восприятия и трактовки российской Гражданской войны и формирования исторической памяти о ней и достаточно жестко контролировали и направляли деятельность историков, занимавшихся этой проблематикой. Дело в том, что победа большевиков и советской власти в Гражданской войне была тем историческим фундаментом, который легитимировал эту власть. Это определяло и соответствующие действия властей, направленность их политики памяти об этой войне, а также характер изучения и оценки историков, во многом исходя из известного тезиса М.Н. Покровского о том, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Иначе говоря, историки

² Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. мат-лов конф. М., 2016; Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты 1917–1920: память, осмысление, примирение: мат-лы конф. Симферополь, 2020; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов конф. М., 2020.

³ Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008; Гришанин П.И. Белое движение и Гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–173; Гришанин П.И. Историческая память как инновационное направление отечественной исторической науки // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд через десятилетие. Самара, 2009. С. 484–491; Голдин В.И. Гражданская война в России: история и память // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 113–120.

⁴ Исаев А. Память о Гражданской войне // Российская газета. 2019. 24 июля; Мединский В.Р. Обращение к читателям // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сборник материалов. М., 2020. С. 3.

⁵ Laruelle M., Karnysheva M. Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites. London; N.Y., 2021; Laruelle M., Karnysheva M. Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today. London; N.Y., 2021; etc.

обязаны были следовать в кильватере партийно-государственной политики и официальных трактовок Гражданской войны.

Вместе с тем в рамках советской эпохи в развитии отношений представителей власти и историков можно выделить ряд периодов, которые, в принципе, совпадают с периодизацией историографии истории Гражданской войны в России. Первый период охватывал саму Гражданскую войну и 1920-е гг. В основе взглядов лидеров большевиков, руководителей советской власти и публикаций первого поколения исследователей, в большинстве своем участников той войны, среди которых было немало и представителей власти, лежала, во-первых, тесная и органичная взаимосвязь Октябрьской революции и Гражданской войны, и последняя трактовалась как защита революции и продолжение ее военными средствами, справедливая борьба народных масс против эксплуататоров за светлые идеалы справедливого социалистического общества. В основе формирующейся концепции Гражданской войны лежал классовый подход, история борьбы классов.

Лидеры большевиков – В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и др. – формулировали определяющие трактовки российской Гражданской войны, давали толкования ее ключевых проблем. Ленинские суждения о ней в качестве «ленинской концепции Гражданской войны» становятся в дальнейшем основополагающими для нескольких поколений советских историков, а сам Ленин будет именоваться в советской историографии первым историком этой войны. Его оценки и суждения играли ключевую роль в формировании исторической памяти о российской Гражданской войне как героической эпохе молодой Советской республики.

В 1920 г. была создана Комиссия по истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарт) (переведенная из первоначального ведения Наркомпроса в ведение ЦК партии большевиков) и Истпарты на местах. Их главной задачей были сбор и публикация источников по истории Гражданской войны как продолжения Октябрьской революции, в первую очередь ее участников из советского лагеря, хотя в опубликованных материалах присутствовали и оценки противоположной стороны, интервенции и внутренней контрреволюции. Через систему Истпартов, осуществляемые ими публикации и проводимые мероприятия во многом формировалась и историческая память о Гражданской войне. На это была направлена и деятельность военных структур – Военно-исторической комиссии, созданной в 1918 г. при Всероссийском главном штабе и перешедшей в 1921 г. в состав вновь образованного Штаба РККА, Военно-научного общества, окончательно оформившегося при академии Генштаба в 1921 г., реорганизованного в том же году в Военную академию РККА, и др.

Именно военными в 1920-е гг. были опубликованы двухтомник и два трехтомных издания о Гражданской войне⁶, а военная и политическая история, в первую очередь советского лагеря и Красной армии, определяла направленность исследований этой тематики в тот период. История Гражданской войны писалась как история победителей, и именно этот героический образ той войны, образ Победы, внедрялся в массовое сознание и историческую память общества.

Борьба за власть в партийно-государственном руководстве СССР в 1920-е гг., несомненно, накладывала свой отпечаток на освещение Гражданской войны, ибо после издания в 1923–1926 гг. серии основополагающих трудов председателя РВСР и наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого его имя в дальнейшем на десятилетия было вычеркнуто из летописи той войны, а в историческую память внедрялся его образ как двурушника и предателя.

Основное внимание уделялось изучению советского лагеря, но в 1920-е – самом начале 1930-х гг. публиковались и работы первого поколения советских историков о лагере контрреволюции, носившие, как правило, критически-обличительный характер, доказывавшие ее «антинародную деятельность», историческую обреченность и зависимость от зарубежных держав и интервентов. В опубликованных в 1920-е гг. исследованиях закладывается характерная для всей советской эпохи традиция именно с интервенцией

⁶ Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии: в 3 т. М., 1923–1924; Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М.; Л., 1925–1926; Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928–1930.

связывать развязывание, длительность и ожесточенность Гражданской войны в России. Эта идея внедрялась и в историческую память о войне. Активно публиковались в 1920-е гг. работы советских политиков и историков, обличавшие «контрреволюционную» деятельность так называемых мелкобуржуазных партий в Гражданской войне, в первую очередь эсеров и меньшевиков, что сопровождало их репрессивно-судебное преследование. Они трактовались как соратники интервентов и белогвардейцев.

Укоренению отрицательного образа противников большевиков в исторической памяти способствовало издание серии книг под названием «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». Подобные издания предварялись вступительными статьями советских политиков и историков и соответствующими комментариями в их текстах.

Время с 1930-х по начало 1950-х гг. – это второй период в историографии Гражданской войны и формировании исторической памяти о ней. Он характеризовался особым вниманием руководства страны к указанной тематике и формированию исторической памяти о ней, что предопределяло и характер отношений власти и историков. Это воплотилось, прежде всего, в проекте издания «Истории Гражданской войны» (ИГВ), инициированном А.М. Горьким в 1929 г., замысел которого был поддержан И.В. Сталиным.

Обосновывая необходимость подготовки и издания ИГВ, Горький в письме к Сталину, в частности, подчеркивал, что это нужно «для дела политического, т.е. социалистического воспитания крестьянства». Он видел в этом издании две главные личности: «Пролетарий, который боролся за социализм, и зажиточный мужичок, который дрался за свое хозяйство и все еще продолжает драться за священную частную собственность»⁷. Излагая свой замысел, Горький связывал предмет исследования с современностью. В письме историку М.Н. Покровскому он подчеркивал, что «мы все еще живем в состоянии гражданской войны», и предлагал довести издание «вплоть до наших дней», ибо «гражданская война переносится в ту “мирную” действительность, в которой мы существуем сегодня»⁸.

Более развернутую характеристику целевого предназначения издания ИГВ и его роли в формировании исторической памяти о Гражданской войне Горький давал в письме членам редколлегии ИГВ летом 1930 г.: «Нужно сделать книгу, которая, преследуя цель социалистического воспитания массы, была бы интересна и увлекательна для малограмотного взрослого и для юноши. <...> Это – первый и крайне ответственный опыт: дать массе рабочих и крестьян яркую, широкую и точную картину недавнего прошлого, в событиях которого непосредственно участвовали десятки тысяч будущих читателей этой книги. Со всей прямотой и суровостью подлинной истории нужно показать массе ее роль в “гражданской войне” (подчеркнуто в тексте. – В. Г.) – показать ее героизм, не скрывая, однако, и фактов самопредательства, переходов с красного фронта на белый и т.п., – фактов, которые следует трактовать как явления массового самоубийства и объяснять как уродливое недоразвитие классового самосознания. <...> С достаточной ясностью нужно показать крестьянству все те случаи, когда оно, предавая рабочих Красной армии, само уничтожало себя, шло против своих интересов». Горький указывал и на необходимость «пользоваться воспоминаниями белогвардейских генералов о погромах, которые они устраивали в деревнях и городах...»⁹.

И.В. Сталин считал необходимой реализацию издания ИГВ, указывая, что историческая правда об этой войне «вносит дифференциацию и раскол даже в самые замкнутые учреждения и организации»¹⁰. Вероятно, Гражданская война ассоциировалась лидером большевиков с переживаемым периодом великих трансформаций и объявленного «наступления социализма по всему фронту», и уже в самом этом лозунге звучал военный лейтмотив.

Любопытен для анализа взаимоотношений власти и историков процесс формирования основных органов для работы над ИГВ. 25 августа 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об издании ИГВ и утвердило его редколлегию в составе шести человек, включая

⁷ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории. М., 2017. С. 6, 493, 496.

⁸ Там же. С. 496–497.

⁹ Там же. С. 501–502.

¹⁰ Там же. С. 5.

А.М. Горького, наркомов К.Е. Ворошилова и А.С. Бубнова, заместителя наркома просвещения, академика АН СССР, видного советского историка М.Н. Покровского, а также военных – начальника Политуправления РККА Я.Б. Гамарника и начальника и комиссара Академии РККА им. М.В. Фрунзе Р.П. Эйдемана. Секретариату ЦК поручалось пополнить редколлегию двумя молодыми историками-марксистами. В июле 1931 г. были приняты два постановления Политбюро ЦК об издании ИГВ, в том числе о создании Главной редакции ИГВ, включая Горького, четырех членов Политбюро во главе со Сталиным и двух членов ЦК. Кроме того, была создана историческая, но по сути своей политическая редакция, ибо в нее входили члены ЦК и ЦКК и только два историка – многоопытный М.Н. Покровский и фактически начинающий работу на историческом поприще Р.С. Ахундов (перешедшей в Институт истории партии с должности второго секретаря ЦК КП(б) Азербайджана), а также художественная редакция¹¹.

Таким образом, это планируемое к подготовке издание ИГВ стало не только объектом политики и прямого контроля власти, но и самой политикой. 16 ноября постановлением Главной редколлегии ИГВ был образован секретариат Главной редакции в составе пяти человек, среди которых был лишь один историк и проверенный член партии большевиков, комиссар конного корпуса в годы Гражданской войны – И.И. Минц, ответственный за историческую часть издания¹². Он стал, по сути, ключевой фигурой и мотором в подготовке ИГВ.

Параллельно с работой над этим проектом по инициативе А.М. Горького развернулся сбор воспоминаний по истории Гражданской войны, в процессе которого им подготовлено отредактированное И.В. Сталиным обращение под названием «Участникам гражданской войны» (из варианта наименования Горького было убрано «и свидетелям»), где, в частности, говорилось: «Документов много, но все-таки их недостаточно для полного и правдивого освещения всех событий 17–21 годов. <...> Нужно, чтобы люди, которые помнят события тех лет, записывали и присылали в редакцию “Истории” свои записки». Была разработана «Инструкция по собиранию и обработке материалов по “Истории гражданской войны”, в которой детализировались как способы создания источников (устных и письменных воспоминаний), так и способы работы архивов и музеев». Эта инициатива нашла живой отклик, и в 1931–1932 гг. в секретариат Главной редакции ИГВ поступило около 1 500 рукописей, и в результате в подготовленном им обзоре прозвучала оценка: «Массы творят и пишут историю – можно сказать уже сейчас по поводу работы над “Историей гражданской войны”»¹³.

В письме Горького Сталину 12 ноября 1931 г. описывался замысел и технология создания ИГВ: «Каждый том представляет собой связанное – исторически и хронологически точное – и популярное изложение хода событий вооруженной классово-партийной борьбы по областям; материалом для каждого тома служат: воспоминания и мемуары участников, проверенные и обработанные военными историками и историками-марксистами, а также – в целях особенной яркости и популярности – отшлифованные литераторами-художниками. Это и должна быть “история” в подлинном смысле понятия. Все же, что – по тем или иным причинам, например, по причине художественной цельности, по объему, по форме: романы, пьесы, стихи, рассказы – не пойдет или может нарушить связность исторического изложения, – все это издается в форме сборников, альманахов, как добавление к истории, как отдельная серия “Материалов по истории гражданской войны”». 22 мая 1932 г. было принято постановление Главной редакции «Истории гражданской войны», в соответствии с которым параллельно с самой ИГВ было решено издавать «Сборники материалов по истории гражданской войны» с отдельными сборниками по периодам применительно к плану «Истории» в виде приложений к основным томам «Истории». В этих сборниках должны были помещаться как рукописи участников российской Гражданской войны и воспоминания,

¹¹ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.)... С. 8–9, 509–510.

¹² Там же. С. 9–10.

¹³ Там же. С. 12.

так и литературные очерки. Для этого к участию в сборниках планировалось привлекать наряду с участниками войны и квалифицированных литераторов¹⁴.

Таким образом, проект создания ИГВ предполагал руководство и контроль со стороны органов власти и участие в его реализации политиков, историков, литераторов и участников Гражданской войны. При этом историки были представлены в основных структурах этого проекта очень скромно, а вся организационная и содержательная работа над ним осуществлялась или находилась под пристальным надзором властей. Адресатом издания выступало все советское общество, а целью – формирование в нем должной исторической памяти о российской Гражданской войне.

Но данный проект был реализован далеко не в полной мере. Вместо планировавшегося выпуска в течение нескольких лет 16-томной ИГВ в довоенный период был опубликован в 1935 г. лишь первый том под названием «Подготовка пролетарской революции», охватывавший период Первой мировой войны и до кануна Октябрьской революции. Его вряд ли можно назвать научным, но скорее политико-идеологическим изданием. Второй том ИГВ под названием «Великая пролетарская революция (октябрь – ноябрь 1917 года)» был издан в 1947 г. с указанием почти той же редакции во главе со Сталиным (но без репрессированного А.С. Бубнова и застрелившегося Я.Б. Гамарника). Последующие тома ИГВ выходили после смерти Сталина, в 1957–1960 гг., и уже без указания представителей власти в составе редакции. В целом же издание завершилось в 1960 г. выпуском пяти томов. На это повлиял целый комплекс причин: смерть Горького в 1936 г., Великая Отечественная война, массовые репрессии второй половины 1930-х гг., а затем ряд кампаний и чисток конца 1940-х – начала 1950-х гг., когда пострадали и сами участники проекта ИГВ.

При всей значимости проекта ИГВ положение историков и их взаимоотношения с органами власти, в том числе в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне, отличались сложным характером. Это обуславливалось оформлением культа личности Сталина, ограничением творческой свободы исследователей, возможностей работы с архивными источниками, репрессиями, в которых погибли многие видные советские военачальники, политики и историки. Было прекращено изучение лагеря контрреволюции в Гражданской войне под влиянием слов И.В. Сталина, что «врага надо не изучать, а бить». К тому же внутренней контрреволюции, как правило, отводилась роль несамостоятельного и зависимого подручного интервентов, а белогвардейские режимы часто характеризовались как марионеточные, и именно в таком виде белогвардейцы входили в историческую память общества.

Изданный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» сформулировал жесткие маркеры-стереотипы для трактовки истории Гражданской войны и содержания исторической памяти о ней, выходить за которые историкам было опасно. Сталин трактовался как главный сподвижник Ленина в Гражданской войне, а узкая плеяда его ближайших сподвижников и военачальников (К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и др.) оценивалась как сыгравшая важнейшую роль в достижении победы. Кроме того, превозносились имена ряда советских военачальников, погибших в период Гражданской войны (В.И. Чапаев, Н.А. Щорс и др.) или ушедших из жизни в 1920-е гг. (М.В. Фрунзе, Г.И. Котовский и др.), как уже не представлявших опасности для власти, которая нередко виделась ею со стороны военных. Их имена и деятельность увековечивались и становились составной частью исторической памяти о Гражданской войне как о героическом периоде.

Важным в деле формирования исторической памяти о Гражданской войне в 1930-е гг. стало осмысление ее опыта и уроков для подготовки к считавшейся неизбежной новой войне с мировым империализмом. Изучение истории той войны призвано было способствовать воспитанию социалистического патриотизма, милитаризации общественного сознания, культуры, развитию военно-патриотической и оборонной работы.

В годы Великой Отечественной войны историческая память о Гражданской войне, воспроизводимая представителями власти и историками, была призвана вдохновлять

¹⁴ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.)... С. 11, 13.

на победу, а после ее окончания способствовать возрождению страны. Мотив единого военного лагеря, единства власти и народа был одной из доминант и в послевоенный период, в условиях «холодной войны», когда в зависимости от внешних угроз менялся и образ главного организатора интервенции в годы Гражданской войны. Если в 1920–1930-е гг. эта роль отводилась обычно Англии и Франции, то после окончания Второй мировой войны – США.

Взаимоотношения политиков и историков носили характер ведущих и ведомых. Деятельность историков в деле формирования исторической памяти о Гражданской войне определялась партийно-государственными решениями, которые принимались безоговорочно, тем более что в послевоенный период в ряды исторической науки влились люди, как правило, прошедшие военную школу Великой Отечественной войны, и они составляли ядро исследователей на протяжении нескольких десятилетий.

Следующий период в историографии Гражданской войны и в формировании исторической памяти о ней охватывает время после смерти Сталина и до середины 1980-х гг. В эти годы расширялась повестка исторических исследований о Гражданской войне и интервенции, было реализовано немало крупных научных исторических проектов, опубликовано большое количество документальных изданий. В результате усложнялся образ Гражданской войны, становился очевиден весь ее драматизм и трагичность, но ответственность за потери и жертвы возлагалась на интервентов и внутреннюю контрреволюцию. Несмотря на возвращение в историографию истории небольшевистских партий и внутренней контрреволюции, публикуемые издания сопровождалась терминами «банкротство», «крах» и т.п., т.е. лейтмотив исторической обреченности противников большевиков в Гражданской войне оставался неизменным. Продолжил господствовать героический миф о Гражданской войне и рассмотрение ее с позиций победителей.

Одной из непростых тем являлась так называемая «ленинская концепция» Гражданской войны. Партийные цензоры строго отслеживали выступления и публикации историков на эту тему. Но сложность заключалась в том, что Ленин был все-таки не историком Гражданской войны, а современником и политиком, который высказывал по ходу ее протекания много разных суждений и оценок и не имел возможности целостно ее оценить по окончании. Тем не менее именно ленинские работы и документы призваны были составить сердцевину интеллектуального понимания Гражданской войны в России и основу исторической памяти о ней. Ленинский тезис о том, что революция лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться, рассматривался как закономерность социалистического развития, с одной стороны, и как ключевой элемент исторической памяти о Гражданской войне и воспитания патриотических начал, готовности защищать Родину, с другой.

Подготовка основополагающих изданий о Гражданской войне в России находилась под неусыпным контролем власти. Свообразными регуляторами от лица власти в отношении историков и их деятельности, в том числе в контексте формирования исторической памяти, были ограничения в доступе к источникам и прежде всего к архивным материалам, когда обширные пласты документов и литературы содержались в спецхранах архивов и библиотек, оставаясь недоступными для исследователей. Доступ в архивы разрешался лишь при наличии официальных отношений вузов и научных учреждений и нередко только с третьей формой допуска к секретности, а в партийные архивы – только коммунистам. «Ножницы» партархивных цензоров неумолимо вырезали все то, что казалось им подозрительным, из тетрадей исследователей. Доступ к материалам противников большевиков, белогвардейцев, эмигрантов, Пражского архива, именованного специальной коллекцией Центрального архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), был возможен только для узкого круга избранных и на основе личных знакомств с руководством архивного ведомства и ЦГАОР. Кроме того, существовала цензура в научной печати, что препятствовало появлению в ней нетрадиционных взглядов и суждений. Это обуславливало сохранение неизменных традиционных стереотипов исторической памяти о Гражданской войне.

Определенная либерализация в отношении описания Гражданской войны в ряде литературных произведений и кинофильмов, где воспроизводился весь трагизм эпохи,

массовый террор и появлялись более сложные и объективные образы противников большевиков, белогвардейцев, была не характерна для исторических исследований.

Качественно новый период в историографии Гражданской войны и в формировании исторической памяти о ней в контексте взаимоотношений власти и историков наступил в условиях советской перестройки. Со стороны нового партийного руководства прозвучал призыв к историкам об освобождении истории, в частности Октябрьской революции и Гражданской войны, от сталинских догматов и возрождении их «ленинской концепции», но в дальнейшем это обернулось их деленинизацией. В условиях декларируемой «гласности» и «демократизации» в обществе развернулась идейно-политическая борьба, в ходе которой размывались так называемые «социалистические ценности». Острота дискуссий об истории Октябрьской революции и Гражданской войны объяснялась тем, что их результаты и существовавшие трактовки «закономерности» победы большевиков обуславливали легитимность советского политического режима, который стремились разрушить оппоненты и противники.

В ЦК было принято решение о написании новой «Истории КПСС», и для ее подготовки привлечена группа видных советских историков, в том числе занимавшихся Гражданской войной, – Ю.А. Полякова и Г.З. Иоффе. Последний опубликовал недавно статью с рассказом о том, как эта группа, курируемая «идеологом перестройки» секретарем ЦК КПСС А.Н. Яковлевым, позднее получившим наименование «архитектора разрушения СССР», пыталась написать такую историю и что происходило с исторической наукой в те годы¹⁵. Отмена 5-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС, раскол и деградация советских властных структур привели к тому, что они были уже не в состоянии контролировать историческую науку и историческую память общества.

Радикально настроенные публицисты развернули атаку на сложившуюся концепцию Гражданской войны и военной интервенции, привычные трактовки многих проблем. Поднимался широкий круг вопросов, не находивших ответа или адекватного объяснения в исторической литературе, не изучавшихся раньше по различным причинам или считавшихся запретными для исследования. Их стали именовать «белыми пятнами» истории. В их числе оказалась история политических партий, антибольшевистского и «зеленого» движения, судьбы их лидеров и репрессированных деятелей партии большевиков и военачальников, «рассказывание», «красный террор» и деятельность ВЧК, «цена» и последствия Гражданской войны, ее взаимосвязь со сталинскими репрессиями и др. Таким образом, старые традиционные представления о Гражданской войне с ее героическим мифом стремительно размывались, заменяясь трактовкой ее как братоубийства, а в историческую память о ней стремительно врывались иные образы, персоналии и проблемы. На возникавшие вопросы пытались отвечать профессиональные историки, воссоздавая неизмеримо более сложную картину Гражданской войны и корректируя старые стереотипы исторической памяти о ней, хотя единства мнений в научно-исследовательском сообществе уже не было.

Но в это сложное время происходили и некоторые позитивные для историков, в том числе исследователей Гражданской войны, процессы. Во-первых, рухнула система партийно-государственного контроля за их деятельностью и цензуры. Во-вторых, начался процесс рассекретивания обширных фондов источников и прежде всего архивных материалов, хотя он затянулся на годы и продолжался уже в постсоветский период. Например, еще в 1988–1989 гг. для работы с белогвардейскими документами Центрального государственного архива Советской армии надо было получать разрешение в Генштабе. Приоткрылись двери спецхранов, в том числе ЦГАОР, где в финале советской эпохи появилась возможность работать с белогвардейскими источниками и материалами Пражского архива, что создавало возможности для изучения антибольшевистского и Белого движения.

Постсоветский период характеризовался кардинальными переменами во взаимоотношениях власти и историков в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне и ее трактовках. Лейтмотивом новой власти стал антикоммунизм, и новая

¹⁵ Иоффе Г.З. Перестройка. Финал советской истории: Разрозненные заметки о людях и их делах // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР: сб. докл. СПб., 2022. С. 329–358.

политическая конъюнктура привела к кардинальным изменениям в повестке исторических исследований, где в центре внимания оказались противники большевиков, что нередко сопровождалось их идеализацией в публикуемых работах. В связи с этим предпринимались попытки просто заменить советскую историческую память о ней антисоветской.

Научный совет по истории Октябрьской революции АН СССР, занимавшийся и изучением Гражданской войны, координацией исследований по этой тематике, в постсоветский период дважды реорганизовывался, сменив двух руководителей, фактически утратив работоспособность после смерти академика П.В. Волобуева в 1997 г., и прекратил существование в 2019 г. Формально это делалось решениями РАН, но происходило не без влияния властных структур.

Симпатии правящей элиты России к антибольшевистскому движению воплощались в активных контактах с эмиграцией, перезахоронениях в 2000-х гг. в России останков генералов А.И. Деникина и В.О. Каппеля, а также философа И.А. Ильина, что сопровождалось панихидой и воинскими почестями в присутствии представителей власти и общественности. Началась установка мемориальных досок и даже памятников белогвардейским генералам. Вместе с тем власти не пошли на то, чтобы объявить себя наследниками антибольшевиков и белогвардейцев, что означало бы углубление раскола в стране и обществе, и без того находившихся к началу XXI в. в глубоком кризисе. Вместо этого стали активно декларироваться идеи национального примирения. Но сложности процесса примирения демонстрировали страстные дискуссии в обществе в период событий столетия Гражданской войны, вокруг мемориального комплекса в Крыму, открытого, наконец, лишь в 2021 г., и др.

В исторической науке на смену героическому мифу о Гражданской войне пришла трактовка ее как драмы и трагедии страны и общества. Этот лейтмотив восприятия характерен и для власти. Сама концепция российской Гражданской войны кардинально изменилась, о чем приходилось неоднократно писать, рассматривая ее как комплекс или серию войн, конфликтов и противоборств в разных сферах, борьбу центробежных и центростремительных сил, противостояние иностранному вмешательству в вооруженной и иных формах и борьбу за суверенитет и независимое существование, указывая на ее глобальный и тотальный характер и т.д.¹⁶ Концепция и уникальный феномен той войны раскрыты в 12-м томе издания «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной «Истории России», готовящимся к публикации в издательстве «Наука»¹⁷.

К сожалению, в российском обществе она воспринимается по-прежнему в упрощенном виде, лишь как противоборство красных и белых, при этом до недавнего времени нередко забывалось даже об иностранной военной интервенции. Хочется надеяться, что публикация обобщающих современных исследований будет способствовать более глубокому пониманию феномена Гражданской войны в России и ее исторических уроков.

Пока же разные и противоречивые образы Гражданской войны, создаваемые политиками и СМИ, порождают большие проблемы для ее понимания в обществе, изучения в рамках исторических курсов в школах и вузах и содержания исторической памяти. Сегодня нередко говорят и пишут о «неизвестной» Гражданской войне.

Взаимоотношения власти и историков в вопросах трактовки Гражданской войны и в контексте формирования исторической памяти о ней сегодня можно определить как диалог равных партнеров. Представители власти не берут на себя разрешение сложных проблем трактовки истории и Гражданской войны в частности, но отдают это право профессиональному историческому сообществу. Этим обусловлены решения Президента и Правительства России 2013 г. о подготовке многотомной академической «Истории России», работа над которой идет под эгидой Института российской истории РАН. Как член Главной редкол-

¹⁶ *Голдин В.И.* Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: Память, осмысление, примирение: мат-лы науч. конф. Симферополь, 2020. С. 7–20; и др.

¹⁷ О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 138–226.

легии и ответственный редактор 12-го тома «Гражданская война в России. 1917–1922» могут утверждать, что вмешательства представителей власти в процесс подготовки и содержание этого издания не происходит.

Учрежденные в стране Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) создают площадки для диалога в виде конференций и «круглых столов» о Гражданской войне и интервенции в России, где выступают представители власти и ученые, размышляя о проблемах исторической памяти. Так, в 2020 г. в Архангельске состоялась международная научная конференция о международной интервенции и Гражданской войне, организованная совместно с РВИО. Со вступительным докладом к участникам обратился председатель РВИО, помощник Президента РФ В.Р. Мединский, опубликовавший обращение к читателям сборника, а с основным докладом выступал автор этих строк¹⁸.

15 марта 2024 г. в Доме РИО в Москве состоялся круглый стол, посвященный истории иностранной военной интервенции в годы Гражданской войны в России (1917–1922). Его проведение связано с потребностью осмысления опыта и уроков Гражданской войны в контексте современных внешних вызовов. После вступительного слова председателя РИО С.Е. Нарышкина прозвучали выступления профессиональных историков, специалистов по этой теме. Было принято предложение президента Российской академии образования О.Ю. Васильевой о подготовке учебного пособия по истории Гражданской войны для школьных учителей истории в связи со сложностью ее преподавания, с одной стороны, и необходимостью формирования адекватной исторической памяти о ней у подрастающего поколения, с другой.

От лица власти в последние годы звучит ряд важных идей, связанных с отношением к истории Гражданской войны, урокам, из нее вытекающим, и исторической памяти о ней. Это потребность национального примирения в обществе в отношении Гражданской войны и преодоления раскола, ощущающегося в нем и сегодня. Это знание и уважение своей национальной истории при всех сложностях и коллизиях, которые в ней встречаются, и недопущение повторения ее драм и трагедий. Это потребность консолидации государства, общества и граждан для противодействия существующим вызовам и рискам для России. Это идея патриотизма, призванная объединить людей, исповедующих разные политические и идеологические взгляды, ради обеспечения безопасности, стабильности и развития страны. Это, наконец, то, что развитие России может быть обеспечено лишь при условии надежной защиты ее суверенитета.

В свою очередь историки, занимающиеся изучением Гражданской войны и интервенции в России, видят свою миссию прежде всего в том, чтобы дать полноценное и объективное знание о ней, объяснить произошедшую драму отечественной истории и предостеречь от ее повторения. Они ставят целью показать на опыте той войны, как начинаются гражданские войны, раскрыть логику их развития и последствия. Важной задачей видится содействие преодолению раскола, вызванного Гражданской войной, и примирению, консолидации общества на основе адекватного восприятия исторической памяти о ней. Наконец, важным историческим уроком, на котором акцентируется внимание общества, можно считать то, что во внутривнутриполитической борьбе не следует прибегать к помощи других государств, которые, вмешиваясь, стремятся к достижению в первую очередь собственных целей и интересов, о чем убедительно свидетельствует опыт иностранной интервенции в годы Гражданской войны в России.

Из вышеизложенного вытекает известная общность интересов власти и историков и потребность их взаимодействия в формировании адекватной исторической памяти о Гражданской войне в России и сплочении государства, общества и граждан посредством осмысления исторических уроков прошлого во имя обеспечения безопасности развития страны.

¹⁸ *Голдин В.И.* Гражданская война в России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. М., 2020. С. 11–25.

Вместе с тем следует признать, что историческая память о Гражданской войне в российском обществе находится сегодня в некоем переходном состоянии, когда в ней присутствуют разные нестыкующиеся элементы. У разных общественных групп есть своя историческая память о той войне. Поэтому от взаимодействия и взаимопонимания власти и исторического сообщества во многом зависит формирование корректной и адекватной исторической памяти о ней, хотя нельзя сбрасывать со счетов и сильное влияние на нее СМИ, блогеров с характерным для большинства из них непрофессионализмом и легковесными трактовками этой сложной темы.

Литература

«История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории / сост. М.С. Зеленов, Д. Брандербергер. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 606 с.

Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябинский Дом печати, 2008. 398 с.

Голдин В.И. Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: Память, осмысление, примирение: мат-лы науч. конф. (Симферополь, 12–15 ноября 2020 г.). Симферополь, 2020. С. 7–20.

Голдин В.И. Гражданская война в России: история и память // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 113–120.

Голдин В.И. Гражданская война в России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. М., 2020. С. 11–25.

Голдин В.И. О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 138–226.

Гражданская война 1918–1921: в 3 т. / под общ ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. М.: Военный вестник, Госиздат, 1928–1930. Т. 1. 373 с.; Т. 2. 418 с.; Т. 3. 560 с.

Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ конф. / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов. М.: Институт Наследия, 2016. 364 с.

Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии: в 3 т. М.: Высший военный редакционный совет, 1923–1924. Т. 1. 543 с.; Т. 2. 226 с.; Т. 3. 160 с.

Гришанин П.И. Белое движение и Гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–173.

Гришанин П.И. Историческая память как инновационное направление отечественной исторической науки // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд через десятилетие: сб. мат-лов науч. конф. Самара, 2009. С. 484–491.

Иоффе Г.З. Перестройка. Финал советской истории: Разрозненные заметки о людях и их делах // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР: сб. докл. междунар. науч. конф. СПб., 2022. С. 329–358.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925–1926.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1996. 447 с.

Мединский В.Р. Обращение к читателям // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. М.: Пятый мир (Бестселлер), 2020. С. 3.

Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. / ред. В.И. Голдин. М.: Пятый мир (Бестселлер), 2020. 368 с.

Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение: мат-лы науч. конф. / отв. ред. В.В. Калашников. Симферополь: ЦМТ, 2020. 256 с.

Laruelle M., Karnysheva M. *Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites*. London; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 168 p.

Laruelle M., Karnysheva M. *Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today*. London; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 168 p.

References

Alisov, D.A., Zakunov, Yu.A. (Eds.). (2016). *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922): istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii "krasnogo" i "belogo" dvizheniya* [Civil War in Russia (1917–1922): Historical Memory and Problems of Memorialization of “Red” and “White” Movement]. Moscow, Institut Naslediya. 364 p.

Bubnov, A.S., Kamenev, S.S., Eydeman, R.P. (Eds.). (1928–1930). *Grazhdanskaya voyna 1918–1921* [Civil War 1918–1921]. In 3 vols. Moscow, Voennyi Vestnik, Gosizdat. Vol. 1. 373 p.; Vol. 2. 418 p.; Vol. 3. 560 p.

Goldin, V.I. (2020). *Grazhdanskaya voyna v Rossii v sovremennom nauchnom ponimanii: kontseptsiya, sodержание, posledstviya* [Civil War in Russia in Modern Scientific Understanding: Conception, Content, Consequences]. In *Chelovek, obschestvo i vlast' v epokhu "Russkoy Smuty" 1917–1920: Pamyat', osmyslenie, primirenje: materialy nauchnoy konferentsii, 12–15 noyabrya 2020 g.* Simferopol, pp. 7–20.

Goldin, V.I. (2020). *Grazhdanskaya voyna v Rossii: itogi izucheniya, sovremennoe sostoyanie issledovaniya, problemy* [Civil War in Russia: The Results of the Study, Current State of the Art, Problems]. In *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 11–25.

Goldin, V.I. (2020). *Grazhdanskaya voyna v Rossii: ustoriya i pamyat'* [Civil War in Russia: History and Memory]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nayki*. No. 6, pp. 113–120.

Goldin, V.I. (2021). *O rabote nad XII tomom "Civil War in Russia. 1917–1922" 20-tomnoy akademicheskoy "Istorii Rossii"* [About Working on 12th Volume 20-volume Academic “History of Russia”]. In *Al'manakh Assotsiatsii issledovateley Grazhdanskoy voyny v Rossii*. Iss. 4–5: *Grazhdanskaya voyna v Rossii: istoriya, sovremennost', pamyat' i uroki*, pp. 138–226.

Goldin, V.I. (Ed.). (2020). *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [International Intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: Key Problems, Historical Memory and Lessons: Collection of Materials From an International Scientific Conference]. Moscow, Pyatyy mir (Bestseller). 368 p.

(1923–1924). *Grazhdanskaya voyna: Materialy po istorii Krasnoy Armii* [Civil War: Materials on the History of Red Army]. In 3 vols. Moscow, Vyshiy voennyi redaktsonnyy sovet. Vol. 1. 543 p.; Vol. 2. 226 p.; Vol. 3. 160 p.

Grishanin, P.I. (2008). *Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voyna: istoricheskaya fenomenologiya i istoricheskaya pamyat'* [The White Movement and Civil War: Historical Phenomenology and Historical Memory]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 167–173.

Grishanin, P.I. (2009). *Istoricheskaya pamyat' kak innovatsionnoe napravlenie otechestvennoy istoricheskoy nauki* [Historical Memory as an Innovative Direction of Russian Historical Science]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922): vzglyad cherez desyatiletie. Sbornik materialov nauchnoy konferentsii*. Samara, pp. 484–491.

Ioffe, G.Z. (2022). Perestroyka. Final sovetskoy istorii: Razroznennyye zametki o lyudyakh i ikh delakh [Reconstruction. Final of the Soviet History: Scattered Notes about People and Their Affairs]. In *K stoletiyu okonchaniya Grazhdanskoy voyny i obrazovaniya SSSR. Sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 329–358.

Kakurin, N.E. (1925–1926). *Kak srazhalas' revolyutsiya: v 3 tomakh* [How the Revolution Fought: In 3 Vol.]. Moscow.

Kalashnikov, V.V. (Ed.). (2020). *Chelovek, obschestvo i vlast' v epokhu "Russkoy Smyty" 1917–1920: Pamyat', osmyslenie, primirenie* [Person, Society and Power in the Epoch of the "Time of Trouble" 1917–1920: Memory, Reflection, Reconciliation]. Materialy nauchnoy konferentsii. Simferopol. 256 p.

Laruelle, M., Karnysheva, M. (2021). *Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites*. London, N.Y., Bloomsbury Academic. 168 p.

Laruelle, M., Karnysheva, M. (2021). *Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today*. London, N.Y., Bloomsbury Academic. 168 p.

Lotman, Yu.M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Person – Text Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury: Koshelev. 447 p.

Medinskiy, V.R. (2020). Obrashchenie k chitatelyam [Appeal to Readers]. In *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, p. 3.

Volkov, E.V. (2008). "Gidra kontrrevolyutsii". *Beloe dvizhenie v kul'turnoy pamyati sovet-skogo obschestva* ["Hydra of Counterrevolution". The White Movement in the Cultural Memory of the Soviet Society]. Chelyabinsk, Chelyabinskiy Dom pechati. 398 p.

Zelenov, M.S., Branderberger, D. (Comp.). (2017). "Istoriya grazhdanskoy voyny (1935 g.): istoriya teksta i tekst istorii" ["History of the Civil War" (1935): History of the Text and Text of History]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 606 p.

Д.Н. Шевелев
И.Е. Рогоева*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННЫХ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ:
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-11
УДК 94:338.43(571.17)"1965/1970"

Выходные данные для цитирования:

Шевелев Д.Н., Рогоева И.Е. Гражданская война в России в исторической памяти и современных историографических нарративах: точки пересечения последнего десятилетия // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 139–156.

URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-11.pdf>

D.N. Shevelev
I.E. Rogueva*

CIVIL WAR IN RUSSIA IN HISTORICAL MEMORY
AND CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHICAL NARRATIVES:
INTERSECTION POINTS OF THE LAST DECADE**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-11

How to cite:

Shevelev D.N., Rogueva I.E. Civil War in Russia in Historical Memory and Contemporary Historiographical Narratives: Intersection Points of the Last Decade // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 139–156.

[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-11.pdf>]

Abstract. This article examines the ways in which academic historians who generate scientific knowledge interact with “generally accepted” perceptions of the past, which are produced and disseminated by social networks. It uses the history of the Russian Civil War as a case study. The choice of this research topic is driven by several factors. On the one hand, the events of the 20th century that were turning points, on which a social consensus has not yet been reached, continue to remain in a “hot zone of history” even after moving to its periphery. On the other hand, our collectively shared knowledge about the era of wars and revolutions has long ceased to rely on the memories of living witnesses of those events. It has transformed into an external media memory with inexhaustible potential for reconfigurations. In this sense, the memory of the Russian Civil War today is a completely constructed object, a social construct that is not only interesting in itself, but also provides a great deal for understanding the political and cultural contexts in which it was produced. The authors aim to determine, based on an analysis of historiography and data from the VKontakte social network, the main lines of interaction and points of intersection between “common” perceptions of the Russian Civil War (public historical narrative) and the scientific view of this problem, articulated by the professional community (academic historical narrative). The authors conclude that professional historiography (including such a direction as the study of the Russian Civil War) today is interconnected (integrated) with collective memory, representing one of its forms. Academic historians act as significant mnemonic actors, a kind of keepers of memory, not their own corporate, but national. The “generally accepted” perceptions about the Civil War are based on the narrative articulated by professional historians. Social networks have taken on the role of mediator between professional historiography and the public demand for the past, in the space of which the “popularization” and dissemination of knowledge produced by historians takes place, its translation from academic historiography into the public sphere.

* **Дмитрий Николаевич Шевелев**, доктор исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: shev-dn@yandex.ru

Dmitry Nikolaevich Shevelev, Doctor of Historical Sciences, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: shev-dn@yandex.ru

Ирина Евгеньевна Рогоева, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: irina_rogueva@mail.ru

Irina Evgenievna Rogueva, Candidate of Historical Sciences, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: irina_rogueva@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке программы развития Томского исследовательского университета «Приоритет 2030» в рамках научного проекта № 2.3.5.24 ОНГ.

The study was carried out with financial support from the development program of Tomsk Research University “Priority 2030” within the framework of scientific project No. 2.3.5.24 ONG.

Keywords: Civil War in Russia, historical memory, historical narrative, historiography, network communities, big data.

The article has been received by the editor on 10.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии и воздействии генерируемого профессиональными учеными-историками научного знания о Гражданской войне в России на «общепринятые» представления, производителями и носителями которых выступают социальные сети. Выбор предмета исследования обусловлен несколькими обстоятельствами. С одной стороны, переломные для XX в. события, в восприятии и оценках которых до сих пор не достигнут общественный консенсус, продолжают оставаться в своеобразной «горячей зоне истории», переместившись на ее периферию, но при этом не торопясь остывать. С другой – уже давно наше коллективно разделяемое знание об эпохе войн и революций перестало опираться на воспоминания живых свидетелей тех событий и превратилось в существующую ввне медийную память с неисчерпаемым потенциалом реконфигураций. В этом смысле память о Гражданской войне в России сегодня – полностью сконструированный объект, социальный конструкт, не только интересный сам по себе, но и много дающий для понимания политического и культурного контекстов, в которых он был произведен. Авторы ставят перед собой цель – опираясь на анализ историографии и данные социальной сети «ВКонтакте», определить основные линии взаимодействия и точки пересечения между «общепринятыми» представлениями о Гражданской войне в России (публичный исторический нарратив) и научным взглядом на эту проблему, артикулированным профессиональным сообществом (академический исторический нарратив). Авторы приходят к заключению о том, что профессиональная историография (в том числе и такое ее направление, как изучение Гражданской войны в России) сегодня сопряжена (интегрирована) с коллективной памятью, представляя в определенном смысле одну из ее форм, а академические историки выступают значимыми мнемоническими акторами, своеобразными хранителями памяти, причем не своей корпоративной, а по факту общенациональной. В основе «общепринятых» представлений о Гражданской войне лежит артикулированный профессиональными историками нарратив. Роль медиатора, посредника между профессиональной историографией и общественным запросом на прошлое, взяли на себя социальные сети, в пространстве которых происходит «опопуляривание» и распространение произведенного историками знания, его перевод из академической историографии в публичную среду.

Ключевые слова: Гражданская война в России, историческая память, исторический нарратив, историография, сетевые сообщества, большие данные.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024 г.

Очевидно, что в настоящее время исследования памяти в нашей стране находятся на подъеме, а само исследовательское поле memory studies постоянно расширяется. Включение в пространство исторической памяти профессиональной историографии, а также произошедший цифровой поворот и появление нового мнемонического актора – сетевых сообществ, ставят перед исследователями ряд вопросов о влиянии и воздействии генерируемого профессиональными учеными-историками научного знания о Гражданской войне в России на «общепринятые» представления, производителями и носителями которых выступают социальные сети.

Память о Гражданской войне, несколько лет полыхавшей на просторах бывшей Российской империи, представляет интерес в нескольких аспектах.

С одной стороны, переломные не только для нашей страны, но и для всего мира события революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны воспринимаются болезненно, задевая нерв российского общества и время от времени прорываясь конфликтами разной степени остроты, длительности и масштаба (установка мемориальной доски К.Г. Маннергейму, памятников А.В. Колчаку в Омске, «Донские казаки в борьбе с большевиками» в станице Еланской, чехословацким легионерам в Красноярске, Миассе, Нижнеудинске, Самаре, Сызрани, Тюмени, Челябинске, присвоение Высшей политической школе РГГУ им. философа И.А. Ильина и т.д.). Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), большинство (58 %) респондентов ответили, что Гражданской войны избежать было нельзя, а 23 % выразили свои симпатии к противоборствующим сторонам (16 % оказались бы скорее на стороне «красных», 7 % – на стороне «белых»)¹.

Неоднозначное, зачастую диаметрально противоположное восприятие в обществе, сохраняющийся высокий конфликтогенный потенциал делают революционный период крайне сложным, неудобным и в какой-то степени малопригодным для решения актуальных политических задач прошлого. В свою очередь, отсутствие интереса со стороны основного игрока на мнемоническом поле – государства, а также фактор времени постепенно выводят Гражданскую войну из «горячей зоны истории» на периферию исторической памяти. Более трети (36 %) опрошенных ВЦИОМ считают события Гражданской войны относящимися к далекому прошлому, а противоборство «красных» и «белых» – не имеющим отношение к сегодняшней жизни, при этом среди людей в возрасте от 18 до 32 лет эта доля составляет 43 %, а среди 33–42-летних – 44 %.

С другой – уже давно наше коллективно разделяемое знание об эпохе войн и революций перестало опираться на воспоминания живых свидетелей тех событий и превратилось в существующую ввне медийную память с неисчерпаемым потенциалом реконфигураций. В этом смысле память о Гражданской войне в России сегодня – полностью сконструированный объект, социальный конструкт, не только интересный сам по себе, но и много дающий для понимания политического и культурного контекстов, в которых он был произведен.

Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в конце октября 2017 г., показал, что только 34 % респондентов (было опрошено 1 500 респондентов из 104 населенных пунктов 53 субъектов РФ) слышали рассказы своих родственников о том, как жили их предки накануне Октябрьской революции и в первые годы после нее, т.е. в своих представлениях об этом времени хоть в какой-то степени опираются на «живые» свидетельства. При этом если в возрастной группе старше 60 лет этот показатель составил 54 %, то у опрошенных от 18 до 30 лет – лишь 17 %². Основным же источником информации о событиях Гражданской войны, согласно исследованию ВЦИОМ, являются уроки истории в школе и университетские лекции (этот вариант ответа выбрали 79 % опрошенных), художественная, научная и популярная литература (48 %), кинофильмы и сериалы (30 %), телепередачи (24 %).

Цель нашего исследования заключается в выявлении линий взаимодействия и точек пересечения между сформировавшимися к настоящему времени в социальных сетях «общепринятыми» представлениями о Гражданской войне в России (публичный исторический нарратив) и научным взглядом на эту проблему, артикулированным профессиональным сообществом (академический исторический нарратив).

Источниковая база исследования состоит из двух основных частей. Из всего многообразия опубликованных в 2016–2023 гг. материалов к 100-летию начала/окончания Граж-

¹ Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ. Новости. М., 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya-> (дата обращения: 29.06.2024).

² 1917–2017. Память о революции. Инфографика ФОМ с основными результатами опросов про революцию // ФОМ. 07.11.2017. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 29.06.2024).

данской войны в России было отобрано около 50 работ, содержащих обобщения по нескольким блокам вопросов:

– Что историками Гражданской войны сделано к настоящему моменту? Каково состояние современной историографии, степень освоения отдельных тем и сюжетов истории Гражданской войны? Что предстоит сделать? Что перспективно? Как историкам видится перспектива дальнейших исследований?

– Как в профессиональном сообществе сегодня необходимо говорить и писать о Гражданской войне? Как историки договариваются о правилах внутри своего профессионального сообщества и как транслируют эти правила/конвенции вовне, в публичное пространство?

– Как исследуется историческая память о Гражданской войне в настоящее время? Что и как современное российское общество помнит о Гражданской войне?

Особо следует выделить материалы опроса, проведенного в преддверии научной конференции «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет» (Санкт-Петербург, 2018 г.). Оргкомитетом конференции был разослан вопросник по ключевым проблемам историографии и получены ответы от 25 ведущих специалистов, из них 18 – российских. Сами ответы и проведенное В.В. Калашниковым с опорой на контент-анализ обобщение были опубликованы в сборнике материалов конференции и дают представление о широком спектре мнений, сложившихся в профессиональном сообществе по наиболее спорным в настоящее время вопросам.

Другим объектом нашего внимания стали сообщества социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com>), участники которых идейно отождествляют себя со сторонами Гражданской войны в России и их политическими наследниками. К анализу был привлечен массив больших данных, а именно тематический текстовый контент сообществ «ВКонтакте» (посты и комментарии к ним) за период с 1 января 2017 г. по 31 декабря 2021 г. Формирование коллекции данных было реализовано в несколько этапов. На первом из них произведен целевой поиск тематических сообществ, содержащих в своем названии или описании упоминания персоналий или явлений, отсылающих к условно «белой» и «красной» идеям, на основе разработанного словаря лингвистических маркеров (табл. 1, 2). Поиск маркеров осуществлялся вне зависимости от словоформы и регистра. Данные получены через открытый API «ВКонтакте» с использованием программной библиотеки методов по выгрузке и анализу данных Vkarib, созданной Научно-исследовательской лабораторией прикладного анализа больших данных НИ ТГУ³. Полученная библиотека включила в себя 76 сообществ «белых» и 141 сообщество «красных». Контент этих групп был выгружен и в общей сложности составил 640 720 сообщений. Заметим, что авторство большей их части – 398 549 – принадлежит условно «белым», доля сообществ которых в искомом массиве практически в два раза меньше групп «красных».

Таблица 1

Лингвистические маркеры,
использованные для поиска тематических сообществ «красных»

Красноармейцы	Пролетарии
Красная армия	Пролетариат
РККА	Рабочие + крестьяне
РСДРП	Рабочие + депутаты
ВКП(б)	Интернационал
ЦК	Империализм

³ Палкин Р.В., Сапрыкин В.О., Гойко В.Л., Сайфулин Э.Р. VKAPIB. Библиотека методов по выгрузке и анализу данных из социальной сети «ВКонтакте». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019662001, 13.09.2019. Заявка № 2019661005 от 10.09.2019.

Окончание табл. 1

Большевики	Буржуи
Советский	Буржуазия
СССР	Классовая борьба
Союз Советских	Трудящиеся
Социалистических Республик	Марксизм
Власть Советам	Марксистский
Совнарком	Ленин
Коммунисты	Сталин
Коммунистический	Каменев
Революция	Зиновьев
Мировая революция	Троцкий
Великий Октябрь	Бухарин
Великая Октябрьская	Маркс
социалистическая революция 1917	Энгельс

Таблица 2

Лингвистические маркеры,
использованные для поиска тематических сообществ «белых»

Белое дело	Россия единая
Белая идея	Россия нераздельная
Белое движение	Россия великодержавная
Белая армия	Россия неделимая
Белая гвардия	Колчак
Белогвардейцы	Деникин
Белые силы	Корнилов
Белые эмигранты	Врангель
Анτισоветский	Юденич
Антикоммунистический	Капфель
Российская империя	Николай II
Монархия	Романовы
Монархический	Царская семья
Возрождение России	Временное правительство
Духовная сила	Учредительное собрание
Гражданская война	

Дальнейшая работа с текстовой коллекцией проведена при помощи программы для интеллектуального анализа данных естественного языка PolyAnalyst (<https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/>, разработчик – Megaputer Intelligence)⁴. Для исследования текстов были использованы узлы платформы PolyAnalyst: поисковый запрос, извлечение ключевых слов, извлечение сущностей, кластеризация, анализ тональности, узлы визуализации. Для исследования сетевого нарратива о Гражданской войне из коллекции данных прицельно извлечен массив текстов, содержащих в себе искомое словосочетание «Гражданская война». Объем итоговой выборки, положенной в основу дальнейшей работы, составил 25 456 записей.

Столетние рубежи начала и окончания Гражданской войны стали для российских историков поводом к осмыслению проделанной работы и подведению некоторых итогов. Об этом свидетельствуют десятки конференций и «круглых столов», в том числе три – в Санкт-Петербурге (под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»), четыре – в Омске («Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»), три – в Новосибирске, две – во Владивостоке, множество сборников статей, тематических журналов и монографий, интервью и публичных выступлений.

Какие изменения, произошедшие в отечественной исторической науке за три предшествующих десятилетия, они показали? Какое новое состояние историографии Гражданской войны академические конвенции зафиксировали?

Во-первых, изменился ракурс, угол зрения, под которым в профессиональном сообществе принято сейчас рассматривать историю Гражданской войны, произошел, как отмечает В.И. Голдин, «уход от так называемого героического мифа о ней, осмысление ее как драмы и трагедии российского общества»⁵.

Во-вторых, за последние десятилетия исследуемый объект приобрел четко выраженную хронологическую подвижность, обусловленную несколькими обстоятельствами. С одной стороны, констатирует в обобщающей статье Ю.А. Петров, «благодаря усилиям исторического сообщества преобладающей тенденцией стала трактовка событий 1917–1922 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну»; с другой – наблюдается «характерное для современных исследований стремление раздвинуть хронологию революционных событий в России, анализировать их в более широком историческом контексте, в продолжительных хронологических рамках “эпохи великих потрясений” 1914–1922 гг.»⁶.

В-третьих, изменилось само понимание Гражданской войны, оно дополнилось и приросло новыми смыслами, содержательно расширилось и усложнилось. Большинство отечественных историков признают наличие серьезных, многоуровневых и многоаспектных предпосылок революционных событий, коренившихся в особенностях и противоречиях российской модернизации⁷, «длительный подготовительный процесс»⁸, предшествовавший Революции 1917 г. В.И. Голдин подчеркивает сложившуюся в академическом сообществе конвенцию о «глобальном и тотальном характере» Гражданской войны в России, «ибо она охватила все пространство страны, включая самые удаленные ее уголки, разделила классы, слои, группы населения (и линия раскола происходила как между ними, так и внутри них),

⁴ Киселёв М.В., Слынько Ю.Н., Скорняков С.А., Сазонов Д.С. и др. Программа для ЭВМ «Система интеллектуального анализа данных PolyAnalyst». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2016617923, 18.07.2016. Заявка № 2016615029 от 18.05.2016.

⁵ Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 764.

⁶ Петров Ю.А. Гражданская война в России: современные историографические тренды (интродукция) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 41. С. 8.

⁷ Голдин В.И. Современная историография Гражданской войны в России // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.), 2018. С. 13.

⁸ Петров Ю.А. Гражданская война в России: современные историографические тренды (интродукция)... С. 9.

развела по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей»⁹. Относительно новой, но быстро ставшей популярной историографической тенденцией, существенно расширяющей тематическое поле истории Гражданской войны, стало «видение ее как серии или комплекса войн (гражданских войн), в разнообразии видов вооруженных и иных противоборств»¹⁰. Кроме того, в опросе, проведенном во время подготовки к научной конференции «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет» (Санкт-Петербург, 2018 г.), большинство ведущих специалистов по теме (16 российских историков из 17 ответивших) признали, что Гражданская война сыграла важную роль в формировании советской политической системы¹¹.

В-четвертых, революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война перестали рассматриваться как разрыв с предшествующей российской и мировой историей. «Актуальность изучения этого судьбоносного этапа отечественной истории, – указывает по этому поводу Ю.А. Петров, – обусловлена, прежде всего, объективной потребностью современного российского общества после длительного периода идеологического и историографического мифотворчества перейти к всестороннему осмыслению эпохи как исторически закономерного звена непрерывного исторического развития страны»¹². Такой разворот позволяет вписать эпоху войн и революций в актуальный для нынешней политической повестки исторический нарратив.

В-пятых, специалисты по историографии отмечают произошедшее в последние десятилетия несомненное продвижение как в ставших уже традиционными (экономическая, социальная, политическая, военная история)¹³, так и относительно новых (изучение массовых настроений, повседневности, культурного, в том числе символического измерения Гражданской войны, исторической памяти) направлениях исследований¹⁴. При этом несомненным приоритетом современных историков был и остается антибольшевистский лагерь, прежде всего Белое движение¹⁵.

В-шестых, в немалой степени достижения историографии обуславливаются существенным расширением источниковой базы, связанным, в первую очередь, с «архивной революцией» 1990-х гг., открывшей доступ к засекреченным в советский период нормативным и делопроизводственным документам, прежде всего Белого движения, неопубликованным дневникам и воспоминаниям, письмам и периодической печати, а также привлечением новых визуальных (фотографии, кинохроника) и вещественных источников.

⁹ *Голдин В.И.* Гражданская война в истории России... С. 767.

¹⁰ Там же. С. 767.

¹¹ Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. 2018. С. 8–183; *Калашиников В.В.* Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Гражданская война в России... С. 240–244.

¹² *Петров Ю.А.* Гражданская война в России... № 41. С. 7.

¹³ См.: *Голдин В.И.* Гражданская война в истории России... С. 758–774; *Голдин В.И.* Гражданская война в России: наука в поисках исторической истины // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 11–20; *Петров Ю.А.* Гражданская война в России... С. 7–14; *Гагкуев Р.Г.* Проблемы изучения Гражданской войны в России: сегодня и завтра // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 5–8; *Ганин А.В.* Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 8–10; *Кондрашин В.В.* К вопросу об итогах и перспективах изучения экономики России в годы Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 20–28.

¹⁴ См.: *Аксенов В.Б.* Массовые настроения эпохи Гражданской войны: историографические традиции и перспективы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. 2018. С. 485–543; *Купцова И.В., Филиппова Т.А.* Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны... С. 544–585; *Колоницкий Б.И.* Политические символы Февральской революции и символическая политика Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат-лов Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2019. С. 332–343.

¹⁵ *Цветков В.Ж.* Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии, 2018. С. 239–260.

В-седьмых, методологический монизм советских времен медленно, но неуклонно сменился многообразием теоретических подходов (от цивилизационных и модернизационных до постструктуралистских и конструктивистских) и исследовательского инструментария, междисциплинарным синтезом и освоением тематических полей «новой социальной», «новой политической» и «новой культурной истории».

В целом сегодня большинство российских историков разделяют академическую конвенцию, воспринимая Гражданскую войну «как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и международных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств»¹⁶. В то же время сохраняется многообразие мнений по большинству ключевых для понимания Гражданской войны вопросов. После длительного периода накопления знания и научного освоения новых тем и сюжетов наступило время первых обобщений¹⁷.

Однако, несмотря на очевидный прирост знания, историки «двойственно»¹⁸, «со сдержанным оптимизмом»¹⁹ оценивают итоги изучения и современное состояние историографии Гражданской войны в России. Непроясненными остаются многие вопросы, являющиеся принципиально важными для понимания ее природы и сущности. Одной из «ключевых проблем исследования и более глубокого познания российской Гражданской войны», по справедливому утверждению В.И. Голдина, является ее современная концептуализация. Однако это только первый шаг к тому, чтобы предложить целостное видение и понимание объекта исследования, организующее накопленное знание и задающее общий язык описания (и, соответственно, понятийный аппарат), а также позволяющее продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей.

Дискуссионным остается вопрос о сущности (и определении) Гражданской войны применительно к российским реалиям первой четверти XX в. В настоящее время в кругу российских историков закрепились представления о «широком» и «узком» ее понимании. В свою очередь, проблема дефиниции тесно переплетена с дискуссиями о хронологических рамках Гражданской войны в России²⁰.

Признают историки и имеющиеся диспропорции: «перекос в исследовании в сторону антибольшевистского лагеря»²¹, что породило существенные лакуны в «изучении Советской России, советской государственности и ее политики на разных направлениях деятельности, а также партии большевиков»²², «советского лагеря Гражданской войны, истории Красной армии»²³.

В силу сложности предмета исследования и источниковой базы снизился интерес к таким научно значимым и общественно востребованным проблемам, как история террора (красного, белого и зеленого), иностранной интервенции²⁴. «В современной российской исто-

¹⁶ Голдин В.И. Гражданская война в истории России... С. 766–767.

¹⁷ Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. 2020–2021; История России: в 20 т. Культура, 2024. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2: Власть. Экономика. Общество.

¹⁸ Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России... С. 6.

¹⁹ Ганин А.В. Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России... С. 9.

²⁰ См.: Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии, 2018. С. 8–183; Калашников В.В. Новейшая историография Гражданской войны в России... С. 187, 193–199; Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24; Гагкуев Р.Г. Гражданская война. Конфликт без хронологии? // Российская история. 2019. № 1. С. 37–42; Рынков В.М. Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов, 2022. С. 371–390; Круглый стол «События 1917–1922 гг. в России: гражданская война или гражданские войны?» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 5–17.

²¹ Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России... С. 6.

²² Голдин В.И. Гражданская война в России: наука в поисках исторической истины... С. 15.

²³ Ганин А.В. Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России... С. 9.

²⁴ Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России... С. 6–7.

риографии, – констатирует В.И. Голдин, – оказалась фактически утраченной традиция изучения иностранного вмешательства в Гражданскую войну в России, интервенционистских действий коалиций и отдельных государств»²⁵.

По мнению В.В. Кондрашина, в последнее десятилетие произошло сокращение работ, связанных с анализом экономики страны и экономической политики противоборствующих сторон. «В настоящее время, – пишет он, – буквально по пальцам можно пересчитать исследователей, которые целенаправленно занимаются изучением экономики России в годы Гражданской войны»²⁶. Недостаточную изученность личного фактора в истории Гражданской войны в России отмечает А.С. Пученков²⁷.

От себя добавим и то обстоятельство, что историки Гражданской войны старательно обходят мировоззренческие основы противоборствующих сторон. Основное понимание идеологии антибольшевистского (белого) движения как крайне эклектичной, фрагментарной, внутренне неоднородной и слабой в своей социальной части конструкции было артикулировано еще советскими историками. На сегодня такая точка зрения (несмотря на значительное продвижение в исследовании феномена идеологии) закрепились и в российской историографии в качестве само собой разумеющегося знания.

Имеются проблемы и с изданием источников. Так, по мнению Р.Г. Гагкуева, «во многих случаях мы видим слабую научную подготовку изданий к печати, отсутствие археографических предисловий и научных комментариев. В современной России в существенной степени утрачена как культура научных публикаций, так и издательская культура»²⁸.

Таким образом, к настоящему времени внутри профессионального сообщества историков сложился вполне определенный нарратив о Гражданской войне, отражающий как все достижения исторической науки, так и имеющиеся лакуны. Выступая одним из ключевых мнемонических акторов, современные историки определяют не только *что*, но и *как* необходимо помнить о Гражданской войне. Прежде всего это касается артикулирования внутрикорпоративных правил и достижения конвенций в самом профессиональном сообществе. Выделим наиболее значимые, на наш взгляд, суждения:

1. Историк должен стремиться к максимально объективному описанию и объяснению «этой важнейшей страницы отечественной истории, говорить правду о ней языком достоверных источников»²⁹.

2. Историк необходимо отказаться от упрощений и одномерных оценок, его задача – «дать достоверное научное знание о Гражданской войне в России, глубоко и всесторонне раскрыть многообразие ее проблем, представить целостную картину событий и процессов, рассмотреть и объяснить действия противоборствующих сторон, поведение различных слоев населения, охарактеризовать исторические уроки и донести все это до граждан страны, российской и международной общественности»³⁰.

3. Историкам Гражданской войны как профессиональному сообществу стоит «старательно уходить от деления друг друга на красных и белых», «рассказывать сегодня о Гражданской войне, как во время выступлений, так и в публикациях – неважно, научная статья это, популярная книга или учебник – нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону»³¹.

4. Профессиональный историк должен понимать, что Гражданская война до сих пор обладает высоким конфликтогенным потенциалом и «ситуации с установкой памятной доски

²⁵ Голдин В.И. Гражданская война в России: наука в поисках исторической истины... С. 16.

²⁶ Кондрашин В.В. К вопросу об итогах и перспективах изучения экономики России... С. 21.

²⁷ Пученков А.С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 35.

²⁸ Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России... С. 6.

²⁹ Кондрашин В.В. К вопросу об итогах и перспективах изучения экономики России... С. 26.

³⁰ Голдин В.И. Гражданская война в России: наука в поисках исторической истины... С. 16–17.

³¹ Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 8–9.

участнику Гражданской войны, с одной стороны, или снос памятника – с другой – могут приводить к достаточно острой дискуссии в обществе, которая едва ли не переходит в противостояние»³². «Поляризация взглядов в обществе на события Великой российской революции 1917 года и Гражданской войны обязывает историков, занимающихся темой, быть крайне взвешенными в своих оценках и выводах. Очевидно, что эта проблематика едва ли перестанет быть острой для существенной части общества в ближайшие годы. Необходимы продолжительные усилия как со стороны профессиональных историков, так и общества в целом, для того чтобы перестать переносить события Гражданской войны на современность и научиться хранить память обо всех ее участниках, вне зависимости от того, на чьей они стороне»³³.

Высказывания историков Гражданской войны на площадках научных конференций и специализированной научной периодики свидетельствуют об общем понимании необходимости выстраивания коммуникации, диалога между профессиональным сообществом и социумом, присутствию ученых-историков в публичном пространстве. Есть в этом отношении и ряд трудностей. С одной стороны, в современном мире историки как профессиональная корпорация окончательно утратили монополию на производство исторической истины. «Одним из знаковых явлений, – полагает А.В. Ганин, – стала девальвация экспертного знания, когда мнение невежественного пользователя социальных сетей порой приравнивается к мнению специалиста с ученой степенью либо констатируется, что это разные взгляды на вопрос, каждый из которых имеет право на существование. Все это сочетается со взрывным ростом доступности разного рода исторической информации в Интернете (как достоверной, так и недостоверной). В целом же это ведет к информационному хаосу и не может не вызывать беспокойства»³⁴.

С другой – как признают сами историки, «академическая наука в строгом смысле слова не пытается ответить на масштабный общественный запрос»³⁵. «Парадоксально, – добавляет Р.Г. Гагкуев, – но большинство вопросов, к которым общество проявляет наибольший интерес, слабо изучено историками»³⁶. В результате «в большинстве случаев востребованными оказываются не работы профессиональных историков, написанные зачастую сложным для рядового читателя языком, а книги разного рода публицистов», которые, несмотря на свой невысокий содержательный уровень, «формируют историческую память о Гражданской войне».

Таким образом, для того чтобы побороть преобладание в публичном пространстве политически ангажированных, эмоционально окрашенных и откровенно дилетантских представлений о Гражданской войне, историкам необходимо активно включиться в просветительскую работу, «популяризировать научные знания, показывать сложность и неоднозначность исторических деятелей и явлений разных сторон»³⁷. Сегодня особенно важно, чтобы «историки активнее взаимодействовали со СМИ и использовали для популяризации знаний о Гражданской войне Интернет, в т.ч. размещая там свои исследования»³⁸. Отметим, что историки Гражданской войны в различных форматах (популярные лекции, публичные презентации научной литературы, интервью и передачи на радио и телевидении, научное консультирование исторических кино- и телефильмов, просветительские YouTube- и Telegram-каналы) уже осваивают пространство публичной истории.

Перейдем к рассмотрению отождествляющих себя с «белыми» или «красными» сообществ социальной сети «ВКонтакте».

³² Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» ... С. 8.

³³ Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России... С. 7.

³⁴ Ганин А.В. Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России... С. 9.

³⁵ Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 5.

³⁶ Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России... С. 6.

³⁷ Ганин А.В. Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России... С. 10.

³⁸ Голдин В.И. Гражданская война в России: наука в поисках исторической истины... С. 17.

Общая характеристика нарратива о Гражданской войне. Анализ ключевых слов показал высокую степень насыщенности медиатекста маркерами национального конфликта: десятку наиболее частотных слов составили по нисходящей «война», «Россия», «государство», «армия», «власть», «нация», «Гражданская война», «правитель», «большевик», «генерал». Диапазон частоты их встречаемости колеблется от 72 271 (ключевое слово «война») до 23 994 (ключевое слово «генерал») раз в 25 456 текстах. Всего было выявлено 227 992 ключевых слова и выражения с минимальной поддержкой 1 000 текстов (т.е. как минимум 1 000 текстов содержит слово, попавшее в список ключевых).

В облаке ключевых слов заметны не только элементы, очевидно отсылающие к вооруженному противостоянию («Красная армия», «Русская армия», «Белая армия», «Белое движение» и т.д.), но и свидетельства интенсивного припоминания Гражданской войны в контексте непосредственно предшествующей ей Первой мировой, а также последующей Великой Отечественной войны (рис. 1). При этом сама Гражданская война воспринимается в жесткой связке с предваряющими ее революционными событиями (рис. 2). Внутригосударственный конфликт, таким образом, встроен в череду событий, оцениваемых пользователями «ВКонтакте» как наиболее трагичные в российской истории³⁹: «Сначала была первая мировая война, далее революция, потом гражданская война. Ни один переворот не решался мирным путем»; «Трагедия гражданской войны не обошла стороной и наше Отечество. Разорвав страну на части в самый разгар Первой мировой войны, гражданская война поглотила каждого русского человека»; «Пожалуй, он застал одну из самых сложных эпох нашего времени. Революция, нищета и голод, гражданская война, Великая Отечественная война, война с Японией, возрождение из пепла, холодная война, СССР в кольце врагов...».

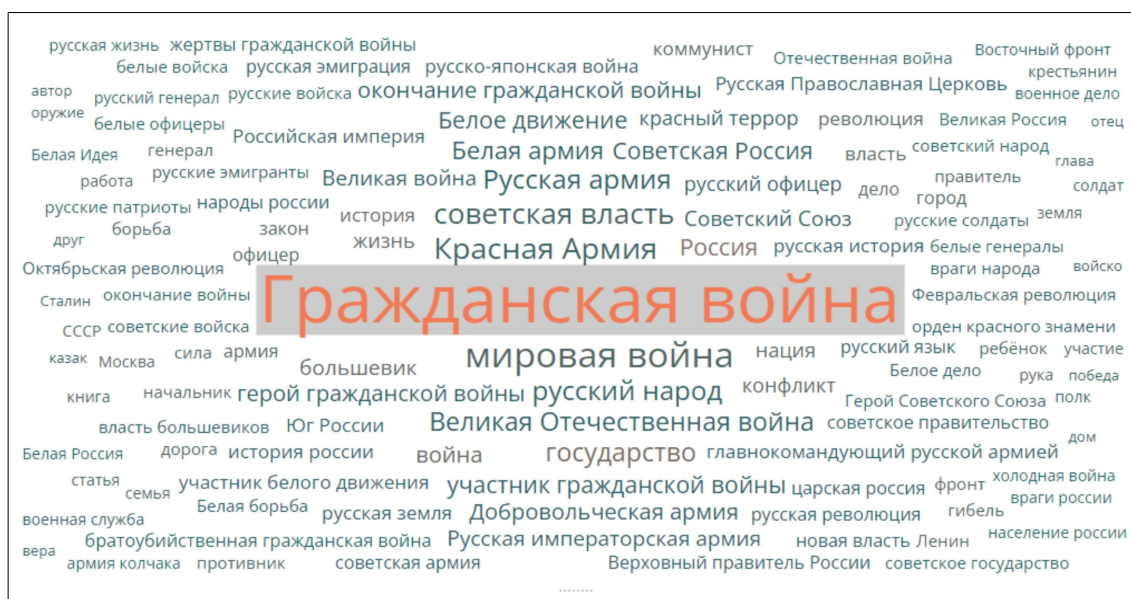

Рис. 1. Облако ключевых слов в постах о Гражданской войне

Наблюдения показали, что пользователи, касаясь тематики Гражданской войны, оперируют понятиями как минимум близкими – устоявшимся в академическом дискурсе, но степень интереса к ним может отличаться у историков-профессионалов и обывателей виртуального мира. Так, если современное академическое сообщество по разным причинам обходит историю террора, как уже было сказано выше, то для пользователей «ВКонтакте» она остается одной из заметных тем для обсуждения. Слово «террор» встречается в 12 201 записи, 6 556 из них касаются красного террора, еще 3 667 – террора белого. Часты упоминания «большого террора» сталинской эпохи, выступающего в дискурсе виртуальных сообществ логическим продолжением действий красных в годы гражданского противостояния. Интонация постов – обличительная и исполненная эмоциональных переживаний:

³⁹ Здесь и далее все цитаты из социальной сети «ВКонтакте» даны с сохранением орфографии и пунктуации источника.

«Белый террор – это грязный пропагандистский прием, придуманный чтобы отвлечь внимание от красного и легитимизировать его. Не было никакого белого террора, было сопротивление красным, убивавшим обычных ни в чем не виновных людей, в то время как красный террор был официальной политикой и касался каждого и совершался без суда и следствия... Красный террор – это геноцид целых категорий населения»; «Ну да, не забудем белый террор. Про то, что в империи также были репрессии во время гражданской войны, мы, конечно, забудем, правильно, зачем вспоминать то, что белые убивали мирных граждан, детей...».

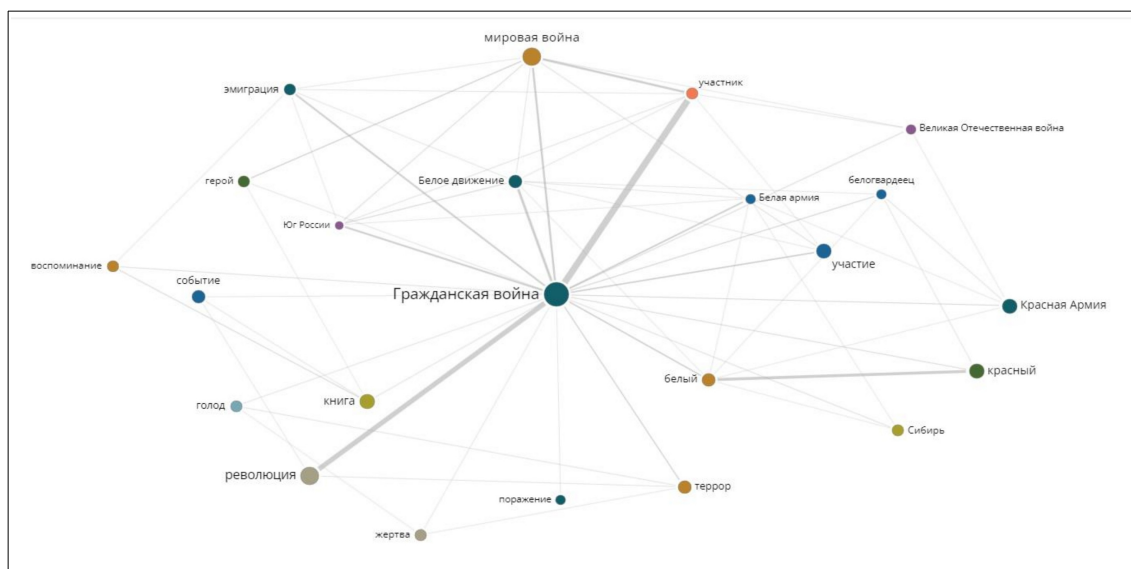

Рис. 2. Связь ключевых словосочетаний в постах о Гражданской войне: сеть ключевого словосочетания «Гражданская война»

Пользователи делятся личными историями, архивными фото родных, на долю которых выпали испытания Гражданской войны. В семейном нарративе воссоздается история подлинной национальной катастрофы: «Мы жили в Петрограде до 1916 года. Здесь были убиты мои родные, очень много родственников было убито в этом погроме Петрограда. Моих всех убили в революцию. А потом приказали молчать, под страхом смертной казни. Говорить стало можно только через сто лет. Да и то, смотрите, какое идет сопротивление»; «Бандиты Макроусов и Федько руководили расстрелом белых офицеров в 17 г. в Феодосии. Среди расстрелянных был мой прадед генерал Иванов А.Г. с сыном юнкером Николаем, ровесником цесаревича...».

Примечательно, что в сегменте записей о Гражданской войне отчетлив след профессионального исторического знания. Члены сообществ проявляют интерес к публикациям материалов ранее недоступных государственных архивов, размещая в постах информацию о вышедших сборниках документов. Популярны записи об издании новых или переводе в цифровой вид старых монографий. Слово «историк» встречается в массиве данных в 14 243 текстах, «монография» – в 1 010 записях. Пользователи демонстрируют знакомство с работами историков С.В. Волкова, А.В. Ганина, А.В. Голубева, О.С. Нагорной, В.Г. Хандорина, В.Ж. Цветкова и др.

Полномасштабный поиск персоналий в текстовой коллекции позволил выявить ключевых героев исторического нарратива о Гражданской войне. На вершине своеобразного рейтинга популярности находится Николай II. Отношение к последнему русскому императору скорее сочувственное – его часто упоминают как канонизированного святого, считают хорошим семьянином, но плохим политиком, жалеют его семью и ужасаются трагичности обстоятельств их гибели. Далее следует В.И. Ленин, который, на первый взгляд, характеризуется значительно более негативно – эмотивный анализ записей о вожде народов показал более чем двукратный перевес отрицательных тональностей в текстах о нем. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что наибольший негатив вызывает словосочетание

постов отмечают его как прекрасного организатора, выдающегося генерала, удостоивают эпитетами «гениальный» и «легендарный».

Разделение на «красных» и «белых». Примечательно, что противостояние «красных» и «белых» продолжается и по сей день, переместившись в цифровое пространство. Алгоритмы интеллектуального анализа позволили выявить в сообществах современных «бело-» и «красногвардейцев» более миллиона уникальных пользователей при их практически равном распределении: 568 448 красных и 591 942 белых. Свыше 80 % членов подобных сообществ проживают в России, в основном в крупных городах центральной части страны. Ядро виртуальных объединений составляют мужчины (около 70–75 %) в возрасте от 24 до 45 лет.

Несмотря на схожесть половозрастной структуры, тематическое наполнение контента сообществ и, вероятно, мотивы объединения пользователей расходятся. Результаты кластеризации текстов (автоматизированного выделения тематических блоков на основе сходства текстов) показали довольно четкое разделение интересов двух групп сообществ. Так, самый большой блок записей «белых» составляют тексты – биографические справки, фотографии времен Гражданской войны, описания военной атрибутики тех времен (деталей формы, полковых различий), а также хроники боевых столкновений (довольно сухих по своему содержанию) (рис. 5). Куда более эмоциональные тексты наполняют второй кластер. В него вошли посты-призывы, которые условно можно редуцировать к небезызвестному лозунгу «самодержавие, православие, народность» в духе: «Да здравствует Русская Монархическая Мысль! Виват Православный Русский Царь! Виват Русскому народу!».

#	Кластер №	Имя кластера	Подде...
1	#1	армия, полк, генерал, бой, войско, офицер, корпус, командир, фронт, отряд	137,480
2	#2	народ, русский, страна, государство, национальный, человек, власть, мир, история, идея	101,533
3	#3	великий, святой, церковь, царь, память, князь, храм, император, православный, государь	94,135
4	#4	рубль, улица, памятник, город, миллион, расстрелять, тысяча, советский, работа, область	76,492
5	#5	удалить, запись, украинский, автор, президент, найти, российский, заявить, сообщить, ситуация	69,205

Рис. 5. Кластеры текстов в массиве записей «белых» сообществ

Современные «белые» обличают действия большевиков как в прошлом (приведших к краху Российской империи), так и их идейных наследников в настоящем (не сумевших сохранить созданную ими новую империю – СССР и не дающих вернуться России на предначертанный ей путь).

В то же время в записях «красных» отсылок к белой идее практически нет (рис. 6). Они в значительно большей степени ориентированы на обсуждение проблем настоящего (преимущественно социальных), главным образом в логике ухудшения качества жизни после распада Советского Союза. «Красные», так же как и «белые», словно играют в прошлое – поздравляют друг друга с тематическими праздниками (например – Днем пионерии), грезят о реванше коммунизма и/или социализма. Записи о Гражданской войне не находятся на периферии публикаций «красных» – они помещены в единое символическое пространство войн, которые вело Советское государство. Более ранние военные конфликты периода Российской империи или Древней Руси практически не интересуют современных «красных».

#	Кластер №	Имя кластера	Подде...
1	#1	работник, профсоюз, завод, житель, дом, область, суд, предприятие, полиция, город	48,523
2	#2	советский, война, фильм, армия, войско, бой, герой, великий, фронт, память	47,426
3	#3	народ, социализм, капитализм, общество, класс, коммунизм, революция, власть, борьба, буржуазный	45,953
4	#4	выбор, депутат, голосование, поправка, конституция, кандидат, дума, президент, голосовать, власть	35,745
5	#5	рубль, миллиард, деньги, цена, путин, миллион, население, экономика, зарплата, страна	34,968
6	#6	комсомол, партия, секретарь, коммунистический, комсомолец, молодёжь, съезд, член, день, комитет	33,228

Рис. 6. Кластеры текстов в массиве записей «красных» сообществ

При этом сообщества расходятся в определении того, чем, по их мнению, является Гражданская война. Целевой запрос «Гражданская война – это...» показал, что наиболее трагичный образ конфликта закономерно сложился у «белых»: «Война – это трагедия. Гражданская война – это катастрофа»; «Гражданская война – это не стихийное бедствие.

Это целенаправленная деятельность людей, которые вдохновляются определенной идеологией»; «Гражданская война – это война против своего народа за власть в стране. Все, кто участвовал в ней – преступники, независимо с какой стороны. Белые проиграли только потому, что у них не было единой идеологии, стратегии и командования. У красных это было, поэтому они и оказались сильнее, но преступники и те и другие».

«Красные» в целом солидарны в характеристике Гражданской войны как национальной драмы. Однако при этом в их оценках встречаются представления о навязанности конфликта, не свойственные «белым»: «Гражданская война – это была война пролетарского Октября с либерально-буржуазным Февралем. Но начали ее не большевики, а чехословацкий корпус в мае 1918 года при поддержке 14 стран Антанты, которая высадилась во всех портах страны»; «Гражданская война – это борьба нанайских мальчиков, где воюют военных – 2 млн, а погибает 22 млн гражданского населения».

Итоги. В настоящее время память о Гражданской войне представляет собой сложно-организованный, композитный, подвижный социокультурный конструкт, динамично связанный с другими кластерами исторической памяти и включающий как множество уровней и секторов, развивающихся в горизонте государственной символической политики, так и сегментов, сохраняющих автономию (эффект «второй памяти»).

Профессиональная историография (в том числе и такое ее направление, как изучение Гражданской войны в России) сегодня сопряжена (интегрирована) с коллективной памятью, представляя в определенном смысле одну из ее форм, а академические историки выступают значимыми мнемоническими акторами, своеобразными хранителями памяти, причем не своей корпоративной, а, по существу, общенациональной. Научные конференции, тематические журналы и другие формы научной коммуникации являются площадками, на которых историки договариваются о том, что и как им необходимо говорить и помнить об истории в настоящее время, а их интервью и публичные выступления – способ донести до массовой аудитории свою позицию и текущие конвенции академического сообщества.

В основе «общепринятых» представлений о Гражданской войне лежит артикулированный профессиональными историками нарратив. Роль медиатора, посредника между профессиональной историографией и общественным запросом на прошлое, взяли на себя социальные сети, в пространстве которых происходит «опопулярирование» и распространение произведенного историками знания, его перевод из академической историографии в публичную среду. При этом прослеживается эволюция от кризиса экспертности профессиональной корпорации историков в целом к экспертности авторитетных в публичном пространстве представителей академического сообщества.

Сетевой нарратив о Гражданской войне, несмотря на продолжающуюся полемику мнений о правых и виноватых, в целом характеризуется как сухой и сдержанный. Это, вкуче со стремлением к заполнению пробелов в истории конфликта через трансляцию семейных историй пользователей, испытывающих интерес к профессиональному историческому знанию, косвенно может свидетельствовать о постепенном исцелении нации от травмы памяти.

Литература

Аксенов В.Б. Массовые настроения эпохи Гражданской войны: историографические традиции и перспективы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 485–543.

Баранов А.В. Память о Гражданской войне в коллективных представлениях российского общества // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 2. С. 109–115.

Гагкуев Р.Г. Гражданская война. Конфликт без хронологии? // Российская история. 2019. № 1. С. 37–42.

Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России: сегодня и завтра // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 5–8.

Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12.

Ганин А.В. Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 8–10.

Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 758–774.

Голдин В.И. Гражданская война в России: наука в поисках исторической истины // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 11–20.

Голдин В.И. Гражданская война в России: история и память // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 113–120.

Голдин В.И. На путях познания Гражданской войны в России: ключевые проблемы и историческая память // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 518–527.

Калашников В.В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. С. 184–252.

Киселёв М.В., Слынько Ю.Н., Скорняков С.А., Сазонов Д.С. и др. Программа для ЭВМ «Система интеллектуального анализа данных PolyAnalyst». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2016617923, 18.07.2016. Заявка № 2016615029 от 18.05.2016.

Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24.

Колоницкий Б.И. Политические символы Февральской революции и символическая политика Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат-лов Всерос. науч. конф. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 332–343.

Кондрашин В.В. К вопросу об итогах и перспективах изучения экономики России в годы Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 20–28.

Круглый стол «События 1917–1922 гг. в России: гражданская война или гражданские войны?» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 5–17.

Купцова И.В., Филиппова Т.А. Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 544–585.

Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 8–183.

Палкин Р.В., Сапрыкин В.О., Гойко В.Л., Сайфулин Э.Р. VKAPI8. Библиотека методов по выгрузке и анализу данных из социальной сети «ВКонтакте». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019662001, 13.09.2019. Заявка № 2019661005 от 10.09.2019.

Петров Ю.А. Гражданская война в России: современные историографические тренды (интродукция) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 41. С. 7–14.

Пученков А.С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 33–37.

Рынков В.М. Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов. Новосибирск: Параллель, 2022. С. 371–390.

Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239–260.

References

Aksenov, V.B. (2018). Massovye nastroyeniya ehpokhi Grazhdanskoj vojny: istoriograficheskie traditsii i perspektivy izucheniya [Mass Sentiments of the Civil War Era: Historiographical Traditions and Prospects of Study]. In *Rossiya v gody Grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 485–543.

Baranov, A.V. (2022). Pamyat' o Grazhdanskoj vojne v kollektivnykh predstavleniyakh rossiyskogo obshchestva [Memory of the Civil War in the Collective Representations of Russian Society]. In *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*. No. 2, pp. 109–115.

Gagkuev, R.G. (2019). Grazhdanskaya vojna. Konflikt bez khronologii? [Conflict Without Chronology?]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 1, pp. 37–42.

Gagkuev, R.G. (2020). Problemy izucheniya Grazhdanskoj vojny v Rossii: segodnya i zavtra [Problems of Studying the Civil War in Russia: Today and Tomorrow]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 4, pp. 5–8.

Gagkuev, R.G. (2024). “Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoj vojne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' chyu-to storonu...” [“To Talk about the Civil War Today Should Be Restrained, Without the Desire to Take Anyone’s Side...”]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 9, No. 1, pp. 6–12.

Ganin, A.V. (2020). Itogi i perspektivy istoriografii Grazhdanskoj vojny v Rossii [Results and Prospects of the Historiography of the Civil War in Russia]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 4, pp. 8–10.

Goldin, V.I. (2019). Grazhdanskaya vojna v istorii Rossii: istoriografiya, sovremennye podkhody, podgotovka novogo akademicheskogo izdaniya [The Civil War in Russian History: Historiography, Modern Approaches, Preparation of a New Academic Edition]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 9, No. 3, pp. 758–774.

Goldin, V.I. (2020). Grazhdanskaya vojna v Rossii: nauka v poiskakh istoricheskoy istiny [The Civil War in Russia: Science in Search of Historical Truth]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 4, pp. 11–20.

Goldin, V.I. (2020). Grazhdanskaya vojna v Rossii: istoriya i pamyat' [The Civil War in Russia: History and Memory]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 6, pp. 113–120.

Goldin, V.I. (2021). Na putyakh poznaniya Grazhdanskoj vojny v Rossii: klyuchevye problemy i istoricheskaya pamyat' [On the Paths of Understanding the Civil War in Russia: Key Problems and Historical Memory]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 11, No. 2, pp. 518–527.

Kalashnikov, V.V. (2014). Noveyshaya istoriografiya Grazhdanskoj vojny v Rossii: ehkspress-analiz [Recent Historiography of the Civil War in Russia: Express Analysis]. In *Grazhdanskaya vojna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii*. St. Petersburg, SPBGETU “LETI”, pp. 184–252.

Kiselev, M.V., Slyn'ko, Yu.N., Skorniyakov, S.A., Sazonov, D.S. et al. (2016). *Programma dlya EHVМ “Sistema intellektual'nogo analiza dannykh PolyAnalyst”* [Computer Program “PolyAnalyst Intelligent Data Analysis System”]. Certificate of registration of the software RU 2016617923, 18.07.2016. Request No. 2016615029 dated 18.05.2016.

Kolonitskiy, B.I. (2019). Ot mirovoj vojny k grazhdanskim voynam (1917?–1922?) [From World War to Civil Wars (1917?–1922?)]. In *Rossiyskaya istoriya*. No 1, pp. 3–24.

Kolonitskiy, B.I. (2019). Politicheskie simvoly Fevral'skoj revolyutsii i simbolicheskaya politika Grazhdanskoj vojny [Political Symbols of the February Revolution and the Symbolic Politics of the Civil War]. In *Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.): sbornik materialov Vserossiyskoj nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, pp. 332–343.

Kondrashin, V.V. (2020). K voprosu ob itogakh i perspektivakh izucheniya ehkonomiki Rossii v gody Grazhdanskoy voyny v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii [On the Issue of the Results and Prospects of Studying the Economy of Russia During the Civil War in Russian and Foreign Historiography]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 4, pp. 20–28.

(2022). Kruglyy stol “Sobytiya 1917–1922 gg. v Rossii: grazhdanskaya voyna ili grazhdanskiye voyny?” [Round Table “Events of 1917–1922 in Russia: Civil War or Civil Wars?”]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 29, No. 4, pp. 5–17.

Kuptsova, I.V., Filippovas T.A. (2018). Grazhdanskaya voyna v “kul'turnom izmerenii”: istoriya osmysleniya [The Civil War in the “Cultural Dimension”: The History of Understanding]. In *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 544–585.

(2018). Osnovnye problemy istoriografii Grazhdanskoy voyny v Rossii v voprosakh i otvetakh [Main Problems of the Historiography of the Civil War in Russia in Questions and Answers]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii*. St. Petersburg, SPBGETU “LETI”, pp. 8–183.

Palkin, R.V., Saprykin, V.O., Goyko, V.L., Sayfulin, Eh.R. (2019). VKAPI8. Biblioteka metodov po vygruzke i analizu dannykh iz sotsial'noy seti “VKontakte” [Library of Methods for Downloading and Analyzing Data from the VKontakte Social Network]. Certificate of registration of the software RU 2019662001, 13.09.2019. Request No. 2019661005 dated 10.09.2019

Petrov, Yu.A. (2023). Grazhdanskaya voyna v Rossii: sovremennyye istoriograficheskie trendy (introduktsiya) [The Civil War in Russia: Modern Historiographical Trends (Introduction)]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. No. 41, pp. 7–14.

Puchenkov, A.S. (2020). Razmyshlyaya o Grazhdanskoy voyne [Reflecting on the Civil War]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 4, pp. 33–37.

Rynkov, V.M. (2022). Zavershenie Grazhdanskoy voyny: istoriografiya i teoriya v poiskakh otveta [The End of the Civil War: Historiography and Theory in Search of an Answer]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti: sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, Parallel', pp. 371–390.

Tsvetkov, V.Zh. (2018). Osnovnye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [Main Trends and Prospects for Studying the White Movement]. In *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 239–260.

В.И. Исаев*

**ИСТОРИОГРАФИЯ БЫТА РАБОЧИХ СССР
ПЕРИОДА 1920–1930-Х ГОДОВ:
ОТ ПРОПАГАНДЫ К РЕАЛЬНОСТИ****doi:10.31518/2618-9100-2024-5-12
УДК 94(570)"192/193"*Выходные данные для цитирования:**Исаев В.И. Историография быта рабочих СССР периода 1920–1930-х годов: от пропаганды к реальности // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 157–171. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-12.pdf>*

V.I. Isaev*

**HISTORIOGRAPHY OF THE EVERYDAY LIFE
OF WORKERS IN THE USSR IN THE 1920S–1930S:
FROM PROPAGANDA TO REALITY**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-12

*How to cite:**Isaev V.I. Historiography of the Everyday Life of Workers in the USSR in the 1920s–1930s: From Propaganda to Reality // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 157–171. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-12.pdf>]*

Abstract. The article considers the development of the historiography of the everyday life of Soviet workers at various stages of Russian history. In the twenties of the twentieth century, the approaches and methods of pre-revolutionary scientific schools were to a certain extent preserved in the study of the everyday life of workers; issues of nutrition and domestic life of workers, budgets of the working family, problems of restructuring of everyday life at the stage of transition from capitalism to socialism were actively and thoroughly studied. In the 1930s the topics of research are sharply narrowed, serious scientific books have become a rare occurrence, and the party and state propaganda declaratively states the growth of workers' well-being and the formation of a socialist way of life. In the 1940s and 1950s, attention to the topic significantly weakened, since the possibilities for objective research were practically absent. In the 1960s and especially in the 1970–1980s. Interest in the problems of everyday life is gradually reviving, not least due to increased attention to the subjective factors of the historical process. However, throughout the Soviet period, with the exception of the late 1980s, the idea of the steady improvement of the workers' lives in the USSR, prescribed by the Communist Party, prevailed. Objective study of the workers' lives in the pre-war period began only in the post-Soviet period. At present, this topic is often the subject of research, serious failures of the Soviet state in the field of social policy are noted, especially in the 1930s, when the country was going through a period of forced socio-economic transformations.

Keywords: everyday life, historiography of everyday life, material and spiritual foundations of everyday life, social policy, early Soviet society.

The article has been received by the editor on 08.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктор Иванович Исаев**, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: history49@mail.ru

Viktor Ivanovich Isaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: history49@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state task “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. Рассмотрено развитие историографии быта советских рабочих на различных этапах истории России. В 1920-е гг. при исследовании быта рабочих в определенной мере сохранялись подходы и методы дореволюционных научных школ; активно и основательно изучались вопросы питания и домашнего быта рабочих, бюджеты рабочей семьи, проблемы перестройки быта на переходном от капитализма к социализму этапе. В 1930-е гг. тематика исследований резко сужается, серьезные научные издания становятся редким явлением, в партийно-государственной пропаганде декларативно утверждается о росте благосостояния рабочих и формировании социалистического быта. В 1940-е и 1950-е гг. внимание к теме существенно ослабевает, так как возможности для объективного исследования практически отсутствовали. В 1960-е и особенно в 1970–1980-е гг. интерес к проблематике быта постепенно вновь оживает, не в последнюю очередь в связи с усилением внимания к субъективным факторам исторического процесса. Однако на протяжении всего советского периода, за исключением конца 1980-х гг., господствовало предписанное Коммунистической партией представление о неуклонном улучшении быта рабочих в СССР. Объективное изучение быта рабочих в довоенный период начинается лишь в постсоветский период. В настоящее время эта тема достаточно часто выступает предметом исследования, констатируются серьезные провалы советского государства в области социальной политики, особенно в 1930-е гг., когда страна переживала период форсированных социально-экономических преобразований.

Ключевые слова: быт, историография быта, повседневная жизнь, материальные и духовные основы быта, социальная политика, раннее советское общество.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024 г.

Одним из острейших противоречий развития советского общества, сыгравшим далеко не последнюю роль в его деградации и крушении, выступал колоссальный разрыв между официальной пропагандой и реальностью. Пожалуй, с наибольшей полнотой этот разрыв проявлялся именно по отношению к сфере быта советского народа в целом, при этом в быту рабочих это отразилось даже в большей степени в связи с декларированной большевиками ведущей ролью рабочего класса в строительстве нового общества.

Историческая наука в СССР, находясь под цензурным и идеологическим прессом, соответствующим образом воспроизводила это противоречие в историографии быта рабочих послереволюционного и довоенного периода. Влияние господствовавшей в СССР большевистской партии и коммунистической идеологии на содержание и тематику исторических исследований быта рабочих бесспорно, но степень и направленность этого влияния на разных этапах истории могли варьироваться. Цель статьи – выделение основных этапов историографии быта рабочих в СССР периода 1920–1930-х гг. и тех изменений в политике советской власти по отношению к сфере быта, которые обусловили существование этих этапов.

В качестве первого этапа, на наш взгляд, следует рассматривать 1920-е гг. и начало 1930-х, т.е. этап объединяет период нэпа и начало так называемого «Великого перелома». Несмотря на то, что в общей периодизации истории советского общества эти периоды принято разделять, в историографии быта рабочих это время характеризуется общими чертами. Главной особенностью этапа историографии быта рабочих выступает постепенное нарастание влияния идеологии и политики на изучение быта рабочих.

В качестве теоретической и методологической основы исследований быта рабочих в советской исторической науке в это время утверждался марксизм. Однако какой-либо внятной программы создания нового быта в марксизме не было разработано. Намеченная К. Марксом и Ф. Энгельсом в самом общем виде программа переустройства частной жизни людей включала в себя распространение принципов коллективизма на сферу быта, в част-

ности передачу обществу функций обеспечения и обслуживания быта как отдельного индивида, так и семьи. В качестве наилучшего варианта для такой организации быта предлагались коллективные жилища – фаланстеры, предложенные еще социалистами-утопистами¹.

Большевики во главе с В. Лениным восприняли идеал устройства быта, в общих чертах намеченный в марксизме. В программе РКП(б), принятой VIII съездом в 1919 г., в области быта намечалось создание домов-коммун, в которых предполагалось организовать коллективное ведение домашнего хозяйства. Сокращение домашнего труда за счет передачи его обществу также являлось одной из задач большевиков в этой сфере. Однако серьезно разработанной (по срокам и направлениям) программы переустройства быта у большевиков в момент прихода к власти и в первые годы пребывания у руля государства все же не было. Все это порождало самые разнообразные и противоречивые представления о должном устройстве быта, бурные дискуссии и смелые эксперименты.

В данной ситуации политика советской власти в отношении быта людей строилась на довольно туманных представлениях о необходимости перестройки бытового уклада на новых социалистических принципах, отказе от привычных «феодалных и капиталистических» норм повседневной жизни. Сложившаяся в обществе и научной среде атмосфера ориентировала исследователей быта на выявление ростков нового и тенденций изживания старого быта.

Именно так формулирует проблему один из первых исследователей быта советских рабочих будущий академик С.Г. Струмилин. Свою задачу он видел в том, чтобы «зафиксировать в цифрах то, что еще сохранилось донныне из отживающего быта, и выявить уже намечавшиеся в нем контуры будущего рабочего быта»². В частности, он исследовал изменения в распределении расходов в семейных бюджетах, а также в затратах времени рабочих, показывающие, что больше средств и времени стало уделяться культурно-просветительным мероприятиям³.

О наметившихся с установлением пролетарской диктатуры улучшениях в питании рабочих заявляет в опубликованном исследовании видный социальный статистик и социолог Е.О. Кабо. При этом, несмотря на явные противоречия с фактическими данными, в предисловии к книге, написанном ее редактором С.Г. Струмилиным, провозглашается, что «наш пролетариат к концу 1924 г. превзошел в количественном и качественном отношении все довоенные нормы питания»⁴. Очевидно, что уже в первое десятилетие советской власти исследователи быта вынужденно или добровольно корректируют свои суждения и выводы в соответствии с политической программой властей.

Позднее Е.О. Кабо разрабатывает и вместе с коллегами осуществляет программу развернутого детального исследования, в котором на основе бюджетно-статистического обследования около 200 семей выделяет четыре модели устройства рабочего быта: «Первая группа – рабочая целина, сохранившая <...> во всей неприкосновенности старые устои замкнутого дореволюционного быта. Вторая группа – те, в чьей жизни в той или иной форме, теми или иными путями, на наших глазах прошла первой бороздой новая революционная культура. <...> Третья группа – это те рабочие семьи, где современная культура встретила хорошо распаханную почву и где новый бытовой уклад развивается без больших скачков и противоречий. <...> Четвертая группа – те рабочие, чья жизнь еще задолго до революции сложилась под влиянием революционной борьбы и социалистических идей»⁵. В этой работе также прослеживается тенденция переоценки позитивных изменений в сфере быта рабочих.

Положительной чертой данного этапа стало интенсивное развитие методологии исследований быта: велись поиски новых методов изучения быта, предлагались различные подходы. В 1920-е гг. в исследовании быта рабочих в определенной мере сохранялись

¹ *Энгельс Ф.* Эльберфельдские речи // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 532–554.

² *Струмилин С.Г.* Рабочий быт в цифрах. М.; Л., 1926. С. 5.

³ *Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского рабочего. М., 1923.

⁴ *Кабо Е.О.* Питание русского рабочего до и после войны. По стат. материалам 1908–1924 гг. М., 1926. С. 3.

⁵ *Кабо Е.О.* Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего быта. М., 1928. Т. 1. С. 28.

подходы и методы дореволюционных научных школ, благодаря чему активно и основательно исследовались вопросы питания и домашнего быта рабочих, бюджеты рабочей семьи.

Предпринимаются попытки создания новой научной базы для изучения быта. Открывается ряд научных учреждений, которые были призваны разработать научную основу социалистических преобразований трудовой и повседневной жизни человека. Прежде всего, это Центральный институт труда, созданный А.К. Гастевым в 1921 г. и заложивший основы рационализации трудовой деятельности человека. Важно отметить, что Гастев считал необходимым распространить новые принципы организации жизни не только на производственный процесс, но и на быт и общую культуру людей. В 1927 г. возникает Всесоюзное научно-исследовательское общество нормальной организации быта под руководством академика В.М. Бехтерева, которое также пыталось выработать научно обоснованные принципы повседневной жизни человека при социализме. Оживленно обсуждаются в это время в общественном и научном дискурсах о строительстве нового общества и духовные аспекты быта людей.

Некоторая часть публикаций 1920-х гг., посвященных вопросам быта, подчеркивает перемены в духовном облике рабочих, их жизненных ориентациях⁶. Большинство таких работ не были строго научными, это скорее публицистические тексты, в них отсутствовала теоретическая проработка проблем, репрезентативный фактический материал, доминировали иллюстративный и декларативный подходы.

Существенное продвижение в изучении формирования и развития рабочего класса обещало создание в 1929 г. под руководством А.М. Панкратовой специального научного центра «История пролетариата СССР» в Институте истории Коммунистической академии. В течение 1930–1935 гг. секция издавала сборники материалов по истории рабочих, однако в связи с идеологической и политической направленностью всей деятельности Комакадемии в них, прежде всего, освещались проблемы возникновения рабочего класса в России, его дореволюционного положения и участия в революционном движении. К тому же научные интересы руководителя центра во многом определили тематику его исследований⁷. Поэтому вопросы материально-бытового положения рабочих в советский период не получили сколько-нибудь серьезной разработки.

В конце 1920-х гг. новым явлением в историографии быта стало повышенное внимание к вопросам его радикальной перестройки, связанное с атмосферой «Великого перелома». Переход к форсированному созданию социалистического общества оказал разностороннее влияние на уровень жизни и в целом на сферу быта населения СССР. В 1929 г. в общественном дискурсе значительное распространение получили идеи социалистической перестройки быта, предполагавшей радикальный разрыв с прежними принципами устройства повседневной жизни.

Пропаганда создания социализма в СССР стимулировала горячее обсуждение проблем радикального переустройства жилищно-бытовой сферы. В ходе дискуссии сформировалось представление о том, что переустройство старых и строительство новых городов нужно вести с ориентацией на принципы коллективизма, основным типом жилища должны были стать дома-коммуны. Это обосновывалось и ссылками на Программу партии. Планы строительства соцгородов принимались на правительственном уровне, начиналось их осуществление на Урале и в Сибири.

Риторика о сломе старого общества и переходе к социализму породила неоправданный энтузиазм и надежды на коренное изменение быта людей. В эти годы разрабатываются планы создания подлинно социалистического быта, построенного на коллективистских началах. Появляется ряд работ, в которых рассматриваются меры по организации нового

⁶ Жига И. Новые рабочие. М.; Л., 1928; Рафаил М. За нового человека. М., 1928; Лебедев Д. Голос миллионов. М., 1928.

⁷ Панкратова А.М. Рабочий класс России. Избранные труды. М., 1983.

быта, прежде всего на примере реального опыта создания бытовых коммун и строительства социалистических городов⁸.

Радикальными теоретиками перестройки бытовой сферы, среди которых нужно назвать прежде всего Ю. Ларина, Л. Сабсовича, Н. Милютину, предлагалась программа полной коллективизации быта, отказа от семейного хозяйства как формы организации потребления и частной жизни людей. При этом индивидуальное жилище семьи также объявлялось наследием капитализма. Оно должно было вытесняться домами коллективного проживания, в которых потребление и досуг были бы организованы на принципах бытовой коммуны, а семейное воспитание детей заменено общественным воспитанием в детских яслях и садах.

Однако для реализации идеи радикального переустройства сферы быта нужны были огромные средства. В условиях концентрации сил и средств на осуществлении ускоренной индустриализации народного хозяйства финансирование жилищно-бытовой сферы велось по «остаточному» принципу. Поэтому в начале 1930-х гг. энтузиазм общественности и ученых по поводу слома старого быта и перехода к новой коллективистской его модели резко идет на спад.

Конкретной точкой отсчета снижения интереса к изучению быта рабочих стало принятие в мае 1930 г., а затем в июне 1931 г. двух программных постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам перестройки быта и развития городского коммунального хозяйства. В них идея коллективизации быта признавалась несвоевременной, опережающей реальные возможности народного хозяйства СССР. Создание социалистических городов, строительство домов-коммун определялись как перспективное, но несвоевременное направление. Отмечалась «необходимость в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрейшей индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта»⁹. По существу руководством большевистской партии были приняты решения о несвоевременности радикальной перестройки быта, согласно которым реализация этих замыслов переносилась в неопределенное будущее. Такое жесткое определение линии партии по вопросам перестройки быта привело к снижению интереса к этой проблематике, что и позволяет определить начало 1930-х гг. в качестве окончания первого этапа в историографии быта рабочих СССР.

Следующий, второй этап охватывает 1930-е, 1940-е и 1950-е гг. В 1930-е гг. тематика исследований резко сужается, вместо серьезных научных книг, которые стали редким явлением, в основном появляются публикации, призванные подтвердить тезис партийно-государственной пропаганды о росте благосостояния рабочих и формировании социалистического быта.

В 1931 г. интересным начинанием в изучении истории рабочего класса стала инициатива А.М. Горького по изданию серии книг по истории отдельных фабрик и заводов (ИФЗ). В течение 1930-х гг. было подготовлено и опубликовано 30 книг этой серии. Главное внимание в них уделяется производственной и общественно-политической сферам, а при описании быта рабочих в основном содержатся декларации о тяжелом материальном положении пролетариата до революции и неуклонном улучшении жизни после установления советской власти. Например, в книге С. Лапицкой, вышедшей в этой серии, наряду с описанием производственной сферы показаны изменения быта рабочих московского завода «Трехгорная мануфактура», формирование новых отношений между людьми. Однако основная задача автора – доказательство улучшения жизни советских рабочих по сравнению с дореволюционным временем, поэтому, подчеркивая мрачные стороны быта в царской России, С. Лапицкая при характеристике советского периода ограничивается довольно общими рассуждениями и во многом приукрашивает реальное положение дел. Примерно в таком же ключе написана и книга В.И. Величкина о Верх-Исетском заводе¹⁰.

⁸ Ларин Ю. Строительство социализма и коллективизация быта. М., 1930; Милютин Н.А. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л., 1930; Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. Л., 1929; Сабсович Л.М. Социалистические города. М., 1930.

⁹ Справочник партийного работника. М., 1934. Вып. 8. С. 733.

¹⁰ Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М., 1935; Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского завода. Свердловск, 1936.

Очевидно, что такое освещение быта рабочих было predeterminedено пропагандистской задачей проекта. Как показывает исследовавший эту тему С.В. Журавлев, жесткая цензура со стороны главной редакции ИФЗ исключала упоминания о трудностях быта рабочих в годы первых пятилеток¹¹.

В целом литературе 1930-х гг. присущи так называемая лакировка действительности, стремление представить жизнь рабочих благополучной и счастливой, как это преподносила пропаганда¹². В реальности же в этот период рабочий класс испытывал серьезные материальные трудности: резкое снижение уровня реальной зарплаты, обострение жилищного и продовольственного кризиса, дефицит товаров массового спроса.

На протяжении 1930-х гг. интерес исследователей к проблемам быта снижается, сама тема становится опасной для ученых из-за возможных обвинений в очернении советской действительности. Серьезные правдивые исследования проблем быта рабочих оказались не нужны правящей партии. В обстановке ужесточения цензуры и политических преследований происходила общая деградация науки.

Приращение значения быта как сферы частной жизни в условиях тоталитарного режима, господства коллективистской идеологии было неизбежным. Рассматривая период первых пятилеток, современные исследователи отмечают, что «фетишизация производственной сферы, культ производства и одновременно приращение роли социальной сферы <...> стало обыденной практикой»¹³.

Расхождения между реальностью и пропагандой серьезно повлияли и на источниковую базу исследований быта. Чтобы скрыть реальное положение дел, по указанию высших партийно-государственных инстанций прекратилась публикация в открытой печати данных о прожиточном минимуме, стоимости бюджетного набора, реальной покупательной способности зарплаты. Более того, в 1932 г. в редакционной статье к справочнику «Труд в СССР» объявлялась ненужной и даже ошибочной методика расчета реальной зарплаты рабочих путем сопоставления номинальной денежной оплаты труда со стоимостью бюджетного набора. «Теоретическая и политическая неудовлетворительность такого метода <...> совершенно очевидна»¹⁴, – такой оригинальный вывод сделали советские статистики, вынужденные выдавать черное за белое.

Цензура научной литературы приводит к тому, что публиковать сведения о реальном положении в сфере быта практически запрещается. Стало не принято говорить о негативных сторонах быта, таких как пьянство, проституция, домашнее насилие и т.п. В ЦСУ СССР ликвидируется отдел так называемой моральной статистики, собиравший и обобщавший сведения о проституции, преступности, пьянстве, самоубийствах.

Неслучайно два самых плодотворных исследователя предыдущего периода, С.Г. Струмилин и Е.О. Кабо, в эти годы уже не публикуют обстоятельных исследований рабочего быта, как это было в 1920-х гг. Хотя по всей логике развития их научных интересов они должны были бы продолжить изучение этих проблем. Струмилин сосредотачивается на проблемах экономики и на этом поприще становится академиком. Научная же судьба Кабо оказалась менее удачливой: по существу наметившийся взлет ее научной карьеры был остановлен цензурным прессом, хотя перспектив стать академиком у нее, возможно, было не меньше. Собранный ее близкими библиография научных трудов, включая и неопубликованные, показывает, что Е.О. Кабо вообще-то продолжала исследовать вопросы быта, но результаты значительной части ее исследований не увидели свет. Так, в 1930-е гг. она подготовила рукописи таких интересных книг, как «Рабочий бюджет и общественное питание в СССР», «Потребление изделий легкой промышленности рабочими и служащими СССР во второй пятилетке». Однако в силу цензурных ограничений эти работы не были опубликованы. Репрессивный характер советского государства сказался не только на науч-

¹¹ Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи тридцатых годов. М., 1997.

¹² См., например: Червоный Н.С. Рост благосостояния трудящихся масс в СССР. М., 1939.

¹³ Орлов С.А. Труд и рекреация // Социс. 1991. № 10. С. 77.

¹⁴ Труд в СССР. Стат. справочник. М.; Л., 1932. С. 35.

ной, но и на частной жизни Елены Осиповны Кабо. В 1949 г. ее сын Владимир (в будущем известный этнограф), пройдя войну и став студентом МГУ, был арестован за дискредитацию образа советского пионера и получил 10 лет лагерей. Причиной стало исполнение озорной песни у костра во время пребывания студентов в этнографической экспедиции. Чекисты сумели из такого эпизода по смехотворному доносу одного из приятелей Владимира раздуть дело по 58 статье¹⁵.

Становление в России тоталитарного режима, ужесточение политической цензуры в условиях все большего расхождения пропаганды и реальности сделали научные исследования быта людей практически невозможными. В 1940-е и 1950-е гг. не появилось сколько-нибудь заметных исследований по проблемам быта рабочих в довоенный период, так как возможности для объективного освещения этой темы были существенно ограничены.

Новый этап в развитии историографии быта начинается после XX съезда КПСС, знаменующего собой первую непоследовательную попытку либерализации общества. В самом общем виде этот этап занимает период от «хрущевской оттепели до горбачевской перестройки». В силу накопленной инерции эффект «оттепели» в историографии быта проявился в основном в 1960-е гг. Резко выросло внимание исследователей к проблемам истории рабочего класса. Если за 1946–1953 гг. по этой тематике появилась 81 публикация, то в течение следующего десятилетия их число возросло до 1 041¹⁶.

С ослаблением тисков сталинизма, некоторой либерализацией общественной атмосферы наблюдается повышение интереса исследователей к проблемам быта, появляется стремление обратиться к изучению повседневной жизни людей. Своеобразным ориентиром для историков стала обстоятельная статья О.И. Шкаратана, образцовая с точки зрения анализа материально-бытового положения рабочих¹⁷.

В 1960–1980-х гг. историки стали интенсивно разрабатывать проблемы развития рабочего класса периода строительства социализма. В начале 1960-х гг. для координации работы в Академии наук СССР создается Научный Совет по истории рабочего класса. В 1967 г. начинается работа по созданию многотомной истории рабочего класса СССР, завершившаяся в 1984 г. изданием шести томов. Второй том был посвящен периоду строительства социализма, в нем в основном рассматривались проблемы роста и состава рабочего класса, его производственная и общественно-политическая деятельность, повышение культурного уровня¹⁸. Проблемы быта освещались весьма поверхностно, внимание в основном обращалось на материальные аспекты: зарплата в ее номинальном выражении, жилищное положение; при этом ощутимое снижение уровня жизни рабочих в годы первых пятилеток не получило рассмотрения.

Большой вклад в историографию темы внесли труды таких известных исследователей, как В.З. Дробижев, А.И. Вдовин, А.К. Соколов, В.С. Лельчук, а также многих других историков¹⁹. Но стоит отметить, что сфера быта рабочих в 1920–1930-е гг. историками затрагивалась редко, при этом давались лишь весьма общие и далекие от действительности характеристики материального благосостояния рабочих²⁰.

¹⁵ Елена Кабо. Библиография // Рафаил и Елена Кабо [Электронный ресурс]. URL: <https://kabo.family/elena-kabo-bibliography/> (дата обращения: 22.04.2024); Кабо Владимир Рафаилович // Биография [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/3554-kabo-vladimir-rafailovic.html> (дата обращения: 22.04.2024).

¹⁶ Шкаратан О.И. Методологические аспекты изучения истории советского рабочего класса // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 11.

¹⁷ Шкаратан О.И. Материальное благосостояние рабочего класса в СССР в переходный период от капитализма к социализму // История СССР. 1964. № 3. С. 17–44.

¹⁸ История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937.

¹⁹ Дробижев В.З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961; Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М., 1976; Лельчук В.С. Индустриализация СССР. История. Опыт. Проблемы. М., 1984; Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987; и др.

²⁰ См.: Твердохлеб А.А. Историография материального благосостояния рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму // История СССР. 1974. № 3. С. 113–131; Труфанов И.П. Историография

После принятия в 1961 г. новой Программы КПСС, поставившей задачу перехода к коммунизму, вновь возрождаются идеи о необходимости радикального переустройства быта на началах коллективизма²¹. Под этим углом зрения в некоторых работах рассматриваются и проблемы быта в период раннего советского общества²². Однако до всесторонних серьезных исследований этой проблемы дело не дошло.

В 1970–1980-е гг. интерес к проблематике быта постепенно вновь оживает, не в последнюю очередь в связи с усилением внимания к субъективным факторам исторического процесса. Но практически во всей литературе советского времени присутствовало стремление любые позитивные изменения быта представить как результат строительства социализма, хотя они были всего лишь естественным развитием бытового уклада в условиях современного общества. На протяжении всего советского периода, за исключением конца 1980-х гг., господствовало предписанное Коммунистической партией представление о неуклонном улучшении быта рабочих в СССР, которое историки продолжали декларировать, хотя и с учетом некоторых корректив. В частности, стало возможным упоминание о материальных трудностях рабочих в годы первых пятилеток²³. Это стало возможным потому, что Коммунистическая партия сама признала этот очевидный факт. В новой Программе КПСС, принятой XXI съездом партии, было заявлено: «Индустриализация СССР – великий подвиг рабочего класса, всего народа, который не жалел ни сил, ни средств, сознательно шел на лишения, чтобы вытащить страну из отсталости»²⁴.

Однако это еще не означало, что исследователям разрешалось освещать всю тяжесть реального положения рабочих. Автору данного текста пришлось в самом начале научной карьеры (вторая половина 1970-х гг.) ощутить на собственном опыте «руководящую и направляющую роль партии» в проведении исторических исследований. При попытке опубликовать в одной из статей факты из архивов о реальном падении уровня жизни сибирских рабочих, автор был вызван в областное отделение ЛИТО (так тогда обозначались органы цензуры), где ему недвусмысленно объяснили, что показывать негативные явления не стоит, чтобы «не лить воду на мельницу наших идеологических противников».

Новым явлением в историографии быта советских рабочих стало «вторжение» социологов в ретроспективное изучение данной темы. Занимаясь современностью, социологи почувствовали необходимость дать более широкую картину изменений быта рабочих за счет сравнения положения и поведения рабочих в период строительства социализма и в условиях зрелого социалистического общества. Книги Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, Л.Н. Когана, Б.С. Павлова, рассматривавшие быт рабочих периода строительства социализма как исходную базу для сравнения с современным состоянием, стали для историков хорошим толчком для обращения к этим проблемам²⁵.

На рубеже 1980–1990-х гг. начинается новый этап в изучении быта рабочих в 1920–1930-е гг., который продолжается и в настоящее время. Особенностью этого этапа стало внимание к тем явлениям, которые замалчивались советской историографией. Критическое отношение исследователей к советскому этапу истории, в том числе и к истории быта рабочих, в значительной мере определялось политическим курсом, взятым в ходе перестройки, а особенно после 1991 г. российскими властными элитами.

быта рабочего класса СССР (1924–1932 гг.) // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Л., 1973. Вып. 2. С. 25–34.

²¹ Сеницын В.Г. Коммунистическое переустройство быта. М., 1963.

²² Сеницын В.Г. Становление и развитие социалистического быта. М., 1970; Зуйкова Е.М. Быт при социализме. М., 1976.

²³ Труфанов И.П. Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973; Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. М., 1977; и др.

²⁴ Программа КПСС. М., 1968. С. 13.

²⁵ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социологические проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972; Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977; Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Опыт историко-социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х гг. Свердловск. 1976.

Закономерно, что внимание историков привлекли, прежде всего, негативные явления, о которых раньше не принято было писать. Например, в публикациях Г.А. Бордюгова и Н.Б. Лебиной рассматривались вопросы пьянства и хулиганства в рабочей среде, проституции и бродяжничества как составные части быта российских городов в 1920–1930-е гг.²⁶

На новом этапе историки наконец получили возможность правдиво написать обо всех трудностях жизни рабочих в условиях сталинского режима. Заметным явлением новейшей историографии быта стали работы Е.А. Осокиной²⁷, которая впервые подробно показала широкую картину трудностей обеспечения населения товарами народного потребления в условиях действия карточной системы. Представляются достаточно обоснованными выводы Е.А. Осокиной о том, что сталинский режим, заявляя о приоритетном снабжении рабочих и действительно предоставляя им некоторые преимущества по сравнению с другими группами населения, в целом не обеспечивал достаточное снабжение, обрекая рабочих на полуголодное существование.

На этом этапе исследователями последовательно развенчивается миф советской пропаганды и историографии о неуклонном повышении уровня жизни рабочих в СССР. В частности, освещаются чрезвычайно плохие жилищные условия городского населения в 1920–1930-е гг., при этом в особенно бедственном положении находились именно рабочие²⁸. С критических позиций рассматриваются проблемы уровня жизни и оплаты труда рабочих и в целом трудящихся советского государства²⁹.

На развитие отечественной историографии рабочего класса в этот период значительное воздействие оказали теоретические разработки и концептуальные подходы зарубежной историографии, освоение которых стало возможным с конца 1980-х гг. После падения «железного занавеса» развивались интенсивные контакты российских историков с мировым историческим сообществом, переводились книги и статьи наиболее известных авторов. В частности, обновлению методологии изучения истории рабочих способствовало знакомство отечественных исследователей с работами Ф. Броделя, П. Грэгори, Ч. Тилли, Э. Томпсона и других авторитетных зарубежных ученых. Важность и необходимость использования отечественными историками арсенала зарубежной историографии, в которой во второй половине XX в. шла активная разработка новых концепций социальной истории, убедительно показаны в книге Л.П. Репиной³⁰.

Одним из новых подходов к изучению истории рабочих, пришедших из зарубежной историографии, стала история повседневности³¹. В отечественной историографии к настоящему времени уже сложилось самостоятельное направление, в рамках которого повседневная жизнь городского населения (а рабочие составляют его большую часть), и прежде всего бытовые повседневные практики, является предметом исследования³². Популярности истории повседневности способствуют и переводы работ видных зарубежных историков³³.

Углубленному изучению повседневной жизни рабочих, в том числе различных аспектов быта, помогает возникшее на современном этапе повышенное внимание к источ-

²⁶ Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальная аномалия (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией и бродяжничеством в 20-е–30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 60–73; Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-х–30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30–42.

²⁷ Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008.

²⁸ Мейерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М., 2008.

²⁹ Илюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда. 1917–1941 гг. М., 2010.

³⁰ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

³¹ Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

³² Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996; Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху, 1920–30-е гг. М., 2003; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 гг. СПб., 1999; Макарова Н.Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск, 2014.

³³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

никам личного происхождения, в частности к письмам граждан в органы власти, управления и в средства массовой информации, в которых отражались различные аспекты повседневной жизни³⁴.

В целом можно сказать, что объективное изучение быта рабочих в довоенный период начинается лишь в постсоветский период. В настоящее время эта тема достаточно часто выступает предметом исследования, при этом констатируются серьезные провалы советского государства в области социальной политики, особенно в годы форсированных социально-экономических преобразований.

Введение в научный оборот новых источников и снятие идеологического пресса открыли широкие возможности для более объективного исследования социальных последствий форсированной индустриализации в СССР, в том числе и вопросов быта. Прежде всего, изучаются такие проблемы, как материальное положение рабочего класса, развитие социальной инфраструктуры городов, миграции населения под воздействием радикальных сдвигов в экономике.

Можно отметить определенные успехи и сдвиги в изучении отдельных проблем. В последние десятилетия стало появляться больше работ, непосредственно нацеленных на изучение социальной политики советского государства по отношению к рабочим, в которых внимание уделяется прежде всего бытовой стороне жизни³⁵.

Но многие проблемы истории быта рабочих в 1920–1930-е гг. к настоящему времени исследованы недостаточно. Одной из главных задач остается исследование сферы быта рабочих во всех ее аспектах, включая не только материальную, но и духовную культурную сторону повседневной жизни. Требуют дальнейшего исследования реальные направления формирования нового образа жизни, вопросы питания и уровня реальной зарплаты рабочих, изменения отношений в рабочей семье и положение женщин, проявления социальных аномалий в рабочем быту.

Обобщая рассмотрение этапов историографии быта рабочих от 1920-х до 2010-х гг., приходится констатировать, что ее развитие в значительной степени было обусловлено влиянием политического курса существовавшей власти и проделало сложный путь от пропаганды к реальности. На современном этапе открылись хорошие возможности для создания подлинно научной картины рабочего быта в условиях раннего советского общества.

Литература

Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху, 1920–30-е гг. М.: Молодая гвардия, 2003. 448 с.

Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальная аномалия (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией и бродяжничеством в 20-е–30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 60–73.

Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М.: Мысль, 1976. 263 с.

Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского завода им. И.Д. Казакова. Свердловск: Уральский рабочий, 1936. 134 с.

Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. 328 с.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социологические проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972. 256 с.

Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание, 1977. 159 с.

³⁴ Общество и власть: 1930-е гг. Повествование в документах. М., 1998; Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997.

³⁵ См.: Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика советской власти в 1930-е годы в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 5 (334). С. 64–67; Фадеев Л.А. Российская историография социальных аспектов советской индустриализации в годы первых пятилеток // Экономическая история. 2013. № 2. С. 56–62.

Дробижев В.З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М.: Наука, 1961. 427 с.

Жига И. Новые рабочие. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 160 с.

Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи тридцатых годов. М.: ИРИ РАН, 1997. 215 с.

Зуйкова Е.М. Быт при социализме. М.: Изд-во МГУ, 1976. 240 с.

Илюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда. 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.

История советского рабочего класса. М.: Наука, 1984. Т. 2. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 / отв. ред. С.С. Хромов. 511 с.

Кабо Е.О. Питание русского рабочего до и после войны. По стат. материалам 1908–1924 гг. М.: Вопросы труда, 1926.

Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего быта. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1928. Т. 1.

Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика советской власти в 1930-е годы в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 5 (334). С. 64–67.

Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Опыт историко-социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х гг. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1976. 175 с.

Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996. 215 с.

Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М.: ОГИЗ, 1935. 194 с.

Ларин Ю. Строительство социализма и коллективизация быта. М.: Прибой, 1930. 61 с.

Лебедев Д.А. Голос миллионов. Опыт исследования 1 600 писем рабочих корреспондентов. М.; Л.: Красный пролетарий, 1928. 59 с.

Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-х–30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30–42.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 гг. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с.

Лельчук В.С. Индустриализация СССР. История. Опыт. Проблемы. М.: Наука, 1984. 304 с.

Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.

Макарова Н.Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск: Дом печати, 2014. 432 с.

Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. М.: Мысль, 1977. 236 с.

Мейерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.

Милютин Н.А. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. 83 с.

Общество и власть: 1930-е гг. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. 352 с.

Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: МГОУ, 1993. 169 с.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. (1927–1941). М.: РОССПЭН, 2008. 267 с.

Панкратова А.М. Рабочий класс России. Избранные труды. М.: Наука, 1983. 559 с.

Рафаил М. За нового человека. М.: Прибой, 1928. 116 с.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.

Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. М.: Государственное техническое издательство, 1929. 67 с.

- Сабсович Л.М. Социалистические города. М.: Московский рабочий, 1930. 124 с.
- Синицын В.Г. Коммунистическое переустройство быта. М.: Советская Россия, 1963. 144 с.
- Синицын В.Г. Становление и развитие социалистического быта. М.: Знание, 1970. 48 с.
- Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М.: МГУ, 1987. 226 с.
- Струмилин С.Г. Рабочий быт в цифрах. М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926. 134 с.
- Струмилин С.Г. Бюджет времени русского рабочего. М.; Л.: Вопросы труда, 1923. 165 с.
- Твердохлеб А.А. Историография материального благосостояния рабочего класса СССР в переходный от капитализма к социализму период // История СССР. 1974. № 3. С. 113–131.
- Труфанов И.П. Историография быта рабочего класса СССР // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1973. С. 25–34.
- Труфанов И.П. Проблемы быта городского населения СССР. Л.: ЛГУ, 1973. 144 с.
- Фадеев Л.А. Российская историография социальных аспектов советской индустриализации в годы первых пятилеток // Экономическая история. 2013. № 2. С. 56–62.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Шкаратан О.И. Материальное благосостояние рабочего класса в СССР в переходный период от капитализма к социализму // История СССР. 1964. № 3. С. 17–44.
- Шкаратан О.И. Методологические аспекты изучения истории советского рабочего класса // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 11–21.
- Червонный Н.С. Рост благосостояния трудящихся масс в СССР. М.: Соцэкгиз, 1939.
- Энгельс Ф. Эльберфельдские речи // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 532–554.

Referens

- Andreevskiy, G.V. (2003). *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy v stalinskuyu epokhu, 1920–30-e gg.* [Everyday Life of Moscow in the Stalinist Era, 1920–30s]. Moscow, Molodaya gvardiya. 448 p.
- Bordyugov, G.A. (1989). *Sotsial'nyy parazitizm ili sotsial'naya anomal'ya (Iz istorii bor'by s alkogolizmom, nishchenstvom, prostitutsiey i brodyazhnichestvom v 20-e–30-e gg.)* [Social Parasitism or Social Anomaly (From the History of the Fight Against Alcoholism, Poverty, Prostitution And Vagrancy in the 20s–30s)]. In *Istoriya SSSR*. No. 1, pp. 60–73.
- Chervonnyy, N.S. (1939). *Rost blagosostoyaniya trudyashchikhsya mass v SSSR* [The Growth of the Welfare of the Working Masses in the USSR]. Moscow, Sotsekgiz.
- Drobizhev, V.Z. (1961). *Sovetskiy rabochiy klass v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva* [Soviet Working Class during the Period of Socialist Reconstruction of the National Economy]. Moscow, Nauka. 427 p.
- Engel's, F. (1955). *El'berfel'dskie rechi* [Elberfeld Speeches]. In *Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd.* Moscow. Vol. 2, pp. 532–554.
- Fadeev, L.A. (2013). *Rossiyskaya istoriografiya sotsial'nykh aspektov sovetskoy industrializatsii v gody pervykh pyatiletok* [Russian Historiography of the Social Aspects of Soviet Industrialization during the First Five-Year Plans]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 2, pp. 56–62.
- Fitspatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 1930-e gody* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.
- Gordon, L.A., Klopov, E.V. (1972). *Chelovek posle raboty. Sotsiologicheskie problemy byta i vnerabochego vremeni* [Man after Work. Sociological Problems of Everyday Life and Extra-Working Time]. Moscow, Nauka. 256 p.
- Gordon, L.A., Klopov, E.V., Onikov, L.A. (1977). *Cherty sotsialisticheskogo obraza zhizni: byt gorodskikh rabochikh vchera, segodnya, zavtra* [Features of a Socialist Lifestyle: The Life of Urban Workers Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Znanie. 159 p.

Ilyukhov, A.A. (2010). *Kak platili bol'sheviki: politika sovetской vlasti v sfere oplaty truda. 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks Paid: The Policy of the Soviet Government in the Field of Wages. 1917–1941]. Moscow, ROSSPEN. 415 p.

Kabo, E.O. (1926). *Pitanie russkogo rabochego do i posle voyny. Po stat. materialam 1908–1924 gg.* [Nutrition of the Russian Worker before and after the War. According to Statistical Materials 1908–1924]. Moscow, Voprosy truda.

Kabo, E.O. (1928). *Ocherki rabochego byta. Opyt monograficheskogo issledovaniya domashnego byta. Tom 1* [Essays on Working Life. Experience in Monographic Research of Domestic Life. Vol. 1]. Moscow, Knigoizdatel'stvo VTSSPS.

Kim, M.Yu., Kuzoro, K.A. (2010). Sotsial'naya politika sovetской vlasti v 1930-e gody v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii [Social Policy of Soviet Power in the 1930s in Domestic and Foreign Historiography]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (334), pp. 64–67.

Knromov, S.S. (Ed.). (1984). *Istoriya sovetского rabochego klassa. Tom 2. Rabochiy klass – vedushchaya sila v stroitel'stve sotsialisticheskogo obshchestva. 1921–1937* [History of the Soviet Working Class. Vol. 2. The Working Class is a Leading Force in Building a Socialist Society. 1921–1937]. Moscow, Nauka. 511 p.

Kogan, L.N., Pavlov, B.S. (1976). *Molodoy rabochiy: vchera, segodnya. Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniya obraza zhizni molodykh rabochikh 30-kh i 70-kh gg.* [Young Worker: Yesterday, Today. The Experience of Historical and Sociological Research of the Lifestyle of Young Workers of the 30s and 70s]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'vo. 175 p.

Kozlova, N.N. (1996). *Gorizonty povsednevnosti sovetской epokhi: golosa iz khora* [Horizons of Everyday Life of the Soviet Era: Voices from the Choir]. Moscow. 215 p.

Lapitskaya, S. (1935). *Byt rabochikh Trekhgornoy manufakturny* [The Life of the Workers of the Trekhgornaya Manufactory]. Moscow, OGIZ. 194 p.

Larin, Yu. (1930). *Stroitel'stvo sotsializma i kollektivizatsiya byta* [Building Socialism and Collectivization of Life]. Moscow, Priboy. 61 p.

Lebedev, D.A. (1928). *Golos millionov. Opyt issledovaniya 1 600 pisem rabochikh korrespondentov* [Voice of Millions. Research Experience 1,600 Letters of Working Correspondents]. Moscow, Leningrad, Krasnyy proletariy. 59 p.

Lebina, N.B. (1914). Tenevye storony zhizni sovetского goroda 20-kh–30-kh gg. [Shadow Aspects of the Life of the Soviet City of the 20s–30s]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 30–42.

Lebina, N.B. (1999). *Povsednevnyaya zhizn' sovetского goroda: normy i anomalii, 1920–1930 gg.* [Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies, 1920–1930]. St. Petersburg, Letniy sad. 320 p.

Lel'chuk, V.S. (1984). *Industrializatsiya SSSR. Istoriya. Opyt. Problemy* [Industrialization of the USSR. History. Experience. Problems]. Moscow, Nauka. 304 p.

Lyudtke, A. (2010). *Istoriya povsednevnosti v Germanii. Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [History of Everyday Life in Germany. New Approaches to the Study of Labor, War and Power]. Moscow, ROSSPEN. 271 p.

Makarova, N.N. (2014). “V kotle industrializatsii”: povsednevnyaya zhizn' Magnitogorska (1929–1941) [“In the Cauldron of Industrialization”: The Daily Life of Magnitogorsk (1929–1941)]. Magnitogorsk, Dom pečati. 432 p.

Mayer, V.F. (1977). *Uroven' zhizni naseleniya SSSR* [The Standard of Living of the Population of the USSR]. Moscow, Mysl'. 236 p.

Meerovich, M.G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gg.)* [Punishment by Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Managing People (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEN. 303 p.

Milyutin, N.A. (1930). *Problema stroitel'stva sotsialisticheskikh gorodov* [The Problem of Building Socialist Cities]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 83 p.

Osokina, E.A. (1993). *Ierarkhiya potrebleniya. O zhizni lyudey v usloviyakh stalinskogo snabzheniya. 1928–1935* [Consumption Hierarchy. About the Life of People in the Conditions of Stalinist Supply. 1928–1935]. Moscow, MGOU. 169 p.

Osokina, E.A. (2008). *Za fasadom “stalinskogo izobilija”*. *Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii (1927–1941)* [Behind the Facade of “Stalinist Abundance”. Distribution and Market in Supplying the Population during the Years of Industrialization (1927–1941)]. Moscow, ROSSPEN. 267 p.

Pankratova, A.M. (1983). *Rabochiy klass Rossii. Izbrannye trudy* [Working Class of Russia. Selected Works]. Moscow, Nauka. 559 p.

Rafail, M. (1928). *Za novogo cheloveka* [For a New Person]. Moscow, Priboy. 116 p.

Repina, L.P. (2009). “*Novaya istoricheskaya nauka*” i sotsial’naya istoriya [“New Historical Science” and Social History]. Moscow, Izdatel’stvo LKI. 320 p.

Sabsovich, L.M. (1929). *Goroda budushchego i organizatsiya sotsialisticheskogo byta* [Cities of the Future and the Organization of Socialist Life]. Moscow, Gosudarstvennoe tekhnicheskoe izdatel’stvo. 67 p.

Sabsovich, L.M. (1930). *Sotsialisticheskie goroda* [Socialist Cities]. Moscow, Moskovskiy rabochiy. 124 p.

Shkaratan, O.I. (1964). Material’noe blagosostoyanie rabocheho klassa v SSSR v perekhodnyy period ot kapitalizma k sotsializmu [The Material Well-Being of the Working Class in the USSR During the Transition Period from Capitalism to Socialism]. In *Istoriya SSSR*. No. 3, pp. 17–44.

Shkaratan, O.I. (1966). Metodologicheskie aspekty izucheniya istorii sovetskogo rabocheho klassa [Methodological Aspects of Studying the History of the Soviet Working Class]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 11–21.

Sinitsyn, V.G. (1963). *Kommunisticheskoe pereustroystvo byta* [Communist Reorganization of Life]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 144 p.

Sinitsyn, V.G. (1970). *Stanovlenie i razvitie sotsialisticheskogo byta* [The Formation and Development of Socialist Life]. Moscow, Znanie. 48 p.

Sokolov, A.K. (1987). *Rabochiy klass i revolyutsionnye izmeneniya v sotsial’noy strukture obshchestva* [The Working Class and Revolutionary Changes in the Social Structure of Society]. Moscow, MGU. 226 p.

Sokolov, A.K. (Ed.). (1997). *Golos naroda. Pis’ma i otkliki sovetskikh grazhdan o sobytiyakh 1918–1932 gg.* [Voice of the People. Letters and Responses of Soviet Citizens about the Events of 1918–1932]. Moscow, ROSSPEN. 328 p.

Sokolov, A.K. (Ed.). (1998). *Obshchestvo i vlast’: 1930-e gg. Povestvovanie v dokumentakh* [Society and Power: 1930s Narrative in Documents]. Moscow, ROSSPEN. 352 p.

Strumilin, S.G. (1923). *Byudzhet vremeni russkogo rabocheho* [Russian Worker’s Time Budget]. Moscow, Leningrad, Voprosy truda. 165 p.

Strumilin, S.G. (1926). *Rabochiy byt v tsifrakh* [Working Life in Numbers]. Moscow, Leningrad, Planovoe khozyaystvo. 134 p.

Trufanov, I.P. (1973). Istoriografiya byta rabocheho klassa SSSR [Historiography of the Life of the Working Class of the USSR]. In *Problemy istoriografii i istochnikovedeniya istorii KPSS*. Iss. 2. Leningrad, LGU, pp. 25–34.

Trufanov, I.P. (1973). *Problemy byta gorodskogo naseleniya SSSR* [Problems of Life of the Urban Population of the USSR]. Leningrad, LGU. 144 p.

Tverdokhleb, A.A. (1974). Istoriografiya material’nogo blagosostoyaniya rabocheho klassa SSSR v perekhodnyy ot kapitalizma k sotsializmu period [Historiography of the Material Well-Being of the Working Class of the Ussr in the Period Transitional from Capitalism to Socialism]. In *Istoriya SSSR*. No. 3, pp. 113–131.

Vdovin, A.I., Drobizhev, V.Z. (1976). *Rost rabocheho klassa SSSR. 1917–1940 gg.* [The Growth of the Working Class of the Ussr. 1917–1940]. Moscow, Mysl’. 263 p.

Velichkin, V.I. (1936). *Proizvodstvennyye i bytovye usloviya rabochikh Verkh-Isetskogo zavoda im. I.D. Kazakova* [Production and Living Conditions of Workers of the Verkh-Isetsky Plant named after I.D. Kazakov]. Sverdlovsk, Ural'skiy rabochiy. 134 p.

Zhiga, I. (1928). *Novye rabochie* [New Workers]. Moscow, Leningrad, Moskovskiy rabochiy. 160 p.

Zhuravlev, S.V. (1997). *Fenomen "istorii fabrik i zavodov": gor'kovskoe nachinanie v kontekste epokhi tridtsatykh godov* [The Phenomenon of "History of Factories and Plants": Gorky Undertaking in the Context of the Era of the Thirties]. Moscow, IRI RAN. 215 p.

Zuykova, E.M. (1976). *Byt pri sotsializme* [Life under Socialism]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 240 p.

О.А. Махмудов
О.Г. Пуговкина*

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ: СМЕНА ПАРАДИГМ И ДИСКУРСОВ В УЗБЕКИСТАНСКОЙ НАУКЕ (КОНЕЦ 1980-Х – 2020-Е ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-13
УДК 94(5)"1917"+001"198/202"

Выходные данные для цитирования:
Махмудов О.А., Пуговкина О.Г. Революционные события 1917 года в Туркестане: смена парадигм и дискурсов в узбекистанской науке (конец 1980-х – 2020-е годы) // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 172–185. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-13.pdf>

O.A. Makhmudov
O.G. Pugovkina*

THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 IN TURKESTAN: THE SHIFT OF PARADIGMS AND DISCOURSES IN UZBEK SCIENCE (THE END OF 1980S – EARLY 2020S)

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-13

How to cite:
Makhmudov O.A., Pugovkina O.G. The Revolutionary Events of 1917 in Turkestan: The Shift of Paradigms and Discourses in Uzbek Science (The End Of 1980s – Early 2020s) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 172–185.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-13.pdf>]

Abstract. The revolutionary events of 1917 in Turkestan are one of the most interesting and controversial in the history of Soviet Uzbekistan. Speaking about this period, we mean two important historical events that radically changed the entire further flow of the historical development of the peoples of the Central Asian region – the Great Russian Revolution, with its constituent periods: the February Revolution and the October upheaval of 1917. For more than 100 years, interest in these political events has waxed and waned. The interpretation of these events changed from the “Great October Revolution and its progressive significance” to the “October upheaval” and the almost total downfall of scientific interest. In the article, basing on the analysis of Uzbek historiography of the late 20th – early 21st centuries there have been presented transformation of viewpoints and interpretations, the change of discourses about the revolutionary events of 1917 in Turkestan. The late 1980s were marked by a paradigm shift with respect to revolutions of 1917 and were accompanied by discussions of historians and public figures in respectable Uzbek journals on comprehension of such notions as what was “revolution” and “coup”, the peculiarities of running revolutionary events in Turkestan, the role of local intelligentsia in these events, creation of national parties, etc. Undertaken research showed that both the country’s leadership and employment of modern methodological concepts by Uzbek historians played a big role in formation of new look on Soviet history and the history of Uzbek people in general, the opening of secret archival funds, positive changes in the very structure of historical science.

Keywords: February Revolution, October Revolution, revolutionary events of 1917, Turkestan, paradigm shift, Soviet discourse, the end of 1980s – early 2020s, historiography, views and approaches, interpretation.

The article has been received by the editor on 21.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ойбек Анварович Махмудов**, кандидат исторических наук, Чирчикский государственный педагогический университет, Чирчик, Узбекистан, e-mail: oybek81@yandex.ru

Oybek Anvarovich Makhmudov, Candidate of Historical Sciences, Chirchik State Pedagogical University, Chirchik, Uzbekistan, e-mail: oybek81@yandex.ru

Оксана Геннадьевна Пуговкина, доктор исторических наук, Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан, e-mail: pugovkina@yandex.ru

Oksana Gennadievna Pugovkina, Doctor of Historical Sciences, National Center of Archaeology of Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan, e-mail: pugovkina@yandex.ru

Аннотация. Революционные события 1917 г. в Туркестане – одна из интереснейших и противоречивых страниц истории советского Узбекистана. Говоря об этом периоде истории, мы подразумеваем два важных исторических события, коренным образом изменивших весь дальнейший ход исторического развития народов центральноазиатского региона: Февральскую революцию и Октябрьский переворот 1917 г. Вот уже на протяжении более 100 лет интерес к этим политическим событиям сохраняется, а исследователи находят новые грани для изучения. Менялась трактовка этих событий от «Великой Октябрьской революции и ее прогрессивного значения» до «Октябрьского переворота» и почти полного упадка к ним исследовательского интереса. В представленной статье на основе анализа узбекистанской историографии конца XX – начала XXI в. представлена картина трансформации суждений и интерпретаций, смена дискурсов о революционных событиях 1917 г. в Туркестане. Конец 1980-х гг. был отмечен сменой парадигм в отношении «революций» 1917 г. и сопровождался дискуссиями историков и общественных деятелей в представительных узбекистанских журналах по ряду ключевых вопросов: Что есть «революция» и «переворот»? В чем заключались особенности протекания революционных событий в Туркестане? Какова была роль местной интеллигенции в событиях? Как протекало создание национальных партий? Каковы были взгляды национальной интеллигенции на будущее устройство Туркестана? А также ряд других. Проведенное исследование показало, что в смене парадигм на советскую историю и вообще историю узбекского народа и его государственности большую роль сыграло открытие засекреченных архивных фондов, внимание руководства страны к развитию исторической науки и освоение узбекистанскими историками современных методологических концепций.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьский переворот, революционные события 1917 г., Туркестан, смена парадигм, советский дискурс, конец 1980-х – начало 2020-х гг., историография, взгляды и подходы, интерпретация.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024 г.

Введение. Революционные события 1917 г. в Туркестане представляют, пожалуй, одну из интереснейших и при этом до сих пор малоизученных страниц как истории Узбекистана, так и бывшего СССР. Говоря об этом периоде истории, мы подразумеваем два важных исторических события, коренным образом изменивших весь дальнейший ход исторического развития народов Центрально-азиатского региона: Февральскую революцию и Октябрьский переворот 1917 г.

За истекшие более чем 100 лет в изучении истории этих масштабных событий в узбекистанской историографии можно выделить два периода. Первый, с 1917 по конец 1980-х гг., – советский, и второй – постсоветский – с начала 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени. Выделение этих двух периодов неслучайно, оно обосновано не только идеологической составляющей и сменой парадигм, но и существенным историографическим дисбалансом. И если в первый период был создан значительный пласт исторической и научно-популярной литературы, фильмы и масштабные произведения искусства, то второй отмечается «историографической тишиной». Для каждого из периодов характерна особая методология, ключевые подходы, хронология, «герои» и «антигерои» и т.п.

«Советский дискурс» о революциях 1917 г. Оформление советского дискурса в отношении двух этапов Великой Российской революции начинается почти следом за свершившимися революционными событиями. В советской историографии относительно двух революций 1917 г. была сформулирована и закрепились на 70 лет точка зрения, что, во-первых, Февральская революция – это предтеча Октябрьской революции, во-вторых, Февральская революция с ее «буржуазными идеями» не отвечала советской идеологии, поэтому основная

масса литературы, созданной в эти годы, посвящена непосредственно «Октябрьской революции». Таким образом, история Февральской революции в Туркестане со всем своим демократическим потенциалом оказалась вне поля зрения советских историков и ей уделялось крайне мало внимания. Можно указать не более пяти работ, непосредственно посвященных Февралю, остальной же пласт советской революционной литературы по Туркестану охватывал историю «Великой Октябрьской социалистической революции и ее всемирно-исторического значения для народов Средней Азии»¹.

В то же время нельзя не отметить и такого весьма примечательного историографического факта, связанного с опубликованными архивными и иными документальными материалами, как юбилейные сборники или хроники. Они обычно готовились к очередной круглой дате со дня «Октябрьской революции» и ставили целью показать закономерность свершения социалистической революции и готовность народов Туркестана к ее восприятию.

Идея сбора документальных материалов была «политическим заказом» и относилась уже к первым десятилетиям после Октября 1917 г. Советский историк М.Н. Покровский в своих воспоминаниях писал, что этот вопрос был поднят В.И. Лениным в беседе с историком В.В. Адоратским: «Мы сами успели позабыть теперь массу важнейших фактов, сопровождающих возникновение советской власти, первые шаги ее учреждений, в особенности, когда эти факты происходили вне Петрограда и Москвы. Между тем растет поколение, которое об этих фактах совсем ничего не знает. Кто-то должен ему об этом рассказать, хотя бы самым непритязательным и простецким способом»².

Авторский коллектив сборника «Хроники событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане» отмечал, что «для первых документальных сборников была характерна поверхностность <...> недостаточное освещение многих вопросов»³. Но анализ содержания этих юбилейных сборников с позиций сегодняшнего дня позволяет реконструировать несколько неоднозначную картину, далекую от декларировавшегося «всеобщего приятия революции» и активности «местных народов в постижении революционных идей»⁴. Именно эти первые, еще не отретушированные источники, не подогнанные под конъюнктуру, позволяют относительно объективно дать оценку произошедшим событиям. Эти сборники документов состояли из двух хронологических периодов: «Февральской революции 1917 года» и «Октябрьской революции 1917 года», но зачастую в их название включали только одно важное событие – «Победу Октябрьской революции в Узбекистане», что в принципе отражало советский дискурс в отношении Февральской революции как канун более грандиозного события.

Ценность данных сборников еще и в том, что, несмотря на всю их политическую ангажированность при комплектовании материала, это добросовестно подобранные документальные материалы из архивов союзных тогда республик, выдержки из отдельных трудов, некоторые из которых уже утрачены, широкое привлечение газетных статей из ведущих, ныне редких и часто малодоступных периодических изданий Туркестана. При комплектации сборников использовались статьи из «Нашей газеты», «Туркестанского курьера», «Туркестанского голоса», «Туркестанских ведомостей», «Ферганских областных ведомостей» и др.⁵

¹ Об этом см.: Пуговкина О.Г. Отечественная историография об особенностях февральской революции в Туркестане // Ўзбекистонда тарих фани: муаммолар ва ривожланиш истиқболлари. Тарихшунослик ўқишлари – 2017. Конференция материаллари [Историческая наука в Узбекистан: проблемы и перспективы развития. Историографические чтения – 2017. Мат-лы конф.]. Ташкент, 2018. С. 189–204.

² Пролетарская революция. 1930. № 7–8. С. 138.

³ Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Февраль-ноябрь 1917. Ташкент, 1962. С. 8.

⁴ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: сб. док-тов. Ташкент, 1947; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1947; Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Февраль-ноябрь 1917. Ташкент, 1962; Победа Октябрьской революции в Узбекистане: сб. док-тов. Т. 1: Установление Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1963; Т. 2: Упрочение Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1972; 1917 год в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1977; и др.

Конечно, при сборе материалов поддерживалась явная идеологическая заданность – возвысить роль и значение партии большевиков в происходящих событиях, приуменьшить и даже исказить вклад левых эсеров и других партий, подчеркнуть активность коренных народов Туркестана в революционной борьбе и всемерную поддержку большевиков, выразить негативную оценку деятельности членов Туркестанского комитета Временного правительства, прежнего состава имперской администрации. В сборниках отсутствовали материалы как национальной местной печати, так и работы национальных прогрессистов.

Формирование новой исторической парадигмы. Начало пересмотра взглядов на революционные события 1917 г. в Туркестане, как и вообще на историю советского Узбекистана, связано с политикой перестройки со второй половины 1980-х гг. На наш взгляд, в узбекистанской науке в этом процессе большую роль сыграли три ключевых фактора: 1) «открытие» (рассекречивание) архивных фондов («архивная революция»); 2) пробуждение национального самосознания интеллигенции; 3) влияние идей Центра на переосмысление советской истории XX в.

Узбекистанский историк Д.А. Алимова писала, что со второй половины 1980-х гг. под влиянием перестроечных перемен в Институте истории АН УзССР произошло не только «заметное омоложение профессиональных кадров историков, открылись новые исследовательские направления (историческая социология), но в целом произошло бурное обновление самой исторической науки, озаменованное многочисленными конференциями и симпозиумами»⁶. Далее она отмечала: «Ударом для старых идеологов и открытием для многих стал пересмотр и новая оценка “басмачества” как национально-освободительного движения, “октябрьской революции” – как экспортированного в Туркестан переворота, характеристика джадидизма (трактовавшегося в советский период как буржуазное движение) в качестве национально-прогрессивного движения, а “Туркистон Мухторияти”⁷ – как первую попытку национально-государственного строительства. В предшествующие до независимости годы все эти открытия имели вполне понятный научно-эмоциональный характер»⁸.

Активная деятельность в деле переосмысления истории Февраля и Октября 1917 г. была тесно связана с Институтом истории АН Узбекистана и его директорами: Р.Я. Раджаповой (1986–1991), Д.А. Алимовой (2000–2010) и Р.М. Абдуллаева (2011–2019).

В 1986 г. директором Института истории АН УзССР была назначена Рано Ядгаровна Раджапова. Стоит отметить, что именно под ее непосредственным руководством в узбекистанской исторической науке начинается разработка и пересмотр многих «болезненных» тем советской истории, в том числе и история Октября 1917 г. Кроме того, ею были «заложены основы будущей перестройки (исторической науки. – *Авт.*) и благодаря ее усилиям и найденным направлениям историческая наука в Узбекистане с рельсов фальсификации перешла на рельсы объективности»⁹. Тенденция пересмотра и переосмысления советской истории была характерна для исторической науки всех постсоветских стран, и Узбекистан не стал в этом процессе исключением. В то же время нам видится, как объективное предположение, что в конце 1980-х гг. без санкции Центра все же вряд ли было бы возможным говорить о новом видении недавней советской истории.

Для узбекистанской исторической науки Р.Я. Раджапова стала основоположником ключевых взглядов исторической науки Узбекистана на октябрьские события 1917 г. в Туркестане, господствующие и поныне. Именно к ней восходит установившееся сейчас среди историков Узбекистана обозначение «Октябрь» как «переворота» и нынешние оценки

⁵ Новый этап в публикации сборников документов по истории революций приходится на годы Великой Отечественной войны, когда в Узбекскую ССР был эвакуирован ряд видных советских историков, что явилось толчком к дальнейшей публикаторской работе над источниками: *Летопись важнейших революционных событий 1917 года в Средней Азии // Историк-марксист. 1941. № 4 (92). С. 101–111.*

⁶ *Алимова Д.А. История как история, история как наука. Ташкент, 2008. Т. I. С. 38.*

⁷ «Туркестанская автономия».

⁸ *Алимова Д.А. История как история, история как наука... С. 38.*

⁹ Там же.

«басмаческого движения» как «движения за независимость» и «вооруженного движения против советской власти»¹⁰.

Дальнейший виток исследований, связанных с разработкой истории «революций», связан с приходом на должность директора Института истории в 2000 г. Дилором Агзамовны Алимовой и осознанием руководством страны важности поддержки и развития исторической науки. Д.А. Алимова одной из первых приступила к теоретическому осмыслению вопросов имперской и советской истории XX в., в том числе истории социальной истории, революций, «джадидизма», «басмаческого движения» и его лидеров и др.

Пересмотр истории революционных событий 1917 г. в Туркестане стал возможен благодаря открытию архивных фондов, использованию историографического наследия национальной интеллигенции и эмиграции, переосмыслению советского дискурса.

Огромное влияние на развитие исторической науки в Узбекистане в эти годы оказал его Первый Президент – И.А. Каримов. В этой связи можно особо отметить встречу И.А. Каримова с группой ученых-историков и журналистов 26 июня 1998 г., а также постановление Кабинета министров РУз от 27 июля 1998 г. «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз»¹¹. Постановление, состоявшее из 12 пунктов, включало в себя не только организационные и институциональные вопросы, но и намечало ряд будущих перспективных направлений развития исторической науки в Узбекистане. Так, предусматривалось «изучение вопросов политической, социально-экономической, культурной и духовной жизни народов, живших на нашей территории с древности до сегодняшних дней в различных исторических этапах государственности; <...> недопущение одностороннего подхода, фальсификации прошлого, пропаганды колониальной идеологии при исследовании истории узбекского народа и его государственности...»¹².

Как результат этого постановления, появляются и первые исследования, связанные с переосмыслением истории советского периода, в том числе фундаментальная монография «Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости»¹³. Ее публикация в 2000 г. явилась знаковым историографическим событием в осмыслении ранней советской истории Туркестана с 1917 по 1924 г.

Д.А. Алимова еще до своего назначения на должность директора, будучи заместителем директора Института, инициировала подготовку вышеупомянутой коллективной монографии. Была сформирована рабочая группа в составе 13 человек, усилиями которой к концу 2000 г., уже при ее директорстве, монография была опубликована¹⁴. Весомая роль в создании этой книги принадлежала, конечно, авторскому коллективу, умело подобранному Д.А. Алимовой. По ее личному приглашению Р.Я. Раджапова¹⁵ возглавила научную редакцию книги и, несомненно, оказала влияние на структуру и раскрытие многих проблем, представленных в этой монографии. Раздел, посвященный «Октябрю в Ташкенте», принадлежит перу историка Равшана Нуруллина.

Этот фундаментальный труд позволил впервые в исторической науке независимого Узбекистана выйти на уровень объективности при освещении таких важнейших и неоднозначных исторических событий, как Февральская революция и Октябрьский переворот, политические партии национальной интеллигенции, Туркестанская автономия («Туркистон мухторияти»), «вооруженное движение против советской власти», «образование советских республик в Бухаре и Хиве» и «национально-территориальное размежевание».

¹⁰ Об этом подробнее см.: Махмудов О.А., Пуговкина О.Г. История вооруженного сопротивления против советской власти в ТАССР – Узбекской ССР: подходы и оценки современной историографии Узбекистана (конец 1980-х – 2020-е годы) // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022. С. 331–332.

¹¹ Постановление Кабинета министров РУз от 27.07.1998 № 315 «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан».

¹² Там же.

¹³ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000.

¹⁴ Из интервью с проф., д-ром ист. наук Д.А. Алимовой.

¹⁵ Там же.

В рассматриваемой монографии две главы были посвящены непосредственно революционным событиям: I глава «От Февраля к Октябрю» и II глава «Октябрьский переворот. Движение народов Туркестана за реализацию права на самоопределение». Авторы писали эти части исключительно на источниках эпохи – архивных материалах и газетной периодике. Говоря о содержании этих двух глав, стоит отметить, что в них буквально по дням, в хронологическом порядке, воссозданы как события Февраля, так и ход Октябрьского переворота в Ташкенте. Примечательно, что авторы пытались посмотреть на всю революционную ситуацию с позиции стороннего наблюдателя, стремясь избежать эмоциональных отступлений. Подводя заключение к изложенному в этих двух главах материалу, авторы отмечают: «Совершенный большевиками октябрьский переворот не оправдал надежды народов Туркестана на получение от новой власти свободы и независимости. <...> наиболее решительно настроенная часть участников национально-освободительного движения, убедившись, что по-доброму, мирным путем не удастся получить свободу и независимость Туркестана, встала на путь вооруженной борьбы с большевистским режимом»¹⁶.

В дальнейшем, вплоть до настоящего времени, узбекистанские исследователи так детально и подробно больше не возвращались к тематике октябрьских событий в Ташкенте 1917 г. Даже в специальном академическом издании «История Узбекистана (1917–1991 гг.)», опубликованном Институтом истории АН РУз в 2019 г., об октябрьских событиях в Ташкенте упоминается очень кратко¹⁷. То же можно сказать и о только что вышедшем (в 2024 г.) первом томе двухтомной монографии К.К. Ражабова «Узбекистан в XX веке», посвященном периоду 1917–1939 гг.¹⁸ Но фрагментарное обращение к октябрьской тематике присутствовало в ряде трудов, подготовленных узбекистанскими историками. Так, в стенах Института истории АН РУз Р.М. Абдуллаевым было подготовлено одно из первых исследований по периоду пробуждения политического самосознания национальной интеллигенции в период между Февралем и Октябрем 1917 г. – «Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы»¹⁹. В этой работе значительное внимание уделено мусульманским организациям, возникшим после Февральской революции в Туркестане, участию в них джадидов, формирующейся национальной интеллигенции и духовенства, которые вынужденно уходят с политической арены после установления в Туркестане власти большевиков.

Можно отметить, что за период 2000–2010 гг. в Институте истории проблема Февраля и Октябрьского переворота находила отражение в двух разрабатываемых дискурсах: 1) джадидская тематика, персоналии джадидов²⁰; 2) политические партии Туркестана в 1917 г.²¹ Несомненно, определенным индикатором популярности и востребованности той

¹⁶ Туркестан в начале XX века... С. 242.

¹⁷ Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар) [История Узбекистана (1917–1991 года)]. Тошкент, 2019. Китоб 1. Б. 51–54.

¹⁸ Ражабов К. Ўзбекистон XX асрда. Тошкент: Фан, 2024. I жилд (1900–1939 йй.) [Узбекистан в XX веке. Т. I (1900–1939 гг.)]. Б. 177–179.

¹⁹ Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент, 2014.

²⁰ Файзулла Хўжаев ҳаёти ва фаолияти ҳақида янги мулоҳазалар. (Масъул муҳаррир Д.Алимова) [Новые соображения о жизни и деятельности Файзуллы Ходжаева (Ответственный редактор Д. Алимова)]. Тошкент, 1997; Жади́дчилик: ислоҳот, янгиланиш, мустақиллик ва тараққиёт учун кураш (Туркистон ва Бухоро жади́дчилиги тарихига янги чизгилар). Даврий тўплам. № 1. (Масъул муҳаррир Д.Алимова) [Джадидизм: борьба за реформу, обновление, независимость и прогресс (К истории новых линий джадидизма Туркестана и Бухары)]. Тошкент, 1999; Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов. Ташкент, 2000; Алимова Д., Рашидова Д. Махмудходжа Бехбудий и его исторические воззрения. Ташкент, 1998; Алимова Д., Рашидова Д. Махмудхўжа Бехбудий ва унинг тарихий тафаккури [Махмудходжа Бехбудий и его исторические воззрения]. Тошкент, 1999; Алимова Д. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент, 2000.

²¹ Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент. 1998; Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент, 2014; Абдуллаев Р.М. Миллий сиёсий гоғалар тарихидан (Из истории национальных политических идей) // Инсон ва сиёсат (Человек и политика). 1991. № 9. Б. 87–94 (на узб. и русск. яз.); Абдуллаев Р.М. Туркестанские прогрессисты и национальное движение // Звезда Востока. 1992. № 1. С. 106–113; Абдуллаев Р.М. Из истории национального движения в Туркестане после февраля 1917 года // Общественные науки в Узбекистане. 1993. № 4. С. 49–53; Абдуллаев Р.М. Хроника противостояния // Звезда

или иной темы является обращение к ней исследователей – соискателей ученых степеней. Как показал анализ тем диссертаций, защищенных в первые годы после 1991 г., диссертанты специально почти не обращались к вопросам пересмотра истории революций²².

Анализ тем защищенных диссертационных работ периода 2000–2020 гг. позволяет выделить следующую тематическую направленность, в которой исследователи обращаются к истории Февраля и Октября 1917 г.:

- 1) послеоктябрьские экономические и социальные преобразования²³;
- 2) репрессивная политика новой власти²⁴;
- 3) осмысление последствий переворота²⁵;
- 4) джадиды и национальная интеллигенция²⁶;
- 5) Туркестанская автономия²⁷.

Таким образом, проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении данные по защищенным кандидатским и докторским диссертациям за период с 1991 по 2024 г. можно констатировать, что не было защищено ни одной диссертации, непосредственно касающейся Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г.²⁸ Тема Февральской революции и Октябрьского переворота проходит сквозь значительное число работ, но исследователи лишь фрагментарно обращаются к их истории. Переосмысление и поиск нового видения истории революционных событий осуществляются с учетом разрабатываемой главной проблемы и в качестве «сопутствующей тематики». В частности, история революционных событий 1917 г. находит отражение в работах, посвященных таким проблемам, как джадиды и их участие в политической жизни региона, Туркестанская автономия, «вооруженное дви-

Востока. 1995. № 11–12. С. 190–201; *Абдуллаев Р.М.* Национальные политические организации Туркестана в 1917 году // *Общественные науки в Узбекистане*. 1996. № 11–12. С. 71–74; *Абдуллаев Р.М.* Туркестан в 1917 году: национальное движение и военный вопрос // *O‘zbekiston tarixi*. 2002. № 1. С. 38–42; *Абдуллаев Р.М.* Общественно-политические процессы в Самарканде накануне октябрьских событий 1917 г. // *O‘zbekiston tarixi*. 2007. № 4. С. 48–55; *Абдуллаев Р.М.* Туркестан между двух революций // *Центральноазиатское обозрение: история, политика, экономика*. Сборник статей. Алматы; Ташкент, 1993. Вып. I. С. 26–37; *Абдуллаев Р.М.* Туркестан в 1917 году: формирование нового политического контекста // *Россия – Узбекистан: история и современность*. Спецвыпуск. М., 2008. С. 3–12; *Абдуллаев Р.М.* Периодическая печать и политические процессы в Туркестанском обществе между двух революций // *Россия-Узбекистан: история и современность* (Ч. V). ЕвроАзия. М., 2009. № 3. С. 35–43.

²² Так, исследователи продолжали разработку тем, связанных с «КПСС», «деятельностью КПСС», «рабочим классом», «деятельность ЦИК»: *Джаббарова Э.М.* Распространение марксистско-ленинской идеологии компартии Узбекистана (середина 20-х – начало 30-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1991.

²³ *Аберкулов Д.Н.* Дехканство Туркестана в 1917–1921 гг. (На материалах Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областей): дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 2000; *Набиев Ф.* Проблемы и противоречия социальной политики в Туркестане (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1995; *Сарыбаев М.К.* Политика хлопковой монокультуры Советской власти в Каракалпакстане и ее последствия (1917–1990 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2008; *Абдуллаев А.* Хлопковая монокультура в Узбекистане и ее последствия (1917–1991 г.г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011; и др.

²⁴ *Бобоматов, Т.М.* Репрессивные органы как инструмент колониальной политики царской России в Туркестане (1865–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006; и др.

²⁵ *Хайтов Ш.* История узбекской эмиграции XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2009; *Куллиев Х.* Складывание экономических и духовных основ тоталитарного строя в Туркестане (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998; *Хайдаров М.М.* Централизаторская политика Советской власти в Туркестане и ее последствия (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998; *Рустамова Г.* Колониальная сущность царской и большевистской власти в Туркестане (1867–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1999; и др.

²⁶ *Турсунов И.* Ўзбекистон маорифчиларининг истиқлол йўлидаги кураши тарихидан (1917–1930 йиллар) [Из истории борьбы за свободу просветителей Узбекистана 1917–1930 года]: тарих фанлари докт. илмий дар. олиш учун тақдим этилган дисс. ... автореф. Тошкент, 1995; *Хасанов Б.В.* Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2000.

²⁷ *Агзамходжаев С.С.* Туркистон мухторияти: борьба за свободу и независимость (1917–1918 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1996; *Мадьярова С.Н.* Историография Туркестанской автономии (1917–2008 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2010.

²⁸ Издания Института истории Академии наук Республики Узбекистан. (1991–2015). Ташкент, 2016.

жение против советской власти», «экономические и социальные преобразования», в названии которых фигурировал 1917 г.²⁹

Также важным критерием актуальности и разработанности проблемы могут служить публикации по рассматриваемой тематике в научных журналах. Проведенный анализ содержания статей в двух ведущих, можно сказать, формирующих дискурс научных журналах Узбекистана по историческим наукам – «Общественные науки в Узбекистане», и начиная с 1998 г. выходящем в Институте истории журнале «Ўзбекистон тарихи» («История Узбекистана») было опубликовано всего несколько статей, в той или иной мере относящихся к рассматриваемой нами теме.

В «Общественных науках в Узбекистане» за период с 1990 по 2005 г. по смежной тематике было опубликовано восемь статей, из которых пять приходится на 1990 г. В журнале «Ўзбекистон тарихи» с 1998 по настоящее время с аналогичной тематикой было вычленено всего четыре статьи. Такая статистика свидетельствует о том, что история Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г. пока находится на периферии исследовательского поля в узбекистанской исторической науке.

В этой связи возникает вопрос, почему же тема Февраля и Октября 1917 г. в Туркестане в исторической науке Узбекистана так мало востребована? Как нам видится, ключ к пониманию этого можно обнаружить в вышеупомянутой коллективной монографии «Туркестан в начале XX века». Для этого необходимо внимательно вчитаться в один из абзацев указанной монографии: «...В октябрьские дни в Ташкенте вооруженное противостояние по существу было между различными социальными слоями европейского населения города. Одни из них выступили на стороне Временного правительства и олицетворявшего тогда его власть в Туркестане чрезвычайного комиссара П.А. Коровиченко, другие же – на стороне “революционной демократии” и ее оплота – Ташсовета. Что касается узбекского населения, то оно не было захвачено этими событиями, если не считать, что на стороне Ташсовета и стоявших за ним вооруженных сил выступил сформированный старогородским советом из строительных рабочих отряд в 150–200 человек, который 30 октября, т.е. на третий день восстания, с боями пробился в Главные железнодорожные мастерские. На стороне же генерала П.А. Коровиченко сражалась небольшая часть населения старого города, использованная для защиты военной крепости. Основная масса коренного населения, в том числе в Ташкенте, рассматривала происходившие события как явление, имеющее прямое отношение лишь к прошлому, европейскому населению»³⁰.

Из приведенной цитаты видно, что коренное население Туркестана почти никак не было задействовано в октябрьских событиях в Ташкенте. Фактически это была борьба «пришлых» европейцев между собой, которая мало интересовала местное население. Скорее всего, для подавляющего большинства обычных обывателей Туркестана, как коренных жителей, так и российских переселенцев, происходившие события были малопонятны и не особо интересны. Исключением были представители нарождавшейся местной интеллигенции и члены возникших после Февраля 1917 г. мусульманских политических партий и организаций, а также отмеченное в приведенной цитате небольшое число непосредственно участвовавших в октябрьских событиях на стороне большевиков членов отряда, сформированного старогородским советом. Но все они составляли подавляющее меньшинство жителей края.

Можно согласиться с мнением известного узбекистанского историка и историографа Д.А. Алимовой, видевшей причины складывания в узбекистанской исторической науке новых парадигм в отношении «революционных событий 1917 года в Туркестане» в следу-

²⁹ Салманов А.М. Ўзбекистонда мусулмон диний муассаса ва ташкилотлар фаолияти тарихи (1917–1950 йиллар) [История деятельности мусульманских организаций и учреждений Узбекистана (1917–1950 года)]: тарих фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун тақдим этилган дис. Фарғона, 2008; Абдурахманов М. Научная деятельность А.З. Валидова в Туркестане: дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2005; Хайдаров И.М. Ўзбекистонда иқтисодий кенгашлар фаолияти (1917–1934 йиллар) [Деятельность экономического совета Узбекистана (1917–1934 года)]: тарих фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун тақдим этилган дис. Тошкент, 2007.

³⁰ Туркестан в начале XX века... С. 65.

ющем: «...во-первых, политические обстоятельства, естественно приведшие и к социальным переменам, включая и изменение социального статуса историка, и его морально-психологической самооценки, и к изменению инфраструктуры науки в целом; во-вторых, развитие новых наукообразующих процессов, что способствовало открытию отечественной науки широкому миру, наплыв информации, в том числе методологического порядка из-за рубежа, кадровое обновление, борьба новых и старых взглядов; в-третьих, открытие и обогащение архивных источников»³¹.

В одной из своих статей «Современные оценки советского периода Узбекистана: степень традиционализма и новые тенденции»³² она отмечает два важных момента, характерных для узбекистанской историографии при интерпретации революционных событий в Туркестане. Во-первых, Д.А. Алимова указывает, что эти вопросы постоянно находились в фокусе внимания исследователей: «Была ли действительно Октябрьская революция в Туркестане? Как народ участвовал в ней? Как народ принял большевистскую власть и ее реформы? Почему формировалось оппозиционное враждебное советской власти движение, названное “басмачеством”?»³³. Во-вторых, что при оценке советского периода в современной узбекистанской историографии существует «...критический подход к этому периоду истории <...>, который исключает все положительное в развитии в тот период»³⁴.

Чтобы избежать крайностей при освещении истории советского периода, она предлагает исследователям однозначно опираться на архивные источники, знать современные методологические подходы, «оторваться от себя, исключая любого рода эмоции»³⁵, рассматривать вопросы в комплексе, без чрезмерного эмоционального вклада исследователем своего «я»³⁶.

Заключение. В сложившихся условиях изменения научного дискурса под влиянием политических изменений становится понятным, почему в узбекистанской историографии, за исключением рассмотренной монографии, октябрьские события в Ташкенте не привлекают интереса исследователей. Главная причина – почти полное отсутствие в этих событиях коренного населения, ведь конъюнктурные соображения никто не отменял и они существуют, даже если специально о них никто не задумывается. Очевидно, проблема «Октябрь в Ташкенте» оказалась исследовательски не востребована именно потому, что там почти не выявляется национальная составляющая, которую можно было бы изучать, тогда как события после Февраля и то, что последовало уже в 1917 г. после создания Туркестанской автономии, привлекают большое внимание, и именно начиная с них узбекистанские историки и развивают дискурс об истоках национальной независимости в XX в., как обозначено в рассмотренной выше коллективной монографии.

Литература

Абдуллаев Р.М. Миллий сиесий ғоялар тарихидан (Из истории национальных политических идей) // Инсон ва сиесат (Человек и политика). 1991. № 9. Б. 87–94 (на узб. и русск.яз.).

Абдуллаев Р.М. Туркестанские прогрессисты и национальное движение // Звезда Востока. 1992. № 1. С. 106–113.

Абдуллаев Р.М. Из истории национального движения в Туркестане после февраля 1917 года // Общественные науки в Узбекистане. 1993. № 4. С. 49–53.

Абдуллаев Р.М. Туркестан между двух революций // Центральноазиатское обозрение: история, политика, экономика: сб. ст. Алматы-Ташкент, 1993. Вып. I. С. 26–37.

Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917 году // Общественные науки в Узбекистане. 1996. № 11–12. С. 71–74.

Абдуллаев Р.М. Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. № 11–12. С. 190–201.

³¹ Алимова Д.А. История как история, история как наука... С. 41.

³² Алимова Д.А. Концепты истории Узбекистана: теория и гипотезы. Ташкент, 2017. С. 62–72.

³³ Там же. С. 62.

³⁴ Там же. С. 65.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1998. 62 с.

Абдуллаев Р.М. Туркестан в 1917 году: национальное движение и военный вопрос // O‘zbekiston tarixi. 2002. № 1. С. 38–42.

Абдуллаев Р.М. Общественно-политические процессы в Самарканде накануне октябрьских событий 1917 г. // O‘zbekiston tarixi. 2007. № 4. С. 48–55.

Абдуллаев Р.М. Туркестан в 1917 году: формирование нового политического контекста // Россия – Узбекистан: история и современность. Спецвыпуск. М., 2008. С. 3–12.

Абдуллаев Р.М. Периодическая печать и политические процессы в Туркестанском обществе между двух революций // Россия-Узбекистан: история и современность (часть V). ЕвроАзия. М., 2009. № 3. С. 35–43.

Абдуллаев А. Хлопковая монокультура в Узбекистане и ее последствия (1917–1991 г.г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011. 54 с.

Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент: Navro‘z, 2014. 219 с.

Абдурахманов М. Научная деятельность А.З. Валидова в Туркестане: дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2005. 311 с.

Аберкулов Д.Н. Дехканство Туркестана в 1917–1921 гг. (На материалах Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областей): дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 2000. 192 с.

Азгамходжаев С.С. Туркистон мухторияти: борьба за свободу и независимость (1917–1918 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1996. 62 с.

Алимова Д. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент: Ўзбекистон, 2000. 23 с.

Алимова Д.А. История как история, история как наука. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. I. 457 с.

Алимова Д.А. Концепты истории Узбекистана: теория и гипотезы. Ташкент: Vaktria press, 2017. 640 с.

Алимова Д., Рашидова Д. Махмудходжа Бехбудий и его исторические воззрения. Ташкент: Маънавият, 1998. 39 с.

Алимова Д., Рашидова Д. Махмудхўжа Бехбудий ва унинг тарихий тафаккури. Тошкент: Академия, 1999. 54 б.

Бобоматов, Т.М. Репрессивные органы как инструмент колониальной политики царской России в Туркестане (1865–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006. 182 с.

Джаббарова Э.М. Распространение марксистско-ленинской идеологии компартии Узбекистана (середина 20-х – начало 30-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1991. 22 с.

Жадидчилик: ислохот, янгиланиш, мустақиллик ва тараққият учун кураш. (Туркистон ва Бухоро жадидчилиги тарихига янги чизгилар). Даврий тўплам. № 1 [Масъул муҳаррир Д. Алимова]. Тошкент: Университет, 1999. 218 б.

Издания Института истории Академии наук Республики Узбекистан (1991–2015). Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 294 с.

Кулиев Х. Складывание экономических и духовных основ тоталитарного строя в Туркестане (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998. 25 с.

Летопись важнейших революционных событий 1917 года в Средней Азии // Историк-марксист. 1941. № 4 (92). С. 101–111.

Мадьярова С.Н. Историография Туркестанской автономии (1917–2008 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2010. 27 с.

Махмудов О.А., Пуговкина О.Г. История вооруженного сопротивления против советской власти в ТАССР – Узбекской ССР: подходы и оценки современной историографии Узбекистана (конец 1980-х – 2020-е годы) // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск: Параллель, 2022. С. 331–332.

Набиев Ф. Проблемы и противоречия социальной политики в Туркестане (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1995. 48 с.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: сб. док-тов / сост. Е.Е. Житов и В.Г. Крылова; под общ. ред. Н.К. Додонова. Ташкент: Госиздательство УзССР, 1947. 232 с.

Победа Октябрьской революции в Узбекистане: сб. док. Ташкент: Фан, 1972. Т. 1: Установление Советской власти в Узбекистане. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1963. 659 с.; Т. 2: Упрочение Советской власти в Узбекистане. 608 с.; 1917 год в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата: Казахстан, 1977. 283 с.

Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент: Тип. Упр. делами Совета министров УзССР, 1947. 296 с.

Пролетарская революция. 1930. № 7–8. С. 138.

Пуговкина О.Г. Отечественная историография об особенностях февральской революции в Туркестане // Ўзбекистонда тарих фани: муаммолар ва ривожланиш истиқболлари. Тарихшунослик ўқишлари – 2017. Конференция материаллари. Тошкент: Akademnashr, 2018. С. 189–204.

Ражабов К. Ўзбекистон XX асрда. Т.: Фан, 2024. I жилд (1900–1939 йй.). 752 б.

Рустамова Г. Колониальная сущность царской и большевистской власти в Туркестане (1867–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1999. 31 с.

Салманов А.М. Ўзбекистонда мусулмон диний муассаса ва ташкилотлар фаолияти тарихи (1917–1950 йиллар): тарих фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун тақдим этилган дис. Фарғона, 2008. 156 б.

Сарыбаев М.К. Политика хлопковой монокультуры Советской власти в Каракалпакстане и ее последствия (1917–1990 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2008. 46 с.

Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости / науч. ред. Р.Я. Раджапова. Ташкент: Шарқ, 2000. 672 с.

Турсунов И. Ўзбекистон маорифчиларининг истиқлол йўлидаги кураши тарихидан (1917–1930 йиллар): тарих фанлари докт. илмий дар. олиш учун тақдим этилган дис. ... автореф. Тошкент, 1995.

Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар) / масул мухарирлар Р. Абдуллаев, М. Рахимов, К. Ражабов. Китоб 1. Т.: O'zbekiston, 2019. 560 б.

Файзулла Хўжаев ҳаёти ва фаолияти ҳақида янги мулоҳазалар [Масъул муҳаррир Д.Алимова]. Тошкент: Фан, 1997. 174 б.

Хайдаров И.М. Ўзбекистонда иқтисодий кенгашлар фаолияти (1917–1934 йиллар): тарих фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун тақдим этилган дис. Тошкент, 2007. 188 б.

Хайдаров М.М. Централизаторская политика Советской власти в Туркестане и ее последствия (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998. 28 с.

Хайитов Ш. История узбекской эмиграции XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2009. 50 с.

Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2000. 54 с.

Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов. Ташкент: Институт истории АН РУз, 2000. 202 с.

Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Февраль–ноябрь 1917 / под науч. ред. Х.Ш. Иноятова. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1962. 286 с.

References

Abdullaev, A. (2011). *Khlopkovaya monokul'tura v Uzbekistane i ee posledstviya (1917–1991 g.g.)* [Cotton Monoculture in Uzbekistan and Its Consequences]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 54 p.

Abdullaev, R., Rakhimov, M., Rayabov, K. (Eds.). (2019). *Uzbekiston tarihi (1917–1991 yillar)* [The History of Uzbekistan (1917–1991)]. Tashkent, O‘zbekiston. T. I. 560 p.

Abdullaev, R.M. (1991). Millij siyosij goyalari tarixidan (Iz istorii natsional’nykh politicheskikh idey) [From the History of National Political Ideas]. In *Inson va siyosat (Chelovek i politika)*. No. 9, pp. 87–94 (in Uzbek and Russian languages).

Abdullaev, R.M. (1992). Turkestantskie progressisty i natsional’noe dvizhenie [Turkestan Progressives and the National Movement]. In *Zvezda Vostoka*. No. 1, pp. 106–113.

Abdullaev, R.M. (1993). Iz istorii natsional’nogo dvizheniya v Turkestane posle fevralya 1917 goda [From the History of the National Movement in Turkestan after February 1917]. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. No. 4, pp. 49–53.

Abdullaev, R.M. (1995). Khronika protivostoyaniya [Chronicle of the Confrontation]. In *Zvezda Vostoka*. No. 11–12, pp. 190–201.

Abdullaev, R.M. (1996). Natsional’nye politicheskie organizatsii Turkestana v 1917 godu [National Political Organizations of Turkestan in 1917]. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. No. 11–12, pp. 71–74.

Abdullaev, R.M. (1998). *Natsional’nye politicheskie organizatsii Turkestana v 1917–1918 gody* [National Political Organizations of Turkestan in 1917–1918], Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 62 p.

Abdullaev, R.M. (2002). Turkestan v 1917 godu: natsional’noe dvizhenie i voennyi vopros [Turkestan in 1917: National Movement and Military Issue]. In *O‘zbekiston tarixi*. No. 1, pp. 38–42.

Abdullaev, R.M. (2007). Obshchestvenno-politicheskie protsessy v Samarkande nakanune oktyabr’skikh sobytii 1917 g. [Turkestan in 1917: The National Movement and the Military Question]. In *O‘zbekiston tarixi*. No. 4, pp. 48–55.

Abdullaev, R.M. (2008). Turkestan 1917 godu: formirovanie novogo politicheskogo konteksta [Turkestan in 1917: The Formation of a New Political Context]. In *Rossiya – Uzbekistan: istoriya i sovremennost’*. Spetsvypusk. Moscow, pp. 3–12.

Abdullaev, R.M. (2009). Periodicheskaya pechat’ i politicheskie protsessy v Turkestanskom obshchestve mezhdru dvukh revolyutsiy [Periodicals and Political Processes in Turkestan Society Between Two Revolutions]. In *Rossiya-Uzbekistan: istoriya i sovremennost’*. Evro Aziya. Moscow. No. 3, pp. 35–43.

Abdullaev, R.M. (2014). *Natsional’nye politicheskie organizatsii Turkestana v 1917–1918 gody* [National Political Organizations of Turkestan in 1917–1918]. Tashkent, Navro‘z. 219 p.

Abdullaev, R.M. (1993). Turkestan mezhdru dvukh revolyutsiy [Turkestan between Two Revolutions]. In *Tsentrал’noaziatskoe obozrenie: istoriya, politika, ekonomika: sbornik statey*. Almaty, Tashkent, pp. 26–37.

Abdullaev, R.M., Alimova, D. (Eds.). (2016). *Izdaniya Instituta istorii Akademii nauk Respubliki Uzbekistan (1991–2015)* [Publications of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (1991–2015)]. Tashkent, Adabiyot uchqunlari. 294 p.

Abdurahmanov, M. (2005). *Nauchnaya deyatel’nost’ A.Z. Validova v Turkestane* [A.Z. Validov’s Scientific Activity in Turkestan]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 311 p.

Aberkulov, D.N. (2000). *Dekhkanstvo Turkestana v 1917–1921 gg.* (Na materialakh Samarkandskoy, Ferganskoy i Syrdar’inskoy oblastey) [Dehkans of Turkestan in 1917–1921 (Based on the Materials of the Samarkand, Ferghana and Syrdarya Regions)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Samarkand. 192 p.

Agzamhodzhaev, S.S. (1996). *Turkiston muhtoriyati: bor’ba za svobodu i nezavisimost’ (1917–1918 gg.)* [Turkiston Mukhtoriyati: The Struggle for Freedom and Independence (1917–1918)]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 62 p.

Alimova, D. (2000). *Dzhadidizm v Sredney Azii. Puti obnovleniya, reformy, bor’ba za nezavisimost’* [Jadidism in Central Asia. Ways of Renewal, Reforms, Struggle for Independence]. Tashkent, Uzbekiston. 23 p.

Alimova, D. (Ed.). (1997). *Fajzulla Huzhaev xayoti va faoliyati xaqida yangi muloxazalar* [New Reflections on the Life and Work of Fayzulla Khojaev]. Tashkent, Fan. 174 p.

Alimova, D. (Ed.). (1999). *Zhadidchilik: isloxoṭ, yangilanish, mustaqillik va taraqqiyot uchun kurash. (Turkiston va Buhoro zhadidchiligi tarihiga yangi chizgilar)* [Jadidism: The Struggle for Reform, Renewal, Independence and Progress (New Drawings on the History of Turkestan and Bukhara Jadidism)]. Davriy tuplam. Tashkent, Universitet. 218 b.

Alimova, D., Rashidova, D. (1998). *Makhmudkhodzha Bekhbudiy i ego istoricheskie vozzreniya* [Mahmudhoja Behbudiy and his Historical Views]. Tashkent, Ma'naviyat. 39 p.

Alimova, D., Rashidova, D. (1999). *Maḥmudhŷzha Bexbudij va uning tarihij tafakkuri* [Mahmudhoja Behbudiy and His Historical Views]. Tashkent, Akademiya. 54 p.

Alimova, D.A. (2017). *Kontsepty istorii Uzbekistana: teoriya i gipotezy* [Concepts of the History of Uzbekistan: Theory and Hypotheses]. Tashkent, Baktria press. 640 p.

Alimova, D.A. (2008). *Istoriya kak istoriya, istoriya kak nauka* [History as History, History as Science]. Tashkent, Uzbekistan. 457 p.

Bobomatov, T.M. (2006). *Repressivnye organy kak instrument kolonial'noy politiki tsarskoy Rossii v Turkestane (1865–1917 gg.)* [Repressive Organs as an Instrument of Tsarist Russia's Colonial Policy in Turkestan (1865–1917)]. Cand. hist. sci. diss. Tashkent. 182 p.

Dodonov, N.K. (Ed.). (1947). *Pobeda Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Turkestane* [The Victory of the Great October Socialist Revolution in Turkestan]. Sbornik dokumentov. Tashkent, Gosizdatel'stvo UzSSR. 232 p.

Dzhabbarova, E.M. (1991). *Rasprostranenie marksistko-leninskoy ideologii kompartii Uzbekistana (seredina 20-kh – nachalo 30-kh gg.)* [The Spread of Marxist-Leninist Ideology by the Communist Party of Uzbekistan (Mid-20s – Early 30s)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 22 p.

Inoyatov, H.Sh. (Ed.). (1962). *Khronika sobytiy Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Uzbekistane. Fevral'–noyabr' 1917* [Chronicle of the Events of the Great October Socialist Revolution in Uzbekistan. February–November 1917]. Tashkent, Izdatel'stvo AN UzSSR. 286 p.

Khasanov, B.V. (2000). *Natsional'naya intelligentsiya Uzbekistana i istoricheskie protsessy 1917 – nachala 50-kh godov* [The National Intelligentsia of Uzbekistan and the Historical Processes of 1917 – Early 50s]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 54 p.

Khasanov, B.V. (2000). *Natsional'naya intelligentsiya Uzbekistana i istoricheskie protsessy 1917 – nachala 50-kh godov* [The National Intelligentsia of Uzbekistan and the Historical Processes of 1917 – Early 50s]. Tashkent, Institut istorii AN RUz. 202 p.

Khaydarov, I.M. (2007). *Uzbekistonda iqtisodij kengashlar faoliyati (1917–1934 jillar)* [Activities of Economic Councils in Uzbekistan (1917–1934)], Cand. hist. sci. diss. Tashkent. 188 p.

Khaydarov, M.M. (1998). *Tsentralizatorskaya politika Sovetskoy vlasti v Turkestane i ee posledstviya (1917–1924 gg.)* [The Centralizing Policy of the Soviet Government in Turkestan and Its Consequences (1917–1924)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 28 p.

Khayitov, Sh. (2009). *Istoriya uzbekskoy emigratsii XX veka* [The History of Uzbek Emigration of the 20th Century]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 50 p.

Kulliev, H. (1998). *Skladyvanie ekonomicheskikh i duhovnykh osnov totalitarnogo stroya v Turkestane (1917–1920 gg.)* [The Formation of the Economic and Spiritual Foundations of the Totalitarian System in Turkestan (1917–1920)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 25 p.

(1941). *Letopis' vazhneyshikh revolyutsionnykh sobytiy 1917 goda v Sredney Azii* [Chronicle of the Most Important Revolutionary Events of 1917 in Central Asia]. In *Istoriik-marksist*. No. 4 (92), pp. 101–111.

Mad'yarova, S.N. (2010). *Istoriografiya Turkestanskoy avtonomii (1917–2008 gg.)* [Historiography of the Turkestan Autonomy (1917–2008)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 27 p.

Makhmudov, O.A., Pugovkina, O.G. (2022). *Istoriya vooruzhennogo soprotivleniya protiv sovetkoy vlasti v TASSR – Uzbekskoy SSR: podhody i ochenki sovremennoy istoriografii Uzbekistana (konets 1980-kh – 2020-e gody)* [The History of Armed Resistance against Soviet Power in the TASSR – Uzbek SSR: Approaches and Assessments of Modern Historiography of Uzbek-

istan (Late 1980s–2020s)]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti*. Novosibirsk, Parallel', pp. 331–332.

Nabiev, F. (1995). *Problemy i protivorechiya sotsial'noy politiki v Turkestane (1917–1924 gg.)* [Problems and Contradictions of Social Policy in Turkestan (1917–1924)]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 48 p.

(1947). *Podgotovka i provedenie Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Uzbekistane* [Preparation and Conduct of the Great October Socialist Revolution in Uzbekistan]. Tashkent, Tipografiya Upravleniya delami Soveta ministrov UzSSR. 296 p.

(1977). *Pobeda Oktyabr'skoy revolyutsii v Uzbekistane* [The Victory of the October Revolution in Uzbekistan]. Sb. dokumentov. Tashkent, Fan, 1972. Vol. 1: Ustanovlenie Sovetskoy vlasti v Uzbekistane. Tashkent, Izdatel'stvo Akademii nauk UzSSR, 1963. 659 p.; Vol. 2: Uprochenie Sovetskoy vlasti v Uzbekistane. 608 p.; 1917 god v Kazahstane. Dokumenty i materialy. Alma-Ata, Kazahstan. 283 p.

(1930). *Proletarskaya revolyutsiya* [The Proletarian Revolution]. No. 7–8, pp. 138.

Pugovkina, O.G. (2018). *Otechestvennaya istoriografiya ob osobennostyah fevral'skoy revolyutsii v Turkestane* [Russian Historiography about the Peculiarities of the February Revolution in Turkestan]. In *Uzbekistonda tarix fani: muammolar va rivozhlanish istiqbollari. Tarixshunoslik uqishlari – 2017*. Konferentsiya materiallari. Toshkent, Akademnashr, pp. 189–204.

Radzhapova, R.Ya. (2000). *Turkestan v nachale XX veka: k istorii istokov natsional'noy nezavisimosti* [Turkestan at the Beginning of the 20th Century: Towards the History of the Origins of National Independence]. Tashkent, Sharq. 672 p.

Razhabov, K. (2024). *Uzbekiston XX asrda (1900–1939)* [Uzbekistan in the 20th Century]. Tashkent, Fan. T. I. 752 p.

Rustamova, G. (1999). *Kolonial'naya sushchnost' tsarskoy i bol'shevistskoy vlasti v Turkestane (1867–1924 gg.)* [The Colonial Essence of Tsarist and Bolshevik Power in Turkestan]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 31 p.

Salmanov, A.M. (2008). *Uzbekistonda musulmon dinij muassasa va tashkilotlar faoliyati tarihi (1917–1950 yillar)* [History of the Activities of Muslim Religious Institutions and Organizations in Uzbekistan (1917–1950)], Cand. hist. sci. diss. abstract. 156 p.

Sarybaev, M.K. (2008). *Politika khlopkovoy monokul'tury Sovetskoy vlasti v Karakalpakstane i ee posledstviya (1917–1990 gg.)* [The Policy of Cotton Monoculture of the Soviet Government in Karakalpakstan and its Consequences (1917–1990)], Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 46 p.

Tursunov, I. (1995). *Uzbekiston maorifchilarining istiqlol jyllidagi kurashi tarixidan (1917–1930 jillar)* [From the History of the Struggle of the Māori People of Uzbekistan for Independence (1917–1930)], Dr. hist. sci. diss. Toshkent. 24 p.

Д.Н. Москаленская*

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОГО
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (2014–2024 ГОДЫ)**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-14
УДК 94(343.43)+376"2014/2024"

Выходные данные для цитирования:
Москаленская Д.Н. Историческая память о репрессиях сквозь призму современного школьного образования (2014–2024 годы) // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 186–195. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-14.pdf>

D.N. Moskalenskaya*

**HISTORICAL MEMORY OF REPRESSION
THROUGH THE PRISM OF MODERN
SCHOOL EDUCATION (2014–2024)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-14

How to cite:
Moskalenskaya D.N. Historical Memory of Repression through the Prism of Modern School Education (2014–2024) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 186–195. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-14.pdf>]

Abstract. The trend of unification of the school curriculum, which has clearly manifested itself in the last decade, was expressed first in the adoption of a Historical and cultural standard, the reduction of the variety of textbooks on the history of Russia, and then in the appearance of a unified textbook. The topic of political repression carried out by the Soviet government was listed among the “complex issue of the history of Russia” in the Concept of a new educational and methodological complex on national history. The question of how this topic is revealed in modern textbooks seems to be extremely relevant. The article provides a comparative analysis of the content of textbooks on the history of Russia of the 10th grade in terms of coverage of the repressive policy of the Soviet state. It is concluded that the new unified textbook on the history of Russia has not radically changed the position on the issue of repression as in the previous versions, the problem of repressive policies was not represented extensively. The emphasis is shifting from repressive to rehabilitative policies. The repressions against the clergy and the high command of the Red Army are considered in more detail, and the mention of the national operations of the NKVD disappears. This “complex issue” of history is not reflected in the additional materials of the new unified textbook.

Keywords: repression, Stalin era, “Great Terror”, history textbook, school education.

The article has been received by the editor on 01.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Тенденция унификации школьной программы, ярко проявившая себя в последнее десятилетие, выразилась сначала в принятии Историко-культурного стандарта, сокращении многообразия учебников по истории России, а затем в появлении единого учебника. Тема политических репрессий, проводимых советской властью, значилась в числе «трудных вопросов истории России» в Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Вопрос о том, как данная тема раскрывается в современных учебниках, представляется крайне актуальным. В статье

* **Дарья Николаевна Москаленская**, кандидат исторических наук, Частное общеобразовательное учреждение «Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского», Новосибирск, Россия, e-mail: darmosk@mail.ru

Dar'ya Nikolaevna Moskalenskaya, Candidate of Historical Sciences, Orthodox Gymnasium in the Name of St. Sergius of Radonezh, Novosibirsk, Russia, e-mail: darmosk@mail.ru

проводится сравнительный анализ содержания учебников по истории России для 10-го класса в аспекте освещения репрессивной политики советского государства. Доказывается, что новый единый учебник по истории России кардинально не изменил позицию по вопросу репрессий. Как и в предшествовавших ему изданиях, данной проблематике уделяется весьма скромное внимание. Смещается акцент с репрессивной политики на реабилитационную. Более подробно рассматриваются репрессии против священнослужителей и высшего командного состава РККА, а упоминание о национальных операциях НКВД исчезает. Данный «трудный вопрос» истории не находит отражение в дополнительных материалах нового единого учебника.

Ключевые слова: репрессии, сталинская эпоха, «Большой террор», учебник истории, школьное образование.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024 г.

В последнее десятилетие ярко проявила себя тенденция унификации школьной образовательной программы по истории. Идея создания учебников истории, построенных на единой концепции, высказанная В.В. Путиным в феврале 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям, нашла воплощение в принятии проекта Историко-культурного стандарта в конце 2013 г. С 2014 г. основные методологические и содержательные подходы к преподаванию истории России задаются Концепцией нового учебно-методического комплекса по отечественной истории и входящим в нее Историко-культурным стандартом (Концепция УМК 2014 г.)¹. Авторы Концепции отмечали, что «в современном российском обществе Концепция УМК 2014 г. выступает в качестве общественного договора, предлагающего взвешенные точки зрения на дискуссионные вопросы отечественной и всеобщей истории. Данный подход предусматривает также сохранение плюрализма оценок и суждений в рамках исторических исследований...»². Указанная концепция ознаменовала, в том числе, переход с концентрической модели изучения истории на линейную. История России XX в. стала изучаться в 10-м классе, а не в 9-м, как было ранее.

Несмотря на развернувшиеся бурные дискуссии по поводу возможности появления единого учебника по истории России, министр образования и науки РФ Д.В. Ливанов в 2014 г. заявлял, что единый учебник для всех школ не предполагается³. В соответствии с требованиями Концепции УМК в 2015–2016 гг. были созданы новые учебники по истории России, отвечающие Историко-культурному стандарту. В 2020 г. появляется усовершенствованная Концепция преподавания учебного курса «История России». Согласно Концепции, принцип линейности распространили на изучение истории в старшей школе, трудный материал по истории России XX в. распределили между 10-м и 11-м классами.

В 2023 г. объявляется о создании единого учебника, работа над которым, по словам одного из авторов В.Р. Мединского, началась в апреле 2023 г. и была проведена в невероятно короткие сроки. В качестве основы для нового учебника использовались отобранные Министерством просвещения РФ три лучшие линейки учебников, при этом их содержание в новом учебнике подверглось модернизации.

Причины политических репрессий, проводимых советской властью, значатся в числе «трудных вопросов истории России» в Концепции нового учебно-методического комплекса

¹ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

² Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/> (дата обращения: 24.03.2024).

³ Минобрнауки отказалось от идеи введения единого учебника истории // РИА Новости. 27.08.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20140827/1021587921.html> (дата обращения: 05.05.2024).

по отечественной истории⁴. Вопрос о том, как данная тема раскрывается в современных учебниках, написанных на основе Историко-культурного стандарта, представляется крайне актуальным, особенно учитывая появление единого учебника.

Тема отражения репрессивной политики советского государства в школьных учебниках уже рассматривалась в историографии. В зависимости от собственных взглядов и убеждений исследователями делались различные выводы. Так, Н.Н. Глухарев считает, что освещение репрессий в школьных учебниках нельзя признать удовлетворительным, так как почти всегда оно укладывается в модель «жестокий режим и невинно страдающие массы»⁵. По мнению исследователя, объяснение причин репрессий сводится к «параноидальной» личности И.В. Сталина и принципиального улучшения в новых учебниках, изданных на основе Историко-культурного стандарта, не произошло⁶. Другие исследователи, напротив, отмечают сокращение информации о репрессиях, недостаточно глубокое освещение данной темы⁷. Н.В. Чехмарева указывает на скудность информации, ее фрагментарность, слабую аргументированность выводов⁸. По мнению И.В. Томиловой, «учащиеся получают информацию в виде готовых истин, отсутствуют правовые и моральные оценки преступлений И.В. Сталина, многие аспекты проблемы вообще не затрагиваются»⁹.

Но с появлением нового единого учебника по истории России XX в. встает вопрос: насколько в освещении репрессий данный учебник опирается на предшествующие издания? Какие произошли изменения в изложении материала?

Сначала рассмотрим более подробно освещение советской репрессивной политики в учебниках за 10-й класс из трех линейек учебников, созданных после 2014 г.

Начнем с самого популярного учебника под редакцией А.В. Торкунова. Особенностью учебника является выделение в отдельный пункт проблемы взаимоотношений власти и Церкви. Тема репрессивной политики поднимается в разделе параграфа, посвященном политике государства в отношении церкви: «...священнослужителей арестовывали, отправляли на принудительные работы»¹⁰. Упоминается и о мерах дискриминации священнослужителей, таких как лишение избирательных прав, повышенное налогообложение, невозможность детям получить высшее образование. О «лишенцах» и репрессиях против священнослужителей авторы вновь упоминают в параграфе о политическом развитии в 1920-е гг., где отмечается, что «права органов ОГПУ все более расширялись»¹¹. В пункте «Ужесточение политического курса» также говорится о дискриминационной политике в отношении зажиточного крестьянства и об усилении репрессий в связи с «военной тревогой» 1927 г.¹²

Тема репрессивной политики присутствует и в разделе, посвященном индустриализации. Указывается, что репрессии использовались «для стимулирования темпов промыш-

⁴ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Глухарев Н.Н. Проблема отражения «трудных» вопросов истории советского общества в современных школьных учебниках на примере освещения причин массовых репрессий 1930-х гг. // Историческое место советского общества: мат-лы Всерос. науч. конф. М., 2016. С. 217.

⁶ Там же.

⁷ Москаленская Д.Н. Освещение советской репрессивной и дискриминационной политики в постсоветских школьных учебниках // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 30–38; Томилова И.В. Раскрытие темы «сталинские репрессии» в школьных учебниках истории. Сравнительный анализ и проблематика «неудобных тем» // Шаг в историческую науку: мат-лы XXII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2022. С. 413–418.

⁸ Чехмарева Н.В. Освещение репрессивной политики советского государства в школьных учебниках истории // Шаг в историческую науку: мат-лы XX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2020. С. 344.

⁹ Томилова И.В. Раскрытие темы «сталинские репрессии» в школьных учебниках истории. Сравнительный анализ и проблематика «неудобных тем» // Шаг в историческую науку: мат-лы XXII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2022. С. 416.

¹⁰ История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 3 ч. М., 2020. Ч. 1. С. 82.

¹¹ Там же. С. 110.

¹² Там же. С. 112–113.

ленного строительства»¹³. Перечисляются основные политические процессы, упоминаются «социальные чистки». В разделе «Цена и издержки индустриализации» говорится об использовании труда заключенных и спецпереселенцев, репрессиях за срывы плановых заданий и об особых технических бюро («шарашках»)¹⁴.

«Раскулачиванию» посвящен отдельный небольшой пункт в параграфе о коллективизации. При этом достаточно эмоционально повествуется о тех условиях, в которых оказались «раскулаченные»: «...под видом борьбы с кулачеством из деревни были вырваны миллионы людей, для того чтобы использовать их бесплатный труд на самых тяжелых работах...»¹⁵.

Непосредственно массовым репрессиям конца 1930-х гг. посвящен отдельный пункт «Репрессивная политика» параграфа о политической системе СССР в 1930-е гг. В нем освещается работа троек, перечисляются категории, подвергнувшиеся репрессиям. Примечательно, что термины «Большой террор», «враг народа» в тексте не используются. В параграфе о национальной политике кратко характеризуются репрессии по национальному признаку.

В учебнике А.В. Шубина, М.Ю. Мягкова, Ю.А. Никифорова под общей редакцией В.Р. Мединского в контексте политической жизни 1920-х гг. рассматриваются разгром «правого уклона» и политические процессы над «вредителями», упоминается «шахтинское дело». Делается вывод, что «многие просчеты руководства и аварии стали объяснять умышленным вредительством внутренних врагов»¹⁶.

«Раскулачивание», в отличие от учебника под редакцией А.В. Торкунова, рассматривается в параграфе, посвященном коллективизации, а не выделяется в отдельный раздел¹⁷. Данной теме авторы посвятили полтора абзаца, крайне сжато констатируя, что «хозяйства кулаков (или тех, кого объявили кулаками) ликвидировались, а они вместе с семьями выселялись либо в другие деревни своей области, либо в отдаленные районы, иногда малопригодные для жизни»¹⁸.

Политика в отношении РПЦ также не выделяется в отдельные пункты, как в учебнике под редакцией А.В. Торкунова. Вскользь упоминается о расправах над священниками и появлении первых новомучеников¹⁹. Далее несколько подробнее повествуется о кампании по изъятию церковных ценностей и связанным с ней репрессиям священнослужителей²⁰. Про дискриминационную политику лишения избирательных прав фактически не говорится. В повествовании проскальзывает упоминание о «лишенцах» – изгоях системы, но суть данного термина и его происхождение не раскрываются²¹.

Тема репрессий рассматривается в пункте «Убийство Кирова и массовые репрессии» параграфа «СССР во второй половине 1930-х гг.»²² Данная тема отражена очень эмоционально: «Арестованными набивали и без того переполненные камеры, их подвергали избиениям, пыткам и издевательствам...»²³. Освещается и положение заключенных в ГУЛАГе: «трудились в тяжелейших условиях, голодали, замерзали»²⁴. От термина «большой террор» (пишется в учебнике со строчной буквы) авторы не отказываются, но добавляют оговорку, что репрессии получили данное название сначала в западных исторических трудах²⁵. Обращения к вопросу о причинах усиления репрессий сопровождаются указанием на ослож-

¹³ История России. 10 класс... С. 127.

¹⁴ Там же. С. 129.

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ Шубин А.В., Мягков М.Ю., Никифоров Ю.А. История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: учебник. М., 2021. С. 125–126.

¹⁷ Там же. С. 132.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 91.

²⁰ Там же. С. 111–112.

²¹ Там же. С. 126.

²² Там же. С. 136–140.

²³ Там же. С. 139.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ Там же. С. 138.

нение международной обстановки. Среди категорий репрессированных более подробно рассматриваются партийное руководство, военные и представители интеллигенции.

В дополнительной литературе и материалах, рекомендуемых в конце главы, тема репрессий также нашла отражение. Предлагается документальный фильм, посвященный «раскулачиванию». Из научной литературы рекомендуются работы О.В. Хлевнюка, Л. Виолы²⁶.

В учебнике О.В. Волобуева, С.П. Карпачева, В.А. Клокова «История России: начало XX – XXI века» в параграфе «Индустриализация и коллективизация» понятие «Шахтинское дело» выносится в отдельный список вместе с «коллективизацией», «раскулачиванием», «великим переломом» и др.²⁷ Этому судебно-политическому процессу посвящен отдельный абзац. Крайне сжато характеризуется система исправительно-трудовых лагерей, при этом само понятие «ГУЛАГ» не используется.

Процесс «раскулачивания» не выносится в отдельный пункт, а рассматривается в разделе, посвященном коллективизации, как и в учебнике под редакцией В.Р. Мединского. Приводятся данные о численности спецпереселенцев (1,4 млн к январю 1932 г. в Сибири и на Европейском Севере)²⁸.

Непосредственно массовым репрессиям посвящен отдельный пункт с говорящим названием «Машина террора» в параграфе «СССР во второй половине 1930-х гг.»²⁹ Но по сравнению с другими учебниками информация в нем представлена еще более сжато, уместившись в пять абзацев. Перечисляются категории лиц, пострадавших от репрессий, в частности упоминается о национальных операциях. Дается, наконец, расшифровка термина «ГУЛАГ». В числе заданий к параграфу предлагается подготовить сообщения о судьбах репрессированных, используя воспоминания, опубликованные на интернет-ресурсе³⁰.

Тема взаимоотношения власти и Церкви выделяется в отдельный пункт параграфа, посвященного советскому обществу. Перечисляются такие меры антирелигиозной борьбы, как закрытие храмов, изъятие церковных ценностей, аресты священнослужителей. В задании к параграфу ученикам предлагается на выбор подготовить сообщение о гонениях против представителей одной из конфессий³¹.

Более подробно остановимся на новом едином учебнике по истории России за 10-й класс В.Р. Мединского, А.В. Торкунова, вышедшем в 2023 г. Как и в издании под редакцией А.В. Торкунова, отдельно рассматривается политика государства в отношении Церкви. Приводится выдержка из декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Повествуется о закрытии храмов, репрессиях и дискриминациях в отношении священнослужителей³². Данный текст практически дословно повторяет учебник под редакцией А.В. Торкунова.

Повествование о «чистках» также практически полностью повторяет фрагмент учебника под редакцией А.В. Торкунова. Но во фразе «новая научно-техническая интеллигенция, руководители предприятий и учреждений, инженеры были преданы советской власти и не подвергали сомнениям политику Сталина» произошла замена на «не подвергали сомнениям политику индустриализации»³³.

Обращаясь к теме политических процессов, следует отметить, что данный текст только частично повторяет учебник под редакцией А.В. Торкунова. Исчезает оценочность таких событий, как «Шахтинское дело», дела «Промпартии» и др. Упомянув об аресте инженеров

²⁶ Шубин А.В., Мягков М.Ю., Никифоров Ю.А. История России. Начало XX – начало XXI века... С. 174.

²⁷ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Клоков В.А. История России: начало XX – XXI века. 10 класс: учебник: базовый уровень. М., 2021. С. 100.

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ Там же. С. 116–117.

³⁰ Там же. С. 117.

³¹ Там же. С. 125.

³² Мединский В.Р., Торкунов А.В. История. История России. 1914–1945 годы: 10-й класс: базовый уровень: учебник. М., 2023. С. 131–133.

³³ Там же. С. 212.

и специалистов, констатируется, что «они считались «вредителями»³⁴. А ГУЛАГ упоминается в контексте «активного освоения природных богатств в регионах Севера»³⁵.

Авторы вновь обращаются к теме принудительного труда заключенных и спецпереселенцев в пункте «Изддержки индустриализации» (показательно, что в учебнике под редакцией А.В. Торкунова пункт носил название «Цена и издержки индустриализации»). При этом условия жизни в лагерях никак не характеризуются.

Тема раскулачивания, как и в учебнике под редакцией А.В. Торкунова, выделена в отдельный пункт параграфа (а не вместе с коллективизацией, как в двух других рассмотренных учебниках), но представлена еще более кратко и сжато. Факты констатируются, но совершенно безоценочно. Понять, в каких условиях оказывались высланные, из этого текста невозможно.

Репрессивной политике также отводится один пункт из параграфа, посвященного политической системе 1930-х гг. В первой части данный пункт в основном повторяет учебник под редакцией А.В. Торкунова. Говоря о причинах массовых репрессий, указывается на осложнение международной обстановки, в условиях чего Сталин счел необходимым подавить внутреннюю оппозицию. В этом контексте дается определение понятия «пятая колонна». Далее появляется термин «враг народа» (который отсутствовал в учебнике под редакцией А.В. Торкунова), указывается, что борьба с «врагами народа» использовалась и для сведения личных счетов – массовыми стали доносы на соседей и знакомых³⁶.

По сравнению с учебником под редакцией А.В. Торкунова, появляется абзац, посвященный отношению населения к репрессиям, указывается, что «для основной массы советских людей репрессии в условиях сложной международной обстановки казались обоснованными»³⁷. Отмечается, что простые люди не представляли их истинного масштаба, а популярность Сталина возрастала³⁸. В этом плане есть сходство с учебником А.В. Шубина под редакцией В.Р. Мединского.

Несколько подробнее, чем в предыдущих учебниках, описываются репрессии против высшего командного состава РККА, но зато исчезает упоминание о национальных операциях, хотя в предшествующих изданиях эта информация так или иначе представлена. В учебнике под редакцией А.В. Торкунова для освещения национальной политики выделялся отдельный параграф. В новом учебнике национальная политика уместается в отдельный пункт все того же параграфа «Политическая система и национальная политика СССР в 1930-е гг.»³⁹ По сути, данный пункт представляет собой очень краткую «выжимку» из аналогичного параграфа в учебнике под редакцией А.В. Торкунова, но упоминания о репрессивной политике и депортациях в него не вошли.

Относительно последующего периода имеется упоминание о депортациях в годы Великой Отечественной войны, которое вызвало большой общественный резонанс в Карачаево-Черкесии и Чечне. «На основании фактов сотрудничества с оккупантами карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар ГКО в 1943–1944 гг. принял решение ликвидировать государственные образования этих народов внутри СССР и подвергнуть их коллективному наказанию – насильственному переселению (депортации) в восточные регионы страны. В результате были репрессированы не только бандиты и пособники врага, но и множество безвинных людей. Переселенцам пришлось пережить много бед и лишений. Справедливость по отношению к ним была восстановлена после 1953 г.»⁴⁰ В дальнейшем под влиянием общественности данный абзац был переписан, из него убрали упоминание конкретных народов, подчеркнули трагедию людей, большинство из которых пострадали безвинно.

³⁴ Мединский В.Р., Торкунов А.В. История. История России. 1914–1945 годы... С. 131–133.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 233.

³⁷ Там же. С. 234.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 237.

⁴⁰ Там же. С. 351.

В учебнике под редакцией А.В. Торкунова констатировалось, что «после окончания периода массовых репрессий Сталин не взял вину на себя, а обвинил сотрудников НКВД в нарушении законности». В новом учебнике этого нет, но появляется информация о реабилитационной политике, начавшейся в конце 1950-х гг. Добавлена информация о современной программе увековечения памяти выдающихся военачальников, разведчиков, репрессированных и впоследствии реабилитированных⁴¹.

Кроме того, в новом учебнике появляется раздел в параграфе «Культурное пространство советского общества в 1930-е гг.», посвященный взаимоотношениям власти и Церкви в указанный период. В нем достаточно подробно освещена антирелигиозная политика, приведен отрывок из источника личного происхождения с описанием снятия колоколов. В качестве иллюстрации помещена фотография разрушения храма Христа Спасителя в Москве в 1931 г.⁴² Сказано, что гонениям и репрессиям подвергались не только представители православного духовенства, но и служители других конфессий. Среди заданий ученикам предлагается подготовить сообщение о религиозных объектах, разрушенных на территории родного региона в советские годы⁴³. Следует также отметить задание, в котором школьники должны составить таблицу-хронику массовых репрессий⁴⁴ (такое же задание было и в учебнике под редакцией В.Р. Мединского). Вопросы в конце параграфа подталкивают учеников задуматься о причинах репрессий, а в разделе «работаем с понятием» – раскрыть смысл понятия «ГУЛАГ» и привести два исторических факта, связанных с ним⁴⁵.

К сожалению, в заданиях в конце главы «Советский Союз в 1920–1930-е гг.» тема репрессий отсутствует. Она никак не отражена и в дополнительных материалах, которые даны после параграфа, хотя в новом учебнике в качестве дополнительных материалов предлагаются произведения художественной литературы и художественные фильмы. Крайне странно, что исчезают списки рекомендованной научной литературы, которые были в предшествующих изданиях. А в учебнике под редакцией В.Р. Мединского еще рекомендовались и документальные фильмы для просмотра.

Необходимо также обратить отдельное внимание на проблему терминологии. По сравнению с учебником А.В. Торкунова возвращается термин «Большой террор». В учебнике под редакцией А.В. Торкунова он отсутствует, у О.В. Волобуева значится только в словаре в конце учебника, в учебнике А.В. Шубина пишется со строчной буквы, а в новом едином учебнике данный термин возвращается и пишется с заглавной. Хотя при этом в словарь понятий и терминов в конце учебника он не попал. Зато в данном словаре встречаются такие понятия, как «кулак», «лишенец», «спецпереселенцы», «раскулачивание», «расказачивание». Но понятие «ГУЛАГ», несмотря на специальное задание, посвященное этому термину, в словарь не внесено, так же как и «враг народа». Отдельно подсчитано, что фамилия И.В. Сталина в пункте, посвященном массовым репрессиям 1937–1938 гг., фигурирует в учебнике А.В. Шубина под редакцией В.Р. Мединского 13 раз, в учебнике под редакцией А.В. Торкунова – 9 раз, в новом едином учебнике – 7 раз, в учебнике О.В. Волобуева – всего 2 раза. В новом учебнике, как это уже демонстрировалось выше, в некоторых случаях фамилию И.В. Сталина заменяют обтекаемыми формулировками.

Помимо появления нового единого учебника, изменения произошли и в рабочих учебных программах. Если ранее публиковалась примерная основная образовательная программа среднего общего образования, то с 2023/2024 учебного года учителям предлагается уже готовая рабочая программа по истории с поурочным планированием. Обратимся к рабочей программе базового уровня по истории за 10-й класс базового уровня. С ней тоже произошли определенные метаморфозы. Программа, созданная в конструкторе рабочих программ на сайте edsoo.ru в мае 2023 г., отличается от опубликованной на сайте, датиру-

⁴¹ Мединский В.Р., Торкунов А.В. История. История России. 1914–1945 годы... С. 235.

⁴² Там же. С. 245.

⁴³ Там же. С. 251.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 238.

емой августом 2023 г. В первой версии тема репрессивной политики представлена относительно развернуто: «Утверждение культа личности Сталина <...> Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. Результаты репрессий на уровне регионов и национальных республик. Репрессии против священнослужителей. ГУЛАГ. Роль принудительного труда в осуществлении индустриализации и в освоении труднодоступных территорий»⁴⁶. Это полностью совпадает с формулировками, представленными в Концепции преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы 2020 г.⁴⁷ Но если обратиться к Концепции УМК 2014 г., то там формулировки еще более развернутые: «Национальные операции НКВД. ГУЛАГ: социально-политические и национальные характеристики его контингента»⁴⁸. В новой версии рабочей программы по истории данная тематика уместилась в одно предложение: «Репрессивная политика»⁴⁹.

Различаются и формулировки темы, посвященной коллективизации. В первой версии рабочей программы: «Коллективизация сельского хозяйства и ее трагические последствия. Раскулачивание. Сопrotивление крестьян. Становление колхозного строя. Создание МТС. Голод в СССР в 1932–1933 гг. как следствие коллективизации»⁵⁰. И в новой версии: «Цель и задачи коллективизации. Начало коллективизации. Раскулачивание. Голод 1932–1933 гг. Становление колхозной системы. Итоги коллективизации». Как можно заметить, упоминание о трагических последствиях исчезает, акцент смещается на цели коллективизации и ее итоги.

Отдельного урока, посвященного репрессиям, в программе базового уровня не предполагается, в отличие от программы углубленного уровня, где для темы массовых политических репрессий 1937–1938 гг. он предусмотрен⁵¹. Кроме того, рабочая программа по истории углубленного уровня изучения не претерпела изменений. Она основывается на Концепции УМК 2014 г., развернутые формулировки в ней сохранены.

Кроме уроков истории, тема репрессий затрагивается и на уроках литературы в 11-м классе. Ознакомившись с федеральной рабочей программой среднего общего образования по литературе за 10–11-й классы, можно найти два урока, посвященных творчеству А.И. Солженицына («Автобиографизм прозы писателя. Своеобразие раскрытия “лагерной” темы. Рассказ Солженицына “Один день Ивана Денисовича”, творческая судьба произведения. Человек и история страны в контексте трагической эпохи в книге писателя “Архипелаг ГУЛАГ”»)⁵². Но если сравнить с рабочей программой 2023 г., то следует заметить, что из списка для изучения на выбор исчезли «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова и «Дом на набережной» Ю.В. Трифонова⁵³, в которых также отражалась тема массовых репрессий.

⁴⁶ Рабочая программа (ID 255384) учебного предмета «История. Базовый уровень» для обучающихся 10–11 классов. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://prohmbou.ucoz.ru/rabprogramm/10-11/istorija_10-11_konstruktor.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁴⁷ Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/> (дата обращения: 24.03.2024).

⁴⁸ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴⁹ Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История. Базовый уровень. Для 10–11 классов образовательных организаций. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/29_ФРП_История_10-11-классы_база.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

⁵⁰ Рабочая программа (ID 255384) учебного предмета «История. Базовый уровень» для обучающихся 10–11 классов. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://prohmbou.ucoz.ru/rabprogramm/10-11/istorija_10-11_konstruktor.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁵¹ Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История. Углубленный уровень. Для 10–11 классов образовательных организаций. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/30_ФРП_История_10-11-классы_угл.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁵² Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Литература (базовый уровень). Для 10–11 классов образовательных организаций. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/02_ФРП-Литература-10-11-классы.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

Впрочем, нельзя забывать, что огромную роль в образовательном процессе играет не только содержание учебника, но и личность самого учителя. От него зависит, в каком ракурсе и контексте будет представлена изучаемая тема, как будут расставлены акценты.

Относительно учебников по истории следует сделать вывод, что на данный момент новый единый учебник истории России в аспекте освещения репрессий во многом повторяет учебник под редакцией А.В. Торкунова и в некоторых моментах учебник под редакцией В.Р. Мединского. В каких-то случаях произошли сокращения, в других, напротив, была добавлена информация, в частности о реабилитационной политике, о реакции на нее населения. То есть кардинальных изменений в новом едином учебнике по сравнению с предшествующими ему изданиями не наблюдается. В качестве причин репрессий выступают усложнение международной обстановки и необходимость борьбы с «пятой колонной». В освещении репрессивной политики уделяется больше внимания гонениям против духовенства и репрессиям в высшем командном составе РККА, но при этом исчезает информация о национальных операциях НКВД. При рассмотрении рабочих программ и Концепций УМК также можно заметить, что национальные операции перестают выделяться в отдельный пункт. В целом тенденция характеризуется все более осторожным и сдержанным подходом к оценкам репрессий и роли личности И.В. Сталина в школьных учебниках.

Литература

Волобуев О.В., Карпачев С.П., Клоков В.А. История России: начало XX–XXI века. 10 класс: учебник: базовый уровень. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2021. 368 с.

Глухарев Н.Н. Проблема отражения «трудных» вопросов истории советского общества в современных школьных учебниках на примере освещения причин массовых репрессий 1930-х гг. // Историческое место советского общества: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 ноября 2015 г.) / под общ. ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет; Институт истории и политики. М.: МПГУ, 2016. С. 212–218.

История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинов и др.; под ред. А.В. Торкунова. 6-е изд. М., 2020. 175 с.

Мединский В.Р., Торкунов А.В. История. История России. 1914–1945 годы: 10-й класс: базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 496 с.

Москаленская Д.Н. Освещение советской репрессивной и дискриминационной политики в постсоветских школьных учебниках // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 30–38.

Томилова И.В. Раскрытие темы «сталинские репрессии» в школьных учебниках истории. Сравнительный анализ и проблематика «неудобных тем» // Шаг в историческую науку: мат-лы XXII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2022. С. 413–418.

Чехмарева Н.В. Освещение репрессивной политики советского государства в школьных учебниках истории // Шаг в историческую науку: материалы XX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2020. С. 342–344.

Шубин А.В., Мягков М.Ю., Никифоров Ю.А. История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: учебник / под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 431 с.

References

Chekhmareva, N.V. (2020). Osveshchenie repressivnoy politiki sovetskogo gosudarstva v shkol'nykh uchebnikakh istorii [Coverage of the Repressive Policy of the Soviet State in School History Textbooks]. In *Shag v istoricheskuyu nauku: materialy XX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchennykh*. Yekaterinburg, pp. 342–344.

⁵³ Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Литература (базовый уровень). Для 10–11 классов образовательных организаций. 2024. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/pravka_frp_literatura_10_11_baza_05062024.pdf (дата обращения: 08.06.2024).

Glukharev, N.N. (2016). Problema otrazheniya “trudnykh” voprosov istorii sovetskogo obshchestva v sovremennykh shkol’nykh uchebnikakh na primere osveshcheniya prichin massovykh repressiy 1930-kh gg. [The Problem of Reflecting the “Difficult” Issues of the History of Soviet Society in Modern School Textbooks on the Example of Coverage the Reasons for the Mass Repressions of the 1930s]. In *Istoricheskoe mesto sovetskogo obshchestva. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 212–218.

Medinskiy, V.R., Torkunov, A.V. (2023). *Istoriya. Istoriya Rossii. 1914–1945 gody. 10 klass: uchebnik* [History. The History of Russia. 1914–1945. Grade 10: Textbook]. Moscow. 496 p.

Medinskiy, V.R. (Ed.). (2021). *Istoriya Rossii. Nachalo XX – nachalo XXI veka* [Russian History. Early 20th – Early 21st Centuries]. 10 klass: bazovyy uroven’: uchebnik. Moscow. 431 p.

Moskalenskaya, D.N. (2022). Osveshchenie sovetskoy repressivnoy i diskriminatsionnoy politiki v postsovetskix shkol’nykh uchebnikakh [Coverage of Soviet Repressive and Discriminatory Policies in Post-Soviet School Textbooks]. In *Istoricheskij kurier*. No. 1 (21), pp. 30–38.

Tomilova, I.V. (2022). Raskrytie temy “stalinskie repressii” v shkol’nykh uchebnikax istorii. Sravnitel’nyy analiz i problematika “neudobnykh tem” [The Disclosure of the Topic of “Stalinist Repression” in School History Textbooks. Comparative Analysis and Problems of “Inconvenient Topics”]. In *Shag v istoricheskuyu nauku: materialy XXII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh*. Yekaterinburg, pp. 413–418.

Torkunov, A.V. (Ed.). (2020). *Istoriya Rossii* [Russian History]. 10 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel’nykh organizatsiy. Moscow. Part 1. 175 p.

Volobuev, O.V., Karpachev, S.P., Klokov, V.A. (2021). *Istoriya Rossii: nachalo XX–XXI veka* [Russian History. Early 20th – 21st Centuries]. 10 klass: uchebnik: bazovyy uroven’. Moscow. 368 p.

И.А. Шипилов*

**ИСТОРИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ЭКСПЕДИЦИЙ В СИБИРЬ XVIII ВЕКА
В СВЕТЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ
ВЛАСТИ И УЧЕНЫХ****doi:10.31518/2618-9100-2024-5-15
УДК 94(571):910.4+342.5:001*Выходные данные для цитирования:**Шипилов И.А. История академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII века в свете взаимоотношений власти и ученых // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 196–208. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-15.pdf>*

I.A. Shipilov*

**THE HISTORY OF ACADEMIC AND GOVERNMENT
EXPEDITIONS TO SIBERIA IN THE 18TH CENTURY
IN THE LIGHT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN
GOVERNMENT AND SCIENTISTS****

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-15

*How to cite:**Shipilov I.A. The History of Academic and Government Expeditions to Siberia in the 18th Century in the Light of the Relationship between Government and Scientists // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 196–208. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-15.pdf>]*

Abstract. The article examines the process of scientific development of Siberia in the 18th century through the prism of interaction between the Russian state and scientists participating in academic and government expeditions. The role of the state as the main initiator, organizer and source of funding for expeditionary research on the history, geography, nature and population of Siberia is shown. It is established the scientific works of historical content during and according to the results of Siberian expeditions were performed by both professional historians G.F. Müller, V.N. Tatishchev, J.E. Fischer, and D.G. Messerschmidt, Ph.J. von Strahlenberg, J.G. Gmelin, S.P. Krashennikov, P.S. Pallas, G.A. Sarychev, who proved themselves not only first-class specialists in their scientific fields, but also historians of science, the first historiographers of Russian expeditions and the history of the study and development of Siberia, the Far East and the Pacific North. The article identifies the application of the principle of historicism by travel scientists was both the result of the implementation of the state program for the scientific development of Siberia and the personal initiative of researchers. To reconstruct the interaction of government and scientists in the context of the formation of historical memory, the opinions of researchers on the directions and methods of practical implementation of state policy in Siberia and the Far East are given, their business contacts with representatives of central and local administrations and the attitude of the authorities to the publication of scientific works of travelers are characterized. The author concluded that during the organization and conduct of academic and government expeditions, a multifaceted system of relationships developed between government authorities and scientists, including interactions within the framework of a linear subordination scheme of “power and subordination”, as well as various options for dialogue and cooperation, personal initiative, independent judgments and actions of researchers.

Keywords: scientific development of Siberia in the 18th century, Russian Empire, academic and government expeditions, interaction

* **Илья Александрович Шипилов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: shipilof@yandex.ru

Ilya Alexandrovich Shipilov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: shipilof@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th – 20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

between statesmen and scientific travelers, geography, nature and population of Siberia, the Far East and the Pacific North, the history of science, the principle of historicism.

The article has been received by the editor on 28.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрен процесс научного освоения Сибири в XVIII в. через призму взаимодействия Российского государства и ученых – участников академических и правительственных экспедиций. Показана роль государства как главного инициатора, организатора и источника финансирования экспедиционных исследований истории, географии, природы и населения Сибири. Установлено, что научные труды исторического содержания в ходе и по результатам сибирских экспедиций выполнили как профессиональные историки Г.Ф. Миллер, В.Н. Татищев, И.Э. Фишер, так и Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Табберт фон Страленберг, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, Г.А. Сарычев, проявившие себя не только первоклассными специалистами в своих научных областях, но и историками науки, первыми историографами российских экспедиций и истории изучения и освоения Сибири, Дальнего Востока и Тихоокеанского Севера. Выявлено, что применение принципа историзма учеными-путешественниками одновременно являлось и результатом выполнения государственной программы научного освоения Сибири, и личной инициативой исследователей. Для реконструкции взаимодействия власти и ученых в контексте формирования исторической памяти приводятся мнения исследователей о направлениях и способах практической реализации государственной политики в Сибири и на Дальнем Востоке, характеризуются их деловые контакты с представителями центральной и местной администрации и отношение власти к изданию научных трудов путешественников. Сделан вывод, что при организации и во время проведения академических и правительственных экспедиций между государственной властью и учеными развивалась многогранная система взаимоотношений, включавшая как взаимодействие в рамках линейной субординационной схемы «власть и подчинение», так и различные варианты диалога и сотрудничества, проявление личной инициативы, независимые суждения и поступки исследователей.

Ключевые слова: научное освоение Сибири в XVIII в., Российская империя, академические и правительственные экспедиции, взаимодействие государственных деятелей и ученых-путешественников, география, природа и население Сибири, Дальнего Востока и Тихоокеанского Севера, история науки, принцип историзма.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024 г.

Фактором становления и развития науки и имперской модернизации России в XVIII в. стало научное освоение Сибири – системный процесс перманентного и всестороннего изучения географии, природы и населения региона, его политического, экономического и социокультурного освоения. Основными акторами этого процесса являлись представители российской государственной власти и ученые, участвовавшие в подготовке и практической реализации академических и правительственных экспедиций. Крупнейшие из них – путешествие Д.Г. Мессершмидта (1719–1727), Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743), астрономические и физические экспедиционные кампании 1760-х – 1770-х гг., Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция под руководством Дж. Биллингса и Г.А. Сарычева (1785–1795). В научной историографии российских академических и прави-

тельственных экспедиций XVIII в. остаются малоизученными взаимоотношения государственной власти и ученых-путешественников в процессе научного освоения Сибири¹. Эти контакты, как правило, интерпретируются историками в традиционной линейной схеме, когда государство в императивной форме ставит цели и задачи, т.е. направляет «вызов» путешественникам, которые в своих отчетах и исследованиях обязуются дать на него адекватный «ответ». Как нами будет показано, эту схему можно считать лишь одной из составляющих системы взаимоотношений и взаимодействий власти и ученых в ходе и по результатам научного освоения сибирского региона.

Российское государство являлось главным инициатором и организатором сибирских академических и правительственных экспедиций XVIII в. Именными указами Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и других представителей правящей династии Романовых де-юре начиналась и прекращалась деятельность экспедиций, назначались их командующие и определялся основной должностной состав, обозначались главные цели и задачи, регламентировались правовой статус путешественников и их взаимоотношения с представителями сибирской администрации, определялись механизмы снаряжения, финансового и продовольственного обеспечения данных мероприятий. Различные аспекты подготовки и производства экспедиционных кампаний детализировались и конкретизировались в указах Сената, инструкциях Академии наук, Адмиралтейств-коллегии и иных государственных учреждений (рис. 1).

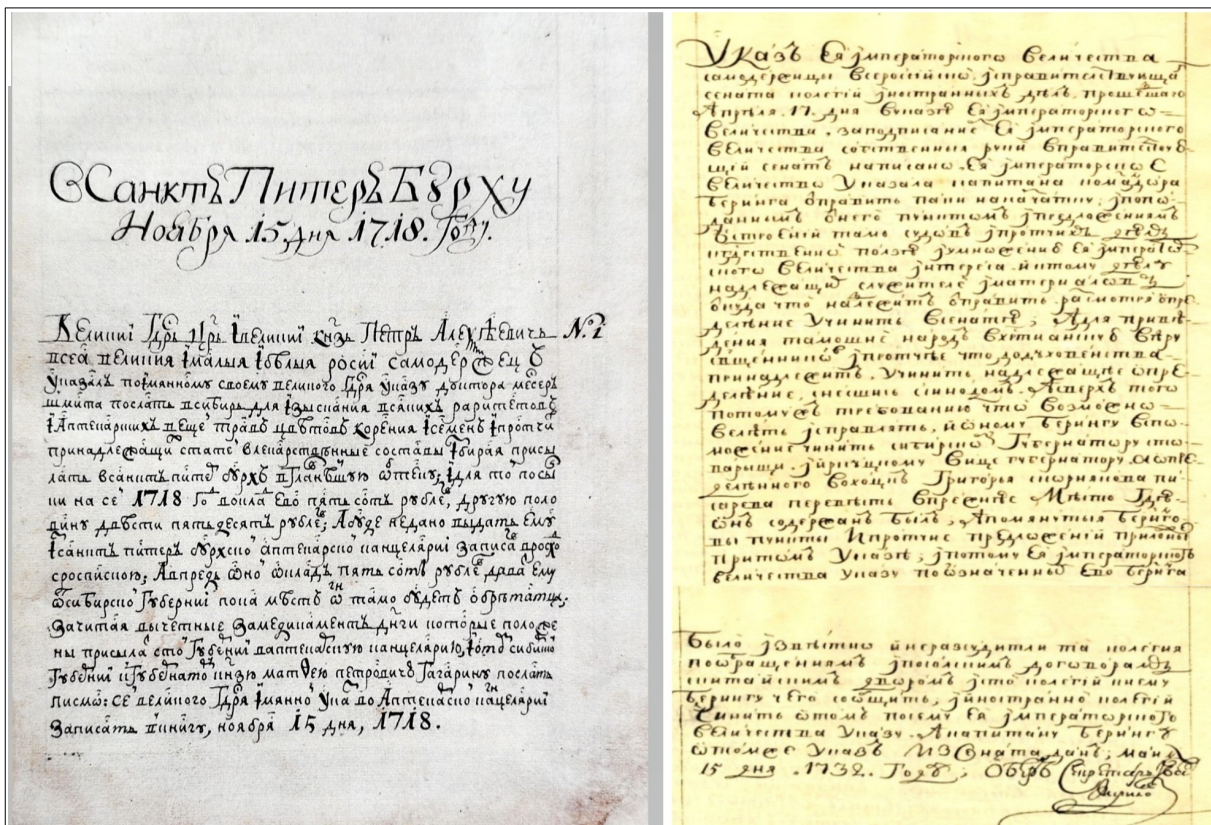

Рис. 1. Именной указ Петра I о посылке доктора Д. Г. Мессершмидта в Сибирь от 15 ноября 1718 г. (Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 202); Сенатский указ Коллегии иностранных дел, согласовывающий указания В.И. Берингу на случай встречи иностранных судов и народов, от 15 мая 1732 г. (Сайт Президентская библиотека)

В организации и проведении путешествий участвовали российские государственные деятели. Например, в разработке и реализации проекта Второй Камчатской экспедиции активное участие приняли обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Н.Ф. Головин, кабинет-министр, президент Коллегии иностранных дел,

¹ Обзоры историографии и библиографию см.: Чернавская В.Н. Россия на Тихом океане, XVIII – первая половина XIX века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2006; Шупилов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск, 2023.

граф А.И. Остерман, князь, вице-адмирал, президент Юстиц-коллегии М.М. Голицын, директор Морской академии, президент Штатс-Конторы и Коммерц-коллегии А.Л. Нарышкин. Значительная роль в планировании и подборе персонала для академических экспедиций 1768–1774 гг. принадлежала графу В.Г. Орлову. Участники Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции получили специальные инструкции и руководства от генерал-фельдмаршала по флоту, графа И.Г. Чернышева, вице-канцлера Российской империи, графа и светлейшего князя А.А. Безбородко².

Государственный бюджет был основным и во многом единственным источником финансирования сибирских экспедиций. На эти научно-исследовательские и геополитические кампании российская власть не жалела средств, понимая, что они впоследствии окупятся. Например, на крупнейшую в истории Вторую Камчатскую экспедицию была потрачена колоссальная по тем временам сумма в 1,5 млн руб. Бюджет Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции составил свыше 220 тыс. руб.³

Исполнителями государственных замыслов стали исследователи – участники путешествий, в числе которых крупные ученые Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Ж.-Н. Делиль, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.И. Исленьев, морские офицеры – специалисты в навигации, геодезии и картографии В.И. Беринг, М.П. Шпанберг, А.И. Чириков, Дж. Биллингс, Г.А. Сарычев. Контроль за выполнением государственных целей и задач осуществлялся через систему отчетности, состоявшую из рапортов, отчетов, доношений и иной служебной корреспонденции, отправлявшейся из крупных сибирских населенных пунктов вместе с различными коллекциями экспонатов, научными трудами и материалами⁴.

В подготовке и в ходе академических и правительственных экспедиций между государством и учеными наряду с отношениями «власть и подчинение» сложилось взаимодействие и сотрудничество. Представители научного сообщества не только отвечали за практическую реализацию целей и задач путешествий, но и систематически привлекались государством к организации экспедиционных кампаний. Так, в разработке самого концепта экспедиционных исследований Сибири наряду с Петром I и другими российскими государственными деятелями приняли участие европейские ученые и исследователи (Н.К. Витсен, Г. Делиль, Х. Вольф и др.), среди которых выде-

Рис. 2. Портрет Петра I.
Художник Ж.-М. Натъе, 1717 г.
(Сайт [Виртуальный Русский музей](#))

Рис. 3. Портрет Г.В. Лейбница.
Художник Кристоф Бернхард Франке,
1690-е гг. (Сайт [The World History Encyclopedia](#))

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 410. Л. 1–431; Ф. 214. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–152; Ф. 729. Оп. 1. Д. 48. Л. 53–56;

³ Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. С. 669; Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha, 1996. S. 200.

⁴ Примеры распорядительной и отчетной документации см.: Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989; Научное наследие П.С. Палласа. Письма: 1768–1771. СПб., 1993.

ляется Г.В. Лейбниц⁵. Немецкий энциклопедист неоднократно писал русскому царю о пользе для государства и науки изучения и освоения североазиатской terra incognita (рис. 2, 3).

В 1719 г. в Сибирь отправляется научная экспедиция во главе с немецким доктором медицины и натуралистом на русской службе Д.Г. Мессершмидтом, который создал прецедент, повлиявший на развитие взаимоотношений власти и ученых. Так, по указу Петра I и предписаниям президента Аптекарской (с 1721 г. – Медицинской) канцелярии И.Д. Блюментроста Мессершмидт ехал за Урал для проведения медико-ботанических исследований, поиска и сбора «всяких раритетов», «куриоситетов и лекарственных вещей»⁶. Во время экспедиции, находясь в Тобольске, Д.Г. Мессершмидт самостоятельно разработал программу комплексного изучения Сибири⁷. Ее Мессершмидт переслал И.Д. Блюментросту на согласование в рапорте от 25 июня 1720 г. Таким образом, ученый направил «вызов» государству и получил положительный «ответ» на него. Этот опыт стал резонансным (рис. 4).

При организации последующих академических и правительственных экспедиций подготовка научно-исследовательских программ была делегирована государственной властью академикам Петербургской АН, крупнейшим специалистам своего времени в различных областях научного знания. Среди них астроном и географ Ж.-Н. Делиль, историки Г.Ф. Миллер и В.Н. Татищев, физики и математики Д. Бернулли и Г.В. Крафт, анатом и зоолог И.Г. Дювернуа, натуралисты Иоганн Георг и Самуэль Готлиб Гмелины, П.С. Паллас, энциклопедист-универсал М.В. Ломоносов и др.⁸ Многие из перечисленных ученых являлись и авторами, и исполнителями экспедиционных научно-исследовательских программ. В этой связи следует особо отметить деятельность академика П.С. Палласа. Он при участии С.Г. Гмелина подготовил инструкцию для академических экспедиций 1768–1774 гг., в ходе которых возглавил собственный отряд, выполнивший фундаментальные исследования по физической географии, ботанике, зоологии, геоморфологии и этнографии народов Сибири, а также координировал

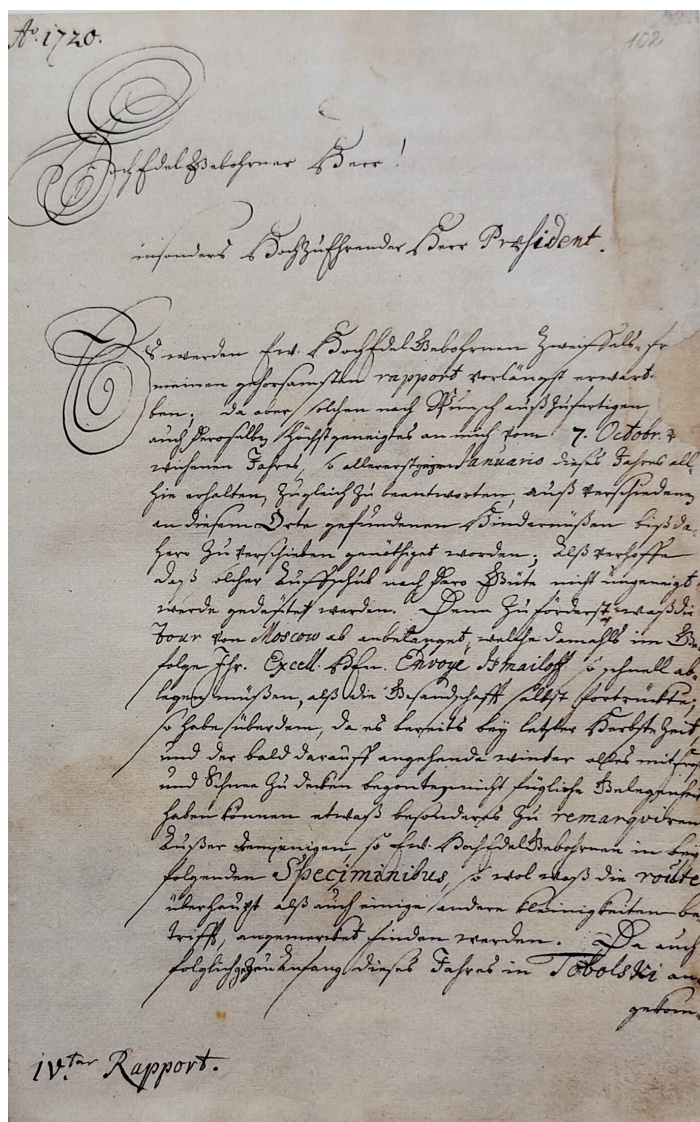

Рис. 4. Четвертый рапорт доктора Д. Г. Мессершмидта И.Д. Блюментросту. Тобольск, 25 июня 1720 г. (Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт... С. 253)

⁵ Подробнее см.: Kuentzel-Witt K. Peter the Great's Intermezzo with G. W. Leibniz and G. Delisle: the Development of Geographical Knowledge in Russia // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6, № 1. P. 63–78.

⁶ Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 201, 224–226.

⁷ Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler / unter Mitwirkung von L.D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen, 2023. S. 113–125.

⁸ Гнучева В.Ф. Материалы... С. 95–108; Ширина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск, 1994. С. 41–109; Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe. Halle, 2004. S. 73–149, 295–321; М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. М., 2011; Куссер Т.С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.

деятельность других экспедиционных групп⁹. Впоследствии П.С. Паллас стал автором проекта и научно-исследовательских программ экспедиции Биллингса–Сарычева 1785–1795 гг., осуществившей научное освоение Северо-Востока Сибири и Северо-Тихоокеанского региона¹⁰. Успеху П.С. Палласа как организатора экспедиционных исследований Российской империи и ее Сибирского региона способствовала неизменная поддержка и содействие Екатерины II. Императрица очень уважала Петра Симона как ученого, ценила его вклад в развитие российской науки, прислушивалась к его компетентному мнению, лоббировала его проекты и финансировала роскошные многотомные издания фундаментальных трудов академика, привлекала его к сотрудничеству в научных, образовательных и политических делах¹¹. Как отмечал А.К. Сытин, в отношении Екатерины II и П.С. Палласа (рис. 5, 6) во многом воплотился в жизнь «идеал века Просвещения – союз ученого и монарха во имя благоденствия народа и процветания государства»¹².

Пересечение и связь политического и научного интересов, государственного заказа и личной инициативы ученых характерны для экспедиционных практик в целом. В частности, такая корреляция наблюдается в выполнении исторических исследований в ходе путешествий. С одной стороны, государственная власть была заинтересована в подготовке трудов по истории Сибири и историографии российского изучения и освоения региона. Доказательством этого является включение в состав экспедиций профессиональных историков В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, описавших историю Сибири как неразрывную часть Российской империи (рис. 7, 8)¹³. С другой стороны, историзм наряду с объективностью – принцип парадигмы классической науки. Ее адептами были российские ученые-путешественники, каждый из которых для актуализации научной новизны своего исследования обращался к трудам предшественников, проводил ретроспективный анализ, приводил сведения по истории науки, ее отдельного направления и дисциплины. Таким образом, исследования исторического характера выполнили не только упомянутые ранее историки, но и другие ученые-путешественники. Например, историографами российских научных экспедиций наряду с Г.Ф. Миллером стали натуралист П.С. Паллас и морской офицер-картограф Г.А. Сарычев¹⁴. Самобытным археографом и историком Сибири

Рис. 5. Портрет императрицы Екатерины II с аллегорическими фигурами Сатурна и Истории. Художник И.Б. фон Лампи Старший, не позже 1793 г. (Сайт [Виртуальный Русский музей](http://www.virtuallibrary.ru))

Рис. 6. Портрет П.С. Палласа, акварель, художник Х.Г.Г. Гейслер, 1803 г. (Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014)

⁹ Подробнее см.: Шуплов И.А. Академические экспедиции XVIII века... С. 266–315.

¹⁰ Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin; New York, 1992. S. 648–657.

¹¹ Подробнее см.: Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. С. 169–193.

¹² Сытин А.К. Vestigia Semper Adora (К 200-летию со дня смерти Петра Симона Палласа) // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3, № 3. С. 11.

¹³ Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М., 1999–2005. Т. 1–3; Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. М., 2020. Т. 5–7.

¹⁴ Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 19–126; Паллас П.С. О российских открытиях на морях между Азиено и Америкою // Месяцослов исторической и географической на 1781 год. СПб., 1780–1781. С. 1–150; Сарычев Г.А. О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби

Рис. 7. Памятник основателям
Екатеринбурга В.Н. Татищеву
и В. Де Геннину, 1998 г.,
скульптор П.П. Чусовитин (Фото автора)

и ее жителей проявил себя помощник Д.Г. Мессершмидта капитан Ф.И. Табберт фон Страленберг¹⁵. Участники академических и правительственных экспедиций как русского, так и иностранного происхождения, будучи госслужащими, в ходе путешествий по Сибири актуализировали направления для экономического, политического и культурного освоения местностей, способствовали усилению геополитического влияния и/или присоединили к Российской империи новые территории на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и Северной Америки и привели в подданство индигенное население. По мнению исследователей, научное освоение Сибири Российской империей должно было способствовать просвещению, образованию, аккультурации по русскому образцу и повышению уровня жизни коренного населения региона. Руководствуясь принципом объективности, путешественники фиксировали в своих работах как примеры позитивного, так и негативного влияния русских на культуру и цивилизационное развитие аборигенов, отмечали недостатки в российской региональной политике. Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Г.В. Стеллер, П.С. Паллас, Дж. Биллингс, К.Г. Мерк, М. Сауер и др. подчеркивали необразованность большей части русского населения сибирских областей, включая представителей местной администрации, которые не хотели и не могли просвещать туземцев, поскольку сами нуждались в образовании. Исследователей поражало отношение к аборигенам Сибири многих российских купцов, промышленников и казаков, которые своими бесконечными сборами ясака, поручениями и варварскими поступками превращали туземцев в бесправных рабов. На эти злоупотребления представители местной администрации обычно закрывали глаза, поскольку часто сами участвовали в них. Путешественники не только описывали эту проблему в своих работах, но стремились решить ее, с риском для карьеры рапортуя о ней в Санкт-Петербурге¹⁶. Российское государство, опиравшееся на науку, прислушалось к ученым. В течение XVIII в. во многих сибирских областях были построены школы

Рис. 8. Портрет Г.Ф. Миллера,
художник Э.В. Козлов, конец XX в.
(Шпилев И.А. Академические экспедиции
XVIII века... С. 96)

и Енисея, также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю, с 1734 по 1742 год // Записки Адмиралтейского департамента. СПб., 1820. Ч. IV. С. 306–378.

¹⁵ *Strahlenberg Ph.J.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

¹⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 5. Д. 52. Л. 30; Д. 65. Л. 53–66; *Мессершмидт Д.Г.* Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012. С. 81, 105, 118, 149–150; *Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов. М., 2009. С. 62, 120–126, 156–157, 254, 356; *Gmelin J.G.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Göttingen, 1752. Т. 2. S. 36, 642; *Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 167–170, 181, 200; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. 3, кн. 1. С. 487–501, 526–527, 559–561; *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2005. С. 39–40; *Sauer M.* An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia. London, 1802. P. 48, 57, 161, 271, 273, 308–309; Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785–1795 гг. Магадан, 1978. С. 68, 142.

и церкви с приходскими образовательными учреждениями, в регион направлены миссионеры. Государственные усилия при посредничестве и содействии ученых-путешественников поспособствовали просвещению и аккультурации незначительной части местного населения. Однако проблема, обозначенная участниками академических и правительственных экспедиций в трудах и материалах, в продолжение изучаемого столетия окончательно решена не будет¹⁷.

Экспедиционные материалы поступали в Сенат, Адмиралтейств-коллегию, Академию наук, Кунсткамеру и другие государственные учреждения. Отдельные научные труды путешественников по завершении экспедиций публиковались за государственный счет, как, например, уже упоминавшиеся монографии П.С. Палласа. Однако значительная часть материалов, содержащих сведения о геополитических интересах России, была засекречена и закрыта для исследователей, включая авторов. Ряд ученых, уехавших из России на историческую родину, опубликовали свои работы в Европе, минуя запрет. Обнародование секретных данных и материалов расценивалось в России как нарушение государственной тайны. Однако такие публикации имели и положительное значение для Российской империи, поскольку, во-первых, информировали просвещенных читателей Старого Света о научных открытиях и территориальных приобретениях, сделанных в ходе и по результатам того или иного путешествия, во-вторых, служили катализатором введения в научный оборот экспедиционных материалов в России. Так, публикация научных трудов И.Г. Гмелина в Германии ускорила выход в свет «Описания земли Камчатки» С.П. Крашенинникова¹⁸. Издание Ж.-Н. Делилем и Ф. Бюашем во Франции неточных карт и описаний Сибири и Камчатки, основанных на устаревших данных и нивелирующих значимость новейших географических открытий российских путешественников на Дальнем Востоке и в Северо-Тихоокеанском регионе, повлекло рассекречивание географических и картографических материалов морских отрядов Второй Камчатской экспедиции, которые были проанализированы и введены в оборот Г.Ф. Миллером¹⁹. За тиражированием монографии М. Сауера о Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции в Лондоне последовали книги Г.А. Сарычева об этом путешествии²⁰.

Исследование истории академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII в. показывает, что при подготовке и реализации этих путешествий между государственной властью и учеными развивалась многогранная и сложная система взаимоотношений. В ней были проявления императивного «монолога» государства и субординационная схема «власть и подчинение», но превалировали варианты «диалога» и «полифонии» между властью и учеными, т.е. вариативные взаимодействия и сотрудничество. Кроме того, оставалось место для личной инициативы, объективного суждения и независимых поступков исследователей. Многие из них в своей работе опирались только на полученные эмпирическим путем и проверенные данные, руководствовались принципом историзма для обоснов-

¹⁷ Подробнее см.: Шпилов И.А. Труды и материалы по этнографии народов Сибири участников академических и правительственных экспедиций XVIII века и дуальная парадигма «цивилизация – варварство»: pro et contra // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 219–221. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-17.pdf> (дата обращения: 28.06.2024).

¹⁸ Gmelin J.G. Reise durch Sibirien... Т. 1–4; Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755. Т. 1–2.

¹⁹ De L'Isle J.-N. Nouvelles cartes des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs Espagnols, Portugais, Angloi, Hollandoirs, François et Russes dans la mer Septentrionales avec leur explication. Paris, 1753; Buache Ph. Considération géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la Grande Mer, appelée vulgairement la Mer du Sud. Paris, 1753; [Müller G.F.] Lettre d'un de la marine russe à un seigneur de la cour concernant la carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer du Sud, et le mémoire qui y sert d'explication publié par M. de L'Isle à Paris en 1752. Berlin, 1753. P. 3–60; Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю... С. 19–126.

²⁰ Sauer M. An Account of a Geographical and Astronomical Expedition...; Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год. СПб., 1802. Ч. 1–2; Сарычев Г.А. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном орле по Северо-восточному океану в 1791 году. СПб., 1811.

вания актуальности и новизны своего исследования, неустанно трудились на благо российской науки и государства, но, служа прежде всего научной истине, считали своим долгом открыто сообщить о проблемах, выявленных в научном и публичном пространстве, тем самым способствуя их исправлению. Эти профессиональные принципы и человеческие качества ученых-путешественников XVIII в. следует взять на вооружение историкам и ученым XXI столетия.

Литература

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2005. 816 с.

Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 312 с.

Киссер Т.С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: в 2 т. СПб.: при Императорской Академии наук, 1755. Т. 1. 438 с.; Т. 2. 319 с.

М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века / сост. О.А. Александровская, В.А. Широкова, О.С. Романова, Н.А. Озерова. М.: РТСофт, 2011. 271 с.

Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722 / под ред. Э.Л. Львова. Абакан: ООО «Кооператив Журналист», 2012. 160 с.

Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 19–126.

Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Вост. лит., 1999–2005. Т. 1. 630 с.; Т. 2. 796 с.; Т. 3. 598 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / сост. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 453 с.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма: 1768–1771 / сост. В.И. Осипов. СПб.: Ленингр. ин-т дизайна, 1993. 248 с.

Паллас П.С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой // Месяцеслов исторической и географической на 1781 год. СПб.: При Императорской Академии наук, 1780–1781. С. 1–150.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Имп. АН, 1788. Ч. 3, кн. 1. 634 с.

Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев; под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. 310 с.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. / отв. сост. Т.С. Федорова; гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1984. 320 с.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / отв. сост. Т.С. Федорова; гл. ред. А.Л. Нарочницкий, отв. ред. Р.В. Макарова. М.: Наука, 1989. 400 с.

Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год. СПб.: В типографии Шнора, 1802. Ч. 1. 187 с.

Сарычев Г.А. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном орле по Северо-восточному океану в 1791 году. СПб.: При Морской типографии, 1811. 191 с.

Сарычев Г.А. О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю, с 1734 по 1742 год // Записки Адмиралтейского департамента. СПб.: Б.и., 1820. Ч. IV. С. 306–378.

Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 288 с.

Сытин А.К. Vestigia Semper Adora (К 200-летию со дня смерти Петра Симона Палласа) // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3, № 3. С. 7–20.

Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М.: КМК, 2014. 456 с.

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. М. Академический проект, 2020. Т. 5. 453 с.; Т. 6. 556 с.; Т. 7. 579 с.

Фишер И.Э. Сибирская история. СПб.: При Имп. АН, 1774. 631 с.

Чернавская В.Н. Россия на Тихом океане, XVIII – первая половина XIX века: Историко-историографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2006. 255 с.

Шипилов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2023. 368 с.

Шипилов И.А. Труды и материалы по этнографии народов Сибири участников академических и правительственных экспедиций XVIII века и дуальная парадигма «цивилизация – варварство»: pro et contra // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 219–221. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-17.pdf> (дата обращения: 28.06.2024).

Ширина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск: Наука, 1994. 269 с.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785–1795 гг. / сост. З.Д. Титова; ред. И.С. Вдовин. Магадан: Книжное изд-во, 1978. 174 с.

Buache Ph. Considération géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la Grande Mer, appelée vulgairement la Mer du Sud. Paris: Avec l'Approbation & sous le Privilège de l'Académie Royale des Sciences, 1753. 158 p.

De L'Isle J.-N. Nouvelles cartes des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs Espagnols, Portugais, Angloi, Hollandoirs, François et Russes dans la mer Septentrionale avec leur explication. Paris: [s.n.], 1753. 90 p.

Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe / Bearb. Von W. Hintzsche, N. Ochotina Lind, P.U. Møller. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2004. 960 s.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743: in 4 Teilen. Göttingen: Verl. Abram Vandenhoecks seel., wittwe, 1751–1752. Т. 1. 467 s.; Т. 2. 652 s.; Т. 3. 583 s.; Т. 4. 700 s.

Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha: Perthes, 1996. 347 s.

Kuentzel-Witt K. Peter the Great's Intermezzo with G.W. Leibniz and G. Delisle: the Development of Geographical Knowledge in Russia // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6. № 1. P. 63–78.

Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler / unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2023. 747 s.

Müller G.F. Lettre d'un de la marine russe à un seigneur de la cour concernant la carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer du Sud, et le mémoire qui y sert d'explication publié par M. de L'Isle à Paris en 1752. Berlin: Chez Haude et Spener, 1753. 60 p.

Pallas P.S. Erläuterungen über die im östlichen Ocean zwischen Sibirien und America geschehenen Entdeckungen // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. St. Petersburg; Leipzig: Bey Johan Zacharias Logan, 1781. Bd. 1. S. 273–313.

Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima, performed by command of Her Imperial Majesty, Catherine the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794. London: Printed by A. Strahan, Printers Street, 1802. III–XXVI, 332, [59] p.

Strahlenberg Ph.J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 s.

Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. 1208 s.

References

Aleksandrovskaya, O.A., Shirokova, V.A., Romanova, O.S., Ozerova, N.A. (Eds.). (2011). *M.V. Lomonosov i akademicheskie ekspeditsii XVIII veka* [M.V. Lomonosov and Academic Expeditions of the 18th Century]. Moscow, RTSOft. 271 p.

Basargina, E.Yu., Zenkevich, S.I., Lehfeldt, W., Khosroev, A.L. (Comp.), Basargina, E.Yu. (Ed.). (2019). *Pervyy issledovatel' Sibiri D.G. Messershmidt: Pis'ma i dokumenty. 1716–1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: Letters and Documents. 1716–1721]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 310 p.

Buache, Ph. (1753). *Considération Géographiques et Physiques sur les Nouvelles Découvertes au Nord de la Grande Mer, Appelée Vulgairment la Mer du Sud*. Paris, Avec l'Approbation & fous le Privilège de l'Académie Royale des Sciences. 158 p.

Chernavskaya, V.N. (2006). *Rossiya na Tikhom okeane, XVIII – pervaya polovina XIX veka: Istoriko-istoriograficheskie ocherki* [Russia on the Pacific 18th – the First Half of 19th Centuries: Historical and Historiographical Essays]. Vladivostok, Dal'nauka. 255 p.

De L'Isle, J.-N. (1753). *Nouvelles Cartes des Découvertes de l'Amiral de Fonte et Autres Navigateurs Espagnols, Portugais, Angloi, Hollandoirs, François et Russes dans la mer Septentrionales avec leur explication*. Paris. 90 p.

Elert, A.Ch., Hintzsche, W. (Comp.). (2009). *Miller G.F. Opisanie sibirskikh narodov* [Müller, G.F. Description of the Siberian Peoples]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 453 p.

Fedorova, T.S. (Comp.), Narochnitskiy, A.L. (Ed.). (1984). *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian Expeditions to Study the North Pacific Ocean in the First Half of the 18th Century]. Moscow, Nauka. 320 p.

Fedorova, T.S. (Comp.), Narochnitskiy, A.L., Makarova, R.V. (Eds.). (1989). *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana vo vtoroy polovine XVIII v.* [Russian Expeditions to Study the North Pacific Ocean in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Nauka. 400 p.

Fisher, J.E. (1774). *Sibirskaya istoriya* [Siberian History]. St. Petersburg, Pri Imp. AN. 631 p.

Georgi, J.G. (2005). *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of All Peoples Inhabiting the Russian State, Their Everyday Rituals, Wont, Clothes, Dwellings, Exercises, Amusements, Creeds and Other Memorabilia]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya. 816 p.

Gmelin, J.G. (1751–1752). *Reise Durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743*. Göttingen: Verl. Abram Vandenhoecks seel., wittwe. T. 1. 467 s.; T. 2. 652 s.; T. 3. 583 s.; T. 4. 700 s.

Gnucheva, V.F. (1940). *Materialy dlya istorii ekspeditsii Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov* [Materials for the History of the 18th and 19th Century Expeditions of the Academy of Sciences: Chronological Reviews and Descriptions of Archival Materials]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 312 p.

Hintzsche, W., Nickol, T. (1996). *Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska*. Gotha, Perthes. 347 s.

Hintzsche, W., Ochotina Lind, N., Møller, P.U. (2004). (Bearb.). *Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe*. Halle, Verlag der Franckeschen Stiftungen. 960 s.

Kisser, T.S. (2019). *Ob organizatsii "fizicheskikh" ekspeditsiy 1768–1774 gg.* [On the Organization of "Physical" Expeditions of 1768–1774]. In *Kunstkamera*. No. 3 (5), pp. 164–170.

Krashennikov, S.P. (1755). *Opisanie zemli Kamchatki: v 2 t.* [Description of the Kamchatka Land. In 2 volumes]. St. Petersburg, pri Imperatorskoy Akademii nauk. Vol. 1. 438 p.; Vol. 2. 319 p.

Kuentzel-Witt, K. (2018). *Peter the Great's Intermezzo with G. W. Leibniz and G. Delisle: The Development of Geographical Knowledge in Russia.* In *Quaestio Rossica*. Vol. 6, No. 1, pp. 63–78.

L'vova, E.L. (Ed.). (2012). *Messerschmidt D.G. Dnevnik. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722* [Messerschmidt D.G. Diaries. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722]. Abakan, Kooperativ Zhurnalist. 160 p.

Lehfeldt, W., Bondar, L.D., Knüppel, M. (2023). *Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler.* Göttingen, Universitätsverlag Göttingen. 747 s.

Müller, G.F. (1753). *Lettre d'un de la Marine Russe à un Seigneur de la Cour Concernant la Carte des Nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, et le Mémoire qui y Sert d'Explication* Publié par M. de L'Isle à Paris en 1752. Berlin, Chez Haude et Spener. 60 p.

Müller, G.F. (1996). *Opisanie morskikh puteshestviy po Ledovitomu i Vostochnomu moryu, s Rossiyskoy storony uchinennykh* [Description of Sea Voyages Along the Arctic and East Sea, from the Russian Side of the Perpetrators]. In Müller G.F. *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe*. Moscow, pp. 19–126.

Müller, G.F. (1999–2005). *Istoriya Sibiri: v 3 t.* [The History of Siberia: In 3 Volumes]. Moscow, Vost. lit. Vol. 1. 630 p.; Vol. 2. 796 p.; Vol. 3. 598 p.

Osipov, V.I. (Ed.). (1993). *Nauchnoe nasledie P.S. Pallas. Pis'ma: 1768–1771* [The Scientific Legacy of P.S. Pallas. Letters. 1768–1771]. St. Petersburg, Leningr. in-t dizayna. 248 p.

Pallas, P.S. (1780–1781). *O rossiyskikh otkrytiyakh na moryakh mezhdru Aziyu i Amerikoyu* [About Russian Discoveries on the Seas between Asia and America]. In *Mesyatsoslov istoricheskoy i geograficheskoy na 1781 god*. St. Petersburg, pp. 1–150.

Pallas, P.S. (1781). *Erläuterungen über die im Östlichen Ocean Zwischen Sibirien und America Geschehenen Entdeckungen.* In *Neue Nordische Beiträge zur Physikalischen und Geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*. St. Petersburg, Leipzig, Bey Johan Zacharias Logan. Bd. 1, ss. 273–313.

Pallas, P.S. (1788). *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii* [Journey to Different Provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN. Vol. 3, bk. 1. 634 p.

Sarychev, G.A. (1802). *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po Severo-Vostochnoy chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu, v prodolzhenie os'mi let, pri Geograficheskoy i astronomicheskoy morskoy ekspeditsii, byvshey pod nachal'stvom flota kapitana Billingsa, s 1785 po 1793 god* [Travels of Fleet Captain Sarychev in the Northeastern Part of Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean in the Course of Eight Years on the Geographic and Astronomical Naval Expedition under Fleet Captain Billings from 1785 to 1793]. St. Petersburg, V tipografii Shnora. Vol. 1. 187 p.

Sarychev, G.A. (1811). *Puteshestvie kapitana Billingsa chrez Chukotskuyu zemlyu ot Beringova proliva do Nizhnekolymskogo ostroga i plavanie kapitana Galla na sudne Chernom orle po Severo-vostochnomu okeanu v 1791 godu* [Voyage of Captain Billings through the Land of the Chukchi from the Bering Sea to Nizhnekolymsky Ostrog, and the Sea Voyage of Captain Hall on the Ship Black Eagle Over the North Pacific Ocean in 1791]. St. Petersburg, Pri Morskoy tipografii. 191 p.

Sarychev, G.A. (1820). *O plavanii rossiyskikh morskikh ofitserov iz rek Leny, Obi i Eniseya, takzhe i ot goroda Arkhangel'ska k vostoku po Ledovitomu moryu, s 1734 po 1742 god* [About the Voyage of Russian Naval Officers from the Lena, Ob and Yenisei Rivers, as Well as from the City of Arkhangelsk to the East Along the Arctic Sea, from 1734 to 1742]. In *Zapiski Admiralteyskogo departamenta*. St. Petersburg. Vol. 4, pp. 306–378.

Sauer, M. (1802). *An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia, for Ascertaining the Degrees of Latitude and Longitude of the Mouth of the River Kovima, Performed by Command of Her Imperial Majesty, Catherine the Second, by Commodore Joseph Billings, in the Years 1785, &c. to 1794*. London, Printed by A. Strahan, Printers Street, III–XXVI. 332, [59] p.

Shipilov, I.A. (2023). *Akademicheskie ekspeditsii XVIII veka: rol' vspomogatel'nogo personala v izuchenii Sibiri* [Academic Expeditions of the 18th Century: The Role of Support Personnel in the Study of Siberia]. Novosibirsk, SO RAN. 368 p.

Shipilov, I.A. (2023). *Trudy i materialy po etnografii narodov Sibiri uchastnikov akademicheskikh i pravitel'stvennykh ekspeditsiy XVIII veka i dual'naya paradigma "tsivilizatsiya – varvarstvo": pro et contra* [Works and Materials on Ethnography of the Peoples of Siberia by the Participants of the 18th Century Academic and Government Expeditions and the Dual Paradigm "Civilization – Barbarism": Pro et Contra]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2 (28), pp. 219–221. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-17.pdf> (date of access 28.06.2024).

Shirina, D.A. (1994). *Peterburgskaya Akademiya nauk i Severo-Vostok. 1725–1917 gg.* [St. Petersburg Academy of Sciences and the North-East. 1725–1917]. Novosibirsk, Nauka. 269 p.

Steller, G.W. (1999). *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the Kamchatka Land]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatskiy pechatnyy dvor. 288 p.

Strahlenberg, Ph.J. (1730). *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, In Verlegung des Autoris. 438 s.

Sytin, A.K. (2011). *Vestigia Semper Adora (K 200-letiyu so dnya smerti Petra Simona Pallas)* [Vestigia Semper Adora (The Bicentenary of the Death of Peter Simon Pallas)]. In *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. Vol. 3, No. 3, pp. 7–20.

Sytin, A.K. (2014). *Botanik Petr Simon Pallas* [Peter Simon Pallas as a Botanist]. Moscow, KMK. 456 p.

Tatishchev, V.N. (2020). *Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen: v 7 t.* [Russian History from the Most Ancient Times: in 7 volumes]. Moscow, Akademicheskii proekt. Vol. 5. 453 p.; Vol. 6. 556 p.; Vol. 7. 579 p.

Titova, Z.D. (Comp.), Vdovin, I.S. (Ed.). (1978). *Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoy geograficheskoy ekspeditsii, 1785–1795 gg.* [Ethnographic Materials of the North-Eastern Geographical Expedition 1785–1795]. Magadan, Knizhnoe izd-vo. 174 p.

Wendland, F. (1992). *Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie*. Berlin, New York, Walter de Gruyter. 1208 s.

В.В. Тихонов*

**ДОКУМЕНТЫ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ОБЩЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ
ПО ПОДГОТОВКЕ МНОГОТОМНОЙ «ИСТОРИИ СССР»
И ИСТОРИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК
(1933–1934 ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2024-5-16
УДК 001.32(093)*Выходные данные для цитирования:**Тихонов В.В. Документы Архива Российской академии наук о несостоявшемся общесоюзном совещании по подготовке многотомной «Истории СССР» и историй национальных республик (1933–1934 годы) // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 209–216. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-16.pdf>*

V.V. Tikhonov*

**DOCUMENTS OF THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES ON THE FAILED ALL-UNION
MEETING ON THE PREPARATION OF THE MULTI-VOLUME
“HISTORY OF THE USSR” AND THE HISTORIES
OF NATIONAL REPUBLICS (1933–1934)****

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-16

*How to cite:**Tikhonov V.V. Documents of the Archive of the Russian Academy of Sciences on the failed All-Union Meeting on the Preparation of the Multi-Volume “History of the USSR” and the Histories of National Republics (1933–1934) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 209–216. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-16.pdf>]*

Abstract. The purpose of the article is to reconstruct the project of organizing a meeting on the preparation of the All-Union history of the USSR, as well as the histories of the Union and autonomous republics, based on the office documentation of the Foundation of the Institute of History of the Communist Academy, stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences (f. 359). This issue has not previously come to the attention of historians and has not been studied specifically in historiography. The analysis of this plot allows not only to fill a certain factual gap, but also to revise the stages of the process of creating national histories of the peoples of the USSR. Traditionally, it is attributed to the second half of the 1930s. The revealed documents suggest that it can be attributed to the first half of the 1930s. New sources reveal the stages of making a decision on the organization of the meeting, correspondence with republican scientific and historical centers. This project is considered as a step towards the centralization of Soviet historical science, building a “historiographical vertical”, at the top of which the Institute of History of the Communist Academy was supposed to be located, whose tasks were to coordinate and monitor the implementation of projects with significant independence of local scientific institutions that prepared the histories of the Union and autonomous republics. Thus, the series of publications was considered as the embodiment of a consolidating historical narrative built on general principles. The unifying symbols were historical and revolutionary events, class solidarity and the struggle against national oppression. On January 14, 1934, a joint meeting of the Institute of History of the Communist Academy and the Institute of Nationalities of the USSR of the CEC of the USSR was held, at which it was decided to convene a union-wide meeting. However, the meeting did

* **Виталий Витальевич Тихонов**, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Архив Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: tihonovvitaliy@list.ru
Vitaliy Vitalievich Tikhonov, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: tihonovvitaliy@list.ru

** Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования» на базе Института российской истории РАН (<https://www.rscf.ru/project/23-18-00303/>).

The work was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00303 on the topic “Soviet Historical Narrative: Content, Actors and Mechanisms of Construction” on the basis of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (<https://www.rscf.ru/project/23-18-00303/>).

not take place due to a sharp turn in historical politics in 1934, the symbol of which was a competition for school history textbooks. All the forces of historians were thrown into solving new problems, and after that there were noticeable ideological shifts. At the beginning of 1936 Institute of History of the Communist Academy (by merging with a number of other institutions) It was transformed into the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, which became the successor of projects to create a generalizing history of the USSR and individual national histories of the peoples of the USSR.

Keywords: Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of History of the Communist Academy, History of the Peoples of the USSR, meeting on the preparation of the All-Union history of the USSR.

The article has been received by the editor on 30.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Цель статьи – реконструкция на основе хранящейся в Архиве Российской академии наук (ф. 359) делопроизводственной документации фонда Института истории Коммунистической академии проекта организации совещания по подготовке общесоюзной «Истории СССР», а также историй союзных и автономных республик. Данный вопрос ранее не попадал в поле зрения историков и специально в историографии не исследовался. Анализ данного сюжета позволяет не только заполнить определенную фактографическую лауну, но и пересмотреть этапы процесса создания национальных историй народов СССР. Традиционно его относят ко второй половине 1930-х гг. Выявленные документы позволяют говорить о том, что его можно отнести к первой половине 1930-х гг. Новые источники раскрывают этапы принятия решения об организации совещания, переписку с республиканскими научно-историческими центрами. Данный проект рассматривается как шаг на пути к централизации советской исторической науки, выстраивания «историографической вертикали». На его вершине должен был находиться Институт истории Коммунистической академии, в задачи которого входили координация и контроль за реализацией проектов при значительной самостоятельности местных научных институций, готовивших истории союзных и автономных республик. Таким образом, серия изданий рассматривалась как воплощение консолидирующего исторического нарратива, построенного на общих принципах. Объединяющими символами являлись историко-революционные события, классовая солидарность и борьба с национальным угнетением. 14 января 1934 г. прошло совместное совещание Института истории Коммунистической академии и Института национальностей СССР ЦИК СССР, на котором было принято решение о созыве общесоюзного совещаний. Однако совещание не состоялось из-за резкого поворота в исторической политике в 1934 г., символом которого стал конкурс на школьные учебники истории. Все силы историков были брошены на решение новых задач, а после этого произошли заметные идеологические сдвиги. В начале 1936 г. Институт истории Коммунистической академии (путем слияния с рядом других учреждений) был преобразован в Институт истории АН СССР, который и стал продолжателем проектов по созданию обобщающей «Истории СССР» и отдельных национальных историй народов СССР.

Ключевые слова: Архив Российской академии наук, Институт истории Коммунистической академии, истории народов СССР, совещание по подготовке общесоюзной истории СССР.

Статья поступила в редакцию 30.06.2024 г.

Рубеж 1920–1930-х гг. оказался переломным для советской исторической науки. В ней происходила динамичная перестройка организационных структур, смена лидеров, теоретических и идеологических приоритетов и т.д. Одним из ключевых процессов стал рост внимания к национальным историям народов СССР. Если в 1920-е гг. еще активно дебатировался вопрос о том, возможна ли общая история народов СССР, то с конца 1920-х гг. наметился курс на формирование общесоюзного исторического нарратива. Развилкой можно считать дискуссии в Обществе историков-марксистов между историками РСФСР и их украинскими коллегами в 1928–1930-е гг. Украинские историки отстаивали свой приоритет на самостоятельное изучение украинской истории, более того, считали, что только «национальные» историки, вооруженные марксистской методологией, могут предложить адекватную историю своей республики. Историки «из центра» казались им носителями (пусть часто и непреднамеренно) «великорусского шовинизма»¹.

Но разгром украинской интеллигенции в начале 1930-х гг., в том числе и национал-коммунистов, по сути, свернул дебаты. В исторической науке восторжествовал курс на централизацию, а столичные структуры (в первую очередь речь идет об Институте истории Коммунистической академии) должны были стать безусловными авторитетами для республиканских и тем более региональных историков. Данная модель оказалась удобной и для партийно-государственной машины. Теперь можно было через Комакадемию транслировать актуальные идеологемы и руками ее сотрудников более или менее контролировать процесс. Возникла своеобразная вертикаль власти.

Именно в таких условиях Институт истории Коммунистической академии, разумеется, с подачи ЦК, замахнулся на проект подготовки многотомной «Истории СССР» и серии отдельных историй национальных республик. Парадоксальным образом об этом проекте практически ничего не известно историкам исторической науки. Видимо, все заслонило знаменитое майское постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР» 1934 г., начавшее радикальную перестройку советской исторической науки. Между тем данное событие отразило некий итог советской исторической политики 1920-х гг. и должно было открыть новую страницу в ее развитии, особенно в контексте проблемы создания национальных историй народов СССР, характеризующуюся переходом к новой модели управления и координации.

В 1933 г. Институт истории Комакадемии решил начать подготовку обобщающей «Истории СССР». 16 октября 1933 г. на заседании комиссии по разработке проекта издания было решено, что одновременно с его подготовкой следует организовать написание очерков истории советских союзных и автономных национальных республик, что и было зафиксировано в резолюции заседания².

На процесс подготовки и организации совещания проливают свет документы Института истории Коммунистической академии, отложившиеся в фонде организации, хранящемся в Архиве Российской академии наук (ф. 359). В первую очередь речь идет о протоколах и стенограммах совместного совещания организационной комиссии Института истории Комакадемии и Института национальностей ЦИК СССР по подготовке «Истории СССР» (д. 273). Значительный интерес представляет и переписка ЦИК, стекавшаяся в Институт истории Комакадемии, с научно-исследовательскими институтами союзных республик по вопросу об организации подготовки «Истории СССР» и изданий по истории республик (д. 303). Данный комплекс документов позволяет определить общий замысел и содержание проекта.

Работу по проблеме создания национальных историй подстегнул XVII съезд КПСС, прошедший с 26 января по 10 февраля 1934 г. По его итогам в рупоре советской историографии, журнале «Историк-марксист», было объявлено, что «историки могут и должны показать конкретно, как изменялось лицо нашей страны, как все зависимые и угнетаемые

¹ См.: Данилов В.Н. Украинская тема в Обществе историков-марксистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 22–30.

² Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 359. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.

царизмом, остальные экономически, политически и культурно колонии царской России превращались в бурнорастущие национально-автономные республики, ликвидирующие свою вековую отсталость только в условиях диктатуры пролетариата»³. Предполагалось, что изучение истории народов СССР позволит преодолеть пережитки национализма. Одинаково клеймились великодержавный шовинизм и местный национализм, но особенно досталось украинским и белорусским историкам: «В лагерь открытой контрреволюции перешла часть историков Украины и Белоруссии, служивших своими историческими работами политическим целям всякого рода национал-фашистских, национал-демократических групп, связанных с империалистическими и эмигрантскими кругами за границей»⁴. Это было отголоском разгрома украинской и белорусской интеллигенции в начале 1930-х гг.⁵

Реализация плана по «повороту» к национальным историям ложилась на Институт истории Комкадемии, открытый в 1929 г., который и должен был играть роль форпоста марксистской историографии⁶, а также на образованный в 1933 г. Институт национальностей СССР ЦИК СССР. Уже 14 января 1934 г. прошло совместное совещание сотрудников двух институтов, на котором председательствовал известный специалист по национальным проблемам С.М. Диманштейн. То есть работа велась еще до проведения XVII съезда и, строго говоря, не была им инициирована. Сохранившийся протокол заседания готовили сотрудники Института национальностей. Об этом говорит тот факт, что в фонд Института истории попал протокол, который был переслан в Институт истории для согласования на имя А.П. Ломакина, сотрудника Института истории, сделавшего основной доклад на заседании.

Кратко его содержание таково. А.П. Ломакин призвал включить весь Институт в работу над многотомником и перестроить его деятельность таким образом, чтобы выполнить обязательство по написанию «Истории СССР». Также для решения проблемы создания историй национальных республик было запланировано совещание с представителями республик. Предполагалось, что они выскажут свои соображения о том, как будет представлена история их народов в общесоюзном многотомнике, и определят порядок подготовки отдельных историй союзных и автономных республик⁷. Работу необходимо было тесно координировать с Отделом культуры и пропаганды при партийных и советских органах (кульпропом) ЦК ВКП(б), от которого ждали конкретных указаний. По аналогии с текущими мегапроектами, вроде «Истории гражданской войны», «Истории фабрик и заводов» и т.д., предлагалось организовать главную редакцию⁸. Общесоюзное совещание по изданию очерков истории национальных республик наметили на первую половину марта 1934 г., приурочив его к весенней сессии Института истории Комкадемии.

Предполагалось, что на совещании обсудят следующие вопросы: 1) о задачах и организации работы по изданию истории советских национальных республик; 2) о составлении летописи истории советских национальных республик; 3) о составлении библиографии истории советских национальных республик; 4) о состоянии архивных фондов Москвы и Ленинграда по истории советских национальных республик; 5) об организации музеев-выставок по истории СССР и по истории советских национальных республик⁹.

Если судить по плану, то проект предполагалось осуществить по всем правилам фундаментальной науки и пропаганды среди широких масс. Кроме того, к открытию намечалось выпустить целый номер «Историка-марксиста», посвященный проблемам многотомной «Истории СССР» и историй отдельных советских национальных республик.

³ Историческую науку на уровень великих задач (Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ См.: Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London, 2001. P. 343–375; Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 202–207.

⁶ О нем см.: Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск, 2018. Очерк 5.

⁷ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 273. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 6.

В деле можно найти и представленный тогда же доклад историка Н.Н. Ванага о планах подготовки 6-томной «Истории СССР». Все тома, каждый объемом в 25 печатных листов, должны были выйти в 1937 г. к 20-летию юбилею революции¹⁰. Также указывалось: «Одновременно с подготовкой издания “Истории СССР” организуются работы по подготовке на местах издания очерков истории советских союзных и автономных республик. Издание очерка истории Советского Союза и очерков истории отдельных советских национальных республик, подготовленных по единому плану, составит в конечном итоге одно неразрывное целое – историю Союза Советских Социалистических Республик во всем многообразии национальных форм и особенностей единого исторического процесса развития пролетарской революции, укрепления советского государства и победоносного социалистического строительства на всей территории советской страны»¹¹.

Таким образом, серия изданий рассматривалась как воплощение консолидирующего исторического нарратива, построенного на общих принципах. Примечательно, что о таком нарративе заговорили. Это неслучайно. Еще на XIV съезде (1925 г.) была фактически утверждена доктрина «построения социализма в отдельно взятой стране» и теперь от историков требовалось экстраполировать ее на прошлое. Необходимо было продемонстрировать исторические явления и события, объединяющие народы СССР. Если судить по планам, то главными консолидирующими историческими символами служили революционные события, классовая солидарность и история борьбы с национальным угнетением.

Особое внимание в проекте должно было уделяться советскому периоду как времени, когда национальные проблемы уже решены или для их решения заложена прочная база. Общесоюзная история и истории отдельных республик должны были совпадать, демонстрируя синхронность развития, свидетельствующую о единстве Страны Советов. Предлагалось выделить следующие периоды и тематические блоки: 1) история Октябрьской революции, создания советского государства и первого этапа социалистического строительства (до лета 1918 г.); 2) история Гражданской войны и «военного коммунизма» (1918–1920 гг.); 3) история восстановления народного хозяйства СССР на основе новой экономической политики (1921–1925 гг.); 4) история перехода СССР к социалистической реконструкции (1925–1928 гг.); 5) история первой большевистской пятилетки и вступления СССР в период социализма (1928–1932 гг.); 6) история пятилетки построения бесклассового социалистического общества в СССР (1933–1937 гг.)¹².

Были озвучены следующие теоретические и практические установки: «Главную задачу при составлении очерка истории той или другой советской национальной республики составит изучение этой истории, исходящее из основных закономерностей исторического развития всего Советского Союза, из специфических особенностей проявления этих общих закономерностей в историческом развитии данной республики и рассматривающее историю как неразрывную составную часть истории Советского Союза в целом. Очерку истории советской нац[иональной] республики должно быть предпослано введение, дающее краткое изложение истории трудящихся масс данного народа до Октябрьской революции, по сути дела его предыстории, ибо начало подлинной истории значительного большинства народов СССР датируется победой диктатуры пролетариата и Октябрьской революции. В этом смысле “История СССР” является действительной историей народов СССР. Создание научной “Истории СССР” подымет изучение истории народов СССР на более высокую ступень, преодолев тем самым неудачные попытки “реконструирования” истории России в “Историю народов СССР”»¹³.

Итак, перед историками была поставлена трудноразрешимая задача. Они должны были продемонстрировать историю своих республик как часть общесоюзной истории. При этом неприемлемым признавался традиционный для дореволюционной историографии нарратив,

¹⁰ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 273. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 11–12.

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 18–19.

в котором истории народов «нанизывались» на историю российского государства по мере превращения их в его часть. Это считалось «великорусским шовинизмом». Очевидно, что решить поставленную задачу можно было только при помощи выдвигания на передний план социально-экономических факторов, которые, согласно марксистской теории, носили универсальный характер. Примечательно, что предполагалось подготовить именно историю народов СССР, т.е. подчеркивалось их равноправие. Таким образом, в проект были заложены противоречивые установки. Необходимо было объединить в один нарратив формационные и национальные принципы. Как показала дальнейшая практика, получалось это не всегда. Предполагалось, что предварительно будут подготовлены планы-проспекты, которые пройдут обсуждение.

Сразу после завершения заседания началась активная переписка с научно-историческими и партийными центрами Советского Союза, которым были разосланы материалы, подготовленные по итогам мероприятия. Первыми откликнулись ЦК партии Коммунистической партии Армении и Институт национальных культур (Дагестан), телеграфировавшие, что материалы получены¹⁴.

Большинство НИИ автономных республик решило, что это проверка их работы и политической грамотности. Государственный научно-исследовательский институт культуры Бурят-Монголии прислал отчет, где перечислил подготовленные труды¹⁵. Абхазский НИИ краеведения при ЦИК АССРА описал, как прорабатываются местные «антимарксистские и антиленинские сочинения»¹⁶.

Во второй трети февраля процесс пошел. Н.Н. Ваняг сообщал в Средне-Азиатский институт марксизма-ленинизма и Дагестанский институт национальных культур (оба письма датированы 20 февраля 1934 г.), что основная заслуга по подготовке историй их республик ложится на них. Средне-Азиатскому институту марксизма-ленинизма рекомендовалось предусмотреть подготовку в 1934 г. сборника, «разоблачающего великодержавно-колониаторскую концепцию истории Средней Азии в трудах [В.В.] Бартольда»¹⁷. Кроме того, предполагалось переиздать книгу П.П. Галузо 1929 г. «Туркестан – колония» (это было осуществлено¹⁸).

В письме в Армению указывалось, что очерк истории Армянской ССР будут писать там, а вот очерк истории Закавказской Федерации подготовит уже Институт им. Сталина (Тифлис)¹⁹. Вообще данный институт рассматривался в качестве главного центра подготовки истории Закавказья, о чем было сообщено в письме А.П. Ломакина на имя его директора Г.В. Хачапуридзе²⁰. Тот же Ломакин сообщал в Государственный научно-исследовательский институт культуры Бурят-Монголии, что он станет центром подготовки очерка истории их республики. Наконец, из письма Ломакина в Абхазский НИИ краеведения можно узнать, что планируемое совещание перенесено на май 1934 г. Была даже сформирована повестка²¹. Но и тогда оно не состоялось. Что же случилось?

Четкого задокументированного ответа пока обнаружить не удалось. Но ответ, как говорится, лежит на поверхности. 20 марта 1934 г. ведущие советские историки были вызваны в Кремль на встречу со И.В. Сталиным, который раскритиковал школьные учебники и вообще то, как пишется история²². Все силы были брошены на подготовку новых школьных учебников, в которых по-новому следовало осветить и историю народов СССР. В условиях охватившего советскую историческую науку идеологического кризиса прове-

¹⁴ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 303. Л. 1–2.

¹⁵ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁶ Там же. Л. 10–10 об.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Галузо П.П. Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. 2-е изд., испр. и доп. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1935

¹⁹ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 303. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 17.

²¹ Там же. Д. 264. Л. 1.

²² Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. С. 139–250.

дение общесоюзного совещания по вопросам подготовки национальных историй народов СССР было не только неуместным, но и опасным. Идеологические установки менялись, поэтому Институт истории Комкадемии, взявший на себя функцию куратора подготовки историй, просто не мог выполнить возложенную на себя миссию. Правила игры стремительно менялись, и никто не знал, в какую сторону и насколько радикально.

Несостоявшееся совещание не стало вехой в истории советской исторической науки. Однако оно стало важным индикатором ее организационной трансформации в сторону все большей централизации и выстраивания институциональной вертикали. Центр (в лице Института истории Комкадемии) выступал транслятором указаний ЦК ВКП(б) и куратором подготовки «Истории СССР» и очерков истории национальных республик. За республиканскими НИИ оставалась известная доля самостоятельности, обусловленная идейными (все-таки Союз являлся федерацией) и ресурсными (в Москве не было достаточного количества специалистов по специфической проблематике национальных республик) соображениями. Именно в таком формате и будут готовиться истории республик в последующие годы. Несостоявшееся совещание 1934 г. стало неудачной, но все же репетицией. В 1936 г. Институт истории Комкадемии был закрыт. Но проект централизованной подготовки изданий по истории народов СССР не свернули. Эстафету подхватил Институт истории АН СССР, который и стал наследником многих амбициозных проектов, в том числе и по подготовке национальных историй.

Литература

Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.

Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2018. 171 с.

Данилов В.Н. Украинская тема в Обществе историков-марксистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 22–30.

Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.

Историческую науку на уровень великих задач (Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 3–10.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London: Cornell University, 2001. 456 p.

References

Borisenok, E.Yu. (2006). *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920s–1930s]. Moscow, Europa. 256 p.

Danilov, V.N. (2015). *Ukrainskaya tema v Obshhestve istorikov-marksistov* [The Ukrainian Theme in the Society of Marxist Historians]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 15, No. 3, pp. 22–30.

Dubrovskiy, A.M. (2017). *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and Historical Thought in the USSR (1930s–1950s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 622 p.

Gruzdinskaya, V.S., Klyuev, A.I., Metel', O.V. (2018). *Ocherki istorii institutsional'noy struktury sovetskoy istoricheskoy nauki 1920–1930-kh gg.* [Essays on the History of the Institutional Structure of Soviet Historical Science in the 1920s–1930s.] Omsk, OmGU im. F.M. Dostoevskogo. 171 p.

(1934). Istoricheskuyu nauku na uroven' velikikh zadach (Itogi XVII s'ezda VKP(b) i zadachi bol'shevistskikh istorikov) [Historical Science to the Level of Great Tasks (The Results of the 17th Congress of the CPSU(b) and the Tasks of Bolshevik Historians)]. In *Istorik-marksist*. No. 2, pp. 3–10.

Martin, T. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Itahaca and London. 456 p.

Martin, T. (2011). *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti": Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN. 855 p.

Т.К. Холматов*

**«ДЕЛО ПОСТРАДАЛО ИЗ-ЗА ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ»:
КОНФЛИКТ МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ ИСТОРИКАМИ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ «ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ УРАЛА»
(КОНЕЦ 1950-Х – НАЧАЛО 1960-Х ГОДОВ)**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-17
УДК 930.1(470.5)

Выходные данные для цитирования:
Холматов Т.К. «Дело пострадало из-за личных отношений»: конфликт между уральскими историками при подготовке «Очерков истории Урала» (конец 1950-х – начало 1960-х годов) // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 217–226. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-17.pdf>

T.K. Kholmatorv*

**“THE WORK WAS SUFFERED BECAUSE OF PERSONAL
RELATIONSHIPS”: CONFLICT BETWEEN URAL HISTORIANS
IN THE PREPARATION OF “ESSAYS ON THE HISTORY
OF THE URALS” (“OCHERKI ISTORII URALA”)
(LATE 1950S – EARLY 1960S)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-17

How to cite:
Kholmatorv T.K. “The Work Was Suffered because of Personal Relationships”: Conflict between Ural Historians in the Preparation of “Essays on the history of the Urals” (“Ocherki Istorii Urala”) (Late 1950s – Early 1960s) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 217–226. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-17.pdf>]

Abstract. One of the actual issues in the history of Soviet historical science is the study of not only an individual form of research activity, but also a collective one. There is a special interest related to the preparation of collective historical works since the middle of the 20th century, when Soviet historical science received a solid institutional formation and scientific centers remote from Moscow and Leningrad began to take shape. This paper is devoted to the reconstruction of the conflict between Sverdlovsk and Perm historians, who (at different stages) were engaged in the preparation of the collective work “Essays on the history of the Urals” (“Ocherki Istorii Urala”) in the late 1950s – early 1960s. The research is based on a wide range of documentation materials and private letters from Ural and Moscow historians (from the Archive of the Russian Academy of Sciences and the State Archive of the Sverdlovsk region). The paper examines the circumstances of the creation of the “Essays”, the preparation of the First interregional scientific conference on the history of the Urals, at which the plan and potential authors of the two-volume work were discussed. One of the central places in the article is devoted to the inclusion in the project of researchers from the Institute of History of the USSR Academy of Sciences (V.K. Yatsunskiy, B.B. Kafengauz, N.V. Ustyugov, N.I. Pavlenko, A.A. Preobrazhenskiy, A.P. Bazhova, etc.), their relationship with the Ural historians (M.A. Gorlovskiy, V.Ya. Krivonogov and F.S. Gorovoi). In the final part, there is emphasized the need to study the preparation of such collective works on regional history for a deeper understanding the ways of creating collective memory in the USSR.

Keywords: soviet historical science, collective work, Ural State University named after A.M. Gorky, Institute of History of the USSR Academy of Sciences, M.A. Gorlovskiy, V.Ya. Krivonogov, F.S. Gorovoi, V.K. Yatsunskiy.

* **Темурмалик Комилджонович Холматов**, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, e-mail: timur.kholmatorff@yandex.ru
Temurmaliq Komildzhonovich Kholmatorv, Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: timur.kholmatorff@yandex.ru

The article has been received by the editor on 27.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Одна из актуальных задач в истории советской исторической науки – изучение не только индивидуальной формы исследовательской деятельности, но также коллективной. Особый интерес представляет подготовка коллективных исторических трудов с середины XX в., когда советская историческая наука получила прочное институциональное оформление и стали формироваться научно-образовательные центры, отдаленные от Москвы и Ленинграда. Данная статья посвящена реконструкции конфликта, возникшего между свердловскими и пермскими историками, которые (на разных этапах) занимались подготовкой коллективного труда «Очерки истории Урала» в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В основе проведенного исследования – делопроизводственные материалы и частные письма уральских и московских историков, хранящиеся в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Свердловской области. В статье рассмотрены обстоятельства создания «Очерков», подготовка Первой межобластной научной конференции по истории Урала, на которой обсуждались план и потенциальные авторы двухтомного труда. Одно из центральных мест в статье уделено рассмотрению обстоятельств включения в проект сотрудников Института истории АН СССР (В.К. Яцунского, Б.Б. Кафенгауза, Н.В. Устюгова, Н.И. Павленко, А.А. Преображенского, А.П. Бажовой и др.), их взаимоотношений с уральскими историками (М.А. Горловским, В.Я. Кривоноговым и Ф.С. Горовым). В заключительной части статьи подчеркнута необходимость изучения подготовки подобных коллективных трудов по региональной истории для более глубокого понимания способов созидания коллективной памяти в СССР.

Ключевые слова: советская историческая наука, коллективный труд, Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Институт истории АН СССР, М.А. Горловский, В.Я. Кривоногов, Ф.С. Горовой, В.К. Яцунский.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024 г.

Введение. Изучение того, как велась подготовка коллективных трудов историков в советскую эпоху, представляет несомненную ценность для понимания механизмов функционирования советской исторической науки. Отдельный интерес представляет подготовка этих трудов во второй половине XX в., когда советская историческая наука получила прочное институциональное оформление, стали постепенно складываться и укрепляться региональные научно-исследовательские центры¹. В данном ключе представляют интерес, с одной стороны, обстоятельства подготовки «метанарративов», роль власти, а также трансформаций в политической/экономической/социальной/культурной жизни страны в актуализации конкретных тем в историографии, а с другой – координация работы исследовательских коллективов, проблемы реализации крупных проектов.

В числе коллективных исторических трудов, которые разрабатывались в СССР во второй половине 1950-х гг., были «Очерки истории Урала» (далее – «Очерки»). Этот проект так и не увенчался успехом, во многом из-за конфликта между уральскими исследователями, причастными к подготовке «Очерков» на разных этапах работы. Настоящая статья посвящена реконструкции данного конфликта. Источниковой базой послужили делопроизводственные материалы (локальные нормативные акты, планы запланированного издания, протоколы заседаний исследовательских коллективов, переписка между представи-

¹ Метель О.В. Проблемы координации исторических исследований в СССР во второй половине XX в. // История науки и техники. Музейное дело. Законы природы и нормы общества: взаимосвязь и взаимовлияние в прошлом и настоящем: мат-лы XV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 8–9 декабря 2021 г.). М., 2022. С. 183–188.

телями научных учреждений), связанные с подготовкой коллективного труда². Эти источники необходимы прежде всего для анализа хода работы над «Очерками», научно-организационных проблем, с которыми столкнулись исследователи в процессе подготовки данного труда. Другие источники проведенного исследования – частные письма историков из Свердловска (В.Я. Кривоногова³, 1911–1977, и М.А. Горловского⁴, 1912–1964) и Перми (Ф.С. Горового⁵, 1916–1973), которые позволили прояснить позиции обеих сторон относительно организации работы над «Очерками», особенности взаимоотношений между ними и, следовательно, помогли понять причины конфликта. С той же целью были привлечены письма М.А. Горловскому от историков из Института истории АН СССР, причастных к подготовке «Очерков»⁶.

Обстоятельства подготовки «Очерков». Необходимость создания «Очерков» подчеркивалась еще в середине 1950-х гг. Как видно из письма М.А. Горловского В.К. Яцунскому от 19 ноября 1955 г., кафедре истории СССР Уральского государственного университета им. А.М. Горького (далее – УрГУ) было поручено (согласно постановлению бюро Свердловского обкома КПСС) написать коллективный труд по истории Свердловска⁷, после чего требовалось приступить к работе над «Очерками»⁸. Можно предположить, что необходимость подобных обобщающих трудов по истории регионов была вызвана постепенными изменениями культурной жизни страны в послесталинский период, которые сопровождались трансформациями во внутривластной и экономической сферах (децентрализация управления народным хозяйством, складывание системы совнархозов). Изменения в культурной жизни происходили в том числе и в Уральском регионе. Так, во второй половине 1950-х гг. активизировался интерес к кинематографу (в 1956 г. возобновился выпуск игровых фильмов в Свердловской киностудии, в 1958 г. было создано Свердловское отделение Союза кинематографистов СССР)⁹, выходили из печати новые и ранее публиковавшиеся региональные периодические издания (например, «Уральский следопыт» или «Урал»), усиливался интерес к местной истории¹⁰. Вероятно, в этих обстоятельствах создание крупного обобщающего труда (в том числе для широкого круга лиц) по истории региона, который в советской культуре того времени имел образ индустриальной опоры страны, «опорного края»¹¹, представлялось актуальной задачей с точки зрения локальной власти.

Рассматривая обстоятельства подготовки «Очерков», нужно также учитывать интерес к региональной истории, который, в частности, подчеркивался на координационном совещании по истории советского общества (Москва, 17–18 декабря 1957 г.)¹². На совещании были подведены предварительные итоги работы к 40-летию юбилею Октябрьской рево-

² Холматов Т.К. Незавершенный коллективный труд: подготовка «Очерков истории Урала» в конце 1950-х – начале 1960-х годов (по документам Архива РАН) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 103–118. Часть материалов привлечена из фонда М.А. Горловского в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 179, 180, 185, 187).

³ Эти письма (как и вышеприведенные делопроизводственные материалы из АРАН) отложились в фонде В.К. Яцунского (1893–1966), который также был вовлечен в работу над «Очерками» как сотрудник Института истории АН СССР: АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 504.

⁴ Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Среди писем В.К. Яцунскому также содержатся делопроизводственные материалы (приказы, выписки, докладные записки из УрГУ), которые переслали ему как члену редколлегии «Очерков» (вошел в состав и был главным редактором I тома «Очерков» с сентября 1960 г.): Холматов Т.К. Незавершенный коллективный труд... С. 109–110.

⁵ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 452. В данном исследовании были также привлечены письма Ф.С. Горового М.А. Горловскому: ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 165.

⁶ ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 165, 167–168.

⁷ Как отмечено в том же письме М.А. Горловского, эта книга должна быть издана к 1956 г. (АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Л. 20). В итоге труд был опубликован в 1958 г. (Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958).

⁸ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Л. 20.

⁹ Кириллова Н.Б. Уральское кино: вчера, сегодня, завтра // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы XIV Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г.). Екатеринбург, 2020. Т. 2. С. 333–343.

¹⁰ Мурзин А.Э. Советский миф в судьбе Урала. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2016. С. 219.

¹¹ Подробнее о формировании образа Урала как «опорного края» в советской культуре 1930–1940-х гг.: Бугров К.Д., Киселев М.А., Маштакова Л.В. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург, 2022.

люции, а также составлен план перспективных исследований в научных учреждениях СССР. Согласно обзору, опубликованному в «Вопросах истории», «участники совещания указали на то, что в проекте перспективного плана исследований не нашли отражения многие важные темы, намеченные перспективными планами крупных научных учреждений Советского Союза. Например, в проекте отсутствовали <...> работы уральских историков о формировании рабочего класса и социалистическом строительстве на Урале»¹³. В совещании принимал участие и М.А. Горловский, один из ключевых организаторов работы над «Очерками». На это указывает протокол совместного заседания кафедр истории КПСС и истории СССР УрГУ от 25 декабря 1957 г., на котором он выступил с докладом (и ответил на вопросы) об основных результатах координационного совещания¹⁴. По всей видимости, «Очерки» были (в том числе) направлены на устранение «лакуны», отмеченной в обзоре. К тому же один из двух томов коллективного труда полностью посвящался советской эпохе и в нем планировалось уделить внимание рабочему классу и социалистическому строительству на Урале¹⁵.

По-видимому, необходимость в подготовке «Очерков» связывалась также с повышенным интересом к Уральскому региону с точки зрения международной политики СССР. Как отмечено в ранее упомянутом письме М.А. Горловского, необходимость подготовки книги по истории Свердловска была вызвана визитами иностранных делегаций с середины 1950-х гг.¹⁶ Публикация «Очерков», вероятно, рассматривалась, в том числе, как продолжение этой линии, особенно ввиду того, что к концу 1950-х гг. (когда была начата основная работа над проектом) череда визитов лидеров иностранных стран не прекращалась (например, в 1957–1959 гг. Свердловскую область посетили политические деятели Чехословакии, Венгрии, КНДР, Финляндии, Эфиопии, США)¹⁷.

От разногласий к конфликту. Основная работа над «Очерками» началась в феврале 1958 г., когда в Свердловске состоялась Первая межобластная научная конференция по истории Урала. Решение о ее проведении было окончательно принято лишь к концу 1957 г. (как видно из протокола от 25 декабря 1957 г.)¹⁸. К этому времени было получено согласие на проведение конференции от Министерства высшего образования, а также прошло ранее упомянутое координационное совещание по истории советского общества, по результатам которого могли быть скорректированы организационные вопросы¹⁹. Цель конференции заключалась в координации научно-исследовательской работы историков региона. Было запланировано участие 155 человек (из Свердловска, Перми, Челябинска, Кургана, Москвы, Уфы, Нижнего Тагила и других городов). Секции охватывали широкие хронологические рамки и были посвящены археологии Урала, различным проблемам истории региона в дореволюционный и советский периоды (см. таблицу). Одно из центральных мест на конференции отводилось обсуждению подготовки «Очерков», первый том которых планировалось посвятить дореволюционной истории Урала, а второй – Уралу в советский период²⁰.

¹² Подробнее об основных проблемах, которые рассматривались на совещании: Координационное совещание по истории советского общества // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 199–201.

¹³ Координационное совещание по истории советского общества... С. 201.

¹⁴ ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 179. Л. 11.

¹⁵ Как видно из планов «Очерков» (и материалов к ним): Холматов Т.К. Незавершенный коллективный труд... С. 110–115; ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 185. Л. 2–133.

¹⁶ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Л. 20.

¹⁷ Подробнее об иностранных делегациях в Свердловской области во второй половине 1950-х гг.: Беклемищева М.В. Свердловская область в дипломатической истории СССР: визиты первых лиц иностранных государств в регион (1955–1965) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 2. С. 529–570.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 179. Л. 11–14.

¹⁹ Особенно с учетом того, что советской эпохе планировалось уделить пристальное внимание на конференции. К тому же на ней предполагалось обсуждение коллективного труда по истории партийных организаций Урала.

²⁰ По результатам конференции М.А. Горловский подготовил обзор в журнале «Вопросы истории»: Горловский М.А. Первая межобластная научная конференция по истории Урала // Вопросы истории. 1958. № 6.

Таблица

Данные об участниках Первой межобластной научной конференции
по истории Урала (всего 155 чел.)*

По населенным пунктам	По должности и званию	По ученой степени	Работали в секциях
Свердловск – 87	Профессора – 4 (из них директор – 1)	Кандидатов наук – 65	Археология Урала – 25
Пермь – 28	Доценты – 30 (из них деканов – 1 и завкафедрой – 10)	Докторов наук – 4	Дореволюционная история Урала – 37
Челябинск – 12	Преподаватели и ассистенты – 63	Остальные – 86	Советская история Урала – 93
Курган – 9	Научные сотрудники – 24		
Москва – 8	Работники музеев и архивов – 23		
Уфа – 4	Прочие – 11		
Нижний Тагил – 3			
Остальные – 4			

* Составлено по: ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 180. Л. 243.

Согласно протоколу заседания оргкомитета конференции от 10 февраля 1958 г., в центре внимания исследователей оказались следующие вопросы: план «Очерков», состав редколлегии и ведущие авторы²¹. Уже на данном этапе возникли разногласия между сотрудниками УрГУ и Пермского государственного университета им. А.М. Горького (далее – ПермГУ) относительно потенциальных авторов двухтомного труда. М.А. Горловский посчитал, что, с учетом широкого охвата тем и географических рамок «Очерков», необходимо привлечь специалистов не только из Свердловска и Перми, но также из других городов (в частности, Челябинска, Уфы, Москвы, Ленинграда). Эта позиция не вызвала одобрения со стороны Ф.С. Горового, который, как видно из протокола, ответил: «Варягов нам не нужно!»²² Зафиксированные в протоколе сведения позволяют предположить, что в дальнейшей дискуссии присутствовали элементы внутригруппового фаворитизма. В качестве потенциальных ведущих авторов М.А. Горловский нередко предлагал исследователей из Института истории АН СССР и УрГУ, что, в свою очередь, вызывало возражение со стороны Ф.С. Горового, настаивавшего на закреплении отдельных глав за пермскими историками. Например, довольно резко Ф.С. Горовой отзывался о кандидатуре доцента кафедры истории СССР УрГУ В.В. Адамова (1914–1985) как ведущего автора главы по империализму и предлагал вместо него П.И. Хитрова (1918–1974), доцента кафедры истории СССР ПермГУ²³.

С. 192–195.

²¹ ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 180. Л. 236–240.

²² Там же. Л. 238.

²³ Там же. Л. 239–240. Судя по протоколу, Ф.С. Горовой также поддерживал кандидатуру пермского историка С.М. Томского (1905–1984) как ведущего автора одной из глав «Очерков».

Хотя, как следует из того же протокола, свердловским и пермским историкам удалось прийти к компромиссу (договориться относительно предварительного варианта плана с ведущими авторами), в дальнейшем отношения между ними только накалялись, и осенью 1958 г. на очередном совместном заседании редколлегии они окончательно разошлись во взглядах относительно подготовки «Очерков». Свою версию тех событий изложил В.Я. Кривоногов в письме В.К. Яцунскому от 23 марта 1961 г. Тогда уральские историки не смогли договориться об организации заседания: М.А. Горловский предложил провести совместное заседание редколлегии двух томов, Ф.С. Горовой посчитал, что обсуждения нужно провести отдельно. В итоге, судя по письму В.Я. Кривоногова, конфликт вышел за рамки разногласий лишь двух историков: «Дело закончилось тем, что один из свердловчан предложил пермякам обратиться восвояси, если они не согласны на наши предложения. Я уговорил (на следующий день) Горового пойти на совместное заседание с редколлекцией II тома. Но Быстрых²⁴ заявил, что он не пойдет ни на какие заседания, где будет Горовой. Таким образом, дело пострадало из-за личных отношений. Во всем этом деле неприглядную роль играл Михаил Аронович (Горловский. – Т. Х.)»²⁵.

Уральские и московские историки. Несмотря на сложившиеся трудности, свердловские историки продолжили подготовку «Очерков». Из-за широкого тематического и хронологического охвата коллективного труда возникали проблемы, связанные с нехваткой квалифицированных научных кадров²⁶. В сложившихся обстоятельствах свердловские историки искали союз с Институтом истории АН СССР, среди сотрудников которого было немало специалистов по истории Урала. Помимо В.К. Яцунского, в качестве потенциальных членов редколлегии и авторов «Очерков» рассматривались Б.Б. Кафенгауз (1894–1969), Н.В. Устюгов (1896–1963), Н.И. Павленко (1916–2016), А.А. Преображенский (1925–2002), А.П. Бажова (р. 1925) и др. Как видно из переписки М.А. Горловского с московскими историками, отмечались трудности включения последних в работу над «Очерками». К тому времени многие из них были вовлечены в работу над другими коллективными трудами, в частности над «Историей СССР», а Б.Б. Кафенгауз был также занят работой над очередным томом «Писем и бумаг Петра Великого»²⁷. В итоге сотрудники Института истории, войдя в авторский коллектив «Очерков», затягивали в начале 1960-х гг. отправку рукописей²⁸.

Следует иметь в виду и разногласия других участников по поводу организации работы над «Очерками». Например, Н.И. Павленко склонялся к тому, чтобы вести работу над коллективным трудом совместно с пермскими историками²⁹. Необходимо также учитывать, что после конфликта уральских историков в 1958 г. в Перми приступили к работе над аналогичным двухтомным трудом по истории Урала, который позиционировался как учебное пособие и в итоге был опубликован в двух томах: I том – 1963 г., II – 1965 г.³⁰ О том, что в Перми велась работа над схожим по замыслу трудом, было известно сотруд-

²⁴ Быстрых Федор Павлович (1901/1902–1976) – историк, работал в УрГУ в 1941–1976 гг.

²⁵ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 504. Л. 9–9 об.

²⁶ О кадровом составе кафедры истории СССР историко-филологического факультета УрГУ см.: Черноухов А.В. Историческое отделение историко-филологического факультета Уральского университета. 1945–1956. Екатеринбург, 2010. С. 110–117, 125–126. Нехватка кадров приводила к проблеме поиска потенциальных авторов, неукомплектованности разделов книги. Эта проблема существовала и в начале 1961 г. Так, М.А. Горловский писал В.К. Яцунскому с просьбой найти автора для главы по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала в XVIII – первой половине XIX в. (АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Л. 80 об., 84–84 об.).

²⁷ ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 165. Л. 22–22 б, 25 об.; Д. 167. Л. 40–43 об.; АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 485. Л. 39–39 об. Подробнее о коллективных трудах в Институте истории АН СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. см.: Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // Российская история. 2021. № 5. С. 150–153.

²⁸ В частности, проблема несоблюдения сроков выполнения работы Б.Б. Кафенгаузом и Н.И. Павленко подчеркивалась в письме от 3 марта 1961 г. ректора УрГУ С.В. Карпачева (1906–1987) директору Института истории АН СССР В.М. Хвостову (1905–1972) (Холматов Т.К. Незавершенный коллективный труд... С. 116).

²⁹ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Л. 72–73 об.; ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 168. Л. 15–19 об.

³⁰ История Урала: пособие для студентов, учителей и самообразования: в 2 т. Пермь, 1963. Т. I; 1965. Т. II.

никам Института истории с конца 1950-х гг.³¹ Сложившаяся ситуация, как видно из письма Н.И. Павленко М.А. Горловскому от 30 ноября 1959 г., приводила в замешательство московских историков: «Не лучшим образом выглядят и свердловчане, и пермяки хотя бы потому, что оказались неспособными сосуществовать. Я, например, получил приглашение участвовать и в их “Очерках”. В общем, наличие двух центров, намеревающихся реализовать одну и ту же цель, тоже смущает некоторых товарищей»³². По-видимому, к той же мысли о подготовке «Очерков» вместе с пермскими историками склонялся и В.К. Яцунский, который, как и Н.И. Павленко, предпринимал попытки примирить две стороны³³.

Судя по письму Ф.С. Горового В.К. Яцунскому от 9 января 1960 г., первый изначально был не против работать над «Очерками» на паритетных основаниях, однако в таком случае координирующим центром должен был стать Институт истории: «Когда речь шла об объединении сил уральцев, то имелось в виду, что эту миссию возьмет на себя Институт истории, т.е. Москва. В письме же Вы пишете, что по разъяснениям Министерства “центром должен быть Свердловск”. Непонятно, каким критерием пользовался представитель Министерства (кстати, кто он? какого Министерства: союзного или республиканского?), выдвигая такое категорическое утверждение о центре в Свердловске. Что же, в Свердловске лучше количественно и качественно кадры историков Урала, чем в Перми? Посмотрите внимательнее и Вы увидите другое. По-видимому, мнение о Свердловске как центре было поддержано и Вами, не могли же, в самом деле, вести с Вами переговоры и не спросить Вашего мнения. Скорее предположить, что оно было решающим в определении Министерства»³⁴. При этом Ф.С. Горовой подчеркивал, что основная причина недовольства была связана с организационной деятельностью М.А. Горловского: «Но дело даже не столько в Свердловске – географическом пункте, сколько в том, с кем будем иметь дело в этом городе. В Свердловске есть Кривоногов, Вагина³⁵, Кулагина³⁶, Васьковский³⁷, Козлов³⁸, Ефременков³⁹, Генинг⁴⁰ и многие другие честные и добросовестные историки, с которыми пермяки согласны сотрудничать и всегда сумеют договориться. Но в Свердловске есть случайно оказавшийся среди историков юрист»⁴¹.

³¹ АРАН. Ф. 1580. Оп. 4. Д. 110. Л. 13–14; ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 168. Л. 15 об.

³² ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 168. Л. 15 об.

³³ При этом попытки примирения могли быть вызваны, прежде всего, требованиями руководства Института истории АН СССР, как видно, например, из письма А.А. Преображенского М.А. Горловскому (лето 1960 г.): «Насчет “Очерков истории Урала”, видимо, все улаживается. А как дела с пермяками? Договорились ли? Наше участие, как говорилось на совещании в дирекции, должно иметь место в коллективном свердловско-пермско-московском труде» (ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 168. Л. 63).

³⁴ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 452. Л. 8. Из письма Ф.С. Горового также видно, что, по всей видимости, немаловажную роль в продолжении работы над «Очерками» (несмотря на начавшийся в 1958 г. конфликт между уральскими историками) сыграло внимание к проекту властных органов, при этом не только локальных (ранее уже был отмечен интерес к потенциальному изданию со стороны бюро Свердловского обкома КПСС).

³⁵ Вагина Полина Александровна (1911–1970) – историк, доцент кафедры истории СССР УрГУ.

³⁶ Кулагина Галина Александровна (1913–2008) – историк, доцент (1957).

³⁷ Васьковский Олег Андреевич (1922–1995) – историк, профессор (1970); работал в УрГУ в 1953–1970 и 1978–1995 гг.

³⁸ Козлов Анатолий Григорьевич (1925–1984) – историк, профессор (1975); работал в УрГУ в 1962–1975 гг.

³⁹ Ефременков Николай Васильевич (1920–1993) – историк, профессор (1970).

⁴⁰ Генинг Владимир Федорович (1924–1993) – археолог, работал на кафедре истории СССР УрГУ в 1960–1974 гг.

⁴¹ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 452. Л. 8. М.А. Горловский был кандидатом юридических наук. В 1956 г. состоялась попытка защитить докторскую диссертацию по истории «Очерки из социально-экономической истории русского города на Урале (Екатеринбург в XVIII – начале 70-х гг. XIX в.)», которая не увенчалась успехом. Подробнее см.: *Киселев М.А.* «Наша провинциальная жизнь имеет свои теневые стороны...»: конфликт вокруг «нового направления» в Свердловске в переписке В.Я. Кривоногова и Н.М. Дружинина // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840020704-3-1/> (дата обращения: 06.08.2024) (см. абзац 17); *Батищев С.Д.* Защита докторской диссертации уральского историка М.А. Горловского в Московском государственном университете (1956) // Память о прошлом – 2023. Документальное наследие – инструмент в парадигме информационного общества: сб. науч. тр. XII Самарского историко-архивного форума с междунар. участием (Самара, 10–12 октября 2023 г.). Самара, 2023. С. 201–206.

На заседании редколлегии «Очерков» в январе 1961 г. произошла очередная попытка привлечь к работе над двухтомным трудом пермских авторов. Судя по письму М.А. Горловского от 31 января 1961 г., тогда договориться не удалось по тем же причинам: свердловских историков не устроила позиция Ф.С. Горового относительно состава редколлегии, в который предполагалось включить только сотрудников УрГУ и ПермГУ⁴².

Для 1950–1960-х гг. были характерны натянутые отношения среди свердловских историков (в том числе ключевых лиц, причастных к работе над «Очерками»)⁴³. Это, по всей видимости, повлияло на разногласия относительно организационных вопросов в подготовке «Очерков». В.Я. Кривоногов также склонялся к необходимости подготовить труд с пермскими исследователями, что не вызывало одобрения со стороны М.А. Горловского. На конфликт между свердловскими историками указывают письма М.А. Горловского В.К. Яцунскому, а также делопроизводственные материалы редколлегии «Очерков». Так, в январе 1961 г. на заседании партбюро УрГУ В.Я. Кривоногов подчеркивал, что работа над двухтомным трудом шла не лучшим образом и следовало привлечь Ф.С. Горового и других историков ПермГУ⁴⁴. На заседании редколлегии 31 марта того же года В.В. Адамов прочитал постановление кафедры истории СССР (принятое по предложению В.Я. Кривоногова), согласно которому необходимо было реорганизовать редколлегию «Очерков» и вести работу над изданием совместно с пермскими и уфимскими историками⁴⁵. Однако это решение было отменено ректором УрГУ С.В. Карпачевым. В его приказе от 11 апреля 1961 г. решение кафедры называлось «по меньшей мере запоздалым» и его последствия оценивались так: «объективно может лишь дезорганизовать деятельность редколлегии и авторского коллектива»⁴⁶.

Заключение. Приведенные в данной статье материалы показывают сложные взаимоотношения среди уральских историков, которые вылились в конфликт, что в итоге стало одной из основных преград для дальнейшей плодотворной работы над «Очерками». Завершение подготовки двухтомного труда, запланированное на 1960 г.⁴⁷, в дальнейшем неоднократно переносилось. По-видимому, окончательно от проекта было решено отказаться в 1963 г., после начала публикации «Истории Урала» в Перми. Обращает на себя внимание не только близость содержания проектов (судя по плану «Очерков» и «Истории Урала»), но также их целеполагания. Если «История Урала» была опубликована как учебное пособие, то «Очерки» рассматривалось как издание научно-популярного характера, рассчитанное на широкий круг лиц. Таким образом, эти труды имели социально ориентированную направленность и их параллельная публикация представлялась нецелесообразной.

С учетом направленности таких крупных трудов, как «Очерки», на широкий круг читателей, изучение истории их подготовки необходимо для более глубокого понимания способов созидания коллективной памяти в СССР. Как уже подчеркивалось, для второй половины XX в. особый интерес представляют коллективные труды советских исследователей по региональной истории (например, в этот период готовились аналогичные труды по истории Сибири, Дальнего Востока и других регионов). Реконструкция подготовки подобных проектов, анализ обстоятельств и условий создания образа прошлого, который стремились зафиксировать в изданиях, позволит четче понять их целеполагание и проследить связь между многотомными «метанарративами».

Литература

⁴² АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Л. 77–78 об.

⁴³ Подробнее о конфликтах между В.Я. Кривоноговым, М.А. Горловским и В.В. Адамовым см.: *Киселев М.А.* «Наша провинциальная жизнь имеет свои теневые стороны...» ...

⁴⁴ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 451. Л. 77–78, 80–81.

⁴⁵ Там же. Л. 90–91.

⁴⁶ Там же. Л. 89. По-видимому, эта линия ряда сотрудников кафедры истории СССР УрГУ продолжилась и в 1962 г. (Там же. Л. 96).

⁴⁷ Примерный срок окончания отмечен в протоколе совместного заседания кафедр истории КПСС и истории СССР УрГУ от 25 декабря 1957 г. (ГАСО. Ф. Р2112. Оп. 1. Д. 179. Л. 12).

Батищев С.Д. Защита докторской диссертации уральского историка М.А. Горловского в Московском государственном университете (1956) // Память о прошлом – 2023. Документальное наследие – инструмент в парадигме информационного общества: сб. науч. тр. XII Самарского историко-архивного форума с междунар. участием (Самара, 10–12 октября 2023 г.). Самара: РГА в г. Самаре, 2023. С. 201–206.

Бекленищева М.В. Свердловская область в дипломатической истории СССР: визиты первых лиц иностранных государств в регион (1955–1965) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 2. С. 529–570.

Бугров К.Д., Киселев М.А., Маштакова Л.В. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 304 с.

Горловский М.А. Первая межобластная научная конференция по истории Урала // *Вопросы истории*. 1958. № 6. С. 192–195.

История Урала: пособие для студентов, учителей и самообразования: в 2 т. / под общ. ред. Ф.С. Горового. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1963. Т. I: Первобытнообщинный строй. Период феодализма. Период капитализма / ред. тома П.И. Хитров. 499 с.

История Урала: пособие для студентов, учителей и самообразования: в 2 т. / под общ. ред. Ф.С. Горового. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1965. Т. II: Период социализма / ред. тома В.Г. Черемных. 611 с.

Кириллова Н.Б. Уральское кино: вчера, сегодня, завтра // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы XIV Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г.). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. Т. 2. С. 333–343.

Киселев М.А. «Наша провинциальная жизнь имеет свои теневые стороны...»: конфликт вокруг «нового направления» в Свердловске в переписке В.Я. Кривоногова и Н.М. Дружинина // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13, № 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840020704-3-1/> (дата обращения: 06.08.2024).

Координационное совещание по истории советского общества // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 199–201.

Метель О.В. Проблемы координации исторических исследований в СССР во второй половине XX в. // *История науки и техники. Музейное дело. Законы природы и нормы общества: взаимосвязь и взаимовлияние в прошлом и настоящем: мат-лы XV Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 8–9 декабря 2021 г.). М.: Политехнический музей, 2022. С. 183–188.

Мурзин А.Э. Советский миф в судьбе Урала. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 290 с.

Очерки истории Свердловска / ред. колл. Е.Я. Багреев, М.А. Горловский, А.В. Зимин и др. Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1958. 396 с.

Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // *Российская история*. 2021. № 5. С. 144–154.

Холматов Т.К. Незавершенный коллективный труд: подготовка «Очерков истории Урала» в конце 1950-х – начале 1960-х годов (по документам Архива РАН) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2024. Т. 9, Вып. 1. С. 103–118.

Черноухов А.В. Историческое отделение историко-филологического факультета Уральского университета. 1945–1956. Екатеринбург: ВОЛОТ, 2010. 180 с.

References

Bagreev, E.Ya., Gorlovskiy, M.A., Zimin, A.V. etc. (Eds.). (1958). *Ocherki istorii Sverdlovsk* [The Papers on the History of Sverdlovsk]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 396 p.

Batishchev, S.D. (2023). *Zashchita doktorskoj dissertatsii ural'skogo istorika M.A. Gorlovskogo v Moskovskom gosudarstvennom universitete (1956)* [Defense of the Doctoral

Dissertation of the Ural Historian M.A. Gorlovskiy at Moscow State University (1956)]. In *Pamyat' o proshlom – 2023. Dokumental'noe nasledie – instrument v paradigme informatsionnogo obshchestva: sbornik nauchnykh trudov XII Samarskogo istoriko-arkhivnogo foruma s mezhdunar. uchastiem, Samara, 10–12 oktyabrya 2023 g.* Samara, RGA v g. Samare, pp. 201–206.

Beklenishcheva, M.V. (2021). Sverdlovskaya oblast' v diplomaticheskoy istorii SSSR: vizity pervykh lits inostrannykh gosudarstv v region (1955–1965) [Sverdlovsk Oblast in the Diplomatic History of the USSR: Visits of Top Officials of Foreign Countries to the Region (1955–1965)]. In *Historia Provinciae – zhurnal regional'noy istorii*. Vol. 5, No. 2, pp. 529–570.

Bugrov, K.D., Kiselev, M.A., Mashtakova, L.V. (2022). *Stanovlenie opornogo kraya. Industrial'nyy Ural v mobilizatsionnoy kul'ture 1930–1940-kh gg.* [The Formation of the Supporting Edge. Industrial Urals in the Mobilisation Culture of the 1930s–1940s]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 304 p.

Chernoukhov, A.V. (2010). *Istoricheskoe otdelenie istoriko-filologicheskogo fakul'teta Ural'skogo universiteta. 1945–1956* [Historical Department of the Faculty of History and Philology of the Ural State University. 1945–1956]. Yekaterinburg, VOLOT. 180 p.

Gorlovskiy, M.A. (1958). Pervaya mezhoblastnaya nauchnaya konferentsiya po istorii Urala [The First Inter-Regional Scientific Conference on the History of the Urals]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 192–195.

Gorovoi, F.S. (Ed.). (1963). *Istoriya Urala: posobie dlya studentov, uchiteley i samoobrazovaniya: v 2 tomakh* [The History of the Urals: a Handbook for Students, Teachers and Self-education: In 2 Volumes]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. I. 499 p.

Gorovoi, F.S. (Ed.). (1965). *Istoriya Urala: posobie dlya studentov, uchiteley i samoobrazovaniya: v 2 tomakh* [The History of the Urals: A Handbook for Students, Teachers and Self-education: In 2 Volumes]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. II. 611 p.

Kholmatov, T.K. (2024). Nezavershennyy kollektivnyy trud: podgotovka “Ocherkov istorii Urala” v kontse 1950-kh – nachale 1960-kh gg. (po dokumentam Arkhiva RAN) [Unfinished Collective Work: Preparation of “Ocherki istorii Urala” in the Late 1950s – Early 1960s (Documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences)]. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. Vol. 9, No. 1, pp. 103–118.

Kirillova, N.B. (2020). Ural'skoe kino: vchera, segodnya, zavtra [Ural Cinema: Yesterday, Today, Tomorrow]. In *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: materialy XIV Vserossiyskoy. nauchnoy konferentsii*. Yekaterinburg, UMTs UPI. Vol. 2, pp. 333–343.

Kiselev, M.A. (2022). “Nasha provintsial'naya zhizn' imeet svoi tenevye storony...”: konflikt vokrug “novogo napravleniya” v Sverdlovskoy v perepiske V.Ya. Krivonogova i N.M. Druzhinina [“Our Provincial Life Has Its Shady Sides...”: the Conflict over the “New Direction” on Sverdlovsk in the Correspondence of V.Ya. Krivonogov and N.M. Druzhinin]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*. Vol. 13, No. 4 (114) Available at: URL: <https://history.jes.ru/s207987840020704-3-1/> (date of access 06.08.2024).

Metel', O.V. (2022). Problemy koordinatsii istoricheskikh issledovaniy v SSSR vo vtoroy polovine XX v. [Problems of Coordination of Historical Researches in the USSR in the Second Half of the 20th Century]. In *Istoriya nauki i tekhniki. Muzeynoe delo. Zakony prirody i normy obshchestva: vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie v proshlom i nastoyashhem: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Politekhnikheskiy muzey, pp. 183–188.

Murzin, A.E. (2016). *Sovetskiy mif v sud'be Urala* [The Soviet Myth in the Fate of the Urals]. 2nd ed. Yekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet. 290 p.

Tikhonov, V.V. (2021). “S russkim razmahom i amerikanskoy delovitost'yu”: kollektivnye i individual'nye formy organizatsii issledovaniy v Institute istorii AN SSSR [“With a Russian Scope and American Efficiency”: Collective and Individual Forms of Research Organization at the Institute of History of the USSR, Soviet Academy of Sciences]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 144–154.

А.С. Жанбосинова*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРЕНДЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАЗАХСТАНАdoi:10.31518/2618-9100-2024-5-18
УДК 94(5):930

Выходные данные для цитирования:
Жанбосинова А.С. Научно-исследовательские тренды исторической науки Казахстана // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 227–238.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-18.pdf>

S.S. Zhanbossinova*

SCIENTIFIC RESEARCH TRENDS
OF HISTORICAL SCIENCE OF KAZAKHSTAN

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-18

How to cite:
Zhanbossinova A.S. Scientific Research Trends of Historical Science of Kazakhstan // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 227–238.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-18.pdf>]

Abstract. A significant part of state policy has been and still is historical science, which forms the trends of ideological and patriotic education. The cycles of interaction between “history” and “power” in interdisciplinary analysis demonstrate dynamics depending on the current political situation. The purpose of the article is to show the formation of new research trends in historical science and the role of government in the transformation of its content on the example of Kazakhstan. In Soviet times, the mouthpiece of the government was the institute of the party, in which the Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, headed by M. Kozybaev, played a significant role and made a special contribution. Under his leadership, the historical science of Kazakhstan has made a significant breakthrough, not only touching on previously closed topics, but forming the foundations of the academic history of Kazakhstan. The Kazakh historical community has adapted to the new conditions, developing new research directions. The article analyzes the main trends and priorities of the development of historical science in the Republic of Kazakhstan, where an important role was played by a young galaxy of scientists such as N. Masanov, Zh. Abylkhozhin, I. Yerofeeva. The formation of the content of Kazakh history proceeded at a large pace, where science and pseudoscience passed almost side by side, one of the trends was the writing of ancestral history with elements of batyritization. The “battles” for the Kazakh historical science and the works of the young pleiades became the basis of the fundamental historical science of Kazakhstan. The article highlights the role and place of history in the structure of power, in the focus of the participation of research institutions and centers in solving the tasks of state policy on the formation and development of conceptual provisions of national history, national memory. An analytical review of the current situation of the nationalization of history demonstrates the main thematic plots of scientific research and reveals the interaction of departmental scientific institutions with government agencies in the formation of national historiography and the regulation of the content of historical memory.

Keywords: Kazakhstan, historical science, project, grant, competition, government, annual presidential messages, trends and priorities of science.

The article has been received by the editor on 18.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Альбина Советовна Жанбосинова**, доктор исторических наук, профессор, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Аннотация. Значительную часть государственной политики составляла и составляет историческая наука, формирующая тренды идеологического и патриотического воспитания. Циклы взаимодействия «истории» и «власти» в междисциплинарном анализе демонстрируют динамику, зависящую от текущей политической ситуации. Цель статьи – показать формирование новых научно-исследовательских трендов исторической науки и роль власти в трансформации ее содержания на примере Казахстана. В советское время рупором власти был институт партии, в суверенный период особый вклад внес Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова во главе с М. Козыбаевым. С его руководством историческая наука Казахстана совершила значимый рывок, не только затронув ранее закрытые темы, но сформировав основы академической истории Казахстана. Казахстанское историческое сообщество адаптировалось к новым условиям, разрабатывая новые научно-исследовательские направления. В статье проанализированы основные тренды и приоритеты развития исторической науки Республики Казахстан, в становлении которых важную роль сыграла молодая плеяда ученых, таких как Н. Масанов, Ж. Абылхожин, И. Ерофеева. Формирование содержания казахстанской истории шло масштабными темпами, где наука и лженаука проходили практически рядом, одним из трендов стало написание родовой истории с элементами батыризации. «Бои» за казахстанскую историческую науку и труды молодой плеяды стали основой фундаментальной исторической науки Казахстана. В статье освещены роль и место истории в структуре власти, в фокусе участия научно-исследовательских учреждений и центров в решении задач государственной политики по формированию и разработке концептуальных положений национальной истории и национальной памяти. Аналитический обзор текущей ситуации «национализации» истории демонстрирует основные тематические сюжеты научных исследований и выявляет взаимодействие ведомственных научных институтов с государственными органами в формировании национального историознания и регулирования контента исторической памяти.

Ключевые слова: Казахстан, историческая наука, проект, грант, конкурс, власть, ежегодные послания президента, тренды и приоритеты науки.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024 г.

Введение. История и власть – власть и история: эти два понятия всегда шли рядом, являя собой составные части государственной политики. Тема взаимодействия истории и власти актуальна особенно в фокусе историографической аналитики. Содержание историографии вполне естественно показывает существование временных циклов в динамике и смене форм взаимоотношений исторической науки и государственной власти.

Распад СССР и стремительный переход от общесоветской истории к национальной произвел масштабную перезагрузку общественного сознания не без помощи самой власти. Суверенизация детерминировала необходимость интеллектуальных реформ, волна глубинных процессов вынесла на поверхность конъюнктурные исторические темы, имевшие ранее гриф «Совершенно секретно», обусловив «первую архивную революцию». Последующая «национализация» истории, рост национально-патриотических настроений дали толчок к разработке новых научных тем и привели к открытиям, с одной стороны, и обернулись усилиями по целенаправленному удревнению истории государств, в том числе мифологизировав ее, с другой.

Цель статьи – показать формирование новых научно-исследовательских трендов исторической науки и роль власти в этом процессе. Ведущую роль в становлении национальной истории Республики Казахстан сыграл Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова. Созданный как специализированное научное подразделение в 1945 г., он объединил три направления: собственно историю, археологию и этнографию. Становление научных кадров

института происходило непосредственно под контролем власти, инакомыслие наказывалось, свидетельством чему стало одно из громких дел советского времени известного историка Ермухана Бекмаханова, осужденного на 25 лет в 1952 г.

В суверенный этап 1991 г. Институт истории и этнологии в составе Академии наук имел представительский состав именитых академиков, таких как Манаш Кабашевич Козыбаев, Кенес Нурпеисович Нурпеисов, Малик-Айдар Хантемирович Асылбеков и многих других, сыгравших важную роль в формировании исторического сознания и заложивших концептуальные основы истории Казахстана. Несомненно, власть и история шли в одном направлении. М. Козыбаев как директор института входил в состав Национального Совета по государственной политике при Президенте РК. Отметим, что этот этап взаимодействия исторической науки с государственными органами оказался самым результативным и плодотворным.

Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова во главе с М. Козыбаевым инициировал, подготовил и опубликовал классическое пятитомное издание «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней»¹. Спустя 30 лет историки, ученые и преподаватели относят его к лучшим фундаментальным учебным изданиям.

В 1995 г. была принята «Концепция формирования исторического сознания», а 1998 г. объявлен Годом национальной истории. Инициатива государства воспринималась как вполне естественная, оказала определенное влияние на выработку более научно-объективного содержания исторических знаний в интеллектуальном пространстве независимого Казахстана.

С конца 1990-х гг. обозначился новый тренд в исторических исследованиях – центральноазиатский вектор, направленный на поиск истоков и связей с тюркоязычными государствами. Формирование политического блока на платформе общности исторических судеб – идея не новая, однако в условиях центральноазиатского пространства невыполнимая. Первым масштабным исследовательским проектом стала программа 1998 г. «Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств». Геополитический компонент в сочетании с научным историко-культурологическим и туристическим содержанием не учитывал национальную специфику государств Центральной Азии.

На протяжении последнего десятилетия XX в. и первого десятилетия XXI в. приоритеты научно-исследовательской практики историков определялись государственной политикой и формулировались в целевых посланиях непосредственно от главы государства Президента и Государственного секретаря. Одним из таких посланий стала программа «Народ в потоке истории». Затем в 2004 г. была запущена программы «Мәдени мұра» («Культурное наследие»), ее дополнила программа «Архив-2025», целевыми ориентирами которой наметили фонды архивов Ватикана, Японии, Чехии, Франции, Турции, Венгрии, Китая и других стран. В рамках этой программы эксперты и участники архивных экспедиций привезли копии важнейших документов, визуальные фотоисточники, обогатили картографию Казахстана. Сама идея программы, конечно, была актуальна, ее реализация позволила сделать интересные находки и выявить уникальные документы, особенно в тот период ее осуществления, когда в подобного рода экспедициях участвовали специалисты высокого класса, как, например, Н. Атыгаев, Ж. Тулибаева, К. Жумагулов. Однако не всегда присутствовали профессионалы, порой отсутствие подобных специалистов приводило к различным казусам, когда уже известный труд автора XVII в. «Тарих» Шах Махмуд Мирза Фазил Чураса², который в отсканированном варианте представлен в Интернете, выставляется как новое открытие и находка для казахского социума.

Попытку основательно встряхнуть историков предпринял госсекретарь Марат Тажин. 5 июня 2013 г. в ходе расширенного заседания Межведомственной рабочей группы по изучению национальной истории Казахстана он заявил о двух методологических револю-

¹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алматы, 2000.

² Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

циях XX в. и новых задачах, стоящих перед казахстанскими историками. Его идея создания целостной национальной исторической картины так и осталась нереализованной.

Историческая наука продолжала двигаться волнообразными потоками, вектор которых определяли обращения и послания руководства страны. Одним из таких посланий стала программа «Рухани жаңғыру», разработанная на основе положений статьи Н. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», опубликованная 12 апреля 2017 г. В рамках реализации данной программы сформированы Казахстанский институт общественного согласия и региональные центры, активизировавшие краеведческие исследования, в том числе написание и издание региональных учебников «Краеведение».

В 2021 г. вышла статья К. Токаева «Независимость превыше всего» с критической оценкой текущей ситуации и обозначением перспективных линий для развития исторической науки. Президент остановил свое внимание на уроках истории, отметив необходимость формирования исторического сознания, трансляции знаний через киноиндустрию, популяризации исторических знаний, закрытия белых пятен, таких как коллективизация и голод 1928–1934 гг. Следующий этап выработки конкретных действий историков – запуск деятельности госкомиссии по реабилитации жертв политических репрессий.

Одним из трендов казахстанской историографии стали публикации и различные монографические издания, документальные сборники, посвященные Ашаршылыку – голоду, пик которого пришелся на начало 1930-х гг. Тематика, связанная с голодом, в какой-то степени приобрела национально-политизированный окрас. Особо рьяные эксперты приводили цифры от 3 до 5 млн погибших от голода, а также требовали от правительства признание трагедии геноцидом, голодомором. Историческое сообщество по-разному адаптировалось к новым условиям научного сотрудничества, к сожалению, оценка прошлого стала неким водоразделом между объективной историей и фальш-историю. «Бои за историю» становятся данностью текущего времени, однако победителей в этом сражении не бывает. Государство не только регулирует направления, но и регламентирует содержание деятельности исторической науки, форматируя нарративы советского прошлого. В этом русле отметим десяти томное издание «Ашаршылык. Голод. 1928–1934»³, где собраны исторические документы и факты, касающиеся голода 1928–1934 гг. Глубочайший аграрный кризис стал предтечей небывалых экономических катаклизмов, социально-демографических потрясений и масштабного голода в казахской степи. Государственная политика направлена на формирование объективной национальной истории, это очень важный политический тренд Казахстана.

Содержательный анализ научных изысканий исторической науки за последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI в. прозвучал в совместной замечательной работе казахстанских историков Н. Масанова, Ж. Абылхожина, И. Ерофеевой. Опираясь на текущую ситуацию и, вероятно, предполагая ухудшение состояния исторической науки, авторы аргументированно обосновали необходимость создания коллективной монографии, ставшей фундаментальной классикой казахстанской историографии. Профессиональная аналитика авторов увидела зарождающийся тренд, могущий «...в достижении конъюнктурных целей, в том числе политических, использование не всегда достаточно верифицированных, а порой и сомнительных источников, способных привести к новым мифам и неправильному истолкованию и написанию истории, манипуляции общественным сознанием...»⁴. Есть казахстанские историки⁵, публикующие глубокие научные рецензии совместно с зарубежными партнерами на книги отдельных казахстанских авторов, как К. Ускенбай, Р. Хаутала на книгу Буркитбай Аяган «История Улуг Улуса – Золотой Орды». Критический подход авторов и глубокий научный анализ в рецензии, опубликованной в журнале, – большая редкость.

³ Ашаршылык. Голод. 1928–1934. Т. 1–10. Астана, 2021–2024.

⁴ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 3.

⁵ Ускенбай К., Хаутала Р. Рецензия на книгу Буркитбай Аяган «История Улуг Улуса – Золотой Орды». Курс лекций. Алматы: Литера-М, 2020, 224 с. // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Сер.: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. № 138 (1). С. 202–213.

Вероятно, есть надежда на появление нового рецензионного тренда объективной критики научных работ, качество которых порой вызывает сомнения.

Отметим, что Министерство науки и высшего образования Казахстана (далее МНВО), а в частности Комитет по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования проводит инновационную работу по улучшению качества содержания научных журналов и публикуемых научных статей. Идет активное внедрение стандартов известных цитируемых баз, таких как Scopus и WoS, особенно значимое внимание уделяется этике научных публикаций, ранжированию казахстанских научных журналов и пр. Результативность и качество научных публикаций за последнее время повысились. В данном случае речь идет о журналах исторического профиля, где активно публикуются статьи в рамках финансируемых грантовых проектов. Впервые в казахстанской практике в Scopus вошел гуманитарный журнал «Археология Казахстана» (Қазақстан археологиясы)⁶, посвященный актуальным проблемам археологии Казахстана и степной Евразии в целом от эпохи камня до позднего Средневековья и смежных исторических и естественнонаучных дисциплин. Трендом археологической науки Казахстана является поиск тюркских корней во взаимосвязи с эпохой Золотой Орды, процесс развивается в фокусе археологических раскопок и выявления ДНК, генотипа населения, проживавшего и проживающего на территории Казахстана.

Научная деятельность казахстанских ученых определяется политикой государства. Власть понимает необходимость поддержки перспективных талантливых ученых. Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 1 сентября 2020 г. «Казахстан в новой реальности: время действий» дало ежегодную возможность 500 ученым Казахстана проходить стажировку в ведущих научных центрах мира, а также предоставило 1 000 грантов для молодых ученых на исследования по проекту «Жас ғалым» («Молодой ученый»)⁷.

Очередное послание К. Токаева «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны» 1 сентября 2021 г. обозначило важнейшим приоритетом государственной политики развитие науки⁸. Президент отметил необходимость обеспечения ученых достойной зарплатой с включением ее в базовое финансирование, в том числе выделил проблему научно-исследовательских институтов, которые занимаются фундаментальной наукой, обратив внимание на болезненное явление, стыдливо замалчиваемое, – низкие оклады сотрудников, несмотря на наличие ученых степеней и званий, вынужденных подрабатывать в учебных заведениях чтением лекций. Согласно данным национальной статистики, «в сфере науки в 2021 году работали 21 617 научных работников, из них 17 092 специалистов-исследователей. 35 % из них имеют ученую или академическую степень (1 652 доктора наук, 3 838 кандидатов наук, 1 952 доктора философии (далее – PhD) и 55 докторов по профилю). В разрезе возрастных групп: 35 % ученых – до 35-ти лет; 42 % – от 35-ти до 54 лет; 23 % – старше 55-ти лет. Доля женщин составляет 54 %, мужчин – 46 %»⁹.

В послании сформулированы интересные предложения, к сожалению, не получившие реализации, такие как грантовая проектная деятельность с пятилетним финансированием, что позволило усилить результативность и значимость научных достижений. За последние несколько лет правительство усилило финансирование, в 2023 г. было принято решение о выделении 625 млрд тенге на развитие науки в течение трех лет, в дальнейшем планируется планомерное увеличение бюджета науки¹⁰. Помимо решения вопросов финансирования

⁶ Сайт журнала «Археология Казахстана» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archeokz.com/index.php/archeokz> (дата обращения: 10.04.2024).

⁷ Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2020 г. Казахстан в новой реальности: время действий. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 10.04.2024).

⁸ Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2021 г. Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-s-poslaniem-narodu-kazahstana-181421> (дата обращения: 10.04.2024).

⁹ Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 годы. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248#z172> (дата обращения: 12.04.2024).

науки Казахстана, проводилась регламентация статусов научных учреждений, как, например, Национальной академии наук присвоили государственный статус, был сформирован Национальный совет по науке и технологиям при Президенте Казахстана, даже созданы научные советы при областных акиматах.

Высшей научно-технической комиссией при Правительстве Республики Казахстан были определены десять приоритетов развития науки¹¹:

1. Рациональное использование водных ресурсов, животного и растительного мира, экология.
2. Геология, добыча и переработка минерального и углеводородного сырья, новые материалы, технологии, безопасные изделия и конструкции.
3. Энергетика и машиностроение.
4. Информационные, коммуникационные и космические технологии.
5. Научные исследования в области естественных наук.
6. Науки о жизни и здоровье.
7. Исследования в области образования и науки.
8. Исследования в области социальных и гуманитарных наук.
9. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса и безопасность сельскохозяйственной продукции.
10. Национальная безопасность и оборона.

Финансирование науки из республиканского бюджета:

- в 2021–2023 гг. возросло почти вдвое и составило в 2021 г. 71,6 млрд тенге, в том числе по МНВО – 48,6 млрд тенге;
- в 2022 г. – 70,2 млрд тенге, в том числе по МНВО – 53,8 млрд тенге;
- в 2023 г. – 149,4 млрд тенге, в том числе по МНВО – 145,3 млрд тенге¹².

На 2024–2026 гг. были скорректированы приоритеты развития науки:

1. Экология, окружающая среда и рациональное природопользование.
2. Энергия, передовые материалы и транспорт.
3. Передовое производство, цифровые и космические технологии.
4. Интеллектуальный потенциал страны.
 - 4.1. «Интеллектуальный потенциал страны» по направлению «Социальные, гуманитарные науки и искусство».
 - 4.2. «Интеллектуальный потенциал страны» по направлению «Естественные науки».
5. Наука о жизни и здоровье.
6. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса.
7. Национальная безопасность и оборона, биологическая безопасность.

Общая сумма, выделенная на грантовое финансирование на 2024–2026 гг., составила 98 368 707 043,00 тенге, из них на «Социальные, гуманитарные науки и искусство» выделено около 14–15 %.

Для понимания форм и потоков финансирования научной деятельности казахстанских ученых отметим следующее. Программно-целевое финансирование выделяется на проведение стратегических научных исследований в целях решения стратегически важных государственных задач, в том числе национальных научно-технических задач, и осуществля-

¹⁰ Выступление Касым-Жомарта Токаева на заседании Национального совета по науке и технологиям при Президенте Республики Казахстан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-nacionalnogo-soveta-po-nauke-i-tehnologiyam-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-123423> (дата обращения: 10.04.2024).

¹¹ Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 годы. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248#z172> (дата обращения: 12.04.2024).

¹² Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 годы. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248#z172> (дата обращения: 12.04.2024).

ется на конкурсной основе. Программно-целевое финансирование на проведение прикладных научных исследований в сфере национальной безопасности и обороны, содержащих сведения, составляющие государственные секреты, выделяется вне конкурсных процедур по решению Правительства Республики Казахстан. Основаниями программно-целевого финансирования научных исследований являются общенациональные приоритеты, национальные планы развития, планы территориального развития страны, концепция развития отрасли/сферы, национальные проекты, планы развития государственных органов и другие программы, направленные на реализацию стратегически важных государственных задач¹³.

Грантовое финансирование научной и (или) научно-технической деятельности выделяется на проведение научных исследований в целях повышения уровня научно-исследовательских работ, научно-технического потенциала и конкурентоспособности научных организаций и их коллективов, ученых, а также коммерциализацию результатов научной и (или) научно-технической деятельности. Из средств грантового финансирования объявляются конкурсы на грантовое финансирование для молодых ученых¹⁴. Грантовое финансирование проектов коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности осуществляется на конкурсной основе.

В рамках конкурсов на программно-целевое финансирование (ПЦФ) общее количество поданных заявок составило 163, из них 134 (82,2 %) соответствовали требованиям конкурсных документаций. Они направлены на проведение государственной научно-технической экспертизы (ГНТЭ).

По результатам ГНТЭ набрали пороговый балл и получили оценку обоснованности объема запрашиваемого финансирования 99 заявок. Из них решениями Национальных научных советов (ННС) рекомендованы к финансированию 64 заявки или 64,6 % от поступивших на рассмотрение. Сроки реализации одобренных заявок 2022–2023, 2022–2024 и 2023–2025 гг.

По восьми конкурсам Министерство образования и науки РК (МОН РК) и МНВО РК на грантовое финансирование (ГФ) на 2022–2024 и 2023–2025 гг. было подано 7 224 заявки. После проверки на соответствие требованиям конкурсной документации на ГНТЭ было допущено 5164 заявки (71,5 %)¹⁵.

Из 3 369 заявок, прошедших ГНТЭ и оценку обоснованности объема запрашиваемого финансирования, решениями ННС было одобрено 1996 (52,3 %).

Учитывая послание главы государства и текущие задачи по формированию идеологии исторического знания в школьной и вузовской системе, казахстанскими историками разрабатывались темы согласно потребностям и запросам не только власти, но и общественности. Наиболее востребованными научными проблемами стали вопросы истории советского времени.

Советское наследие в исторической памяти Казахстана имело множество белых пятен, к которым можно отнести Голод – Ашаршылы, дебаизацию и бегство казахских кочевников за пределы родины, ссыльных, спецпоселенцев, депортированных, лагеря НКВД. Соответственно темы проектных грантов, предложенные учеными, были ориентированы на местные архивные фонды – в первую очередь, российские архивы – во вторую очередь. Столь активно разрабатываемые темы периода репрессивной политики 1920–1950-х гг. связаны еще и с деятельностью утвержденной К. Токаевым Государственной комиссии по реабилитации жертв репрессивной политики советского государства.

Таблица 1

¹³ Об утверждении Правил базового и программно-целевого финансирования научной и (или) научно-технической деятельности, грантового финансирования научной и (или) научно-технической деятельности и коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности, финансирования научных организаций, осуществляющих фундаментальные научные исследования. Приказ исполняющего обязанности Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 6 ноября 2023 года № 563. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 8 ноября 2023 года № 33613. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033613> (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Данные сайта: ҰМҒТСО. Ұлттық мемлекеттік ғылыми-техникалық сараптама орталығы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncste.kz/ru/main> (дата обращения: 20.04.2024).

- Массовые политические репрессии в Казахстане в 1920–1950-х гг. и процессы реабилитации: создание единой базы данных.
- Архивные документы 1920–1930-х гг. как источник по социально-политической истории Казахстана.
- Силовая модернизация казахского аула: адаптация родо-иерархической структуры к политическим и социальным трансформациям конца 1920-х – начала 1930-х гг.
- Жетысуские деятели движения Алаш: судьбы и наследие.
- Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей и спецпоселений.
- Северный Казахстан в начале XX в.: общественно-политическая деятельность и духовное наследие Алашской интеллигенции.
- Отражение движения Алаш в национальной литературе и портреты представителей интеллигенции.
- Национальная идея и опыт реализации целостности казахской земли (1918–1925 гг.).
- Голод в Туркестанском крае (1920–1930) и его отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии.
- Протестные выступления населения Восточного Казахстана против силовой политики Советского государства в 1928–1931 гг.
- История взаимоотношений Алаш-Орды и правительств Сибири в годы Гражданской войны.
- Спецконтингент Казахстана в «Трудовой Армии» СССР (1941–1956 гг.): советский опыт, уроки, память.
- Казахские женщины – жертвы политических репрессий 1920–1950-х гг. (на основе новых архивных материалов и устных источников).
- Социально-экономический портрет переселенца Казахстана в контексте формирования полиэтнического казахстанского общества (вторая половина XIX – начало XX в.).
- Политические репрессии против сибирских казахов и казахских беженцев в Западной Сибири в 1920–1930 годы».
- Идеи «Алаш» о федерализме, парламентаризме и унитаризме и их практическая реализация в Республике Алаш.
- История репрессий в отношении депортированных народов и священнослужителей в Северо-Казахстанской области (1930–1950-е гг.).

Визуально на первый план выходит информативная метка названий: «Казахстан», «Алаш», «История», все остальные группируются вокруг этих трех маркеров.

Вторым по значимости и степени разработки, курируемой государством, является история формирования Казахского ханства и его основной связующей нити и платформы Улус Джучи. С этой целью был сформирован Национальный курултай, первое заседание которого прошло 16 июня 2022 г. в г. Улутау, новом областном центре, центре Великой степи казахских кочевий. Второе заседание Национального курултая прошло в Туркестане 17 июня 2023 г., духовном центре казахского народа. Третье заседание Национального курултая состоялось 15 марта 2024 г. в городе Атырау, где располагался знаменитый город Сарайшык. Из истории известно, что он был важнейшим административным и торговым центром Улуса Джучи и Казахского ханства, через который пролегал Великий шелковый путь. Официально были выставлены пространственные координаты исторических «пирамид» становления государственности казахского народа, а также создан Институт Джучи как базовый научный

центр по реализации научных исследований. За последнее время были реализованы и реализуются следующие научные проекты:

- Сарыарка как историко-культурный регион Улуса Жошы.
- Золотая Орда и казахская литература начала XX в.: духовная гармония и преемственность традиций.
- Тюркский мир Евразии (V–XIV вв.) по западным историко-архивным источникам и материалам Ватикана.
- Культурно-политические связи Золотой Орды по западноевропейским источникам (XIII–XV вв.).
- Историко-культурное наследие Великой степи в восточных и западноевропейских письменных источниках (перевод извлечений).
- Историческая мысль и традиционная историография в эпоху Золотой Орды.

Основной тренд – история Золотой Орды, Джучи, 800-летие образования Улуса Джучи – озвучен К. Токаевым. Он же в своем выступлении связал историю становления Казахского ханства с историческим наследием Золотой Орды, отметив, что «важно, чтобы восприятие Золотой Орды в мире было неразрывно связано именно с Казахстаном»¹⁶.

В русле указанных трендов Министерство высшего образования и науки поддержало внеконкурсные заявки, связанные с работой государственной комиссии по реабилитации, написанием академического издания по истории Казахстана и вышеуказанным трендом истории Золотой Орды.

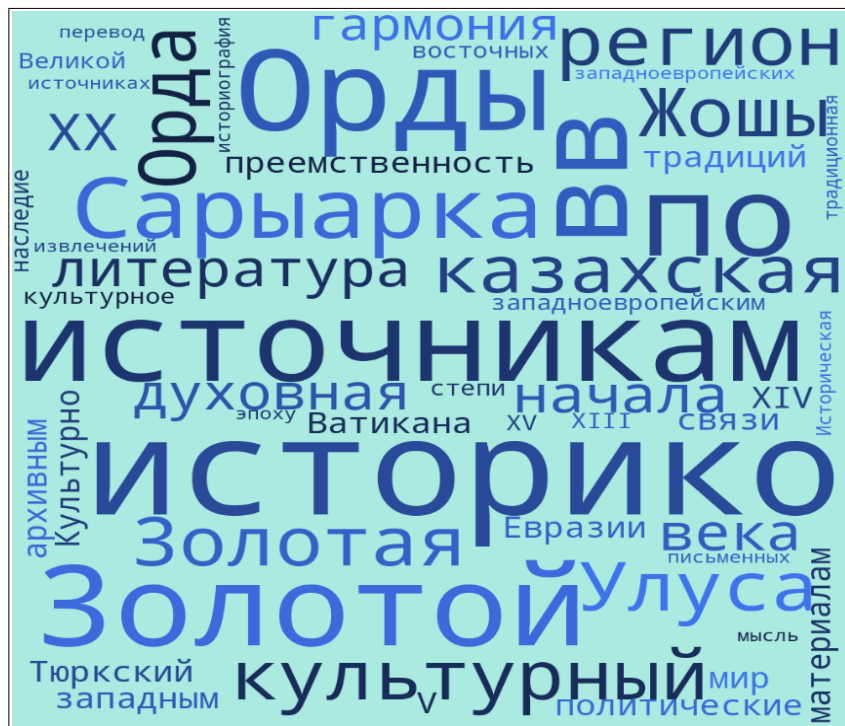

Рис. 2. Ключевые слова историко-тематических проектов по истории Казахского ханства (составлено на основе сайта: <https://wordscound.pythonanywhere.com/>).

¹⁶ Токаев К. Важно, чтобы восприятие Золотой Орды в мире было неразрывно связано с Казахстаном [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/politika/6427642-tokaev-vazhno-chtoby-voospriyatie-zolotoy-ordy-v-mire-bylo-nerazryvno-svyazano-s-kazakhstanom.html> (дата обращения: 20.04.2024).

Таблица 2

Темы внеконкурсных заявок*

Название проекта	Заявитель	Срок	Сумма финансирования, тенге
Великая Степь в контексте этнокультурных исследований	Институт археологии им. А.Х. Маргулана	2021–2022	300 млн
Массовые политические репрессии в Казахстане в 20–50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных	Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова	2021–2023	750 млн
Разработка академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в семи томах	Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова	2021–2023	450 млн
Разработка краткой истории Казахстана для иностранной аудитории	Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова	2021–2022	300 млн

* Составлено по: ҰМҒТСО. Ұлттық мемлекеттік ғылыми-техникалық сараптама орталығы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncste.kz/ru/main> (дата обращения: 20.04.2024).

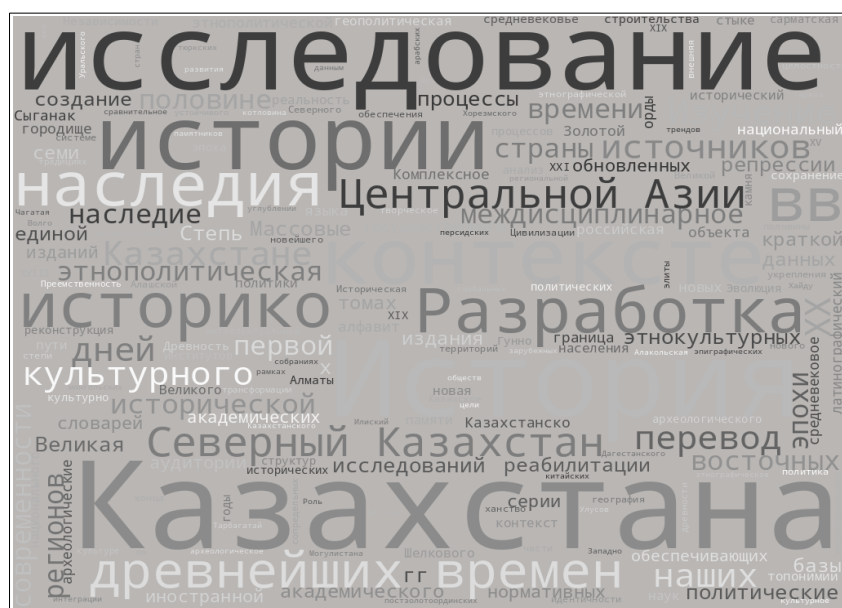

Рис. 3. Ключевые слова внеконкурсных проектов
(составлено на основе сайта: <https://wordcloud.pythonanywhere.com/>)

Заключение. Государство поддерживает историческую науку не только для решения определенных политико-идеологических задач, но и как важнейший инструмент по наполнению конкретным содержанием представлений по насущным проблемным вопросам современности. Тематика проектных нецелевых конкурсов позволяет наблюдать за сменой приоритетов историописания на основе нового прочтения документов архивных фондов. Последнее влияет на учебную историческую литературу, из которой исчезло название «Великая Отечественная война», зато появилась «Вторая Мировая война». Подмена понятий означает перезагрузку содержания темы, в том числе попытки обелить участников Туркестанского легиона. Манипуляция историческими фактами на основе архивных документов,

попытка скорректировать, видоизменить, возвеличить или принизить – это тенденция, идущая «снизу». Большинство профессиональных историков далеки от политики, они занимаются исследовательскими темами, которые им близки и интересны, объективность знания для них превыше всего.

На текущем этапе во взаимодействии государства и исторической науки Казахстана есть свои плюсы и минусы. Существование разночтений и противоречия в трактовках следует воспринимать как данность рабочего процесса. Государство заинтересовано в разработке определенных приоритетных линий, ведомственные научные учреждения выполняют задания на качественном уровне, что приводит заинтересованные стороны к результативному финишу. Власть проводит активный мониторинг содержания выполняемых научных обязательств, соответственно исполнители понимают степень ответственности за достоверность полученных результатов. Однако есть смысл задуматься о целесообразности детальной экспертизы результатов выполнения исторических проектов, финансируемых государством. В целом современное взаимодействие историков и власти представляет собой взаимовыгодный научно-политический контракт, но только в случае соблюдения сторонами принципа объективности и этичности в оценке прошлого.

Литература

Ашаршылык. Голод. 1928–1934: сб. док-тов: в 10 т. / отв. ред. Б. Әбдіғалиұлы. Астана: Атамұра, 2021–2024. Т. 1–10.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. М.К. Козыбаев. Алматы: Атамұра, 2000. Т. 1–5.

Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. 651 с.

Ускенбай К., Хаутала Р. Рецензия на книгу Буркитбай Аяган «История Улуг Улуса – Золотой Орды. Курс лекций». Алматы: Литера-М, 2020, 224 с. // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Сер.: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. № 138 (1). С. 202–213.

References

Abdygaliev, B. (Ed.). (2021–2024). *Asharshylyk. Golod* [Hunger. Collection of Documents: in 10 Vol.]. 1928–1934. Vol. 1–10. Astana, Atamura.

Ibragimov, S.K., Mingulov, N.N., Pishyulina, K.A., Yudin, V.P. (Comp.). (1969). *Materialy po istorii kazahskikh khanstv XV–XVIII vekov (Izvlacheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh khanates of the 15th – 18th Centuries (Extracts from Persian and Turkic Writings)]. Vol. 1–5. Alma-Ata, Science.

Kozybayev, M.K. (Ed.). (2000). *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: v 5 tomakh* [The History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day: in 5 Vol.]. Almaty, Atamura.

Masanov, N.E., Abylkhoshin, Zh.B., Yerofeeva, I.V. (2007). *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazahstana* [Scientific Knowledge and Myth-Making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty, Dyke Press. 296 p.

Uskenbay, K., Khautala, R. (2022). Retsenziya na knigu Burkitbay Ayagan “Istoriya Ulug Ulusa – Zolotoy Ordy. Kurs lektsiy”. Almaty: Litera-M, 2020. 224 s. [Review of Burkitbai Ayagan’s “The Story of Ulug Ulus – The Golden Horde. Course of Lectures”. Almaty: Litera-M, 2022. 224 p.]. In *Vestnik Evraziyskogo natsional’nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. No. 138 (1), pp. 202–213.

Д.О. Никулин*

**«ТРАНСЛЯЦИЯ НАУЧНЫХ ИДЕЙ:
ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКИ»: МОЛОДЕЖНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ СО РАН***Выходные данные для цитирования:**Никулин Д.О. «Трансляция научных идей: проблемы и практики»: молодежная конференция в Институте истории СО РАН // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 239–241. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-19.pdf>*

D.O. Nikulin*

**"TRANSLATION OF SCIENTIFIC IDEAS:
PROBLEMS AND PRACTICES": YOUTH CONFERENCE
AT THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE SB RAS***How to cite:**Nikulin D.O. "Translation of Scientific Ideas: Problems and Practices": Youth Conference at the Institute of History of the SB RAS // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 239–241. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-19.pdf>]*

Abstract. The material presents an overview of the work of the All-Russian Youth Scientific School-conference with international participation "Actual Problems of Historical Research: The View of Young Scientists", held in Novosibirsk from September 18 to 21, 2024, including the composition of participants, the topics of the scientific school, the sections, and the roundtable.

Keywords: Institute of History SB RAS, Council of Scientific Youth, youth conference.

The article has been received by the editor on 03.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен обзор работы Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», состоявшейся в Новосибирске с 18 по 21 сентября 2024 г.: состав участников, тематика научной школы, секций и круглого стола.

Ключевые слова: Институт истории СО РАН, совет научной молодежи, молодежная конференция.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024 г.

21 сентября завершилась работа Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». В 2024 г. тематика конференции была сформулирована как «Трансляция научных идей: проблемы и практики». Впервые в истории конференции заседания секций были организованы в нескольких научных центрах: помимо Института истории

* **Даниил Олегович Никулин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nikdanya@mail.ru
Daniil Olegovich Nikulin, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nikdanya@mail.ru

СО РАН в Новосибирске, секции работали в Томском государственном университете и Сибирском федеральном университете (Красноярск).

Ежегодно конференция привлекает молодых историков из многих городов России, а также зарубежных стран. В 2024 г. в работе конференции в той или иной форме приняли участие 82 исследователя из 13 городов России, а также из Китая. В ходе работы конференции участники получили ценный опыт научного взаимодействия и возможность презентовать свои научные исследования на достаточно высоком научном уровне.

Традиционно первый день конференции представлял собой научную школу-лекторий для молодых ученых с участием ведущих историков России. Открытие конференции состоялось 19 сентября 2024 г. С приветственным словом к участникам обратились председатель Организационного комитета конференции, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, канд. ист. наук Вадим Викторович Журавлев, заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета, д-р ист. наук, профессор Денис Николаевич Гергилев и декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, канд. ист. наук Жанна Анатольевна Рожнева.

В первый день работы школы-конференции состоялись выступления авторитетных ученых в рамках научной школы «Трансляция научных идей: проблемы и практики». Первым выступил д-р ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета Виктор Иннокентьевич Дятлов с докладом «Современный российский университет: взгляд изнутри». Далее выступила д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета Наталья Валерьевна Трубникова с рассказом «Исторические позитивизмы: ярлыки и сущности в историографических дискуссиях», критиковавшим клишированное представление о позитивистском подходе в исторической науке. Третьим выступал канд. филос. наук, заведующий сектором социологии науки и образования Института философии и права СО РАН Анатолий Михайлович Аблажей, призвавший участников научной школы ориентироваться на высокие нормы научности.

Далее состоялся эксперимент, проведенный командой лаборатории исследований ТГУ, продемонстрировавший первые шаги в исследовании и использовании нейрометодов в изучении восприятия нашими современниками образов исторической памяти. В заклю-

чение рабочего дня анализ и реконструкцию обсуждавшихся проблем провел канд. ист. наук Вадим Викторович Журавлев.

20 сентября работа конференции проходила в формате секционных заседаний.

Наибольшее число докладов в этом году представлено на секции «Проблемы взаимоотношений общества и власти» (сопредседатели – канд. ист. наук, нач. отдела подготовки научных кадров Института истории СО РАН М.А. Резникова и канд. ист. наук, доцент кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета Георгий Сергеевич Хорохордин). Участники представили доклады в самых разнообразных хронологических рамках – от античности до периода перестройки; основная проблематика – действия правительств и отдельных государственных учреждений как в России, так и в зарубежных странах.

Секция «История международных отношений и военного дела» (сопредседатели – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН Д.О. Никулин и магистрант Новосибирского государственного университета Д.А. Письмак) также имела очень обширные хронологические рамки – от античности до современности. Особенное внимание (три доклада) было уделено размещенным в Сибири в XVIII – начале XX в. русским войскам.

Доклады секции «История культуры» (сопредседатели – д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета Д.Н. Гергилев и младший научный сотрудник Института истории СО РАН К.Л. Захарова) были главным образом посвящены истории XVIII – начала XX в.

Традиционно практически исключительно историю XX в., в особенности раннесоветский период, рассматривали участники секции «Проблемы социально-экономического развития» (сопредседатели – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН С.В. Шарапов и стажер-исследователь Института истории СО РАН О.В. Ильиных).

После исключения из ее повестки историографии секция «Источниковедение» остается сравнительно небольшой (сопредседатели – канд. ист. наук, заведующий сектором Института истории СО РАН С.Г. Петров и аспирант Института истории СО РАН И.Д. Долгушин). Хотя доклады участников непосредственно посвящены рассмотрению собственно источников, но все же находятся в контексте той или иной исторической, а не исключительно источниковедческой проблематики – над этим аспектом Оргкомитету предстоит работать в дальнейшем.

На заседании круглого стола участники конференции рассказали о проделанной работе и выделили вызвавшие наибольший интерес доклады. Конференция получила положительные отзывы участников, были высказаны пожелания о дальнейшем ее проведении.

Л.Л. Мехришвили
В.П. Карпов*

**ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ КРАЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
КОНТУРЫ БУДУЩЕГО**

Выходные данные для цитирования:

Мехришвили Л.Л., Карпов В.П. Тюменская область: история края, современные проблемы, контуры будущего // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 242–246. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-20.pdf>

L.L. Mekhrishvili
V.P. Karpov*

**TYUMEN REGION:
HISTORY OF THE REGION, MODERN PROBLEMS,
CONTOURS OF THE FUTURE**

How to cite:

Mekhrishvili L.L., Karpov V.P. Tyumen Region: History of the Region, Modern Problems, Contours of the Future // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 242–246. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-20.pdf>]

Abstract. An overview of the work of the International Scientific Conference “Tyumen Region: Historical Retrospective, Realities of the Present, Contours of the Future”, held in Tyumen from September 20 to 21 and dedicated to the 80th anniversary of the Tyumen Region, is presented.

Keywords: Tyumen Industrial University, Tyumen Regional Duma, Tyumen Branch of the Russian Historical Society, International conference.

The article has been received by the editor on 14.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен обзор работы Международной научной конференции «Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего», состоявшейся в Тюмени с 20 по 21 сентября и приуроченной к 80-летию Тюменской области.

Ключевые слова: Тюменский индустриальный университет, Тюменская областная дума, Тюменское отделение Российского исторического общества, международная конференция.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024 г.

* **Ламара Ленгизовна Мехришвили**, доктор социологических наук, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, e-mail: lamara_m@inbox.ru

Lamara Lengizovna Mehrishvili, Doctor of Sociological Sciences, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia, e-mail: lamara_m@inbox.ru

Виктор Петрович Карпов, доктор исторических наук, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, e-mail: 7654321.58@mail.ru

Victor Petrovich Karpov, Doctor of Historical Sciences, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia, e-mail: 7654321.58@mail.ru

14 августа 2024 г. исполнилось 80 лет Тюменской области, занимающей стратегически важное место в региональной структуре России. К юбилейной дате была приурочена Международная научная конференция «Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего» (Тюмень, 20–21 сентября). Организаторы форума (Тюменский индустриальный университет (ТИУ), Тюменская областная дума, Тюменское отделение Российского исторического общества (ТО РИО)) сформулировали цель конференции – обобщение и осмысление исторического опыта развития региона.

Пленарное заседание открыла заведующий кафедрой гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета (ТИУ), д-р социол. наук, профессор Л.Л. Мехришвили. Она рассказала, с какими трудностями столкнулись организаторы форума, почему так важно было объединить усилия для рассмотрения проблем региона и их всестороннего анализа. В работе конференции, проходившей на шести площадках ТИУ, приняли участие очно и в онлайн-режиме более 120 человек из России, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, КНР, США, Франции и Португалии. География российского участия – от Ростова до Салехарда. Ученые разбирались в том, как тихая окраина страны превратилась в один из крупнейших индустриальных центров РФ. Поэтому большое внимание они уделили Тюменскому нефтегазовому северу, проблемам геологии. Наряду с вузовскими преподавателями свои научные разработки представили ученые из академических институтов Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга, Тюмени, архивные, музейные и библиотечные специалисты.

Участников форума интересовало, как оценить современные результаты археологических исследований в Тюмени, почему свернули сибирские порто-франко, что известно о демографических показателях татарского населения Тоболо-Иртышья, в чем причины социокультурного раскола в контексте индустриализации и урбанизации Тюменского севера, как изучается вклад 150 народов в развитие края, почему затянулось восстановление исторических памятников и в частности церквей Тюмени и Тобольска, что известно об экологической судьбе тюменских рек и озер, почему сокращается численность населения нефтяных городов в постсоветский период, в чем особенности демографических показателей региона в XXI веке.

С предложением о сотрудничестве к участникам конференции обратились: С.П. Шилов – председатель совета Тюменского отделения Российского исторического общества, д-р ист. наук В.Ф. Шугля – Почетный Генеральный Консул Республики Беларусь в г. Тюмени,

Г.Н. Чеботарев – председатель Общественной Палаты Тюменской области, д-р юрид. наук Ю.И. Князев – президент Тюменского областного Фонда им. В.И. Муравленко, С.Н. Бастриков – главный редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Нефть и газ», д-р техн. наук, М.М. Мустафаев – глава диаспоры Республики Азербайджан в Тюменской области, представители СМИ.

С научными докладами на пленарном заседании выступили ученые РФ и зарубежья: д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Тюменского научного центра (ТНЦ) СО РАН А.А. Ткачев («Археологические исследования Тюменского посада конца XVI – начала XVII вв.»); д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник центра урбанистики Тюменского государственного университета (ТюмГУ) М.Г. Агапов («Сибирские порто-франко в конце XIX – начале XX вв.: пространственные возможности и инфраструктурные ограничения»); заместитель директора Научно-технического центра «Геодата» И.И. Нестеров («Топливо-энергетический комплекс Тюменского региона как гарант энергетической безопасности страны»); д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина (Москва) В.В. Калинов («О проблемах освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции во второй половине 1960-х гг.»); д-р филос. наук, профессор ТИУ, руководитель центра культуры и познания (г. Ла-Сен-Сюр-Мэр, Франция) В.А. Волкова-Джианнони и аспирантка ТИУ из Ханты-Мансийска Н.В. Сухорукова («Проблемы реконструкции Тобольского кремля: философско-культурологический подход»); д-р ист. наук, профессор ТИУ В.П. Карпов («Югра и Россия (СССР): регион в истории страны, страна в истории региона»); д-р ист. наук, профессор ТИУ Г.Ю. Колева («Нереализованные проекты в истории Тюменской области (1940-е – 1960-е гг.)»).

Из докладов первой секции «Хозяйственное, транспортное, промышленное освоение Зауралья» запомнились доклады канд. ист. наук Ю.В. Евдошенко (журнал «Нефтяное хозяйство», Москва) «О вкладе Главсевморпути в организацию поисков нефти и газа на севере Тюменской области», канд. ист. наук Н.А. Куперштох (Институт истории СО РАН) «История академической науки Тюмени: от Института проблем освоения Севера к Научному центру СО РАН», д-ра ист. наук В.В. Цыся (Нижевартовский государственный университет (НВГУ), Нижневартовск) «К периодизации истории города Мегион».

Самой представительной стала вторая секция конференции «Социальная и культурная динамика региона». Здесь отметились интересными докладами профессора ТИУ: д-р ист.

наук Н.А. Балюк, д-р социол. наук О.М. Барбаков, д-р ист. наук Н.Ю. Гаврилова, д-р социол. наук И.Ю. Фомичев; проф. Сургутского государственного университета (СурГУ), д-р ист. наук А.И. Прищепа; главный научный сотрудник института «СургутНИПИнефть, д-р геогр. наук А.Ю. Солодовников; проф. Инновационного Евразийского университета, д-р экон. наук С.В. Беспалый (Республика Казахстан). Особый интерес вызвал доклад социолога из Португалии «Историко-сравнительный анализ развития корпоративной социальной ответственности в муниципальных образованиях Порту и Тюмени» (Pinho Ana Rita, Trainee Teacher of Universidade do Porto, Master of Business Management (Porto, Portugal)).

В секции № 3 «Регионы в истории страны. Общественная и политическая жизнь региона» запомнились д-р ист. наук С.Н. Гайдин, заведующий кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета («Исторический обзор формирования районов приоритетного развития в Восточной Сибири в императорский и советский периоды») и Е.О. Энстрём (Enstrom Elena Olegovna, English Language Acquisition Instructor of Morton Community College (Cicero, Illinois, USA)), рассказавшая о педагогических династиях Тюмени. Вызвали большой интерес доклады канд. ист. наук К.И. Зубкова (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «Роль Северо-Западной Сибири в российской традиции исследования и освоения Севера» и д-ра ист. наук В.Я. Мауля (филиал ТИУ в Нижневартовске) «Город Тюмень глазами политических ссыльных революционеров-народников 1870–1880-х гг.». Доклад докторов философии по истории А.А. Рзаева и А.Г. Джалилова (Бакинский государственный университет, г. Баку, Республика Азербайджан) был посвящен роли Г.А. Алиева в сооружении БАМа.

В секции № 4 «Пространство города и градостроительство в регионе» новизной подходов в исследовании обратили на себя внимание д-р экон. наук Т.В. Авилова из ТИУ («Пространственная организация общественных центров, их реконструкция и модернизация на примере г. Тюмени») и канд. ист. наук К.А. Анкушева из Тюменского музейно-просветительского объединения («Визуальный образ Тюмени второй половины XX века по материалам наборов открыток»).

В секции № 5 «Историко-культурное наследие края» актуально прозвучали доклады историков ТюмГУ, канд. ист. наук Е.В. Бородулиной и канд. ист. наук А.В. Скочина («Учреждения культуры Тюмени во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов»), доцента ТИУ, канд. ист. наук М.С. Жулёвой («Культура и досуг жителей Зауралья в 1930-е годы»), главного специалиста Библиотеки истории города им. А.И. Текутьева В.П. Литовченко («Тюмень готовится к Рождеству: зимние праздники в Тюмени на рубеже XIX–XX веков»).

В секции № 6 обсуждалась экологическая история региона. Тема особенно важная для Тюменской области, потому что форсированной индустриализацией очень ранних северных территорий региону был нанесен колоссальный экологический ущерб. Самый живой отклик встретили доклады д-ра ист. наук Е.И. Гололобова, профессора Сургутского государственного педагогического университета (СурГПУ) о необходимости восстановления природы Севера, аспиранта СурГПУ М.И. Ляхова («Дискуссии об освоении Среднего Приобья в 1960-х гг. на страницах “Литературной газеты” как отражение советской природопользовательской политики»), канд. ист. наук, старшего научного сотрудника СурГПУ М.С. Мостовенко («Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Тюменском облисполкоме по охране водных ресурсов региона в 1960-е – 1970-е годы»).

Доклады и их обсуждение, дискуссии участников конференции показали, что научный диалог необходимо продолжить в будущем. По итогам конференции принята Резолюция, в которой заявлено о важности изучения не только национальной, но и региональной истории страны, рекомендовано введение в образовательные программы школ и вузов Тюменской области курса «История Тюменского края», подчеркивается необходимость подготовки академического издания истории большой Тюменской области (в этом область отстала от ее северных округов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого).

В итоговом протоколе конференции участники обращают внимание как на необходимость совершенствования вахтового метода в освоении Севера, так и на развитие социальной инфраструктуры северных районов, на нужды местного населения. Потому что отток людей из высоких широт Тюменской области противоречит решению стратегических задач в регионе – экономических и геополитических.

Важнейшей предпосылкой любой экономической деятельности на Севере, считают участники форума, должно быть изучение минерально-сырьевой базы территории. Необходимо вернуться к практике государственного руководства геологией, так как частные компании не справляются с разведкой новых месторождений, с необходимым восполнением запасов нефти и газа. Вместе с тем росту эффективности государственной политики на Севере должны помочь не столько масштабы проектов (что тоже важно), сколько экономические условия и среда. Нужны не только новые «Самотлоры», но и новые технологии. Последнее, считают ученые, важнее.

Сотрудничество представителей науки, производства и власти является важным условием успешного развития региона. Организаторы форума выразили благодарность всем участникам, докладчикам и гостям, принявшим участие в конференции.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ, ДОРОГОЙ НАШ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ!

ПРИМИТЕ НАШИ САМЫЕ ИСКРЕННИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ!

Вы подошли к знаменательному рубежу, ознаменовав свой творческий путь замечательными работами в области социальной истории 1920–1930-х гг., уделив особое внимание истории сибирской высшей школы и сибирской науки, судьбам советской интеллигенции, важнейшему этапу процесса раскрестьянивания, депортаций, социально-трудовых отношений. Вами получены существенные результаты в области изучения раннесоветского общества и сталинизма. Результаты Вашей работы хорошо известны и по достоинству оценены специалистами России и других стран. Вы – авторитетный специалист по отечественной истории, признанный как в России, так и за рубежом. Широта научных интересов наглядно свидетельствует о том, что Вам свойственен научный поиск и активная жизненная позиция.

Мы очень ценим, что Вы связали свою профессиональную жизнь с Институтом истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР, из состава которого в 1990 г. выделился Институт истории СО РАН. За без малого пять десятков лет работы в Институте (с 1976 г.) Вы прошли путь от младшего до главного научного сотрудника. На протяжении своей научной карьеры Вы были не только ученым-исследователем, но также заведующим сектором истории социально-культурного развития, заместителем директора по научной работе, членом Спецсовета по защите докторских диссертаций, входили в состав редакционных советов журналов. Вами внесен значимый вклад в подготовку целого ряда крупных коллективных изданий Института. Документальные издания, подготовленные Вами и научными коллективами под Вашим руководством широко известны в мире и составляют предмет нашей гордости.

Особо следует отметить Вашу роль как преподавателя и наставника, прилагающего постоянные усилия для развития плодотворных связей с Новосибирским государственным университетом в плане подготовки молодых историков.

Сердечно поздравляем Вас, Сергей Александрович, с юбилеем, желаем крепкого здоровья и новых творческих успехов.

*От имени коллектива
Института истории СО РАН*